

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

4/2017

Интересы БРИКС
в Восточной Азии

•

Развитие передовых
технологий в КНР

•

Военная политика
Токно

•

Новое в китайской
политологии

•

СССР и Сунь Ят-сен

1/189 660

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/2017

Июль — Август

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

0402
76
33

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., С.А. Горбунова, д.и.н.,
А.С. Давыдов, к.и.н. (*зам. главного редактора*), В.Г. Дацышен,
д.и.н., проф., А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф.,
А.Н. Карнеев, к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина,
д.полит.н., А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин,
д.и.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева
(*ответственный секретарь*), Н.Л. Мамаева, д.и.н.,
П.А. Минакир, академик РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н.,
А.В. Островский, д.э.н., проф., Л.С. Переломов, д.и.н.,
В.Е. Петровский, д.полит.н., Н.А. Самойлов, д.и.н.,
С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов *зав. отделом Кореи*
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
*зав. отделом истории и
внутренней политики*
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова *экспедитор*
Е.А. Лапшина *зав. редакцией*
Г.П. Манчха *редактор*
Д.Б. Славинский *оператор ЭВМ*
А.Б. Старостина
*зав. отделом идеологии и
философии*
А.В. Шлындов *зав. отделом Японии*

Содержание

ПОЛИТИКА

- Е.И. Сафронова.* Восточная Азия как вектор интересов БРИКС4
Син Юаньюань. О некоторых аспектах и перспективах развития японо-китайских отношений.....13

ЭКОНОМИКА

- А.Н. Вдовин.* Модели фондирования банков развития Китая и Японии: уроки для России24
И.В. Данилин, М.П. Глотова. Развитие передовых производственных технологий в КНР: задачи, результаты, вызовы (на примере робототехники)41
А.Н. Федоровский. Инфляция в контексте перестройки южнокорейской экономики52
Т.С. Мозоль. Предпосылки и актуальные вопросы перехода Samsung Group к структуре холдинга59

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

- Е.И. Кранина.* 13-я пятилетка КНР: разворот к «зеленой экономике».....69

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- Н.В. Анисимцев.* Право торговых марок в КНР и регулирующая роль государства78

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

- В.В. Нелидов.* Военная политика Японии на современном этапе: мотивация, задачи, перспективы88

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- М.А. Петрова.* Теоретические принципы морального реализма (реферат первой главы монографии Янь Сюэтуна «Смещение мировой силы»)97
В.Е. Петровский. Мораль и реализм в международных отношениях: взгляд из Китая.....104

ИСТОРИЯ

- А.В. Ломанов.* Публикации Чжан Вэйцы о политике России в период «Движения за новую культуру»107
Н.Л. Мамаева. Советский Союз в политике Сунь Ятсена (некоторые аспекты)119
Е.В. Ширяева. Японские военнопленные в лагере № 48 НКВД131
М.А. Солощева. О роли института панчен-лам во внутренней политике империи Цин141

КУЛЬТУРА

<i>А.С. Ипатова.</i> Цао Цзинхуа – переводчик, писатель, педагог и общественный деятель. К 120-летию со дня рождения (1897–1987)	150
<i>Е.В. Сенина.</i> Образ России и русских в «Путевых заметках о новой России» Цюй Цюбо	158

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Н.Ю. Демидо.</i> Научная конференция Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН	167
<i>Е.И. Кранина.</i> Научная конференция Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН	174

РЕЦЕНЗИИ

<i>А.О. Виноградов.</i> Новые тенденции и вызовы китайской внешней политики.....	180
<i>В.Я. Портяков.</i> Ключевые политические фигуры в Китае: особенности стилей, структур и процессов при Си Цзиньпине	182
<i>С.А. Горбунова.</i> Сотникова И.Н. Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика	184
Contents	186
Summary	188

Восточная Азия как вектор интересов БРИКС

© 2017

Е.И. Сафронова

В статье рассматриваются интересы в Восточной Азии каждой из стран БРИКС в отдельности и в формате международной коллективной структуры. Автор анализирует различия в их устремлениях в качестве индивидуальных субъектов международных отношений и в контексте интересов БРИКС как целостного интернационального объединения.

Ключевые слова: БРИКС, Китай, Россия, Восточная Азия, интересы.

Фактическое начало международной структуре БРИК (а с 2011 г., после вступления в нее ЮАР — БРИКС) было положено в 2006 г., когда стартовали регулярные встречи министров иностранных дел, затем министров финансов и наконец — глав вовлеченных в формат государств. Первый саммит БРИК (2009 г., Екатеринбург) стал временем оформления этой структуры как неофициального международно-политического объединения.

На внешнеполитическом поприще все страны БРИКС заявляют о своей приверженности следующим принципам: они поддерживают реформационный, а не революционный путь изменения неконструктивных мировых порядков, признают ООН единственным легитимным органом мирового управления, провозглашают приверженность многополярности международных отношений, уважение принципов невмешательства во внутренние дела, равноправия и взаимной выгоды.

Причины объединения столь разных стран — Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки — под одним «знаменем» тракуются по-разному. В качестве основной и общей для всех российские эксперты называют стремление БРИК(С), составив один из полюсов многополярного мира, создать некий противовес глобальному диктату Запада.

Можно согласиться, что роль БРИКС как механизма децентрализации глобальной власти является наиболее востребованной в случае РФ и КНР, но для остальных партнеров более значимыми представляются соображения их международного статуса. Через участие в БРИКС они формально преодолевают стадию борьбы за региональное лидерство и приобретают имидж глобально значимой страны.

Не менее, а, возможно, и более серьезной «стяжкой» служат интересы экономического свойства: надежды на облегченный доступ к китайским инвестициям и поддержку Пекина в международных политических и деловых структурах. Все члены объедине-

ния не удовлетворены практикой ведущих мировых финансовых институций Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка (ВБ) в отношении развивающегося мира, в частности, практикой выделения ими финансовых ресурсов, обусловленного требованиями внеэкономического свойства.

В связи с этим интересы БРИКС логично фокусируются на вопросах реформирования мировой финансовой системы, глобального финансово-экономического управления и механизма принятия решений в связке МВФ — ВБ. Созданный в 2014 г. усилиями стран-участниц Новый банк развития БРИКС призван стать предвестником распада монополии МВФ — ВБ и тем самым улучшить переговорные позиции развивающихся стран в диалоге с мировыми кредиторами.

* * *

Специфика БРИКС заключается в том, что членами этой структуры являются страны-лидеры своих регионов (причем не во всех случаях — безусловные). Но объединение под сенью БРИКС возводит региональных лидеров в статус участников глобально значимого альянса. В этом видится особая ценность БРИКС для Бразилии, ЮАР и даже Индии.

Три члена БРИКС из пяти одновременно являются участниками Шанхайской организации сотрудничества. Однако ШОС — это региональное или трансрегиональное формирование, поэтому статус члена БРИКС представляется в соответствующем контексте более пафосным для международного имиджа страны-участницы.

Стратегические интересы БРИКС как коллективного международного образования в регионе Восточной Азии и интересы в нем каждой страны-участницы — вовсе не одно и то же.

Бразилия. В мире нет ни одного государства, особенно развивающегося, которое могло бы противостоять соблазну «перепрыгнуть» стадию регионального соперничества и сразу выйти на роль глобально признанной державы. Именно такую возможность членство в БРИКС дало Бразилии. Вступив в БРИКС, она сразу и ощутимо сгладила вопрос об условности ее регионального лидерства в Латинской Америке, оспариваемого в частности Аргентиной.

Успехи на международной арене бывшего президента Бразилии Д. Русеф на какое-то время позволили ее администрации отвлечь внимание недружественного правозентристского истеблишмента страны от критики ее внутреннего курса по экономическим проблемам, начавшим стремительно нарастать в последние годы ее правления.

На волне недовольства внутренней политикой экс-президента Д. Русеф к управлению страной пришла правая часть политического спектра Бразилии, что неизбежно повлечет определенную переоценку приоритетов внешней политики страны. Как свидетельствует мировой опыт, там, где к власти приходят правые, следует скоро ожидать переориентации государственного курса на Запад. Поэтому ныне Вашингтон находится в ожидании благоприятных для него изменений в политике Бразилии.

В свое время Соединенным Штатам не могли импонировать внешнеполитические взгляды Русеф в плане поддержки многополярности структуры международных отношений, несовместимой с исключительностью США. Их раздражали и настораживали сотрудничество Бразилии с БРИКС, не совпадающее с интересами Вашингтона и G7, участие страны в капитале Нового банка развития БРИКС (НБР) и созданного Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), могущих поколебать позиции международных финансовых институций, курируемых США; поддержка идеи интеграции Латинской Америки в противовес НАФТА¹, намерение создать альтернативный Интернет-режим, свободный от американского контроля, а также одобрение планов «многовалютных» расчетов, способных «выхолостить» доминирование американского доллара².

689/181

После окончательного смещения 31 августа 2016 г. верхней палатой парламента Бразилии Д. Русеф с поста президента на смену ей пришел М. Темер, который считается сторонником (и даже ставленником) правых сил. В сентябре 2016 г. в китайском Ханчжоу состоялся саммит G-20, где М. Темер был впервые представлен мировому сообществу в своем новом качестве. Эта поездка бразильского президента в Китай была вызвана стремлением заручиться поддержкой широкого числа иностранных торговых партнеров и инвесторов, столь желанной на фоне продолжающихся коррупционных скандалов, протестов несогласных со сменой власти в Бразилии и низкого рейтинга самого М. Темера³.

Согласно официальному заявлению МИД КНР Китай надеется на продолжение взаимовыгодного сотрудничества с новой бразильской властью⁴. Россия также не видит препятствий для взаимодействия с администрацией М. Темера, помня его активную работу на посту сопредседателя высокоуровневой Российско-Бразильской комиссии по сотрудничеству. Она поддерживает стремление Бразилии стать постоянным членом СБ ООН. Бразилия занимает 1-е место среди стран Латинской Америки в товарообороте с РФ⁵.

Тем не менее, 12 мая 2017 г. Бразилия объявила о предстоящем сокращении ее доли участия в АБИИ в силу внутренних экономических трудностей⁶, что можно трактовать и как «реверанс» в сторону США, недовольных «прокитайским» галсом Бразилии в предыдущие годы.

Однако, как бы ни развивались далее события на бразильской политической арене, вряд ли новая администрация откажется от участия Бразилии в БРИКС, ибо под «зонтиком» этой структуры стране удалось значительно улучшить свой международный имидж и расширить сотрудничество с КНР, Россией, Индией и ЮАР, не вызвав явного противодействия США. Маловероятно, что новая власть захочет лишиться внешнеполитических и экономических преимуществ, которые способно дать членство в БРИКС. Ведь бразильские эксперты усматривают в этом формате «самый важный и перспективный» механизм эффективного экономического партнерства, когда-либо созданный странами мирового «Юга»⁷.

Россия. Членство в БРИКС видится немаловажной опорой усилиям нашей страны на мировой арене, особенно в условиях западных санкций и обструкций. В текущих обстоятельствах ключевой интерес РФ в БРИКС сосредоточен на экономических возможностях этого объединения, возросших с созданием Нового банка развития (НБР) и Пула условных валютных резервов с совокупным объемом ресурсов в 200 млрд долл.

НБР — инструмент БРИКС по финансированию проектов в области транспортной и энергетической инфраструктуры не только в государствах-членах, но и в других развивающихся странах. Ожидается, что площадкой его деятельности станут Африка и Латинская Америка, поскольку Азия окажется в зоне активности Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Это обстоятельство сгладит вопрос о возможной конкуренции двух структур, особенно в свете того, что обе они являются частями единого начинания по диверсификации числа международных кредиторов, вызванного к жизни ригидностью Международного валютного фонда⁸.

Ныне Россия рассчитывает на финансирование внутренних проектов как со стороны НБР БРИКС, так и АБИИ. Путем сотрудничества с этими двумя дружественными структурами Россия обретает возможность получить инвестирование своих начинаний в обход МВФ, то есть без практикуемого Фондом вмешательства во внутреннюю политику стран-дебиторов. Уже сейчас у РФ есть перечень из 37 проектов (в основном — инфраструктурных), готовых к внесению в Новый банк развития⁹.

Кроме того, в апреле 2016 г. ОАО «Российские железные дороги» направило заявку на финансирование из НБР ряда инициатив, включая высокоскоростную магистраль «Москва — Казань», развитие портовой инфраструктуры, а также участие РЖД в проектах в Бразилии и Индии. Общий объем запрошенного финансирования пока не сообщал-

ся. Еще в 2015 г. РЖД обсуждало возможность участия в модернизации и строительстве железнодорожной инфраструктуры в Индии, а в Бразилии — проекты сооружения железных дорог стоимостью 7–10 млрд долл. Высказываются планы сделать участок «Москва — Казань» частью высокоскоростной магистрали (ВСМ) «Москва — Пекин» и в целом — проекта «Новый Шелковый путь»¹⁰, хотя транспортно-экономическая целесообразность подобных задумок по-прежнему подвергается серьезному сомнению.

Цель Пула валютных резервов — придание экономическим системам стран-участниц финансовой устойчивости через взаимное предоставление их центробанками средств в долларах США при возникновении проблем с долларовой ликвидностью, платежным балансом, незапланированными оттоками капитала, при снижении сальдо по текущему счету и пр. Значение Пула велико и в силу того, что для защиты от курсовых колебаний РФ и КНР начали практику международных расчетов в юанях и рублях¹¹.

Проще говоря, ныне БРИКС в определенном смысле становится одним из механизмов прорыва санкционной блокады нашей страны.

Индия. Как и для любой развивающейся страны, вопрос международного авторитета является для Индии весьма чувствительным. Членство в БРИКС предоставляет ей возможность повысить свой международный престиж без особых экономических и политических затрат. Статус члена БРИКС становится для Индии неким компенсатором неудач в вопросе вхождения в СБ ООН на постоянной основе, дает безупречное «оправдание» более тесному сотрудничеству с РФ и Китаем, раздражающему ряд международных партнеров Индии, включая США, а также некоторые круги внутренней оппозиции. Участие в многочленной структуре глобальных амбиций способно служить иллюстрацией многовекторности внешней политики любого государства. И Нью-Дели это обстоятельство, видимо, тоже учитывает¹². Да и экономический потенциал Группы также не оставляет Индию равнодушной.

Китай. Соображения международного имиджа и престижа по-прежнему весьма актуальны для КНР. Кроме того, Пекин осознает, что любые дела на мировой арене или внутри страны легче продвигать сообща. Коллективный формат придает большую весомость и даже легитимность многим международным проектам.

Поэтому даже великому Китаю удобнее заявлять о своих интересах по пересмотру ряда мировых порядков не в одиночку, а в составе группы единомышленников. Видимо, БРИКС призвана быть коллективным выразителем нужных установок, а также поддерживающей средой, в которой КНР выполняет волеизъявленную роль лидера, а не рядового члена.

Через БРИКС Китай получает возможность совершенствовать свой международно-управленческий опыт, «обкатать» некоторые элементы своих существующих или планируемых проектов. Так, есть мнение, что АБИИ создавался Пекином с учетом наработок по формированию НБР БРИКС и что Банк развития станет «тренировочной площадкой» для подготовки финансовых управленцев из КНР и других стран-участниц¹³.

ЮАР. Как и в случае с Бразилией, весомым побудительным мотивом вступления в БРИКС стали интересы обретения ЮАР хотя бы подобия глобального политического статуса. Однако главная причина обусловлена все же внутренними сложностями. Именно они вынудили власти страны ускорить поиск внешних источников купирования внутренних хозяйственных проблем. Курс на присоединение к БРИК был взят во многом для того, чтобы перевести фокус внимания политических оппонентов с углубляющихся экономических проблем на успехи международной активности. Ныне южноафриканская бюрократия считает НБР БРИКС высокопотенциальным источником финансирования, свободным от «условностей бреттон-вудских учреждений» по линии МВФ — ВБ¹⁴.

* * *

Интересы БРИКС в Восточной Азии как коллективной структуры имеют свою специфику.

Следует отметить, что региональная проблематика ВА не может не касаться БРИКС, ибо две ее страны-участницы — Китай и РФ — географически и исторически принадлежат региону. Поэтому справедливо утверждать, что Россия и КНР — это носители интересов БРИКС в ВА и что именно через эти две страны БРИКС «пускает корни» в восточноазиатскую почву.

Определенно можно вычленить главный стратегический интерес БРИКС в Восточной Азии: все участники этой структуры заинтересованы в стабильности и экономической состоятельности региона. РФ и Китай в силу собственных понятных устремлений, другие участники БРИКС потому, что с партнерами из предсказуемого региона легче строить политические отношения, выгоднее торговать, проще решать инфраструктурные и транспортные вопросы.

Думается, однако, что этот генеральный интерес является ныне единственным, хотя и вобравшим в себя много аспектов и нюансов. Реальной общей повестки БРИКС в Восточной Азии пока не существует. И этому есть целый ряд причин.

Во-первых, экономические связи стран-членов между собой и с государствами Восточной Азии по-прежнему поддерживаются сугубо на двусторонней основе. Коллективного экономического сотрудничества в БРИКС не просматривается и долго еще не будет, поскольку двусторонний формат хозяйственного взаимодействия вполне обеспечивает потребности сторон на нынешнем уровне. Другими словами, сейчас он оптимален.

Во-вторых, хотя и говорится, что БРИКС достигла заметных успехов на мировой политической арене, включая вопросы безопасности, однако до реальной консолидации позиций государств-членов предстоит еще долгий путь.

Так, еще в бытность БРИК (в 2010 г.) РФ и Китай проголосовали в СБ ООН за введение санкций против Ирана, вызванных негибкостью позиции ИРИ по вопросу ее ядерной программы. Бразилия же выступила против соответствующей резолюции. Далее, в 2011 г. (когда ЮАР присоединилась к БРИК), Бразилия, РФ, Индия и Китай не поддержали резолюцию СБ ООН по военной интервенции в Ливии, а ЮАР выступила «за».

В 2012 г. Индия одобрила проект резолюции, внесенной на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН Лигой арабских государств и касающейся передачи власти в Сирии от Б. Асада его заместителю. Остальные страны БРИКС выступили против¹⁵.

В 2014 г. все члены БРИКС (кроме России) воздержались при голосовании в ООН по вопросу о признании итогов референдума в Крыму¹⁶, и Россия не получила их однозначной поддержки.

В 2016 г. в ходе саммита БРИКС на Гоа (Индия) четко проявилось несовпадение позиции России, продолжающей контртеррористическую операцию в Сирии, и Индии, которая отстраняется от констатации вынужденности бомбардировок позиций боевиков запрещенных в РФ и ООН террористических организаций.

Кроме того, Индия, которой ближе позиция США и Японии по проблеме территориальных споров в Южно-Китайском море, откровенно не разделяет взглядов КНР на постановление Гаагского суда, не признавшего легитимными территориальные претензии Китая в ЮКМ¹⁷.

Хотя все страны БРИКС в декларациях по итогам саммитов регулярно признают необходимость реформы СБ ООН, РФ и Китай, даже будучи постоянными членами Совета Безопасности и зная о заветном желании Индии войти в него, не предпринимают решительных шагов по расширению его состава.

Все государства БРИКС выступают за нераспространение ядерного оружия. Тем не менее Индия не подписала ДНЯО, а Бразилия не ратифицировала дополнительный

протокол к этому договору. Противоречиво отношение КНР и Индии к Договору о всеобщем запрещении ядерных испытаний¹⁸.

Это только несколько примеров несоответствий в позициях стран — участниц БРИКС на мировой арене. И нет никакой гарантии, что такие несовпадения не будут иметь место и впредь. БРИКС — неформальное объединение, решения которого, даже если и принимаются на высшем уровне и единогласно, не являются обязательными и не лишают его членов самостоятельности в выборе международного курса и партнеров. В этом и сила, и слабость БРИКС.

В-третьих, действительно, на всех саммитах БРИКС было высказано и документально зафиксировано единство стран-участниц по вопросам поддержания международной безопасности в сфере противостояния традиционным и нетрадиционным угрозам¹⁹. Однако единодушные относительно содержания официальных деклараций еще не означают равную степень заинтересованности государств-членов в проведении ожидаемых мероприятий на практике.

Так, угроза терроризма остается важной проблемой для Индии, которая, по состоянию на 2016 г., занимает 8-е место в Глобальном индексе террористических угроз (у Китая — 23-е, а у России — 30-е место²⁰). А вот для Бразилии и ЮАР эта проблема менее остра: 74-е и 38-е места соответственно среди 124 стран в 2015 г. (данные за 2016 г. пока не поступили)²¹.

Проблема пиратства также малоактуальна для ЮАР и Бразилии в силу неразвитости морской торговли как таковой (для Южной Африки) или удаленности от основных маршрутов вооруженного морского разбоя (Бразилия).

Киберугрозы не представляются важными для Южной Африки ввиду ее отставания от мировых показателей интернет-внедрения и пользования мировой сетью. А вот проблемы транспортировки и оборота наркотиков и транснациональной организованной преступности, нелегальной миграции формируют зоны озабоченности всех государств БРИКС, хотя порой и носят для них дискретный или ограниченный характер. Поэтому представляется важным выбрать точные направления «главного удара» в работе БРИКС в сфере безопасности, чтобы избежать распыления усилий Группы и снижения ее и так сомнительной практической эффективности²².

Таким образом, различная для стран-членов актуальность продекларированных сфер сотрудничества — еще одна помеха для формирования общей повестки БРИКС в Восточной Азии.

В-четвертых, созданию единой платформы БРИКС в ВА препятствует незавершенность процесса институционализации этой структуры. Хотя высказывается мнение, что учреждение Нового банка развития стало свидетельством становления БРИКС как полноценной международной инстанции²³, однако, на наш взгляд, этого недостаточно. Институционализация — это принятие основополагающих документов (Хартии, Устава и др.), выстраивание и закрепление жизнеспособной управленческой структуры международного органа со своим чиновничьим аппаратом — штаб-квартирой, рабочим секретариатом, подразделениями, ответственными за конкретные направления деятельности, с бюджетом на административные и организационные цели и проч. В БРИКС этого пока нет.

Отсутствие такой управленческой «подпорки» объясняется, видимо, следующими причинами:

– БРИКС пока не имеет направлений коллективной деятельности, которые перешли бы в практическую плоскость (хотя консультаций и согласований много); поэтому постоянный аппарат организаторов-координаторов еще не востребован;

– Группа знает примеры того, что самостоятельная или двусторонняя активность стран-участниц по целому ряду векторов обладает вполне достаточной эффективностью, и это не делает неотложной коллегиальную работу;

– БРИКС в своей работе вольно или «подсознательно» рассчитывает на потенциал других международных структур, членами которых параллельно являются ее страны-участницы (ООН, ШОС, ИБСА). Ведь недаром же БРИКС, не имея собственного Устава, действует в опоре на Устав ООН. Актуальность изыскания внешних «подпорок» обостряется в связи с осложнением внутриэкономического положения ряда стран БРИКС.

Можно сказать, что удельный вес БРИКС в мировом хозяйстве растет: если в 2007 г. доля БРИКС в глобальном ВВП составляла менее 24%, то в 2016 г. она превысила 31%²⁴. Однако произошло это за счет высоких темпов роста КНР и Индии. В 2016 г. ВВП Индии вырос на 7,4%, Китая — на 6,7%, однако темпы роста ЮАР оставались на уровне 0,28%, а экономика Бразилии сократилась еще на 3,6%²⁵. Не все просто и в российской экономике.

Видимо, когда БРИКС перестанет быть «форумом по обсуждению проблем»²⁶, а станет структурой по их конкретному практическому разрешению, тогда сама жизнь заострит вопрос о создании аппарата Группы и придания ему всех необходимых функций. Интересы жизнеспособности и долгосрочности БРИКС рано или поздно потребуют перевода ее деятельности в плоскость материально ощутимых усилий. На саммите в Гоа (2016 г.) В.В. Путин выразил надежду на скорое согласование плана действий, которые позволят приступить к практической реализации Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2020 года, принятой в Уфе годом ранее²⁷. Тогда же впервые о результатах своей деятельности отчиталось руководство недавно созданного Банка развития БРИКС: были выданы первые кредиты и выпущены юаневые облигации, ожидается выпуск долговых обязательств в рупиях и рублях. Принято решение о передаче в эксплуатацию консорциуму стран БРИКС золоторудного Ключевского месторождения в Забайкальском крае (РФ) и одобрена новая концепция его разработки²⁸.

В Гоа была достигнута договоренность и об учреждении Рейтингового агентства БРИКС как еще одной вехи на пути к институционализации Группы. По словам премьер-министра Индии Н. Моди, строительство институтов — главная цель усилий стран БРИКС²⁹ на текущем этапе. Также было условлено учредить Центр сельскохозяйственных исследований и ускорить создание сети железных дорог БРИКС.

Однако насколько скоро и полно эти решения будут переведены в практическую плоскость — покажет время.

Пока же БРИКС остается неформальным международным консультационным образованием со свободным режимом обсуждений. Объединение изначально и создавалось как механизм согласования позиций, в основном в сфере международной безопасности, выработки единых или близких подходов к противодействию традиционным и нетрадиционным международным угрозам³⁰. И то обстоятельство, что полномасштабной институционализации БРИКС все еще не произошло, остается очевидным препятствием на пути ее коллективной работы, в том числе и по Восточной Азии.

В-пятых, еще одной сложностью на пути формирования общей платформы БРИКС в ВА представляется разногласия и лабильность членов Группы в выборе их ведущих международных партнеров. Не может быть гарантий тому, что при изменении мировой политической и/или экономической конъюнктуры предпочтения некоторых стран БРИКС не сместятся в иную сторону мирового кооперационного спектра.

Так, Бразилия по-прежнему придает важное значение курсу на заключение полномасштабного торгового соглашения с Евросоюзом, связанным с НАТО. Если это соглашение будет заключено, активность Бразилии в БРИКС может быть значительно снижена. И само членство Бразилии в БРИКС способно резко подстегнуть ЕС к заключению такого соглашения, но только в том случае, если БРИКС покажет свою конкурентоспособность. Пока же интеграция с ЕС носит для Бразилии приоритетный характер по сравнению с отношениями с Россией³¹ и даже с Китаем. Думается, что в результате прихода

к власти правых сил риск перекоммутации интересов Бразилии в сторону ЕС существенно возрастет, хотя официальный выход страны из БРИКС остается маловероятным.

Не добавляет спокойствия и заметный проамериканский крен Индии и сохраняющийся прозападный — ЮАР. Думается, что те страны БРИКС, для которых вопрос противостояния «мировому гегемонизму» не является ключевым, в принципе более склонны к ситуативным сменам своих партнерских симпатий.

На настоящий момент ни Россия, ни Китай не используют и не могут использовать БРИКС в качестве рычага давления на сложившийся азиатский порядок. Слишком сильны позиции США и Японии в АТР, слишком много проамерикански настроенных игроков на континенте, и еще слишком мал внутренний и внешний потенциал БРИКС, чтобы играть роль противовеса существующим в Азии тенденциям и реалиям.

Существует также риск того, что масштабные проекты, инициированные Китаем, войдут в противоречие друг с другом, что приведет к их взаимному ослаблению. Так, интересы строительства Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), трактуемого Китаем как часть ЭПШП, уже нанесли ущерб внутреннему спокойствию в БРИКС и ШОС: Индия выразила крайнее недовольство прохождением маршрута КПЭК через Гилгит-Балтистан — спорные индийско-пакистанские территории, отказавшись от участия в международном форуме «Один пояс, один путь», организованном Пекином в мае этого года.

БРИКС не консолидирована, не имеет атрибутов постоянной международной структуры, а экономическое сотрудничество в ее рамках, хотя и представлено многими важными сферами, не носит коллективного характера. По сути, объединение не имеет общего сплачивающего ядра, кроме стремления позиционировать себя в качестве нарушителя финансово-инвестиционной монополии МВФ — ВБ.

В силу вышеизложенного думается, что в ближайшем будущем экономическая сфера останется «витриной» деятельности БРИКС, поскольку она интересна всем членам «пятерки» и прежде всего — на двустороннем уровне. Здесь можно ожидать приращения статистических показателей, а также причисления наработок двусторонних торгово-экономических связей к успехам всей БРИКС для иллюстрации ее продуктивности.

Что касается весомости политических шагов, то здесь следует ожидать определенной стагнации в силу целого ряда причин: незаконченности процесса институционализации БРИКС, непостоянства внешнеполитических предпочтений некоторых стран-членов, отсутствия безусловной для всех области коллективного сотрудничества, а главное — крайне малой вероятности создания общей субструктуры безопасности (пусть не высокой стратегической безопасности, но хотя бы экономической, продовольственной, экологической и т.п.). А ведь только наличие такой инкорпорированной субструктуры возводит международное объединение в ранг глобального «игрока», формирующего политические решения.

1. НАФТА (North American Free Trade Agreement, NAFTA) — соглашение о свободной торговле между США, Канадой и Мексикой.
2. *Steinbock, Dan*. The Struggle for Brazil — And against the BRICS. URL: <http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/the-struggle-for-brazil-and-against-the-brics/>
3. *Педанов Е.* Внешняя политика Бразилии после Дилмы Руссеф //Международная жизнь. 21.09.2016. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/16007>.
4. Приводится по: *Педанов Е.* Указ. соч.
5. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/16007>.
6. URL: <http://www.swissinfo.ch/rus/>
7. BRICS na linha de mira: o império ataca no Brasil. URL: <http://www.patrialatina.com.br/brics-na-linha-de-mira-o-imperio-ataca-no-brasil/>

8. См.: *Самофалова О.* Страны БРИКС повзрослели// Взгляд. Деловая газета. 10.07.2015.
9. URL: <http://www.vz.ru/economy/2015/7/10/755333.html>.
10. URL: <http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBNovBric/4B326A1BE9339BCA43257F8E00495060>.
11. Деловая газета. 10.07.2015.
12. См. мнение П. Топычканова в: Зачем нужен БРИКС Бразилии, России, Индии и Китаю? URL:<http://carnegie.ru/publications/?fa=60614>; см. также: *Уянаев С.В.* Сотрудничество в формате БРИКС в контексте основных тенденций современного мира//Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVI. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 44–74.
13. Зачем нужен БРИКС Бразилии, России, Индии и Китаю? URL:<http://carnegie.ru/publications/?fa=60614>. См. мнение А. Габуева; а также Сайт ИА Deutsche Welle. URL: <http://dw.com/p/1FwH3>.
14. URL: <http://www.iarex.ru/articles/52384.html>.
15. *Старчак М.В.* БРИКС: общие и частные угрозы международной безопасности // Вестник международных организаций. 2014. № 4. С. 161.
16. URL: <https://www.politforums.net/crimea/1459155237.html>.
17. *Сизэки Тао.* Страны БРИКС: различие подходов и систем. URL: <http://inosmi.ru/politic/20161020/238053692.html>.
18. *Старчак М.В.* Указ. соч. С. 161.
19. См., в частности: VI Cúpula do BRICS — Declaração de Fortaleza. URL: http://brics.itamaraty.gov.br/pt_br/imprensa/comunicados-de-imprensa/215-vi-cupula-do-brics-declaracao-de-fortaleza; Уфимская декларация. VII саммит БРИКС. Полный текст. 9 июля 2015 года. URL: <http://bricslive.ru/live/ufimskaya-deklaraczija>; Goa Declaration at 8th BRICS Summit. URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/27491/Goa_Declaration_at_8th_BRICS_Summit.
20. Global Terrorism Index 2016, top 50 countries. URL: <https://www.statista.com/statistics/271514/global-terrorism-index/>
21. Global Terrorist Index. Institute for Economics and Peace. Sidney, NY, Mexico City, 2015. P. 90,91. URL: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/Global-Terrorism-Index-2015.pdf>.
22. См.: *Старчак М.В.* Указ. соч. С. 173.
23. *Ню Хайбинь.* Играет ли группа БРИКС роль в делах Азии? URL: <https://iorj.hse.ru/2015-10-2/152401895.html>.
24. Саммит БРИКС. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53101>
25. URL: <https://charter97.org/ru/news/2017/4/6/246067/>
26. *Старчак М.В.* Указ. соч. С. 173.
27. Саммит БРИКС. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53101>
28. *Торин А.* VIII саммит БРИКС: в защиту принципа равноправного и суверенного сотрудничества. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/16183>
29. URL:<http://www.rodon.org/polit-161018121947>
30. Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf>
31. *Ehrmann E.* Russia and Brazil — What Will Come After Rousseff? URL: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=7542#top-content

О некоторых аспектах и перспективах развития японо-китайских отношений

© 2017

Син Юаньюань

В статье анализируются причины ухудшения японо-китайских отношений в последнее десятилетие. По мнению автора, главной из них стала психологическая неготовность Японии к быстрому возвышению Китая, породившая устойчивое негативное восприятие Пекина как соперника за лидерство в Азии. Предлагается подходить к двусторонним отношениям «со стратегической высоты» ради их стабилизации, идти на взаимные уступки и работать над созданием антикризисных механизмов для предотвращения опасного обострения конфликтов в различных сферах.

Ключевые слова: Япония, Китай, двусторонние отношения, пути улучшения.

После завершения холодной войны, с выявлением заметных различий в динамике развития Китая и Японии, отношения двух стран вступили в период существенной чувствительности и волатильности. Китайско-японские отношения, характеризующиеся высокой степенью взаимозависимости и одновременно — углублением конкуренции во многих сферах, превратились в последние годы в одни из самых сложных двусторонних отношений в мире. Вслед за изменениями международной обстановки эти отношения проходят в настоящее время через долговременный этап стратегического противостояния и борьбы.

Стратегическое видение Китая в Японии

Усиление и подъем Китая и относительное ослабление Японии весьма контрастируют друг с другом. Возвышение Китая оказало глубокое воздействие на бытующие в Японии представления о нем. За период 1980–2014 гг. соотношение ВВП Китая и Японии изменилось с всего лишь 27,9% до двукратного превышения. Очевидным контрастом выступает также снижение доли Японии и рост доли Китая в мировой торговле. Степень опоры Китая на Японию во внешней торговле заметно упала, а степень опоры Японии на Китай, напротив, значительно выросла. Перед лицом неуклонно растущей комплексной мощи Китая Япония в весьма изощренной манере стремится сдерживать его с использованием идеологических, военных и иных рычагов. Особое место в ухудшении отношений с Китаем отводится провоцированию споров об островах Дяоюйдао¹.

Факторы ухудшения китайско-японских связей действуют постоянно. Те или иные исторические проблемы, столкновение сегодняшних интересов и трения стратегий будущего развития, переплетаясь друг с другом, с разных сторон воздействуют на двусторонние связи. В японском обществе возникли настроения «неприятности к Китаю», согласно опросам населения, образ Китая весьма негативен. В 90-е годы 20-го столетия до-

Син Юаньюань (жен.), научный сотрудник Института всемирной истории Академии общественных наук Китая. E-mail: xingyu@cass.org.cn.

ли японцев, относившихся к Китаю с симпатией и считавших его «близким», и, напротив, не симпатизировавших соседу, колебались вокруг пятидесятипроцентного показателя. Начиная с 2004 г. негативное отношение к Китаю резко усилилось. С 2010 г. число японцев, испытывающих близость и симпатию к Китаю, не достигает 20%. Число тех, кто считает отношения с Китаем хорошими — менее 10%. Почти 90% населения негативно относится к нему². Повторяющиеся телепередачи о «приближении» к Японии китайских самолетов и военных кораблей, угрожающих Дяюйдао, о нападении на японцев разгневанного китайского населения, о порче японских товаров подпитывают у японских масс чувство страха и неприязни по отношению к китайцам. Нередко негативную информацию о Китае японские СМИ передают в отдельном виде, а позитивную — в связи с информацией по Азии или странам БРИКС. Такие сообщения ухудшают впечатление японского народа о Китае. Согласно опросу, проведенному в 2014 г. газетой «Чайна Дейли» и японской неправительственной организацией «Суждения», негативно к Китаю относятся 93% японцев, а некоторые даже опасаются военного столкновения с ним. Ухудшение общественного мнения Японии о Китае стало важным фактором, ограничивающим здоровое развитие китайско-японских отношений.

Столь существенные перемены в японском обществе прямо связаны с раскручиванием концепции «китайской угрозы». Долгое время занимавшая место лидера Япония с трудом принимает ослабление ее преимуществ — вплоть до замещения ее на позиции лидера Китаем. Очень многие опасаются, что усилившийся Китай может начать мстить. Японское правительство проводит в отношении Китая весьма жесткую политику и даже пытается взаимодействовать с другими странами в воспрепятствовании процессу возвышения КНР. Конфронтационный настрой и практические действия Японии свидетельствуют, что она не желает принимать и признавать факт возвышения Китая, боится, что Китай превзойдет ее, полагает, будто усилившийся Китай сохранит заикленность на историческом прошлом и не будет способен к прощению и пощаде. В сегодняшней Японии почти повсюду присутствует тень Китая. В таких газетах, как «Ёмиури симбун», «Асахи симбун», «Нихон кэйдзай симбун», почти каждый день публикуются материалы о Китае, касающиеся экономики, политики, дипломатии и даже повседневной жизни китайского народа. Возвышение Китая предстает уже не как далекое явление, а как сегодняшняя реальность, влияющая на повседневную жизнь японцев. Поэтому можно представить тревогу в японском обществе, вызванную возвышением Китая. Из-за отсутствия достаточной психологической подготовки и провокационной деятельности СМИ в японском обществе ширится недовольство Китаем вплоть до появления чувства, будто Китай обижает Японию. В японских СМИ Китай рисуется как надменная, злопамятная отсталая страна, увязшая в собственной истории и отличающаяся великодержавной идеологией права сильного. Плюс к этому китайские СМИ делают чрезмерный акцент на правых тенденциях в Японии и выпячивают в своих материалах о ней те или иные негативные моменты. В такой ситуации у многих японцев возникает четкое осознание «китайской угрозы».

Такое психологическое состояние используется японскими консерваторами. Среди японских политиков возник разрыв поколений по отношению к Китаю: современные политики часто критикуют политиков прошлых лет за проводившуюся ими «особую политику» на китайском направлении, которая привела к тому, что Китай встал на путь проведения агрессивной политики в отношении Японии. Японские специалисты по обеспечению безопасности подчеркивают, что с быстрым развитием экономики Китай становится все более уверенным, его внешняя политика постепенно отходит от стратегического курса «стремиться ничем не проявлять себя», выдвинутого Дэн Сяопином, обретает более активный характер и признаки великодержавной самоуверенности. Перед Китаем стоит выбор: проводить ли более «агрессивную» или в большей мере адаптационную внешнюю политику, при этом вероятность выбора в пользу «ревизионистской» политики весьма велика³. Кое-кто даже считает, что возвышение Китая является «ревизио-

нистским вызовом» международному порядку, что в конце концов существующий международный порядок будет полностью опрокинут. Китай, базируясь на экономическом росте, навязал США «силовую» конкуренцию, с тем чтобы сменить США на Китай в качестве центра международного порядка. Между Китаем и США обязательно будет столкновение, это только дело времени. На данном политическом фоне Синдзо Абэ четко определил сдерживание Китая в качестве цели внешней политики. Если США скрытно выступают против Китая, то Абэ открыто рассматривает Китай как соперника и старается добиться цели сжать его стратегическое пространство с помощью углубления дипломатической активности в соседском окружении Китая⁴.

Стратегия правительства Абэ в отношении Китая основывается на политической консолидации внутри страны и опоре на укрепление японо-американского союза с целью окружения Китая. Япония провозгласила политику «позитивного пацифизма» и постепенно совершенствует базу реализации данной политики, включая учреждение Собрания по обеспечению национальной безопасности, разработку стратегии обеспечения национальной безопасности, резолюцию кабинета министров о снятии запрета на коллективную самооборону и др. Япония глубоко осознала, что невозможно конкурировать с Китаем своими силами, необходимо объединиться с США, чтобы «работать» с Китаем. Поэтому Япония укрепляет союз с США в качестве стратегической опорной точки, стремится усилить военное сотрудничество между Японией и США, перетягивает США на свою сторону, чтобы сдерживать Китай. Япония считает, что соседи Китая (особенно Индия, Австралия, Филиппины и т.д.) придерживаются сходных взглядов и стремится использовать их в качестве стратегической поддержки в деле создания гибкой структуры для сдерживания Китая с японо-американским союзом в качестве ядра. В то же время, что касается улаживания двусторонних отношений, то Япония, с одной стороны, отрицает существование спора о суверенитете над островами Дяоюйдао, а с другой стороны, непрерывно подчеркивает, что обе страны должны развивать диалог о содействии экономическому сотрудничеству, пытаюсь сформировать общественное мнение, будто бы это Китай ухудшает китайско-японские отношения. Таким образом, китайско-японский конфликт возник одновременно на таких трех уровнях, как различие в понимании истории и в системе ценностей, силовое противостояние в Азиатско-Тихоокеанском регионе, столкновение конкретных интересов по проблемам территории, территориального моря, торгово-экономического сотрудничества и т.д. Цель долгосрочной стратегии Японии в отношении Китая состоит в том, чтобы путем раздувания теории «китайской угрозы» выйти за ограничительные рамки конституции у себя в стране и играть более активную роль в международном сообществе. Для достижения вышеназванной стратегической цели Японии необходимо опираться на США, использовать США и быть послушной США, при этом одновременно в полной мере раздувать и использовать версию «китайской угрозы», всесторонне использовать сомнение и страх японцев по отношению к Китаю, чтобы создавать трудности Китаю и использовать их. В результате Япония надеется на возникновение нестабильности в Китае и отвлечение его внимания.

Конечно, Япония не отрицает важности Китая, фактически более 70% японцев подчеркивают важность китайско-японских отношений, однако Японии трудно смириться с фактом подъема Китая. Как писал в 2004 г. японский историк Мидзогути Юдзо, «для Японии экономическое наступление Китая является ударом по ее восприятию Азии и мировоззрению в целом, все новые китайские успехи приносят Японии неопишущую боль». Японское общество слишком чувствительно относится к возвышению Китая, и его реакция далека от нормальной. Хотя многие по-прежнему подчеркивают важность сохранения хороших отношений между Китаем и Японией и считают, что обе страны должны оставить позади XX век и параллельно поддерживать японо-американский союз и нормальные китайско-японские отношения, но тенденции долгосрочной стратегии Японии в отношении Китая уже сформировались, плюс к тому лишь небольшая часть

японской элиты может мыслить о китайско-японских отношениях с исторической и макроэкономической точки зрения, так что сложившуюся ситуацию изменить непросто.

Такая стратегическая ситуация серьезно влияет на китайско-японские экономические отношения. Японские коммерческие круги были важной силой в деле продвижения дружбы между Японией и Китаем, но политические споры вокруг храма Ясукуни и островов Дяоюйдао принесли политические риски для японских компаний, что повлекло за собой диверсификацию инвестиций многих японских компаний⁵. В 2014 г. инвестиции Японии в Китае значительно снизились. Японские предприятия инвестировали в 653 проекта в Китае — на 30,8% меньше по сравнению с предыдущим годом. Фактическая сумма инвестиций составила 4330 млн долл., снизившись на 38,8%. Опрос, проведенный мозговым центром CSIS-Nikkei в конце 2012 г., показал, что убежденность японских бизнесменов в важности Китая в качестве производственной базы и рынка сбыта значительно снизилась, и их коммерческий интерес к Китаю резко охладел. Что касается Китая как производственной базы, то 76% опрошенных считают, что «хотя пока без Китая как производственной базы не обойтись, но в будущем не обязательно будет так же». 65% опрошенных полагают, что «важность Китая как рынка будет снижаться»⁶. После вступления Абэ в должность он активно поощрял японские компании расширять инвестиции в Юго-Восточной Азии, Индии, Африке и Европе, чтобы уменьшить экономическую зависимость Японии от Китая. Одним словом, японская стратегия сдержек и противовесов применительно к Китаю распространяется и на экономическую сферу, что приводит к снижению объема двусторонней торговли, сокращению инвестиций Японии в Китае и возникновению ситуации «холода в политике и прохлады в экономике». Экономические отношения не смогли выявить свою роль «балласта», используемого на судах для придания им устойчивости.

Стратегический компромисс в китайско-японских отношениях

С момента окончания холодной войны китайско-японские отношения неизменно оставались весьма сложными. Особенно с 2012 г. стратегические суждения Японии о Китае постоянно оставались негативными, и двусторонние отношения ухудшились до низкой точки. В 2014 г. Китай и Япония достаточно ясно выразили желание способствовать стабильности двусторонних отношений, особенно Абэ неоднократно заявлял на различных международных форумах о стремлении провести саммит глав двух стран. Инциденты опасного сближения китайских и японских военных самолетов заставили две страны в конце мая — начале июня 2014 г. обратить серьезное внимание на двусторонние отношения. После этого китайско-японские отношения начали развиваться «со дна», признаки смягчения постепенно появились в политической, экономической и других областях, включая сферу безопасности. Начала формироваться ограничительная линия для предотвращения серьезного китайско-японского конфликта.

Во-первых, с 2014 г. число неформальных контактов и встреч между Китаем и Японией на международных площадках постепенно увеличилось, особенно значимы были две встречи министров иностранных дел во время саммита министров иностранных дел АСЕАН в августе 2014 г. и на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2014 г. В двустороннем формате заметно оживились контакты между членами правящих партий, обмена между дружественными группами и экономическими группами, а также обмена между местными правительствами. В начале мая 2014 г. Чжан Дэцзян, председатель Постоянного комитета ВСНП, встретился с японской делегацией Союза депутатов за японо-китайскую дружбу во главе с Масахико Кимура, вице-президентом Либерально-демократической партии Японии. В конце сентября вице-премьер Госсовета КНР Ван Ян встретился с делегацией Японо-китайской экономической ассоциации и выразил надежду на скорейшее восстановление китайско-японского экономического диалога на высоком

уровне⁷. В конце октября Председатель КНР Си Цзиньпин встретился с бывшим премьер-министром Японии Ясуо Фукуда в Пекине. Эта встреча привлекла большое внимание китайской, японской и международной общественности. На основе вышеупомянутого прогресса, с помощью интенсивных дипломатических консультаций и дискуссий по различным каналам, 7 ноября 2014 г. в Пекине член Госсовета КНР Ян Цзечи и глава Японского национального управления по обеспечению безопасности Масатаро Ямаути провели переговоры. Обе стороны достигли консенсуса по четырем принципиальным вопросам: обе стороны согласились соблюдать принципы и дух четырех основополагающих китайско-японских политических документов* и продолжать развивать китайско-японские стратегические взаимовыгодные отношения. Стороны договорились о преодолении политических препятствий, влияющих на двусторонние отношения, действуя в духе «уважая историю, обратиться к будущему». Обе стороны признали, что в отношении напряженной ситуации вокруг островов Дяоюйдао Восточно-Китайского моря в последние годы существуют различные позиции. Страны согласились предотвращать ухудшение ситуации путем диалога и переговоров и создать механизм кризисного контроля, чтобы избежать внезапных инцидентов. Обе стороны согласились использовать различные двусторонние каналы и постепенно возобновить диалог по проблемам политики, дипломатии и безопасности, стремиться создать политическое взаимодоверие. На основе этих достижений Си Цзиньпин и Синдзо Абэ встречались 10 ноября 2014 г. во время неформальной встречи лидеров АТЭС и 22 апреля 2015 г. во время саммита лидеров стран Азии и Африки, они обменялись мнениями об укреплении диалоговых механизмов, увеличении доверия и устранении подозрительности. Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай готов работать с Японией для превращения консенсуса «Китай и Япония являются партнерами по сотрудничеству, а не взаимной угрозой», записанного в четвертом китайско-японском политическом документе, в общую формулу широких общественных кругов. Абэ пообещал, что японская сторона готова реализовать четыре принципиальных консенсуса и активно продвигать обмены и диалоги между двумя странами в различных областях, укреплять взаимопонимание между народами двух стран, продолжать придерживаться оценок предыдущих правительств по историческим вопросам, включая «Заявление Томиити Мураяма», и Япония намерена продолжать идти по пути мирного развития. 14 августа 2015 г. в специальном выступлении в ознаменование 70-летия окончания Второй мировой войны Абэ открыто использовал термины «агрессия», «колониальное господство», «извинение» и другие слова, формально отразившие раскаяние Японии по отношению к войне. 3 сентября 2015 г., в речи, посвященной 70-летию победы в китайско-японской войне и во Второй мировой войне Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай всегда придерживается пути мирного развития, независимо от уровня развития, Китай никогда не будет стремиться к гегемонии, никогда не будет заниматься экспансией, никогда не будет навязывать свой опыт другим народам. 1 ноября 2015 г. шестая встреча глав правительств Китая, Японии и Южной Кореи состоялась в Сеуле. Китайский премьер Ли Кэцян был приглашен на встречу с Абэ. Абэ подтвердил, что Япония готова неуклонно следовать принципам четырех японо-китайских политических документов и, следуя базовым путем формирования между Японией и Китаем стратегических взаимовыгодных отношений, будет продолжать совершенствоваться и развивать двусторонние отношения.

Во-вторых, что касается вопроса о безопасности, то достижение китайско-японского консенсуса по четырем принципиальным вопросам означает установление начального контроля над кризисом в сфере безопасности между двумя странами и отход китай-

* Совместное заявление Чжоу Эньляя и Танака об установлении дипломатических отношений между КНР и Японией; Договор о мире и дружбе от 12 августа 1978 г.; Совместная декларация 1998 г. и Совместное заявление Ху Цзиньтао и Ясуо Фукуда о всестороннем развитии взаимовыгодных стратегических отношений. — Прим. ред.

ско-японских отношений от самого опасного периода. Спор вокруг островов Дяоюйдао положил начало нынешнему китайско-японскому кризису в сфере безопасности, и вслед за возникновением данного кризиса морская зона вокруг островов Дяоюйдао стала рассматриваться как зона наиболее высокого напряжения и риска. Тем не менее после напряженной конфронтации и трений на ранней стадии кризиса, хотя обе страны еще не достигли какого-либо официального соглашения, между Китаем и Японией постепенно сформировалось определенное молчаливое согласие и, благодаря самоограничению обеих сторон и введению некоторых мер по контролю над кризисом, ситуация на островах Дяоюйдао постепенно стала относительно стабильной. Правоохранительные суда китайской морской полиции и береговой охраны Японии сохраняют безопасную дистанцию, обе страны не посылали военных для вмешательства в ситуацию и не предпринимали попыток высадиться на островах. Начиная с 2014 г. частота крейсирования правоохранительных судов двух стран внутри 12 морских миль от островов Дяоюйдао снизилась по сравнению с 2013 г. В китайских и японских СМИ больше не появлялись сообщения об опасном сближении кораблей и самолетов двух стран в данной морской зоне. Постепенно снизились трения двух стран в других регионах Восточно-Китайского моря и в открытых водах западного участка Тихого океана. Очевидно, что обе стороны приняли более разумную политику и укрепили контроль за рисками. В начале 2015 г. министерства обороны Китая и Японии возобновили диалог о механизме связи на море, который был прерван на три года, и достигли консенсуса по содержанию и техническим вопросам механизмов воздушной и морской связи оборонных ведомств. В обозримом будущем проведение консультаций и создание механизма контроля над кризисом вряд ли будут идти гладко, возможность возникновения между двумя сторонами чрезвычайных ситуаций на море все еще существует, однако вероятность вспышки серьезного военного конфликта значительно снизится, двусторонний диалог по вопросам безопасности может быть постепенно восстановлен. Конечно, до того как будет создан механизм управления кризисом, значительные риски безопасности в связи с многочисленными морскими спорами между двумя сторонами все еще существуют.

Наконец, обе стороны признали, что экономическое сотрудничество должно играть роль стабилизатора двусторонних отношений, и его развитие соответствует интересам обеих стран. Китайско-японские торгово-экономические отношения имеют прочную основу, обе страны находятся на разных стадиях развития, существует сильная взаимодополняемость в торгово-экономическом сотрудничестве, а взаимовыгодное сотрудничество в таких областях, как энергосбережение и охрана окружающей среды, «зеленое развитие», низкоуглеродная экономика, новейшая наука и техника, финансы, также имеет хорошие перспективы. Японские деловые круги отметили, что после повторного вступления в должность Абэ поощрял японские компании идти в Юго-Восточную Азию, Индию, Африку, Европу, но в конце концов понял, что фокусом сотрудничества является Китай, потому что в Юго-Восточной Азии, Индии и Африке не сформировались необходимые для глубокого сотрудничества производственные цепочки, достаточная инфраструктура и отряды качественных технических специалистов. Одновременно Япония изменила подходы к развитию своего рынка, надеясь шире привлечь иностранные инвестиции и ожидала, что Китай увеличит инвестиции в Японии. По японской статистике, в 2013 г. инвестиции Китая за рубежом составили 107,844 млрд долл., инвестиции Китая в Японию составила 434 млн долл., занимая всего 0,4%. В 2013 г. Япония привлекла иностранные инвестиции в сумме 2,358 млрд долл., из которых инвестиции Китая составили 140 млн, или 5,9%. В 2014 г. Япония привлекла иностранные инвестиции в размере 9,646 млрд долл., в том числе Китай инвестировал 595 млн, или 6,2%. Следует отметить, что инвестиции Китая в Японию через третьи страны не включены в статистику. Для Японии китайские инвестиции — это нечто новое, народные массы еще не почувствовали их появление, но частота контактов между китайскими предприятиями и Японской

организацией по развитию внешней торговли (ДЖЕТРО) уступает лишь США, интерес Китая к инвестициям в Японию являлся достаточно высоким.

С другой стороны, в ситуации не слишком активной работы правительств свой весомый вклад вносят китайские и японские деловые круги⁸. В частности, когда китайско-японские отношения стали напряженными, японские экономические организации активно продвигали двусторонние обмены, играли позитивную и конструктивную роль. В 2013 г. масштабная делегация японских экономических групп посетила Китай. В сентябре 2014 г. Японо-китайская экономическая ассоциация направила самую большую делегацию в истории в Китай, это показало желание японских экономических кругов добиться расширения взаимовыгодного сотрудничества двух стран в различных областях. Кроме того, политика китайского правительства также успокоила японские предприятия: когда в 2012 г. антияпонские настроения китайского народа повысились, китайское правительство не поддержало враждебную политику в отношении японских предприятий, а, напротив, встало на их защиту. После визита Абэ в храм Ясукуни японские предприятия беспокоились об экономических санкциях Китая, но более бурная и напряженная ситуация в Китае не возникла. Япония четко осознала отношение Китая к Японии, в т.ч. принцип «отделения экономики от политики». В сентябре 2014 г., когда японская экономическая делегация посетила Китай, китайский министр торговли Гао Хучэн четко выразил свою точку зрения о нежелании видеть влияние политики на экономику. На этой основе сформировалась отправная точка для выхода китайско-японских экономических отношений из ситуации «заморожков». Ясутика Хасэгава, председатель японской фармацевтической компании Takeda Pharmaceuticals Co. Ltd, отметил, что надеялся на появление «политической холодности» в другом смысле, а именно: стараться сохранить спокойствие в области политики с тем, чтобы развивать достойное экономическое сотрудничество. Он считает, что экономическое влияние Китая и Японии огромно, только взаимовыгодная экономика содействует бесприоритетному миру⁹.

Конечно, «лед в метр толщиной образуется не за один морозный день». В краткосрочной перспективе китайско-японским отношениям трудно вернуться на стратегически взаимовыгодную трассу, для стабилизации двусторонних отношений еще требуется определенный процесс¹⁰. Конечно же, возвращение к стратегическим взаимовыгодным отношениям является ожиданием обеих сторон, но в будущем несколько лет отношения между двумя странами будут развиваться в направлении «политической прохлады и экономической теплоты». Необходимо продолжать принимать меры по ликвидации когнитивных разрывов и способствовать сотрудничеству в областях с низким уровнем политического влияния (low political issue-areas) с тем, чтобы на основе ведущей цели — стабилизации двусторонних отношений — направить две страны на проведение прагматичной и рациональной политики и постепенно восстановить нормальные межгосударственные отношения.

Дальнейшее развитие китайско-японских отношений

Нынешний Китай развивается по пути превращения из глобальной крупной страны в глобальную мощную державу, стратегические интересы страны быстро распространяются во всем мире, его стратегическая сила мирным путем проецируется на всю международную систему. Некоторые державы и соседние страны не могут адаптироваться к росту Китая и различными способами проявляют тревогу, сомнения и даже страх. В связи с подъемом Китая Япония не только страдает от «синдрома стратегической тревоги», но и активно пользуется этой ситуацией, пытаясь добиться таких целей, как изменение конституции, усиление военных приготовлений, избавление от послевоенных структур и др. Исходя из этого, эпоха китайско-японских стратегических столкновений

и борьбы только начинается, двусторонние отношения будут продолжать подвергаться сложному регулированию.

Китайско-японские отношения обладают большим запасом прочности, практически маловероятно, чтобы Китай и Япония превратились в два враждебных государства или чтобы между ними случилась крупномасштабная война. Однако существующее положение двусторонних отношений не внушает людям оптимизма. Обе страны прекрасно понимают, что от хороших китайско-японских отношений выигрывают и та, и другая, а противостояние наносит вред обоим государствам. Так что задача со стратегической высоты найти пути стабилизации китайско-японских отношений на определенный период времени станет важной проблемой, стоящей перед Китаем и Японией. Г-жа Юко Обути, член японской палаты представителей, отметила, что «японо-китайские отношения столкнулись с тяжелой ситуацией, мы должны хладнокровно и осторожно воспринимать ее. Однако стоя лицом к будущему, мы не должны быть пессимистами, мы сталкиваемся со многими проблемами, но это заставляет нас прилагать непрерывные усилия и накапливать опыт, непрерывно добиваться успехов». Такое положительное и прагматичное отношение заслуживает поддержки. В целом, китайско-японские отношения переживают длительный процесс исторической реконструкции, а умение помнить историю и ориентироваться на будущее проверяет способности и стратегическую мудрость политических лидеров двух стран. Перед лицом меняющейся ситуации в Японии и ее стратегической ориентации Китай должен найти достойный ответ. Его основные стратегические компоненты должны быть такими.

Во-первых, нужно всесторонне укрепить себя. Стратегия последовательного мирного развития Китая как раз и представляет собой основу реагирования на меняющуюся ситуацию в Японии, обеспечение стабилизации и развития китайско-японских отношений. С одной стороны, Китай стоит перед лицом значительных возможностей дальнейшего развития. В результате тридцатилетнего бурного развития Китай добился замечательных достижений в различных областях, по общему масштабу экономики вышел на 2-е место в мире, совокупная государственная мощь Китая значительно выросла, жизнь народа непрерывно улучшается. Китай определил величественные цели «двух столетий» (столетия со дня основания КПК и со дня провозглашения КНР. — Прим. ред.) и наметил направления будущего развития. В настоящее время изменения в глобальном экономическом управлении предоставляют уникальную возможность для участия Китая в разработке международных правил и новую возможность для участия Китая в общем развитии вместе с миром. С другой стороны, то, каким именно образом китайская экономика, находящаяся в ситуации так называемой новой нормальности, сможет добиться продолжительного устойчивого развития, является ключевой трудной проблемой развития нынешнего Китая. В то же время еще большую сложность являет собой международная стратегическая среда, с которой сталкивается Китай. Версия «китайской угрозы» и версия «китайской ответственности» переплетаются между собой. Разница существует между желанием, способностью Китая нести международную ответственность и ожиданиями международного сообщества. Повышаются опасения международного сообщества по поводу подъема Китая. Соседское окружение становится для Китая все более сложным. В связи с этим Китаю необходимо придерживаться пути мирного развития, сосредоточить внимание на развитии, активно нести международную ответственность. Только таким образом Китай может развиваться в такую мировую державу, которая получит признание и уважение международного сообщества. Китай должен не только учиться опыту Японии в процессе развития, но и извлечь урок из ошибок, сопровождавших усиление Японии — не зазнаваться в пору расцвета, не впадать в бесчинство, идти путем устойчивого продолжительного сбалансированного развития и всесторонне укреплять себя. Так называемое всестороннее самоусиление также включает необходимость крепко запомнить историческое поучение: «воинственность несет гибель страны, а забвение о войне

несет опасность». В отношении возможности конфликта вокруг островов Дяоюйдао мы должны усилить свои силы военного устрашения, надлежащим образом вести военную подготовку. В то же время надо эффективно наращивать «мягкую мощь» Китая и совершенствовать модель ее трансляции вовне, а также сформировать конструктивный, открытый и инклюзивный образ страны. Его основой является отказ Китая от психологии «столетнего позора и унижения», а также способность реагировать на меняющуюся международную обстановку с позиций зрелого менталитета великой державы. Основные признаки зрелого менталитета великой державы проявляются в четком определении границ национальных интересов, неизменной защите коренных интересов государства, в спокойном отношении к критике, откровенном обсуждении имеющихся вопросов, учете озабоченностей других стран по поводу их ключевых интересов, в отношении к национальным интересам с точки зрения долгосрочных перспектив. Вышеназванный зрелый менталитет великой державы представляет собой важный критерий для проверки того, насколько всесторонне укрепил себя Китай.

Во-вторых, укрепить сознание стратегического управления, прилагать усилия к созданию и совершенствованию двустороннего механизма контроля над кризисами. Учитывая то обстоятельство, что стратегическая конкуренция между Китаем и Японией уже сформировалась, вопросы надлежащего урегулирования разногласий, укрепления контроля над кризисами, предотвращения распространения того или иного частного риска на все двусторонние отношения становятся особенно важными. Обе стороны должны придерживаться и активно продвигать консультации по морским делам на высоком уровне и консультации между китайскими и японскими ведомствами обороны по морскому и воздушному механизмам связи, стараться поскорее превратить определенный самоконтроль двух сторон в морской зоне островов Дяоюйдао и во всей акватории Восточно-Китайского моря в более прочный двусторонний механизм контроля над кризисами и в содержательные, обязывающие правила поведения, и тем самым усилить управление и контроль над рисками и кризисами, связанными с различными морскими спорами между двумя странами. Особенно в отношении возможных конфликтов вокруг островов Дяоюйдао обе стороны должны как можно скорее создать механизм контроля над кризисами в целях установления стратегического управления и контроля над серьезными разногласиями, во избежание случайного военного конфликта, во избежание неожиданных столкновений между военными самолетами и кораблями двух стран, а также во избежание перерастания конфликтов в не подлежащую выправлению ситуацию. В то же время следует предотвратить очередное превращение трений по вопросам истории в серьезное препятствие для непрерывного улучшения двусторонних отношений, усилить совместные исследования по историческим вопросам, искать примеры исторического примирения враждебных крупных стран для выработки подходов к китайско-японскому примирению, предотвратить ситуацию, когда исторические вопросы вновь могли бы стать запалом долгосрочного ухудшения китайско-японских отношений¹¹.

В-третьих, углубленно исследовать Японию, всесторонне и диалектически оценивать ее, содействуя росту сил нормализации отношений между двумя странами. Сунь Цзы сказал: «Знай противника и знай себя, и ты будешь непобедим». Мы должны глубоко понимать и исследовать Японию, ведь эта страна значительно влияет на Китай. Китай как будущая мировая держава, должен обладать широким кругозором, духом снисходительности, видением перспективы и долгосрочной стратегии. Ссылаясь на девиз из «Дао дэ цзин» — «При общении с другими сильному человеку предпочтительнее вести себя скромно и смиренно», Ли Юаньжунь (Jun Kurihara), старший научный сотрудник японского Института глобальной стратегии Сапон, обратился с призывом к Китаю снисходительно относиться к Японии в целях содействия развитию китайско-японских отношений. Автор статьи полагает, что Япония причинила Китаю серьезный урон, и это должно быть навсегда запечатлено в душе, однако прошлое не должно быть ярмом для будущего,

так что мы не можем совсем отрицательно оценивать путь мирного развития Японии после Второй мировой войны, не должны отрицать поддержку и помощь Китаю от Японии в проведении политики реформ и открытости, а должны всесторонне, диалектически и объективно оценивать Японию, способствуя тому, чтобы она смогла продолжать прилагать искренние усилия и признать необходимость извинения за военные преступления, и не должны мешать решению вопросов из-за того, что пока Япония не прилагает достаточных усилий. Мы также должны признать, что Япония развивается уже 70 лет при пацифистской конституции, что японцы глубоко и тяжело размышляли о войнах. Против принятого правительством Японии неопределенного отношения возражают не только соответствующие страны, но и многие японцы. Для японцев существование правых элементов считается угрозой, подобной исходящей от мафии. Дальновидные деятели в Японии обращаются с призывом вернуться к истокам, обратить внимание на мирное развитие глобального сообщества и подумать, как внести свой вклад. Некоторые японские политики отрицают или приукрашивают историю агрессивной войны, однако лишь 0,039% японцев использует ошибочные учебники, и у японцев есть свое мнение на этот счет. Политики такого рода надеются избавиться от комплекса проигравшего и восстановить национальную гордость путем забвения или искажения истории, но данный подход не получил широкой поддержки у японского народа. Мы должны возлагать надежды на японский народ и быть уверены, что активные обмены могут способствовать росту японских позитивных сил, и заложить более прочную народную базу для нормализации отношений между двумя странами.

В-четвертых, активно развивать китайско-японское экономическое сотрудничество, содействовать двустороннему сотрудничеству в сферах нетрадиционной безопасности. Общие интересы являются важной основой для стабильного развития межгосударственных отношений. Китай и Япония должны прилагать усилия к восстановлению и развитию всего возможного сотрудничества в сферах, где две страны имеют большие общие интересы (особенно в экономике, нетрадиционной безопасности, технологиях и в других «неполитических» сферах), активно расширять позитивные стороны двусторонних отношений, преодолеть замкнутый круг «холодов в политике и экономике». Китай и Япония уже пришли к взаимопониманию и консенсусу в борьбе с преступлениями на море и в укреплении морского сотрудничества в областях поисково-спасательных работ, экологии, науки и техники на основании международного права. Необходимо как можно скорее реализовать этот консенсус и использовать его в качестве образца для активного продвижения сотрудничества в других сферах нетрадиционной безопасности. Китайская экономика и японская экономика являются взаимозависимыми и взаимообусловленными, представляют собой важную материальную основу двусторонних отношений. Благодаря углублению связи Китая с мировой экономикой и расширению масштабов взаимодействия, зависимость Китая от японской экономики снижается, а японская экономика все глубже зависит от китайского рынка, взаимозависимость китайско-японских экономических отношений структурно изменилась, демонстрируя тенденцию к асимметрии. Такое обстоятельство глубоко повлияло на китайско-японское экономическое сотрудничество. Таким образом, мы должны изменить способ мышления, активно углублять взаимодополняемость китайско-японского экономического сотрудничества, активно развивать сотрудничество в сферах энергосбережения и экологической безопасности, экологического типа жизни, высоких технологий, финансов, городского строительства и т.д., добиваясь взаимной выгоды и взаимного выигрыша в экономической сфере. Только при условии непрерывного углубления китайско-японской экономической взаимозависимости двусторонние отношения могут достичь стабильности. Следует отметить, после смены инвестиционных приоритетов некоторые японские компании, обратившиеся к Юго-Восточной Азии, Индии, Африке и т.д., вполне осознали, что Китай располагает относительно полными производственными цепочками, более развитой ин-

фраструктурой и высококачественными техническими кадрами и что именно Китай — идеальный партнер, а поэтому совместными усилиями между китайско-японскими предприятиями может быть создана новая «весна сотрудничества». Мы должны уделять этому больше внимания, воспользоваться случаем и как можно скорее установить хорошие отношения с японскими финансовыми и промышленными кругами для создания в Японии дружественной почвы для Китая.

В-пятых, проводить более эффективную публичную дипломатию по отношению к Японии. Обмены между Китаем и Японией недостаточно глубоки, непонимание между двумя сторонами еще очень серьезно. Предыдущий посол Японии в Китае Юдзи Миямото поднял вопрос о том, что «сейчас Япония считает, что Китай страшен. Китай нехорош, но это может быть просто собственное предположение Японии», что «70% из проблем и противостоятий между Японией и Китаем возникает от непонимания и невежества. Другими словами, 70% проблем между Японией и Китаем могут не превращаться в споры. Так что я надеюсь, что народные массы двух стран могут стать главной силой обменов между ними как можно скорее. Укрепление этих межгрупповых обменов позволяет создать более сбалансированное общество с взаимным знанием и пониманием». Поэтому необходимо активно проводить публичную дипломатию, продвигать гуманитарные обмены, развертывать работу в соответствии с настроением и психологическим состоянием большинства японцев, устранив накопившуюся предвзятость и даже неприязнь между китайским и японским народом, заложить более прочную общественную основу для стабилизации китайско-японских отношений. Предлагаем, чтобы ведомства, связанные с границей, такие как МИД, Отдел международных связей ЦК КПК, Минкоммерции и т.п., создали специальный целевой фонд поддержки научных кругов для углубленного изучения основных проблем, мешающих стабильному развитию китайско-японских отношений. Далее, чаще приглашать молодых японских политиков в Китай, создавая им больше возможностей для понимания Китая. Необходимо проводить совместные исследования для анализа опыта Японии в процессе развития, углубить понимание о Японии, а также способствовать взаимному позитивному восприятию Китая и Японии. Наконец, активно содействовать обменам и сотрудничеству в областях образования, культуры, науки и техники, укрепляя взаимопонимание и дружбу между двумя народами.

1. Фу Гаои. Цун лиши цзин хэ сяну жэньчжи чуфа: бимань Чжун Жи чунту: [Исходя из исторической памяти и взаимопознания, избегать конфликта между Китаем и Японией] // Жибэнь сюекань. 2014. № 1. С. 16–20.
2. URL: <http://www.jetro.go.jp/world/asia/asean/>
3. Цзинь Юнмин. Жибэнь цзи хэпинчжун чжэньцэ яньцзю: [Исследование японской политики активного пацифизма] // Гоцзи гуаньча. 2015. № 2. С. 114–125.
4. URL: <http://china.kyodonews.jp/news/2012/12/44044.html>
5. URL: <http://china.kyodonews.jp/news/2013/02/45992.html>
6. URL: http://jp/world/asia/asean/data/asean_stat06_1205.pdf
7. URL: <http://www.mofa.go.jp/>
8. Чжао Бибо. Чжун Жи гуаньси шилунь: [Обсуждение истории китайско-японских отношений]. Бэйцзин: Чжунго вэйши чубаньшэ, 2016.
9. URL: http://jp/world/asia/asean/data/asean_stat06_1205.pdf
10. Ши Гуифан. Чжунго дэ дуй Жи чжаньлюэ юй чжунжи гуаньси яньцзю: [Исследование стратегии Китая в отношении Японии и японо-китайские отношения]. Бэйцзин: Чжунго шэхуй кэсюе чубаньшэ, 2014.
11. Чжао Бибо. Чжун Жи гуаньси шилунь...

Модели фондирования банков развития Китая и Японии: уроки для России

© 2017

А.Н. Вдовин

Рассмотрена структура средств, привлекаемых банками развития Китая и Японии для обеспечения финансирования своей деятельности. Показано, что основными инструментами фондирования банков развития Китая и Японии выступают размещаемые на внутреннем рынке среднесрочные облигации, номинированные в национальной валюте. Согласно проведенному в статье анализу, применяемая данными кредитными учреждениями модель фондирования обладает рядом преимуществ как для банков, так и для государства. Даны рекомендации по совершенствованию модели фондирования российского банка развития — Внешэкономбанка, с учетом опыта азиатских стран.

Ключевые слова: Китай, Япония, банки, финансы, фондирование, Китайский банк развития, Японский банк развития, Эксимбанк Китая, ВЭБ, облигации.

Принимая во внимание стоящие перед российской экономикой задачи по всестороннему повышению эффективности, углублению модернизации и борьбе с кризисными явлениями, пристального изучения требуют вопросы эффективности финансовых институтов, призванных содействовать реализации указанных задач — в частности, национальных банков развития, к которым в РФ относится группа Внешэкономбанка.

Одно из условий эффективности банков развития — их фондирование, то есть обеспечение необходимыми финансовыми средствами. При этом государство прямо заинтересовано в том, чтобы кредитные учреждения данного типа представляли собой эффективные с финансовой точки зрения институты, иначе они утрачивают привлекательность по сравнению с другими формами государственной поддержки экономических субъектов национальной экономики (такими, как субсидии и кредиты коммерческих банков под госгарантии, прямое финансирование и др.)

Адекватное фондирование, то есть привлечение долгосрочных, обширных, надежных и дешевых средств в связи с этим представляет собой стратегическую задачу, что подтверждается глобальным обследованием банков развития, которое провел Всемирный банк в 2011 г. Оно показало, что обеспечение финансовой самостоятельности

и устойчивости занимает второе по значимости (после управления рисками) место среди проблем, с которыми сталкиваются банки развития¹.

Примечательно, что ввиду специфических целей и задач банков развития, как кредитных институтов выполняемые ими базовые функции и основные риски в целом универсальны, то есть практически идентичны в различных странах и регионах. Следовательно, и модели эффективного фондирования таких банков также должна быть присуща высокая степень универсальности.

Опыт финансовых институтов развития представляет интерес ввиду успешности их деятельности в неоднозначных условиях: как в стране с устоявшейся капиталистической экономикой, переживающей разноплановые кризисные явления (Япония), так и в условиях бурного роста и строительства экономики и общества развивающейся страны (КНР). Особое внимание в нашем исследовании уделено источникам фондирования столь крупных банков развития, позволяющим им устойчиво решать поставленные задачи на протяжении длительного времени.

Банки развития КНР: опыт решения задач фондирования

В 1994 г. в банковской системе КНР была образована новая группа кредитно-финансовых учреждений — *государственные банки развития*: Китайский банк развития (КБР, China Development Bank, CDB, *Guojia kaifa yinhang*), Экспортно-импортный банк Китая (Эксимбанк, China Exim bank, *Zhongguo jinchukou yinhang*) и Банк развития сельского хозяйства Китая (БРСХ, Agricultural Development Bank of China, ADBC, *Zhongguo nongye fazhan yinhang*)². К 2016 г. в них работало более 62 тыс. человек, а совокупные активы составили 9,6%³ от активов всего национального банковского сектора КНР (табл. 1).

Таблица 1

Совокупные активы и пассивы государственно-директивных банков КНР (КБР, БРСХ, Эксимбанк) в 2003–2015 гг., млрд юаней

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Активы	2 124	2 412	2 928	3 473	4 278	5 645	6 945	7 652	9 313	11 217	12 527	15 614	19 284
Пассивы	2 029	2 300	2 776	3 301	3 920	5 265	6 539	7 216	8 823	10 665	11 896	14 870	17 848

Источник: Составлено по: Чжунго иньхан'е цзяньду гуанли вэйюаньхуэй няньбао : [Годовой отчет КРБД за 2015 г.]. Табл. 1.2. Прил. С.192–193. URL: <http://www.cbrc.gov.cn/chinese/files/2016/6C1DEC063D6442B289B7C24F662D2E52.pdf> [3]

Особые цели указанных банков заключаются в обеспечении проводимой государством экономической политики путем организации долгосрочного финансирования крупных (преимущественно инфраструктурных) государственных проектов, реализующих политические установки экономического развития. В соответствии с главенством политической (а не коммерческой) детерминанты их деятельности, данную группу также называют «государственно-директивными банками» (*чжэньцэсин иньхан*)⁴.

Специфика банков развития, таким образом, заключается в ориентированности на крупные долгосрочные, зачастую низкоприбыльные проекты (городское и инфраструктурное строительство, сельское хозяйство, поддержка национального экспорта и т.д.), а также проявляется в запрете осуществляемого ими финансирования за счет вкладов населения. Основным источником средств всех трех китайских банков развития — выпуск собственных юаневых облигаций⁵. Кроме того, присутствует прямое финансирование Народным банком Китая (Центральный банк) и заимствования на зарубежных финансовых рынках. Во многом появление этих банков также находилось в фарватере курса властей на оздоровление крупнейших коммерческих госбанков, освобождение их от «несвойственных» функций, в частности, от кредитования затратных, низкорентабельных

(а зачастую убыточных), но социально оправданных, т.е. в этом смысле именно «государственно-директивных» проектов. В большинстве случаев эти банки выступают своеобразными гарантами государственной поддержки, первыми начиная финансирование проектов, снижая тем самым уровни рисков для потенциальных инвесторов.

Китайский банк развития основан в марте 1994 г., с 11 декабря 2008 г. был преобразован в корпорацию *Китайский банк развития (CDB, China Development Bank Corporation)* с уставным капиталом 306,7 млрд юаней. Основными акционерами CDB стали Министерство финансов (51,3%) и Пекинская центральная инвестиционная компания (48,7%)⁶. Дальнейшее развитие привело к созданию банковской группы, в которую входит непосредственно коммерческий банк и ряд компаний, специализирующихся в лизинге, операциях с ценными бумагами и работе на мировых рынках.

Китайский банк развития является самым крупным из всех государственно-директивных банков, суммарные активы группы КБР к 2016 г. достигли 12,6 трлн юаней, демонстрируя последние годы ежегодный рост порядка 20%⁷. Чистая прибыль с 2009 г. увеличилась более чем втрое (!) и в 2015 г. составила 102,8 млрд юаней. Величина кредитного портфеля с 2009 г. выросла более чем вдвое, составив 9,2 трлн юаней⁸.

Стоит отметить, что в отличие от большинства китайских банков уровень достаточности собственного капитала КБР полностью удовлетворяет требованиям как местного законодательства, так и большинства международных норм (включая требования базельского комитета). В полном соответствии с его «государственно-директивной» сутью, основные задачи банка — поддержка развития национальной инфраструктуры, базовых отраслей промышленности, новейших индустрий, ключевых национальных проектов и пр.

Во все большей степени КБР вовлекается в область зарубежного инвестирования и международного банковского сотрудничества, ориентируясь во многом на поддержку китайских компаний при их выходе на развивающиеся рынки стран АСЕАН и БРИКС. Структурно группа КБР активно развивается за счет создания специализированных фондов и дочерних компаний. В частности, реализуя государственные установки на содействие китайскому бизнесу и расширение инвестиций Китая в Африке, в 2007 г. банком был учрежден Фонд развития китайско-африканских отношений (China Africa Development Fund). Создав в 2008 г. дочернюю компанию CBD Leasing, КБР уже к 2011 г. превратился в крупнейшего игрока на лизинговом рынке КНР⁹.

Очевидно, что демонстрируемые банком финансовые показатели и их динамика говорят о грамотно подобранных моделях работы учреждения, успешности его функционирования. Этому в значительной мере способствует и выбранная банком модель привлечения средств для финансирования своей деятельности. Рассмотрим ее подробнее.

В структуре привлеченного капитала преобладает финансирование за счет выпуска юаневых и долларовых облигаций, при этом КБР стал крупнейшим китайским эмитентом на облигационном рынке Гонконга. Для регулирования своей краткосрочной ликвидности Китайский банк развития имеет доступ к постоянной кредитной линии Народного банка Китая.

Проанализируем, каким образом КБР формирует свои пассивы в части процентных обязательств (табл. 2.)

Из представленной таблицы видно, что КБР использует модель фондирования с четким доминированием долговых бумаг как основы пассивов корпорации. Все последние годы банк активно совершенствовал свои процедуры по выходу на первичные долговые рынки, при этом в качестве основного места размещения облигаций выступал национальный межбанковский рынок. Так же активно расширялся канал биржевых продаж долговых бумаг, а также продажа бумаг нефинансовым организациям в качестве инвестиционного продукта, продаваемого через коммерческие банки.

Таблица 2

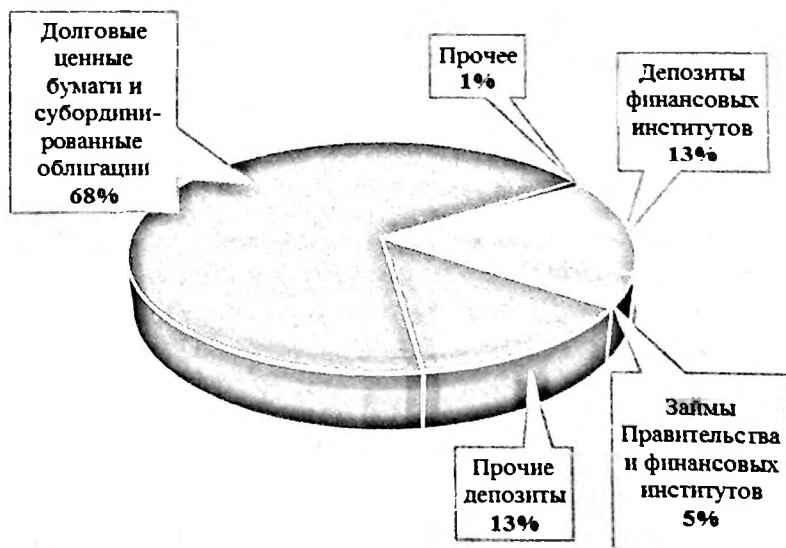
Структура привлеченных средств (процентных обязательств) КБР в 2013–2015 гг., млрд юаней, %

Вид пассива	2015 г.		2014 г.		2013 г.	
	Средний остаток, млрд юаней	Средняя процентная ставка, %	Средний остаток, млрд юаней	Средняя процентная ставка, %	Средний остаток, млрд юаней	Средняя процентная ставка, %
Депозиты финансовых институтов	1311,2	3,03	1101,7	3,50	456,8	2,39
Займы правительства и финансовых институтов	447,5	2,67	457,6	2,70	433,7	2,79
Прочие депозиты	1303,6	0,79	970,0	1,03	684,7	1,00
Долговые ценные бумаги и субординированные облигации	6693,2	4,16	6191,1	4,33	5594,7	4,07
Прочее	76,1	5,53	56,6	2,90	43,2	2,36
Всего	9831,8	3,51	8777,2	3,77	7213,2	3,59

Источник: Составлено по: China Development Bank Annual Report 2014, 2015. P. 34.
 URL: http://www.cdb.com.cn/English/gykh_512/ndbg_jx/ndbg2015/ [6]

Диаграмма 1

Доля облигаций в объеме привлеченных средств КБР, 2015 г.

Источник: Построено по: China Development Bank Annual Report 2015. P. 34.
 URL: http://www.cdb.com.cn/English/gykh_512/ndbg_jx/ndbg2015/

Только в 2015 г. КБР выпустил облигаций более чем на 1 трлн юаней (примерно 0,15 трлн долл.), доведя общий объем привлеченных с помощью долговых бумаг средств до 6,6 трлн юаней (чуть менее 1 трлн долл.) Всего же Китайским банком развития при помощи облигаций было привлечено, включая погашенные выпуски, более 12 трлн юаней¹⁰.

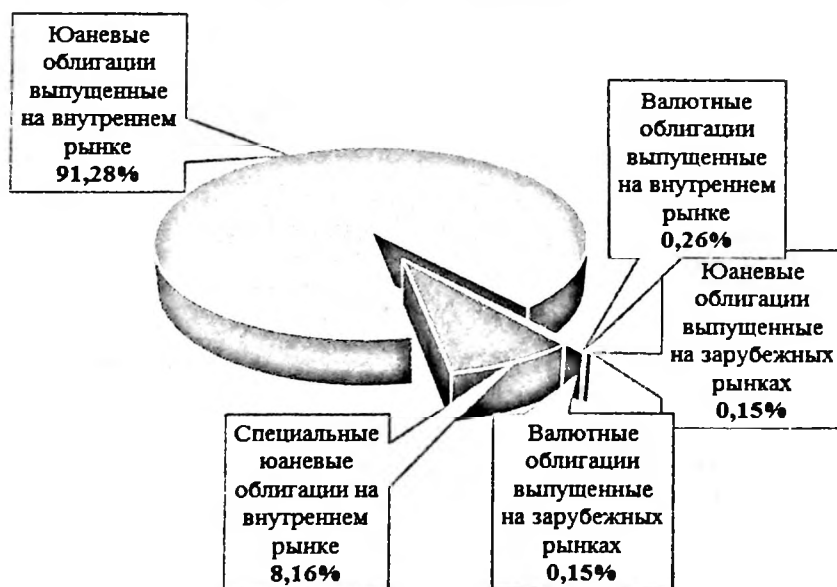
Рассмотрим подробнее, каким образом сформированы пассивы КБР, а именно их процентная (т.е. подразумевающая выплату процентов) часть (диаграмма 1).

Из диаграммы 1 видно, что к 2015 г. более двух третей пассивов КБР сформировано за счет выпущенных банком облигаций. Показательно, что на такой инструмент привлечения средств, как займы (и от государства, и от коммерческих структур), приходится лишь 5% всего объема платного фондирования, вторая же по величине группа пассивов («депозиты») в сумме дает лишь четверть привлеченных средств. Налицо безоговорочное доминирование облигаций как основы формирования пассивов КБР — даже несмотря на относительно дороговизну этого источника по сравнению с другими (табл. 2).

Структура выпущенных Китайским банком развития долговых бумаг представлена на диаграмме 2 и табл. 3.

Диаграмма 2

Структура выпущенных КБР долговых бумаг, 2015 г. (по объемам привлечения)

Источник: Рассчитано и построено по: China Development Bank Annual Report 2015. Financial Statement. Table (1). Debt securities issued. P. 177. URL: http://www.cdb.com.cn/English/gykh_512/ndbg_jx/ndbg2015/

Из диаграммы и таблицы видно, что в привлечении средств с помощью долговых инструментов Китайский банк развития *опирается практически исключительно на облигации в национальной валюте*, обращающиеся на внутреннем рынке, в сумме на них приходится более 99% (!) объема привлеченных бондами средств. Очевидно также, что привлечение денег на зарубежных рынках путем размещения как юаневых, так и валютных долговых инструментов, равно как и работа с валютными облигациями внутри страны, не несет для КБР существенного финансового значения, а осуществляется скорее для целей получения опыта, изучения соответствующих рынков, повышения международного престижа и т.д.

Таблица 3

Структура выпущенных КБР долговых бумаг, 2015 г

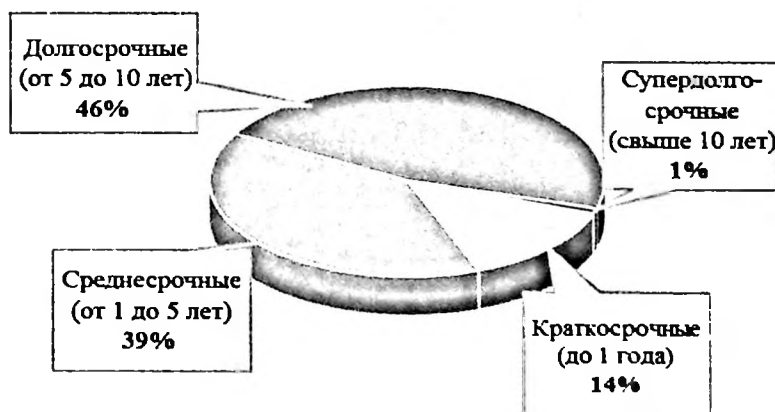
Виды облигаций	Диапазон процентных ставок, %	Объем выпуска, млрд юаней
Юаневые, выпущенные на внутреннем рынке	1,83-5,90	6563,587
Юаневые, выпущенные на зарубежных рынках	3,30-4,50	10,716
Валютные, выпущенные на внутреннем рынке	1,33-1,60	18,569
Валютные, выпущенные на зарубежных рынках	0,88-2,50	10,953
Специальные юаневые на внутреннем рынке	3,05-4,06	586,983

Источник: China Development Bank Annual Report 2015. Financial statement. P. 177. URL: http://www.cdb.com.cn/English/gykh_512/ndbg_jx/ndbg2015/ [6]

Если оценить структуру облигационных заимствований банка в категориях срочности выпускаемых бондов, то на примере доминирующей группы юаневых облигаций, выпущенных в 2015 г. (диаграмма 3) можно утверждать, что КБР в своих заимствованиях опирается на долгосрочные (от 5 до 10 лет) и среднесрочные (от 1 года до 5 лет) бумаги. Значение бумаг со сроком погашения до 1 года в категориях объемов привлеченных средств минимально, в то время как объемы супердолгосрочных (более 10 лет) бондов¹¹ в общей структуре остаются пренебрежимо малыми.

Диаграмма 3

Структура юаневых облигаций, выпущенных КБР в 2015 г.
(по срокам и объемам привлечения)

Источник: Построено по China Development Bank Annual Report 2015. Financial Summary P. 9. URL: http://www.cdb.com.cn/English/gykh_512/ndbg_jx/ndbg2015/

Подытоживая анализ, можно утверждать, что сформировавшаяся к настоящему времени модель привлечения средств Китайским банком развития базируется на выпуске высоконадежных облигаций, при этом сама надежность указанных бумаг гарантируется как кредитным рейтингом КБР (равен суверенному рейтингу КНР), так и различными механизмами их погашения, подразумевающими в некоторых случаях прямое обязательство государства в лице Министерства финансов погасить выпуск. Основу выпускаемых банком долговых инструментов составляют юаневые облигации, размещаемые на национальном рынке на период от 1 года до 10 лет.

Экспортно-импортный банк Китая основан в марте 1994 г., является полностью государственным учреждением и состоит в прямом подчинении Госсовету КНР. Его кредитный рейтинг соответственно приравнивается к суверенному рейтингу КНР, что в значительной степени расширяет возможности при работе на мировом рынке. Банк реализует государственные задачи по поддержке национальных производителей в части торгового финансирования, осуществления зарубежного инвестирования и программ выхода на внешние рынки. Роль данного банка значительно возросла с активизацией китайских экспортеров машин, оборудования, высокотехнологичной и комплексной продукции.

По суммарным активам Эксимбанк является крупнейшим кредитно-финансовым учреждением страны, даже несмотря на то, что их величина более чем вчетверо уступает показателям КБР — к началу 2016 г. суммарные активы Эксимбанка равнялись 2,83 трлн юаней. При этом кредитный портфель банка в том же году достиг 2,05 трлн юаней, а чистая выручка — 5,15 млрд юаней¹².

На международном уровне этот государственно-директивный банк установил корреспондентские отношения с 1408 кредитно-финансовыми учреждениями в 160 странах и регионах мира.

В стратегии фондирования Эксимбанк также опирается на задействование облигаций, при этом наращивая темпы размещения долговых бумаг. Так, в 2015 г. он выпустил на межбанковском рынке облигаций на 578 млрд юаней (86 млрд долл.), увеличив тем самым показатель на 15% по сравнению с 2014 г. Также было осуществлено крупнейшее размещение валютных облигаций на межбанке объемом 1,36 млрд долл. (табл. 4, диаграмма 4).

Таблица 4

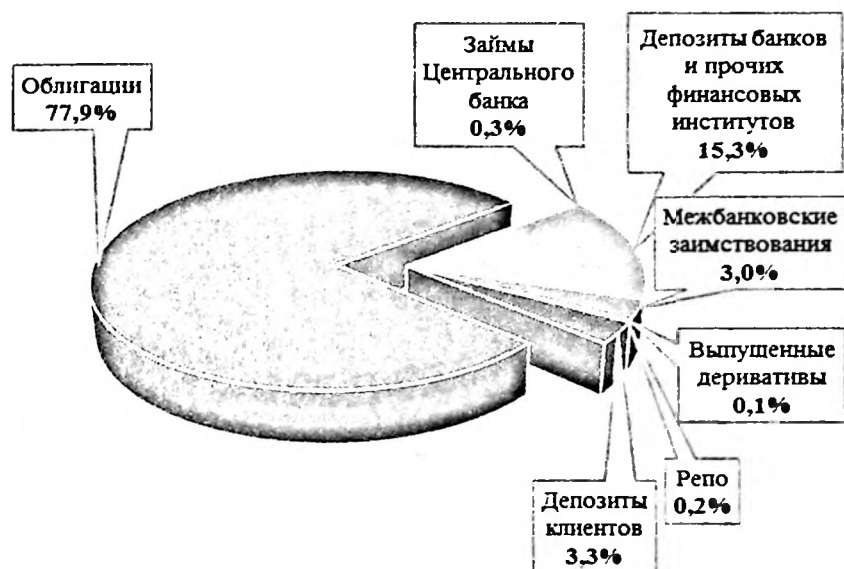
Структура привлеченных средств (процентных обязательств) Экспортно-импортного Банка Китая в 2013–2015 гг., млрд юаней

Вид пассива	2015 г.	2014 г.	2013 г.
	Средний остаток, млрд юаней	Средний остаток, млрд юаней	Средний остаток, млрд юаней
Займы Центрального банка	7,89	20,00	-
Депозиты банков и прочих финансовых институтов	381,22	534,38	344,21
Межбанковские заимствования	75,23	34,60	46,41
Выпущенные деривативы	1,68	0,83	0,91
Репо	4,26	-	5,15
Депозиты клиентов	81,52	76,42	62,26
Облигации	1940,48	1646,95	1378,75

Источник: Составлено по The Export-Import Bank of China Annual Report 2015, 2014. Financial statement. t P. 64–65, 67. URL: http://english.eximbank.gov.cn/tm/en-AR/index_634_29302.html [8]

Диаграмма 4

Доля облигаций в объеме привлеченных средств Эксимбанка Китая, 2015 г.

Источник: Построено по: *The Export-Import Bank of China Annual Report 2015. Financial Statement. Balance sheet. P. 67. URL: http://english.eximbank.gov.cn/tm/en-AR/index_634_29302.html [8].*

Из диаграммы 4 видно, что к 2015 г. привлеченные фонды Эксимбанка на 3/4 сформированы за счет выпущенных кредитным учреждением облигаций. В этом смысле облигации фактически выступают безальтернативной основой модели привлечения денег государственно-директивным банком. При этом, как и у КБР, депозиты дают в сумме менее 20% привлеченных средств.

Стоит отметить, что при его ориентированности на внешнеэкономическую деятельность, основу выпускаемых Эксимбанком долговых бумаг, как и у КБР, составляют инструменты в нацвалюте, обращающиеся внутри страны. Таким образом, налицо четкая установка государственно-директивных банков на работу по развитию национального долгового рынка и содействия юаню в его становлении как одной из ведущих мировых валют.

Банк развития сельского хозяйства Китая (БРСХ) был образован в 1994 г. путем выделения из Сельскохозяйственного банка Китая и является полностью государственным учреждением под непосредственным руководством Госсовета. Целевой ориентацией банка стало выполнение специфических функций поддержки обширного сельхозкомплекса Китая и на центральном, и на местном уровнях. После создания в БРСХ были переданы ранее выданные Сельскохозяйственным и Промышленно-торговым банками портфели «государственно-директивных» (т.е. направленных на государственную поддержку сельского хозяйства и госпредприятий) кредитов объемом более 259 млрд юаней, что в значительной степени способствовало повышению эффективности крупнейших китайских коммерческих банков и избавлению их от несвойственных функций.

По величине активов БРСХ сопоставим с Эксимбанком Китая. С 1,65 трлн юаней в 2009 г., к началу 2015 г. они выросли до 3,14 трлн юаней. Расширение кредитной деятельности выразилось в значительном росте (в среднем более чем на 13% в год) кредитного портфеля БРСХ: с 718,9 млрд юаней в 2004 г. до 2,83 трлн в 2014 г. Чистая прибыль составила в 2014 г. 14,3 млрд юаней¹³.

БРСХ добился заметных успехов на пути исправления традиционных болезней банковских институтов Китая, понизив объем «плохих» кредитов с 18,8% в 2004 г. до 0,6% в 2014 г.¹⁴

На ранних этапах его деятельности главенствующую роль в фондировании БРСХ составляли кредиты Народного банка Китая, в последнее же время средства от размещения собственных долговых бумаг многократно превысили объемы прямого финансирования от государства.

К началу 2015 г. процентные обязательства (т.е. привлеченные платные средства) банка достигли 2,95 трлн юаней, увеличившись за год на 460 млрд юаней. Показательно, что самофинансирование БРСХ достигло уровня 90,8%¹⁵ (табл. 5; диаграмма 5).

Примечательно, что такого высокого уровня самофинансирования политический этот государственно-директивный банк достиг главным образом благодаря активному выпуску долговых бумаг, который увеличивает ежегодно. Только за 2014 г. БРСХ выпустил облигаций на 655 млрд юаней, практически на треть больше, чем в 2013 г.

Таблица 5

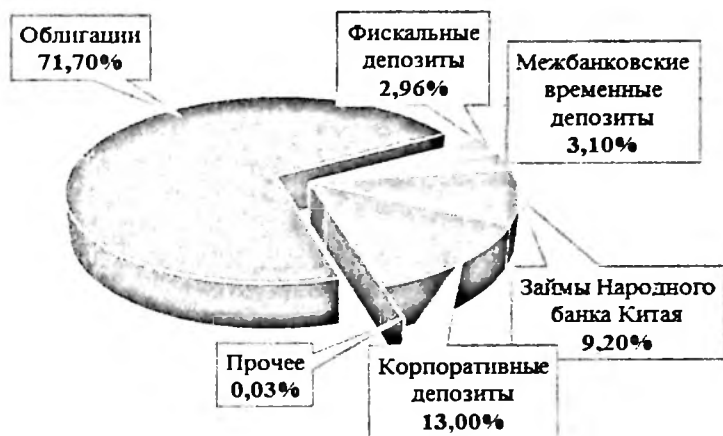
Структура привлеченных средств (процентных обязательств) Банка развития сельского хозяйства Китая в 2013–2014 гг., млрд юаней

Вид пассива	2014 г.	2013 г.
	Средний остаток, млрд юаней	Средний остаток, млрд юаней
Фискальные депозиты	87,52	83,79
Межбанковские временные депозиты	91,76	37,10
Займы Народного банка Китая	272,00	292,00
Корпоративные депозиты	384,21	327,40
Прочее	0,98	0,73
Облигации	2118,86	1773,90

Источник: Составлено по: *Agricultural Development Bank of China Annual Report 2014, 2013. P. 40. URL: <http://www.adbc.com.cn/pdfToJpg/0e3f8243-fcf6-434a-97de-bb23a5f422b3/show.html> [9]*

Анализ таблицы 5 и диаграммы 5 показывает, что привлеченные фонды БРСХ, как и у Эксимбанка Китая, более чем на 70% сформированы за счет выпущенных им облигаций, то есть и в этом случае выпуск облигаций является основным механизмом привлечения средств. По характеристикам базовых облигаций БРСХ практически не отличается от рассмотренных ранее государственно-директивных кредитно-финансовых учреждений КНР, поскольку использует в основном среднесрочные бумаги (в 2014 г. средний срок платежа по облигациям составлял 3,69 лет). При этом средний процент по облигациям БРСХ составил в 2014 г. 4,76%.

Доля облигаций в объеме привлеченных средств Банка развития сельского хозяйства Китая, 2014 г.

Источник: *Agricultural Development Bank of China Annual Report 2014*. P. 40.
 URL: <http://www.adbc.com.cn/pdfToJpg/0e3f8243-fcf6-434a-97de-bb23a5f422b3/show.html>

Как и у рассмотренных ранее государственно-директивных банков, депозиты играют здесь менее значимую роль (чем облигации) и составляют лишь порядка 15% привлеченных средств. Таким образом, именно опора на выпуск долговых инструментов и позволяет БРСХ обеспечивать весьма высокий для банка развития уровень самофинансирования.

Японский банк развития: место облигаций в структуре привлеченных средств

Рассмотрим теперь японский опыт фондирования банков развития и попытаемся понять, в чем состоит его специфика.

Японский банк развития (The Development Bank of Japan, ЯБР) образован в 2008 г. путем слияния The Japan Development Bank и Hokkaido-Tohoku Development Finance Public Corporation. На 100% принадлежит правительству Японии, он имеет уставный капитал в размере 1,00 трлн иен. Структурно ЯБР включает: 10 отделений, 8 представительств в Японии, 1 зарубежное представительство и 3 зарубежных дочерних организаций; кроме того в его структуру также входят более 80 дочерних и аффилированных компаний.

К 2016 г. активы Японского банка развития составляли 15,80 трлн иен, пассивы — 13,02 трлн иен, при этом кредитный портфель банка достиг 13,11 трлн иен¹⁶.

В качестве стратегической задачи этот банк рассматривает обеспечение долгосрочного финансирования участников национальной экономики в форме инвестиций и кредитов. Данная задача реализуется через основные функции банка: капитальные инвестиции в приоритетные отрасли, разработка и реализация кредитных программ, направленных на поддержку определенных видов бизнеса, содействие повышению качества национальной социальной и экономической инфраструктуры посредством реализации соответствующих льготных кредитных программ для закупок и производства строительного оборудования, долгосрочное льготное финансирование развития промышленности, предоставление кредитов корпорациям стратегических отраслей на закупку капитального оборудования и на оборотные средства, предоставление гарантий, маркетинговые ис-

следования по вопросам развития регионов для вновь образующихся предприятий, консалтинговые услуги по развитию бизнеса и пр.

Выясним теперь, каким образом ЯБР обеспечивает себя финансовыми средствами для решения обозначенных задач. Для этого рассмотрим и проанализируем структуру фондирования Японского банка развития, представленную в табл. 6 и диаграмме 6.

Таблица 6

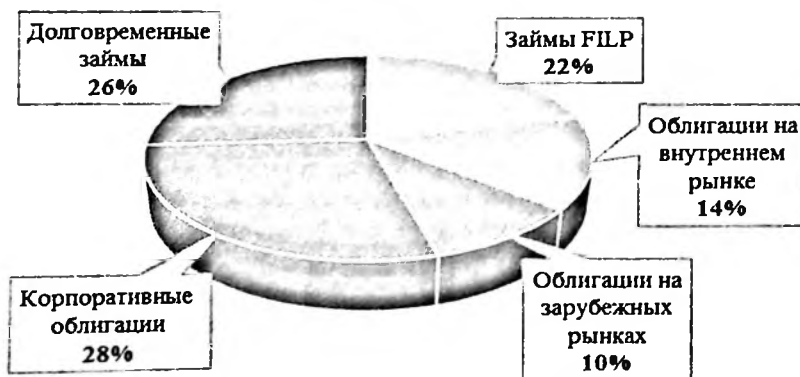
Структура привлеченных средств Японского банка развития
в 2013–2016 гг., млрд иен

	2016 г.	2015 г.	2014 г.	2013 г.
	Средний остаток, млрд иен			
Займы по программе FILP	300,0	300,0	300,0	600,0
Облигации на внутреннем рынке (гарантированные правительством)	200,0	200,0	110,0	160,0
Облигации на зарубежных рынках (гарантированные правительством)	134,3	161,6	100,7	135,1
Корпоративные облигации (FILP облигации)	395,3	374,8	372,0	386,6
Долговременные займы Japan Finance Corporation	358,2	377,7	753,1	868,3
Взыскание задолженностей и прочее	1639,7	1129,9	1307,5	502,2
Всего	3027,7	2544,2	2943,3	2652,4

Источник: Составлено по: Development Bank of Japan Annual Report 2016. P. 25. URL: http://english.eximbank.gov.cn/tm/en-AR/index_634_29302.html [10]

Диаграмма 6

Доля облигаций в объеме привлеченных средств Японского банка развития, 2016 г.

Источник: Построено по: Development Bank of Japan Annual Report 2016. Loans and Investments and Fund-Rising Conditions (Flow) (Non-Consolidated). P. 25. URL: http://english.eximbank.gov.cn/tm/en-AR/index_634_29302.html

Итак, из диаграммы 6 видно, что структура источников фондирования Японского банка развития относительно равномерно диверсифицирована. Вместе с тем, очевид-

но, что и здесь на облигационный механизм в сумме приходится более 52% объема привлеченных средств. Примечательно, что оставшиеся 48% целиком приходятся на деньги государства в виде прямых займов от Japan Finance Corporation и через механизм FILP¹⁷. Очевидно также, что, как и его китайские коллеги, Японский банк развития опирается на облигационное самофинансирование, хотя и не в такой степени, как у китайцев. При этом значительная доля кредитных займов в условиях японских экономических реалий легко объясняется близкими к нулю (или в некоторых случаях даже отрицательными в реальном выражении) ставками по кредитам, предоставляемыми государством в рамках программ оживления экономики и местной версии количественного смягчения.

Таблица 7

Структура выпущенных ЯБР долговых бумаг, 2016 г

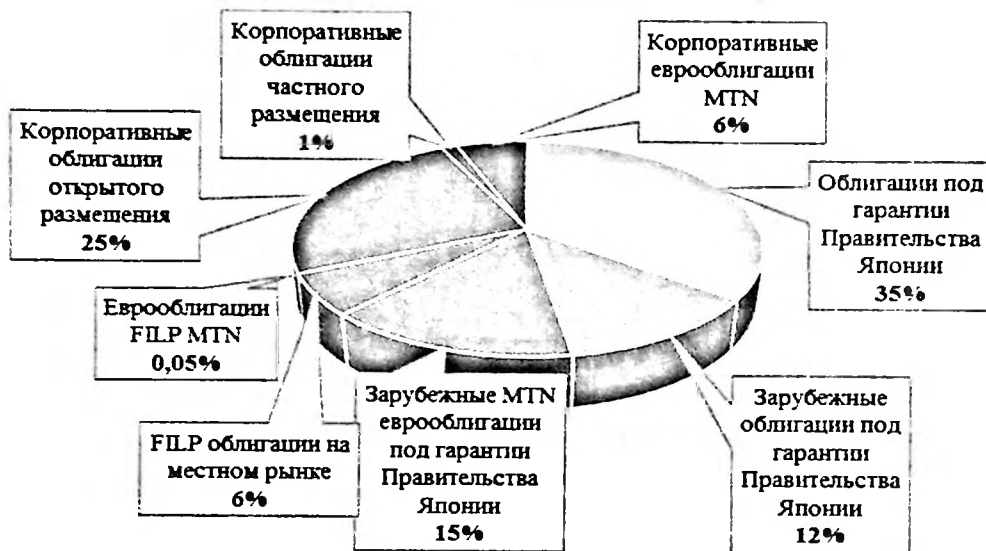
Виды облигаций	Диапазон процентных ставок, %	Объем выпуска, млрд долл.
Облигации под гарантии правительства Японии	0,001-2,2	14,72
Зарубежные облигации под гарантии правительства Японии	1,05-5,125	5,13
Зарубежные MTN еврооблигации под гарантии правительства Японии	0,861-2,875	6,15
FILP облигации на местном рынке	1,63-2,74	2,57
Еврооблигации FILP MTN	2,032	0,02
Корпоративные облигации открытого размещения	0,045-1,745	10,34
Корпоративные облигации частного размещения	0,023-0,481	0,54
Корпоративные еврооблигации MTN	0,014-2,868	2,44

Источник: Рассчитано по: *Development Bank of Japan Annual Report 2016*. P. 65. URL: http://english.eximbank.gov.cn/tm/en-AR/index_634_29302.html [10]

Если рассмотреть подробнее структуру выпускаемых Японским банком развития набора облигаций (табл. 7 и диаграмма 7), то становится видно, что порядка 2/3 привлеченных средств было получено банком на внутреннем рынке, тогда как на средства с зарубежных финансовых рынков приходится чуть более 30%. При этом доля привлечения через размещение евробондов составляет 18%.

В целом приведенные данные говорят о том, что структура фондирования Японского банка развития отличается большей диверсификацией и сбалансированностью по сравнению со схемами привлечения средств китайскими государственно-директивными банками. Тем не менее можно утверждать, что и ЯБР опирается на облигации как основной механизм привлечения средств. В свою очередь главным рынком размещения долговых бумаг, как и у китайских институтов развития, является национальный сегмент, тогда как размещение евробондов выступает как вспомогательный инструмент.

Структура долговых бумаг Японского банка развития
(по объему привлечения), 2016 г.

Источник: построено автором по табл. 7.

Особенности и преимущества фондирования банков развития Японии и Китая: «азиатская» модель

Обобщение особенностей фондирования государственно-директивных банков Японии и Китая позволяет выявить ряд совпадений, характеризующих модель их финансирования. Наиболее значимые характеристики этой «азиатской» модели иллюстрирует табл. 8.

Прежде всего, стоит отметить *высокую степень самообеспечения* финансовыми ресурсами указанных кредитно-финансовых учреждений, их опору на рыночные инструменты привлечения средств.

Вторая общая особенность — *доминирующее значение облигаций в структуре финансовых инструментов фондирования* собственной деятельности. При этом характерно, что даже в Японии, где действуют мощные государственные программы количественного смягчения, направленные на обеспечение прямого (посредством займов) доступа банков к денежным средствам по ставкам близким к нулевым, ЯБР привлекает более половины средств путем размещения долговых бумаг.

Еще одна характерная черта: рассмотренные азиатские банки развития, опираясь в своем фондировании на облигации, в основном осуществляют их *размещение на национальном рынке и в национальной валюте*.

Обратной стороной предыдущего пункта выступает относительно *небольшая* (для ЯБР) или *незначительная* (для китайских государственно-директивных банков) *роль зарубежных источников фондирования*.

Подавляющее большинство облигационных размещений приходится на инструменты со сроками обращения от 1 года до 10 лет, то есть фактически *доминируют среднесрочные бумаги*.

Размещаемые банками развития облигации в большинстве случаев *гарантируются государством*. При этом имеются различные формы обеспечения гарантий, вклю-

чающих в некоторых случаях обязательство государства погашать отдельные выпуски либо осуществлять выплаты лишь в случае дефолта самого банка. В остальных случаях, когда речь не идет о непосредственных гарантиях государства, присутствует косвенное гарантирование, поскольку рассматриваемые банки полностью принадлежат государству, имея к тому же международные кредитные рейтинги, равные государственному.

Таблица 8

Основные инструменты фондирования ВЭБ и банков развития КНР и Японии, 2015 г

Банки	Доля облигаций в объеме привлеченных процентных обязательств банков, %	Доля рыночных инструментов в фондировании, %	Доминирующие инструменты в долговом портфеле
Китайский банк развития (CDB)	68	>95	Юаневые облигации на внутреннем рынке
Экспортно-импортный банк Китая (China Exim-bank)	78	>85	Юаневые облигации на внутреннем рынке
Банк развития сельского хозяйства Китая (ADBC)	72	91	Юаневые облигации на внутреннем рынке
Японский банк развития (DBJ)	52	79	Облигации в иенах на внутреннем рынке
Внешэкономбанк (ВЭБ)	28	~ 60	Еврооблигации

Источник: Рассчитано и составлено автором по данным годовых отчетов банков.

Попытаемся выделить те преимущества, которые сулит банкам развития «азиатская» модель фондирования, подразумевающая главным образом опору на облигационные инструменты в рамках национального долгового рынка.

В контексте нашего рассмотрения необходимо вспомнить, что одной из главных проблем банков развития во всем мире выступает проблема процентных рисков, вызванная спецификой клиентской базы и обслуживаемых этими банками проектов. Широкое же использование в качестве основного инструмента формирования фондов облигаций позволяет эффективно решить названную проблему, то есть *сделать опасность негативного изменения процентных ставок неактуальной* (если используются только облигационные привлечения) либо малозначимой (если кредиты привлекаются, но доминируют облигации).

Следующим преимуществом опоры на долговые инструменты выступает *возможность привлечения «длинных» денег*. Вновь апеллируя к специфике задач банков развития, можно утверждать, что именно возможность привлечения средств на длительный период для финансирования долговременных проектов с продолжительными сроками отдачи часто имеет приоритет. Также очевидно, что решение данной задачи при помощи межбанковского кредитования зачастую просто невозможно, поскольку особенности функционирования коммерческих банковских учреждений (особенно в условиях нестабильности финансовых рынков) диктуют необходимость сокращения сроков кредитования с целью ухода от процентных и кредитных рисков. В этих условиях именно ставка на работу с долговыми рисками предоставляет возможность построения эффективной модели фондирования с получением доступа к «длинным» восполняемым ресурсам.

Помимо возможности привлекать деньги на длительные сроки, банки развития, размещая свои облигации, также получают *максимально дешевые средства*. Финансовая

эффективность здесь обеспечивается за счет двух факторов. Прежде всего, дешевизны облигационного привлечения по сравнению с кредитом. Далее, облигации банков развития за счет кредитного рейтинга, совпадающего с суверенным, госгарантий и т.д., как правило, имеют статус близкий к гособлигациям (то есть фактически рассматриваются рынками как безрисковые либо высоконадежные). Это в свою очередь обеспечивает минимальные проценты по купонам.

К существенным преимуществам для банка стоит отнести то, что фондирование при помощи облигаций *не портит баланс банка* и его показатели в части, связанной с задолженностью.

Использование облигационных долговых инструментов позволяет банкам развития *эффективно задействовать емкие и диверсифицированные по участникам рынка*. Таким образом в финансирование банка могут быть вовлечены (в зависимости от законодательных ограничений, накладываемых на банки развития) банковский и корпоративный секторы, институциональные и зарубежные инвесторы, население.

Опираясь на внутренний облигационный рынок, банк развития имеет возможность *сократить (либо вообще устранить) свою зависимость от зарубежных источников фондирования* (например, от кредитов зарубежных и международных банков), что в свою очередь повышает стабильность и устойчивость в условиях неблагоприятной мировой конъюнктуры либо прямых рестрикций на зарубежных финансовых рынках, как это имеет место в случае с западными санкциями по отношению к ряду российских кредитно-финансовых учреждений.

Учитывая, что банки развития являются государственными инструментами, призванными решать широкий спектр задач финансово-экономического развития страны, охарактеризуем теперь те преимущества, которые могут быть получены государством при активном задействовании банками развития облигационной модели фондирования.

С точки зрения решения государственных задач такое фондирование позволяет банку развития добиваться высокой степени самофинансирования, что в свою очередь *снижает финансовую нагрузку на государственные органы финансового блока* (чаще всего Центральный банк и Минфин), которые получают возможность сокращения объемов прямого финансирования и поддержки банков развития.

Выступая крупным (зачастую крупнейшим) участником национального долгового рынка, банк развития косвенно содействует его развитию, укреплению стабильности и надежности. Кроме того, выпуская существенные объемы долговых бумаг, кредитный институт развития *расширяет возможности участников рынка по инвестированию* в высоконадежные и в то же время ликвидные бумаги, что качественно улучшает условия работы на соответствующих рынках. Показательным примером здесь может стать роль китайских государственно-директивных банков, роль столь значимая, что некоторые зарубежные аналитики заявляют: именно этим кредитно-финансовым учреждениям Китай обязан самому факту появления национального рынка облигаций¹⁸. В 2015 г. на три китайских банка развития пришлось 15,3% (2,58 трлн юаней)¹⁹ от общего объема годового выпуска облигаций. Таким образом, эти кредитные учреждения выступили вторым по величине после местных органов власти эмитентом долговых бумаг в стране.

Стабильно предоставляя рынку существенные объемы высоконадежных бондов, по свойствам схожих с гособлигациями, банки развития косвенно содействуют *более эффективной реализации государством денежно-кредитной политики* за счет рыночных механизмов регулирования денежного предложения (например, путем эмиссии за счет закупки Центральным банком облигаций в обращении).

Существенным моментом является и то, что финансирование крупных проектов развития национальной экономики посредством банков развития, черпающих свои ресурсы на долговых рынках внутри страны, фактически *не приводит к увеличению внешнего долга государства*.

* * *

Проведенный анализ моделей фондирования наиболее крупных азиатских банков развития указывает на наличие ряда преимуществ, которые получают как сами банки, так и государство при широком использовании долговых инструментов в качестве основы самофинансирования. Более того, в качестве косвенного подтверждения преимуществ рассмотренной модели выступает успешное и эффективное в целом функционирование рассмотренных банков в течение длительного срока. При этом китайские и японские кредитные институты развития качественно решают стоящие перед ними задачи — как в условиях бурного развития экономики (КНР), так и в условиях стагнации и сложной ситуации на национальных рынках (Япония).

Если же обратиться к опыту российского Внешэкономбанка, то сразу становится очевидной (табл. 8) разница в подходах к привлечению средств, выражающаяся как в невысокой доле задействования в самофинансировании долговых инструментов (по состоянию на сентябрь 2016 г. — порядка 31,7%²⁰ в объеме привлеченных средств), так и в ярко выраженной ориентированности ВЭБа на зарубежный облигационный рынок (более 67%²¹ долгового портфеля в 2016 г. приходилось на еврооблигации). Использование текущей структуры фондирования в свою очередь порождает ряд угроз, включающих перекос финансирования за счет привлечения прямых вливаний правительства и ЦБ, а также за счет кредитов коммерческих банков, слабую валютную и географическую диверсификацию используемых банком долговых инструментов, ярко выраженное доминирование евробондов в портфеле и прочее.

В связи с этим рассмотренный азиатский опыт мог бы лечь в основу совершенствования моделей фондирования отечественного кредитного института развития с целью выработки качественно новой структуры фондирования, позволяющей нивелировать указанные угрозы и повысить эффективность работы ВЭБ в целом. Естественными путями оптимизации модели финансирования ВЭБа, таким образом, могли бы стать следующие направления:

- наращивание в пассивах доли средств, привлеченных на долговых рынках с конечной целью значимого доминирования облигаций как источника финансирования;
- расширение участия банка в местном долговом рынке, увеличение эмиссии рублевых долговых бумаг, в том числе под гарантии (или под погашение) правительства РФ;
- углубление диверсификации валют размещаемых облигаций (в частности, одним из направлений такой работы могло бы стать активное включение ВЭБа в планируемый запуск торговли юаневыми бондами на российской площадке, что позволило бы в перспективе расширить возможности инвестиционного взаимодействия с азиатскими рынками и компаниями КНР);
- выход на азиатские финансовые (долговые) рынки в целях, как минимум, уравнивания европейских и американских долговых инструментов в портфеле.

-
1. Роль банков развития в реализации стратегических интересов государства: Аналитический отчет / Центр экономических и финансовых исследований и разработок (ЦЭФНР). 2014. № 40. С. 11. URL: <http://www.cefir.org/index.php?l=rus&id=493> (дата обращения: 23.07.2016).
 2. Подробнее см.: *Вдовин А.Н.* Политические банки в экономике страны (на примере КНР) // Международный научный институт «Educatio». 2015. № 3 (10). С. 86–89. URL: <http://studydoc.ru/doc/2137670/politicheskie-banki-v-e-konomike-strany/> (дата обращения: 05.09.2016).
 3. Рассчитано автором по: Чжунго иньханьэ гуангу вэйюанхэй 2015: [Годовой отчет Комиссии по надзору и регулированию банковской деятельности КНР за 2015 г.] Табл. 1 Приложения, с. 192. [Zhōngguó yínháng yè jiāndū guānlǐ wēiyuánhui 2015 niánbào, China Banking Regulatory Commis-

- sion Annual Report 2015, table 1, p. 192] URL: <http://www.cbrc.gov.cn/chinese/files/2016/6C1DEC063D6442B289B7C24F662D2E52.pdf> (дата обращения: 03.10.2016).
4. Следует подчеркнуть, что термин «чжэньчжи иньханьэ», иногда переводимый на рус. яз. как «политические банки», употребляется в самом Китае в том смысле, что указанные кредитно-финансовые учреждения, являясь полностью государственными, имеют своей целью прежде всего содействие в реализации конкретных директивных установок руководства в экономической сфере т.е. различных государственных программ. Разумеется, не следует понимать данный термин как обозначение какого-либо участия и роли непосредственно в политической жизни страны. (*Прим. ред.*)
 5. Савинский С.П., Смахтин Д.А. Банки Развития Китая // Деньги и кредит. 2007. № 5. С. 63–68.
 6. Рудько-Силиванов В.В., Зубрилова Н.В. Экономика АТЭС: Потенциал банковского сектора в финансовой стабильности и интеграции / под ред. акад. РАЕН В.К. Сенчагова. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2012. С. 180.
 7. В 2008 г. активы банка составляли лишь 3,8 трлн юаней, в 2010 г. уже 5,1 трлн юаней, а в 2011–6.2 трлн юаней (по данным годовых отчетов Китайского банка развития).
 8. China Development Bank Annual Report 2015. Financial Summary. P. 180. URL: <http://www.cdb.com.cn/english/Column.asp?ColumnId=91>, (дата обращения: 13.09.2016).
 9. Особенности деятельности Китайского банка развития: Доклад / Департамент стратегического анализа и разработок ВЭБ. 2012. С. 10–12. URL: http://www.veb.ru/common/upload/files/veb/ analytics/stman/sm201212_1.pdf (дата обращения: 14.10.2016).
 10. China Development Bank Annual Report 2015. Financial Summary. P. 180. URL: <http://www.cdb.com.cn/english/Column.asp?ColumnId=91>, (дата обращения: 13.09.2016).
 11. Стоит отметить, что в финансовой отчетности КБР используется временная градация облигаций, отличающаяся от принятой в большинстве западных стран. Так, в КНР облигации до 1 года называются краткосрочными (*duanqi*), от 1 года до 5 лет — среднесрочными (*zhongchangqi*), от 5 до 10 — долгосрочными (*changqi*), свыше 10 лет — супердолгосрочными (*gaochangqi*)
 12. The Export-Import Bank of China Annual Report 2015. P. 5. URL: http://english.eximbank.gov.cn/tm/en-AR/index_634_29302.html (дата обращения: 13.09.2016).
 13. Agricultural Development Bank of China Annual Report 2014. P. 31. URL: http://www.adbc.com.cn/templates/T_secondEN/index.aspx?nodeid=89.
 14. Ibid. P. 33.
 15. Ibid. P. 40.
 16. Development Bank of Japan Annual Report 2016. P. 148. URL: <http://www.dbj.jp/en/ir/financial/disclosure.html> (дата обращения: 13.09.2016).
 17. FILP — Financial Investment and Loan Program, программа Правительства Японии, направленная на осуществление заимствований и реализацию госинвестиций, при этом основным механизмом привлечения средств является выпуск гарантированных государством FILP облигаций.
 18. Sanderson H., Forsythe M. China's Superbank: Debt, Oil and Influence — How China Development Bank is Rewriting the Rules of Finance, John Wiley and Sons, 2013. P. 69.
 19. China's Bond Market Overview 2015. China Central Depository & Clearing Co. P. 93. URL: <http://www.chinabond.com.cn/Channel/318983?> (дата обращения: 13.09.2016).
 20. Презентация для инвесторов, сентябрь 2016. P. 12. Официальный сайт ВЭБ. URL: http://www.veb.ru/common/upload/files/veb/msfo/ir_pr_r1610.pdf (дата обращения: 18.10.2016).
 21. Ibid. P. 14.

Развитие передовых производственных технологий в КНР: задачи, результаты, вызовы (на примере робототехники)

© 2017

И.В. Данилин, М.П. Глотова

Замедление темпов роста экономики поставило перед Китаем задачи по комплексной технико-технологической модернизации производства, в том числе за счет внедрения систем автоматизации и промышленных роботов. В статье предпринимается попытка анализа перспектив и эффективности проводимой политики, а также ее долгосрочных последствий, включая социально-экономические изменения, с учетом прорывного потенциала робототехники.

Ключевые слова: передовые производственные технологии, научно-технологическая политика Китая, инновационное развитие, социально-экономическое развитие.

Предпосылки внедрения передовых технологий

С начала экономических реформ в 1978 г. в Китае, как и в большинстве других быстрорастущих экономик, обрабатывающая промышленность играла ведущую роль в развитии экономики, обеспечивая рост экспорта, прямых иностранных инвестиций и занятости. С начала 2000-х годов Китай занял ведущие позиции по объемам промышленного экспорта, с 2006 г. стал крупнейшим экспортером продукции высоких технологий, а в 2012 г. обогнал США, став крупнейшим центром промышленного производства в мире (в пересчете на добавленную стоимость)¹.

Длительное время ключевым преимуществом Китая оставалась низкая стоимость рабочей силы, но уже в 2000-х и, особенно, в 2010-х годах она стала расти. В 2001–2003 гг. почасовая оплата труда китайских рабочих росла в среднем на 12% в год², высокие темпы прироста сохранялись вплоть до 2010 г., с небольшим снижением данный тренд продолжается в последние годы³. В период с 2010 по 2016 г. среднемесячная оплата труда в КНР выросла примерно в 2 раза, с 1120 до 2190 юаней⁴. По оценкам аналитиков, к 2019 г. почасовая зарплата китайского рабочего будет составлять 177% от соответствующего показателя во Вьетнаме и 218% — в Индии⁵. Как следствие, по данным Международной организации труда, на КНР приходится около 45% от общего показателя прироста оплаты труда в глобальном масштабе.

Данилин Иван Владимирович, кандидат политических наук, заведующий Сектором инновационной политики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. E-mail: danilin.iv@imemo.ru.

Глотова Мария Павловна, младший научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. E-mail: MariaGlотоваQL@yandex.ru.

Статья выполнена при поддержке РФФИ, грант № 14–29–05090 «Разработка методов междисциплинарного анализа развития и оценки востребованности «прорывных» технологий (на примере передовых производственных технологий и «интеллектуальной» электроэнергетики)».

Важнейшей проблемой, однако, является не само повышение стоимости труда китайских рабочих, а опережающий рост оплаты относительно динамики изменения производительности труда⁶ (рис. 1) и квалификации занятых.

Прирост производительности труда в 2015 г. стал самым низким за последние 15 лет (всего на 6,6%, тогда как в 2010 г. — почти на 9%)⁷. По соотношению цена/качество китайские работники по отдельным направлениям стали проигрывать, с одной стороны, США и странам Западной Европы (с учетом уровня квалификации), а с другой (по цене) — Вьетнаму, Индии, Индонезии⁸, прочим развивающимся странам Азиатско-Тихоокеанского региона. Знаковым в последнем отношении можно считать тот факт, что сами китайские предприятия уже вынуждены переносить производства в такие страны, как Вьетнам и Бангладеш.

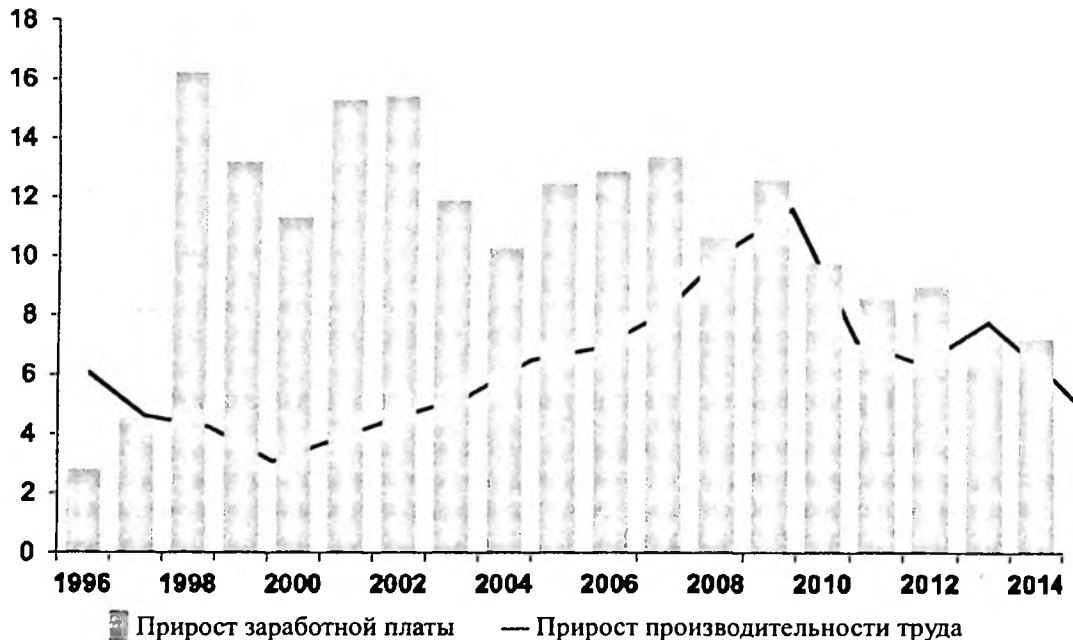

Рис. 1. Темпы среднегодового прироста производительности труда и средней заработной платы (с учетом инфляции)

Источники: China Statistical Yearbook. 2010. National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2010/indexeh.htm>; China Statistical Yearbook. 2015. National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm>; China's Productivity Growth is the Worst Since the Asia Crisis. Bloomberg News. September 6, 2016. (со ссылкой на данные Международной организации труда) URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-09-05/china-s-productivity-growth-is-the-worst-since-the-asia-crisis>

В КНР существует острая нехватка квалифицированных кадров, особенно по перспективным направлениям компетенций. Например, как полагают международные эксперты, в одном лишь Дунгуане (по китайским меркам — промышленном центре «среднего» масштаба) существует нехватка примерно миллиона квалифицированных рабочих⁹. Зарубежные исследователи отмечают, что при значительном абсолютном росте выпуска специалистов с высшим образованием специалисты с востребованным инже-

нерным образованием не располагают навыками, необходимыми для работы на современных предприятиях¹⁰.

В совокупности с прочими факторами, изменение соотношения «цена — качество» рабочей силы провоцирует процессы так называемого рещоринга, то есть «возвращения» части производственных мощностей из КНР в развитые страны¹¹.

Существенны также демографические процессы и общие вопросы занятости. Несмотря на абсолютный рост населения (по данным Всемирного банка, на 2015 г. население КНР составило 1,37 млрд человек¹²), доля трудоспособного населения снижается, ускоряются темпы прироста населения старше 60 лет. В 2015 г. население Китая старше 60 лет составило 180 млн человек, к 2020 г., по прогнозам, оно составит 240 млн, а к 2030 г. — уже 360 млн человек, то есть 20% и 27% от всего населения соответственно¹³. Как следствие, растет социальная нагрузка, что требует, в том числе, более высоких темпов экономического роста, роста конкурентоспособности. При этом с учетом квалификационных вызовов и объективной необходимости изменения структуры производства и более общие вопросы занятости остаются актуальными. Уже в 12-м пятилетнем плане отмечалось, что существует потребность ежегодного создания примерно 25 млн рабочих мест в городах при возможности создавать не более 9 млн¹⁴. В силу общего тренда снижения трудоемкости производства в обрабатывающей промышленности и ограниченной способности сектора традиционных услуг абсорбировать новых работников выше определенных уровней только интенсивное развитие может стать решением проблемы — в том числе, за счет роста специализированных промышленных услуг, IT-сектора и т.д.

В данном контексте значимой проблемой для КНР остается качество промышленного роста. Речь идет как о повышении технологической сложности производств, так и о снижении зависимости от импорта ряда наиболее сложных и дорогостоящих компонентов, подсистем и услуг, а также производственного оборудования из развитых стран — особенно в сфере «хай-тек». Доля импорта в себестоимости экспортных товаров остается высокой, что фиксируется как экспертами, так и на уровне баз данных ОЭСР (проект TiVA)¹⁵. С другой стороны, нерешенной остается проблема создания собственных, не заимствованных и не «имитирующих» инноваций. Лишь небольшое число инновационных решений можно признать по-настоящему китайскими, причем немалая их часть относится к реверсивному инжинирингу или «бережливому» инновациям. Теоретически, они также имеют существенный, даже прорывной потенциал, но в настоящее время он не реализован.

Наконец, все более серьезны экологические вызовы (получают все больший социальный резонанс), спровоцированные массовым ростом традиционных, в основном «грязных», отраслей. Даже безотносительно к специальным экологическим мероприятиям, рост технологичности обрабатывающей промышленности и концентрация на более высоких переделах позволит качественно улучшить ситуацию в данной сфере.

Дальнейшее развитие экономики КНР, таким образом, делает безальтернативным взаимосвязанные процессы повышения производительности труда, создания высокопроизводительных рабочих мест, качественного расширения возможностей по разработке и производству наиболее передовых технологических решений и оригинальных инноваций.

Проблема осмыслена китайским руководством давно. В частности, задача создания «отечественных» (indigenous) инноваций была зафиксирована еще в 2006 г. в «Государственном средне- и долгосрочном плане развития науки и технологий (2006–2020)» (далее — План развития науки и технологий)¹⁶, ключевом государственном документе по науке и технологиям после пятилетних планов развития. Но несмотря на постепенное улучшение позиций в сфере производства сложной технологической продукции и реализации инновационной деятельности, структурные изменения остаются недостаточными и протекают с меньшими, чем ожидалось, темпами. К тому же длительное время огромный резерв дешевых трудовых ресурсов, постоянный приток прямых иностранных инве-

стиций и мощные меры государственного стимулирования экономики снимали остроту вопроса о модернизации, повышении технологичности и инновационности обрабатывающей промышленности.

С учетом же общего «замедления» экономики КНР руководство страны, бизнес-круги и научно-экспертное сообщество пришли к выводу о необходимости комплексной технико-технологической модернизации обрабатывающей промышленности с акцентом на применение новых производственных технологий, в том числе как условие появления новых рыночных ниш и даже индустрий, а также возможностей инновационного развития.

В числе новых производственных технологий следует акцентировать аддитивные технологии и связанные с ними специализированные ИТ-продукты и услуги (компьютерное моделирование и инжиниринг и пр.), промышленную и сервисную робототехнику, новые материалы, Интернет вещей и ряд иных направлений¹⁷.

Планы и программы по внедрению передовых производственных технологий

Поскольку государственная политика остается наиболее значимым фактором научно-технологического и инновационного развития страны, при анализе тематики развития передовых производственных технологий прежде всего следует обратиться к национальным программным и плановым документам КНР по экономическому и научно-технологическому развитию.

Первым по времени и до сих пор наиболее значимым документом остается указанный ранее План развития науки и технологий до 2020 года¹⁸, с одной стороны, определяющий долгосрочную канву государственной научно-технологической и инновационной политики, а с другой — детализирующий для научно-технологической сферы основные положения пятилетних планов. Развитие технологий передового производства рассматривается в данном документе в качестве одного из направлений информатизации, повышения производительности труда и экологизации («озеленения») производства в КНР. В 12-м пятилетнем плане развития (2011–2015) перечисленные выше приоритеты нашли отражение, в частности, в направлении «высокотехнологичное производство», однако как отдельная категория передовые производственные технологии указаны не были¹⁹.

Таким образом, уровень институционализации и мероприятия по развитию ППТ в КНР явно были недостаточны сравнительно с масштабами вызовов и даже в сравнении с аналогичными стратегиями ведущих развитых стран.

Работа по формулированию полноценной политики технологического развития и обновления национальной обрабатывающей промышленности (прежде всего, машиностроения, электронной и подобных технологичных отраслей) началась уже после принятия 12-го пятилетнего плана. Переломный момент наступил в 2015 г., когда замедление темпов роста китайской экономики стало очевидным, заставив руководство КНР говорить о «новой норме» роста до 7% в год. В мае 2015 г., после более двух лет разработки Министерством промышленности и информационных технологий, Государственный совет КНР представил программу «Сделано в Китае 2025» (более известна по своему английскому переводу — «Made in China 2025»)²⁰. Хронологически программа была обнародована до начала кризисных явлений на китайских биржах в 2015 г. и была представлена как масштабный, но *специализированный*, отраслевой документ. Однако в контексте ухудшения состояния экономики Китая она получила более глубокое значение — как ответ на растущие социально-экономические вызовы за счет повышения технологичности и инновационности ключевой группы отраслей.

«Сделано в Китае 2025» стала первой полноценной национальной программой, предусматривающей комплексные усилия по разработке и поддержке применения

новых поколений производственных технологий в китайской обрабатывающей промышленности²¹.

Основные идеи «Сделано в Китае 2025» заимствованы из германской концепции «Индустрия 4.0» и аналогичных документов Японии, США и Великобритании²². Причем по целому ряду причин факт заимствования не скрывался, а едва ли ни подчеркивался китайским руководством. Во-первых, он отражал рациональный фокус на лучшие мировые подходы как ориентиры для развития КНР (заметим, что аналогичные документы США и Великобритании, например, находятся под сильным влиянием германской концепции). Кроме того, с учетом все еще «догоняющей» модели экономического и инновационного развития Китая подобный подход обеспечивал снижение рисков и неопределенностей развития в пользу уже намеченных странами-лидерами путей. Во-вторых, вероятно, свою силу сохраняют и политико-психологические паттерны, связанные с идеологией «догнать и перегнать» страны-лидеры. При всех заявлениях об эндогенных инновациях и особенностях развития экономики КНР китайские элиты пока остаются в фарватере не только технологического, но и концептуального развития стран Запада.

Перечень 10 ключевых направлений новой программы включает в себя информационные технологии нового поколения, высокотехнологичные станки с числовым программным управлением и робототехнику, оборудование для авиакосмической промышленности, инженерную океанографическую технику и высокотехнологичные суда, передовое оборудование железнодорожного транспорта, энергосбережение и новый автомобильный транспорт, электрооборудование, сельскохозяйственное оборудование, новые материалы, биомедицину и высокотехнологичное медицинское оборудование²³.

Параллельно и в обеспечение промышленно-технологического развития «Сделано в Китае 2025» предусматривает стимулирование роста малых и средних технологических предприятий как «движущей силы» инноваций и интернационализации китайской обрабатывающей промышленности²⁴.

Существенным отличием от предшествующих документов является также более «либеральный» подход к реализации мероприятий. В частности речь идет об отказе от политики «уникальных» (т.е. не совпадающих с международными) национальных технологических стандартов и регламентов в пользу более рыночных процедур разработки технической политики²⁵.

Изменения в государственной политике были закреплены в 13-м пятилетнем плане развития до 2020 г. (опубликован в марте 2016). 13-й пятилетний план официально зафиксировал «новую норму» роста экономики КНР на уровне 6,5% в год. Прямым следствием изменений социально-экономических условий стало то, что в данном плане (в отличие от предшествующих аналогичных документов) на первое место поставлена «стратегия развития с драйвером в виде инноваций»²⁶.

Документ является своего рода «завершающим» в отношении реализации «Плана развития науки и технологий» и «стартовым» для «Сделано в Китае 2025». В этом отношении показательно, что перечисление стратегических отраслей в 13-м плане совпадает с программой «Сделано в Китае 2025», но при сохранении отраслей, указанных в «Плане развития науки и технологий». В соответствии с идеологией Индустрии 4.0 (как базы «Сделано в Китае 2025») в документе сделан акцент в том числе на Интернет вещей (IoT), технологии Интернет+ и т.д.²⁷

В совокупности «Сделано в Китае 2025» и 13-й пятилетний план определяют пространство государственной политики в сфере передовых производственных технологий. Причем в фокусе оказывается разработка новых технологий и технико-технологическая модернизация избранных отраслей, а также новые индустрии, которые будут развиваться за счет этого процесса и позволят (теоретически) экономике КНР совершить качественный скачок в развитии.

Далее мы сосредоточим внимание на проблеме развития робототехники в КНР. Выбор объясняется сразу несколькими причинами. Робототехника объективно является одним из приоритетов программы «Сделано в Китае 2025», обеспечивает реализацию обоих вышеуказанных направлений развития промышленности КНР, в наибольшей мере наблюдается статистически и при этом имеет наиболее радикальные (в среднесрочной перспективе) последствия для китайской обрабатывающей промышленности и экономики в целом.

Состояние робототехники и роботизация в КНР

В настоящее время Китай является крупнейшим в Азии производителем оборудования для автоматизации производства и, в гораздо меньшей мере, классической робототехнической продукции. Однако данный показатель достигается за счет оборудования, производимого зарубежными компаниями в Китае по контракту, а также расширенному импортозамещению, что не всегда приводит к сопоставимому росту качества и технологичности продукции.

Идет интенсивное распространение промышленных робототехнических комплексов (РТК) в КНР. Если до 2006 г. Китай слабо фигурировал в общемировой статистике, то за последние пять лет продажи росли стремительно. В одном 2013 г. они выросли на 60%, а в 2014 г. — еще на 56%, сделав Китай крупнейшим рынком промышленных РТК в мире с совокупным объемом продаж более 57 000 единиц — больше, чем США или Японии²⁸.

Роботизация предприятий в Китае идет ускоренными темпами при поддержке и стимулировании государства. Одним из ярких примеров стал завод модулей для мобильных телефонов компании Changying Precision Technology в Дунгуане, который в 2015 г. заменил персонал в 600 человек на 60 промышленных роботов. При этом производительность труда выросла на 250%, а уровень брака снизился с 25% до 5% — что принципиально значимо для Китая. Этот завод стал примером «первой фабрики без людей» в КНР. Оставшийся персонал главным образом отвечает за управление роботами, техническое обслуживание и тому подобные операции²⁹. В 2016 г. компания Foxconn инициировала программу комплексной роботизации своих производств в КНР с перспективой увольнения до 600 тыс. рабочих³⁰.

Параллельно и в координации с постепенным ростом роботизации промышленности идет последовательное направленное развитие китайских компаний-производителей промышленной робототехники. Господдержка направляется как отечественным компаниям-производителям РТК, так и тем предприятиям, которые устанавливают их на производстве. Что касается объемов поддержки, то лишь в одной провинции Гуандун (один из самых развитых регионов КНР) совокупный объем расходов на поддержку роботизации региональных фабрик и создания двух центров промышленной автоматизации оценивается в более чем 150 млрд долл.^(!)³¹

Как следствие, наблюдается быстрый рост национальной индустрии. Продажи робототехники китайских компаний только в 2013 г. выросли на 78% до 16 000 единиц, а в 2015 г. китайскими компаниями было произведено уже 33 000 единиц промышленных РТК. Согласно опубликованной в апреле 2016 г. Министерством промышленности и информационных технологий директиве, объемы производства промышленных роботов планируется утроить к 2020 г. до 100 000³² — что, впрочем, несколько сомнительно (с точки зрения продаж, а не «отчетного» выпуска продукции). Предполагается, что к середине 2020-х годов Китай из чистого импортера промышленной робототехники станет ее нетто-экспортером.

Наконец, КНР активно развивает и сервисную робототехнику — наиболее быстрорастущий и перспективный сегмент современного рынка роботов. Данная техника востребована как в промышленности и логистике, так и в сфере услуг, в том числе в здраво-

охранении, научных исследованиях, а также (на перспективу) в бытовой сфере. Министерство науки и технологий Китая заявило о планах выпуска соответствующей продукции на общую сумму 4,6 млрд долл. к 2020 г.³³

Проблемы и вызовы внедрения передовых производственных технологий на примере робототехники

Поставленные руководством КНР цели свидетельствуют о более трезвой и объективной оценке положения Китая в мире и его потенциала относительно передовых развитых стран. В этом отношении показательно появление в государственных документах вполне разумной идеи комплексной технико-технологической модернизации производства как первичной задачи национального масштаба — наряду с уже неотменяемой риторикой об «эндогенных» инновациях.

Между тем ситуация далеко не однозначна. Опять же, хороший пример дает сфера робототехники.

Одной из наиболее значимых проблем является низкая стартовая база развития. Несмотря на быстрый рост продаж, по такому ключевому показателю, как число установленных РТК на 10 000 занятых, Китай по-прежнему сильно отстает не только от наиболее развитых стран, но и от средних значений для Азии. В среднем в мире на 10 000 рабочих мест приходится 66 единиц РТК. Средние показатели по Азии (включая Японию, Австралию и Новую Зеландию) ниже мировых — 54 единицы, однако в Японии и Республике Корея (наряду с ФРГ — лидеры глобальной роботизации) уровень роботизации качественно выше — 314 и 478 РТК на 10 000 занятых соответственно. В Китае же уровень роботизации незначителен — в 2014 г. он составлял лишь 36 единиц (!) на 10 000 занятых³⁴. С учетом масштабов промышленного комплекса КНР достижение качественно более высокого уровня роботизации потребует значительного времени и огромных инвестиций.

Этот вызов усиливается тем, что Китай до сих пор склонен делать акцент на количественные, а не качественные показатели развития. Так, государство стимулирует массовую роботизацию производств в ряде случаев форсированным способом. Как иллюстрирует пример завода в Дунгуане, под давлением местных властей, которым официальный Пекин поставил жесткие требования, предприятия внедряют РТК и увольняют рабочих просто для достижения необходимых контрольных показателей. По некоторым экспертным оценкам, поощрение роста объемов «национального» производства не сопоставимым ростом качества и технологичности, сохраняется высокая зависимость от импорта ключевых компонентов и подсистем³⁵.

Из-за повышенного внимания к количественным показателям неоднозначна и картина инновационной активности китайских университетов в сфере робототехники и иных передовых производственных технологий. В результате госстимулирования вузы являются одним из основных источников новых патентов (около 50% всех заявок³⁶) по данной и иным «прорывным» темам. Теоретически рост НИОКР и патентования по робототехнической тематике в вузах должен стать базой активизации технологических работ бизнес-сектора (за счет кооперации с вузами) и источником новых стартапов. В реальной же ситуации, по оценкам Ма Ли, директора Шэньчжэньского исследовательского института при Университете Цинхуа, значительная часть китайских университетских робототехнических разработок имеет лишь ограниченную связь с реальными требованиями рынка и, судя по всему, не выйдет за пределы лабораторий³⁷.

С учетом кадровых, компетенционных и технологических ограничений разумным выходом является расширение международной кооперации: создание альянсов и партнерских научно-технологических программ с ведущими зарубежными производителями, поглощения малых инновационных компаний (стартапов) по перспективным направлениям робототехники, средних и крупных рыночных игроков в сфере традицион-

ных промышленных решений. Во многом этот процесс уже наблюдается, отражая рационализацию позиции партийно-политического руководства и связанных с ним корпоративных элит. В частности, китайская Midea Group Co в 2017 г. стала основным акционером (немногим менее 50%) германской Kuka Robotics³⁸. Однако параметры и результаты этого процесса еще предстоит оценить, в том числе с точки зрения совокупных положительных эффектов для экономики и инновационной сферы КНР (включая перетоки знания, импорт компетенций и пр.)

Слабо осознается и учитывается также весь комплекс эффектов новых технологий и последствий их применения на социально-экономические показатели КНР. Между тем именно этот вызов остается наиболее значимым на долгосрочную перспективу, так что, решая существующие задачи технологической модернизации, китайское руководство может столкнуться с целым комплексом новых проблем. Основной проблемой является то, что внедрение передовых технологий в совокупности с ростом прямых иностранных инвестиций в более «дешевые» страны и иными процессами создают значимый риск снижения занятости и доходов низко- и среднеквалифицированных кадров в западных и южных провинциях, а впоследствии и в ряде других регионов страны (самым уязвимым сегментом оказываются мигранты из деревень). Иллюстрацией масштабов потенциального высвобождения труда может служить следующая оценка: по мнению ряда европейских экспертов, если бы при строительстве инфраструктурных объектов в КНР использовалось преимущественно передовое оборудование, до 6 млн рабочих — мигрантов из деревень не получили бы работу³⁹. К подобному вызову Китай, очевидно, не готов — особенно в контексте ожидаемого роста затрат на социальное обеспечение лиц старшего возраста.

Наконец, представляется существенным преувеличением просматривающаяся связь идей о технологическом обновлении базовых отраслей обрабатывающей промышленности и реализацией инновационного потенциала.

Выводы

Процесс технологической модернизации китайской промышленности является одним из ключевых как для сохранения национальной конкурентоспособности, так и для дальнейшего развития экономики КНР. Общее повышение технологичности производств как условие перехода к выпуску более сложных и инновационных товаров, синергетические эффекты, формирование нового дополнительного емкого внутреннего спроса на продукцию хай-тек и наукоемкие услуги, а также иные факторы могут стать одним из слагаемых успеха в процессе давно заявленного перехода страны к «отечественным» инновациям. Условия развития также в целом благоприятны, в том числе потому, что развитие и робототехники, и иных передовых решений являются прямым следствием и естественным рациональным ответом на накопленные объективно фиксирующиеся проблемы и асимметрии развития китайской экономики и социальной сферы (принципиально важно для нормального, а не искусственного развития «прорывных» технологий).

Поскольку процесс развития передовых производственных технологий для Китая не является органическим (как в наиболее развитых странах) и несет на себе отпечаток «догоняющей» модели развития, значительные вызовы в данной сфере связаны с государственной политикой. Требуется грамотная, учитывающая, в том числе, социальное и управленческое измерения процесса модель постепенного перехода к новому типу производства и производственных отношений, но на данный момент эта задача далеко не всегда в полной мере осознается как руководством страны, так и бизнес-кругами.

Здесь как раз возникает один из наиболее серьезных вызовов. При анализе официальных документов и рефлексий в китайских официальных СМИ создается ощущение, что власти рассматривают технико-технологическую модернизацию как едва ли

не универсальное решение существующих проблем (прежде всего — снижения темпов экономического роста страны и прироста производительности труда). Прочие проблемы учитываются, но, судя по всему, предполагается, что они будут «автоматически» решены за счет преодоления среднесрочных ограничений роста ВВП — в том числе, в рамках технико-технологической модернизации машиностроения, электронной и ряда иных отраслей обрабатывающей промышленности. С известной долей осторожности можно говорить о том, что технологическая модернизация выступает как своего рода субститут более глубоких структурных реформ и институциональных преобразований, или как процесс, долженствующий выиграть время для их проработки и реализации. Если данная гипотеза верна, то можно говорить о своего рода паттерне политики развивающихся стран и стран догоняющего развития — так как совпадающие мотивы просматриваются и в политике РФ (достаточно напомнить историю развития нанотехнологий, ныне — Национальную технологическую инициативу и пр.)

В реализации поставленных целей Китай, таким образом, находится на перепутье. Процесс запущен, и его темпы нарастают, что, без сомнения, приведет к изменениям динамики промышленно-технологического развития. Вместе с тем достижение заявленных качественных результатов — опять же, как и в случае с любыми «прорывными» инновациями — зависит далеко не только от объема инвестиций, высоких целевых значений внедрения новой техники, регистрации объектов интеллектуальной собственности или иных формальных показателей.

С одной стороны, развитие и внедрение передовых производственных технологий (что видно на примере робототехники) требует комплексного решения целого класса задач. Это включает создание условий для нормальной перестройки производственных, управленческих и бизнес-процессов в индустрии, формирования системы сервисов и обеспечивающих наукоемких услуг; развитие научно-технологической базы в привязке к рыночным требованиям и перспективным задачам, а также сегмента малых инновационных предприятий для обеспечения динамичного роста отрасли; подготовку кадров с необходимыми компетенциями. С другой стороны, положительно необходимы снижение директивных практик в пользу известного баланса государственных задач и интересов бизнес-сектора, работа с экономическими агентами и отдельными социальными институтами (например, профсоюзами) — в части повышения их информированности о новых технологиях и их возможностях, создание условий для формирования экосистем инноваций как коллективных субъектов — фасилитаторов процесса, и, главное, институциональные реформы, способные трансформировать технологические эффекты в инновационные, а также развитие человеческого капитала (а не просто кадровые программы).

Невыполнение этих условий приведет к ограничению совокупных положительных эффектов от реализации даже наиболее инновационных решений, тогда как и небольшие улучшения способны существенно продвинуть Китай в реализации его амбициозных целей. Как следствие, дальнейшее развитие робототехники и иных передовых производственных технологий и, главное, повышение инновационной наполняющей данного процесса требует известной коррекции первоначальных подходов КНР. Вопрос лишь в том, готово ли китайское руководство пересмотреть стандартную модель «догнать и перегнать» и учесть китайскую специфику для успешной технико-технологической модернизации страны.

1. The Future of Manufacturing. Opportunities to Drive Economic Growth // World Economic Forum report. April 2012. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_MOB_FutureManufacturing_Report_2012.pdf (дата обращения: 21.03.2017).

2. A tightening grip // *The Economist*. 12 Mar 2015. URL: <http://www.economist.com/news/briefing/21646180-rising-chinese-wages-will-only-strengthen-asias-hold-manufacturing-tightening-grip> (дата обращения: 21.03.2017)
3. См.: China Statistical Yearbook 2010// National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2010/indexeh.htm>; China Statistical Yearbook 2015// National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm> (дата обращения: 21.03.2017).
4. Global Wage Report 2014/15. Wages and income inequality // International Labor Organization. 2015. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—dgreports/—dcomm/—publ/documents/publication/wcms_324678.pdf (дата обращения: 21.03.2017).
5. The Future of Manufacturing. Making Things in a Changing World // Deloitte University Press. 2015. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/za/Documents/manufacturing/ZA_Future_of_Manufacturing_2015.pdf (дата обращения: 21.03.2017).
6. China's Productivity Growth is the Worst Since the Asia Crisis// Bloomberg News. September 6, 2016 (со ссылкой на данные Международной организации труда). URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-09-05/china-s-productivity-growth-is-the-worst-since-the-asia-crisis> (дата обращения: 21.03.2017).
7. Там же.
8. 2013 Global Manufacturing Competitiveness Index. URL: http://www.nist.gov/mep/data/upload/dttl_2013-Global-Manufacturing-Competitiveness-Index_11_15_12.pdf (дата обращения: 21.03.2017).
9. The Future of Manufacturing. Making things...
10. Gereffi G., Wadhwa V., Rissing Ben A., Ong R. Getting the Numbers Right: International Engineering Education in the United States, China, and India // *Journal of Engineering Education*. 2008. Vol. 97. No. 1. URL: http://www.cggc.duke.edu/pdfs/Gereffi_JEE_Gettingthenumbersright-USChina&India_Jan2008.pdf (дата обращения: 21.03.2017).
11. Manufacturing Moves Back to the U.S. // BCG Perspectives. January 29, 2015. URL: https://www.bcgperspectives.com/content/infographics/globalization_supply_chain_management_manufacturing_reshoring/ (дата обращения: 21.03.2017); *Za Valentina*. The Lure Of Cheap Chinese Manufacturing Is Fading For European Companies // *Business Insider*. Dec. 1. 2014. URL: <http://www.businessinsider.com/r-euro-zone-companies-come-home-as-asian-costs-rise-2014-12> (дата обращения: 21.03.2017).
12. Population, total // World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=CN> (дата обращения: 21.03.2017).
13. Wayne M. Morrison. China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, and Implications for the United States // Congressional Research Service. October 21, 2015. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33534.pdf> (дата обращения: 21.03.2017).
14. China Human Development Report. 2013. Sustainable and Liveable Cities: Toward Ecological Urbanization // Compiled by United Nations Development Program. June 2013. URL: http://www.cn.undp.org/content/china/en/home/library/human_development/china-national-human-development-report-2013.html (дата обращения: 21.03.2017).
15. Trade in Value Added (TiVA) // OECD. URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA2015_C2 (дата обращения: 21.03.2017).
16. В качестве ключевых положений данного плана можно выделить: увеличение расходов на НИОКР до 2,5% от ВВП к 2020 г., при этом 60% роста экономики Китая будут обеспечиваться за счет научно-технического прогресса, а зависимость роста от инноваций «извне» должна снизиться до 30%. См.: URL: http://www.gov.cn/jrzq/2006-02/09/content_183787.htm (дата обращения: 21.03.2017).
17. См. подробнее: *Дежина И.Г., Пономарев А.К., Данилин И.В. и др.* Новые производственные технологии. Публичный аналитический доклад. В 2 т. М.: Изд-во «Дело» РАНХиГС, 2015. URL: <https://rucont.ru/read/1079824?file=301327&f=1079824> (дата обращения: 21.03.2017).
18. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2006-02/09/content_183787.htm (дата обращения: 21.03.2017).
19. URL: http://www.china.com.cn/policy/txt/2011-03/16/content_22156007_4.htm (дата обращения: 21.03.2017).
20. URL: <http://www.miit.gov.cn/n11293472/n11293877/n16553775/n16553792/16594486.html> (дата обращения: 21.03.2017).

21. *Kennedy S.* Made in China 2025 // Center for Strategic and International Studies. June 1. 2015. URL: <https://www.csis.org/analysis/made-china-2025> (дата обращения: 21.03.2017).
22. URL: <http://www.miit.gov.cn/n11293472/n11293877/n16553775/n16553792/16594486.html> (дата обращения: 21.03.2017).
23. Там же.
24. Там же.
25. *Hibbard J.* Made in China 2025: Midea's Takeover Offer of Kuka Gives Insight Into China's Future Industrial Innovation Policies // Robotics Online. 25 May 2016. URL: http://www.robotics.org/content-detail.cfm/Industrial-Robotics-Editorials/Made-in-China-2025-Midea-s-Takeover-Offer-of-Kuka-Gives-Insight-Into-China-s-Future-Industrial-Innovation-Policies/content_id/6102 (дата обращения: 21.03.2017).
26. URL: http://sh.xinhuanet.com/2016-03/18/c_135200400.htm (дата обращения: 21.03.2017).
27. Там же.
28. Бум промышленных роботов в Китае // Russian Association of Robotics. 7 Nov. 2015. URL: <http://robotunion.ru/en/novosti/35-bum-industrialnykh-robotov-v-kitae> (дата обращения: 21.03.2017).
29. *Ackernat E.* Chinese 'Unmanned Factory' Replaces 600 Humans With 60 Robots // Spectrum. 13 Aug 2015. URL: <http://spectrum.ieee.org/automaton/robotics/industrial-robots/chinese-unmanned-factory-replaces-humans-with-robots> (дата обращения: 21.03.2017).
30. *Красильникова Ю.* Фоксонн заменит всех сборщиков на своих фабриках роботами // Хайтек. 4 января 2016. URL: https://hightech.fm/2017/01/04/foxconn_automation (дата обращения: 21.03.2017).
31. *Wadhwa V.* Why China won't own next-generation manufacturing // The Washington Post. August 26, 2016. URL: https://www.washingtonpost.com/news/innovations/wp/2016/08/26/why-china-wont-own-next-generation-manufacturing/?utm_term=.cd30e08a1e59 (дата обращения: 21.03.2017).
32. China to triple industrial robot production by 2020 // Xinhua. Apr 27. 2016. URL: http://english.gov.cn/state_council/ministries/2016/04/27/content_281475336534830.htm (дата обращения: 21.03.2017).
33. Там же.
34. *Hackett R.* Why robots are taking over China // Fortune. Jul 06, 2015. URL: <http://fortune.com/2015/07/06/robots-china/> (дата обращения: 21.03.2017); Бум промышленных роботов в Китае...
35. *Ray J., Atha K., Francis E., etc.* China's Industrial and Military Robotics Development // U.S.—China Economic and Security Review Commission. October 2016. P. 30–32. URL: http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/Research/DGI_China's%20Industrial%20and%20Military%20Robotics%20Development.pdf (дата обращения: 21.03.2017); Tech Innovations Boost Robot Sector // Chinese Academy of Sciences. Nov 09. 2016. URL: http://english.cas.cn/newsroom/china_research/201611/t20161109_170208.shtml (дата обращения: 21.03.2017); *Ernst D.* Advanced Manufacturing and China's Future for Jobs // East-west Center Working Paper. No. 8/ August 2016. URL: http://www.eastwestcenter.org/system/tdf/private/iegwp008_0.pdf?file=1&type=node&id=35747 (дата обращения: 21.03.2017)
36. China's IP Filings Maintain Robust Growth // State Intellectual Property Office of the P.R.C. 24 Mar. 2016. URL: http://english.sipo.gov.cn/news/iprspecial/201603/t20160324_1254985.html (дата обращения: 21.03.2017).
37. *Hao Nan.* Country developing new age of robotics with patent efforts // China Daily. 3 Feb 2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/kindle/2016-02/03/content_23375544.htm (дата обращения: 21.03.2017).
38. *Wei Daniela, Sheenagh Matthews.* China's Midea to Become Largest Investor in Germany's Kuka // Bloomberg. 4 Jul 2016. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-07-03/voith-sells-kuka-stake-to-china-s-midea-for-about-1-3-billion> (дата обращения: 21.03.2017).
39. The Industrial Internet: Robotics, Automation, and the Future of Manufacturing // Team Finland Future Watch Report 4/2014. URL: https://www.tekes.fi/globalassets/julkaisut/cm_the_industrial_internet_automation_robotics_and_the_future_of_manufacturing_v13.pdf (дата обращения: 21.03.2017).

Инфляция в контексте перестройки южнокорейской экономики

© 2017

А.Н. Федоровский

В статье анализируется политика регулирования инфляции в условиях становления и развития современной рыночной экономики в Республике Корея. Дана характеристика опыта инфляционного таргетирования, оценивается вероятность дефляции в южнокорейской экономике.

Ключевые слова: Республика Корея, инфляция, инфляционное таргетирование, дефляция, экономический рост.

Происходившая на протяжении последнего полувека трансформация экономической стратегии в Республике Корея (РК) наглядно проявилась в политике поддержания баланса между стимулированием экономического роста и регулированием инфляции. При этом на разных этапах развития страны приоритет отдавался решению наиболее значимых задач: проведению индустриализации и наращиванию внешнеэкономических связей, поддержанию социальной стабильности посредством сдерживания роста цен, реализации очередного цикла структурных изменений в экономике без втягивания в спираль дефляции.

Таким образом, анализ факторов экономического роста и ценовых колебаний предполагает их взаимосвязанную оценку, включающую изучение социально-экономических и политических процессов.

Обуздание неуправляемой инфляции и переход к «инфляции роста»

Особенностью экономических реалий 1950-х — начала 1960-х годов была высокая инфляция, которая порождалась не только разрушительными последствиями Корейской войны (1950–1953 гг.), но и конкретными действиями правительства.

Политика правящей администрации предусматривала насыщение экономики деньгами с целью поддержания ее функционирования в условиях ограниченности внутренних ресурсов и слабости банковской системы, неспособной играть адекватную роль в инвестиционном процессе. В 1953–1961 гг. среднегодовые темпы прироста денежной массы составляли 47,3% при среднегодовом уровне инфляции в 27,2%¹. На протяжении длительного времени важными источниками последней оставалась кредитная экспансия и мягкая денежная политика государства, приводившая к ослаблению национальной валюты — воны. Однако в условиях развернувшейся индустриализации и становления рыночных институтов среднегодовой прирост в 1962–1971 гг. денежного агрегата M2 по сравнению с предшествующим периодом сократился, составив 26,6%, а в 1972–

Федоровский Александр Николаевич, доктор экономических наук, заведующий сектором ИМЭМО РАН. E-mail: a.fedorovsk@imemo.ru.

Статья подготовлена в рамках Комплексной программы фундаментальных исследований ОГПМО РАН (проект «Экономические и социальные дисбалансы в макрорегионах современного мира»).

1986 г. — 24,6%. Правящей администрации удалось обеспечить достаточно плавное снижение валютного курса. В 1964–1979 г. вона обесценилась на 89,8%, что создало благоприятные условия для поддержания конкурентных преимуществ, обеспечивших ежегодный прирост совокупного экспорта, как правило, на 20–40%. Среди проблем, способствовавших сохранению высокого уровня инфляции, — ограниченность рыночной конкуренции, слабость малого и среднего бизнеса, масштабность коррупции.

Тем не менее по мере поэтапной реализации рыночных реформ и проведения политики индустриализации в Южной Корее устойчивой тенденцией стало увеличение предложения на внутреннем рынке товаров и услуг. При этом правительство, сохраняя меры по защите внутреннего рынка, проводило курс на поддержание внутренней конкуренции и тем самым резко ограничило возможности теневой экономики. Среднегодовые темпы прироста ВВП в 1962–1971 г. составили 8,7%, а в 1972–1986 г. — 8,0%.

Позитивные процессы в развитии экономики позволили скорректировать бюджетную политику в пользу перехода от дефицитного бюджета к сбалансированному. Все это способствовало противодействию инфляции, снизив рост цен с двузначных показателей, характерных для 1962–1981 г. Впрочем, добиться стабильных показателей роста потребительских цен в 1982–1992 г. не удалось: инфляция колебалась с 2,3 до 8,5%².

По-прежнему сохранялись такие факторы, как недостаточная развитость малого и среднего бизнеса (что негативно отражалось на обеспечении внутреннего спроса необходимыми товарами и услугами по оптимальным ценам), а также высокие издержки крупного бизнеса, ограниченного в возможностях использования аутсорсинга.

Южнокорейский опыт инфляционного таргетирования

Инерция экономических процессов, сложившаяся в 1980-е, проявилась и в 1990-е годы, когда среднегодовой уровень инфляции составлял 6,1% при том, что рост цен продолжал колебаться в пределах 4,5–7,5% (табл. 1). Однако проблема инфляции встала в повестку дня экономической политики из-за ухудшения экономического положения страны. Экономический кризис 1997–1998 г. сопровождался падением ВВП Южной Кореи (в 1998 г. на 5,7% при показателе инфляции в 7,5%). В значительной степени кризис и сопровождавшее его повышение инфляции были вызваны проблемами развития *чеболь* (крупных южнокорейских конгломератов, возникших, в основном, на семейно-клановых связях). Принимая во внимание сеть аффилированных компаний, входивших в орбиту *чеболь*, совокупная доля всех *чеболь* в ВВП Южной Кореи увеличилась, по нашим оценкам, с 55% в 1985 г. до 60–65% в 1995 г., сократившись до 55% в кризисные 1997–1998 г. и до 45–50% в 2005 г.³ Между тем именно с *чеболь* была связана проблема перекредитования корпоративных структур. Проблема перекредитования экономики имела негативные последствия для банков в виде увеличения просроченных кредитов и роста «плохих» долгов, а также обострения проблемы доступа к внешним источникам заимствований, сужения банковской ликвидности.

Банкротство одних *чеболь* и резкое ухудшение финансового состояния других конгломератов повлекло сужение предложения на внутреннем рынке товаров и услуг. Одновременно девальвация воны привела в 1998 г. к удорожанию импортных товаров на 30%⁴. Оба эти фактора сказались на росте цен производителей и потребительских цен. Таким образом, проявилась связь инфляции с неадекватным управлением рисками (как на макро-, так и на корпоративном уровнях) и низким качеством банковских активов.

В данном случае речь должна идти об ответственности всей системы администрирования, действия которой породили базовые проблемы взаимоотношения государства и поддерживаемого им крупного бизнеса (коррупция, низкий контроль за эффективностью реализации льготных кредитов, допускавший их нецелевое использование, готовность мириться с недостаточной транспарентностью в системе принятия управленческих

решений). Большая доля ответственности лежала на бизнесе, привыкшем к облегченной процедуре доступа к кредитным ресурсам и прибегавшем к неоправданно рискованным коммерческим операциям.

Таблица 1

Темпы прироста потребительских цен и ВВП в 1993–2015 гг. (%)

Годы	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Инфляция	4,8	6,3	4,5	4,9	4,5	7,5	0,8	2,3
ВВП	6,1	8,5	8,9	7,2	5,8	-5,7	10,7	8,8
Годы	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Инфляция	4,1	2,8	3,51	3,59	2,75	2,24	2,53	4,67
ВВП	4,0	7,2	2,9	4,9	3,9	5,1	5,4	2,8
Годы	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	
Инфляция	2,76	2,96	4,0	2,19	1,31	1,27	0,71	
ВВП	0,7	6,5	3,7	2,3	2,9	3,3	2,6	

Источник: *Korea Statistical Yearbook 1993–2015*;

URL: http://data.trendeconomy.ru/indicators/real_GDP_Growth

Антиинфляционная политика базировалась на выработке комплексных целевых приоритетов. Система инфляционного таргетирования в качестве экономической политики была провозглашена в 1997 г. и вступила в действие в 1998–1999 гг. Определяющее значение имело закрепление независимости Банка Кореи (БК). Руководство БК отныне осуществлял управляющий, выполнявший функции председателя Комитета по денежной политике — пост, ранее закрепленный за представителем Министерства финансов и экономики⁵.

Качественное среднесрочное прогнозирование инфляции рассматривалось как необходимое условие осуществления инфляционного таргетирования (совокупность мер государства или Центробанка по контролю над уровнем инфляции). Банку Кореи поручалось вести мониторинг роста цен, для чего вводился индекс потребительских цен (ИПЦ), устанавливая ежемесячные, а затем и среднесрочные прогнозы инфляции, выработывать и осуществлять меры, противодействующие скачкообразному изменению цен. На 2001 г. и среднесрочную перспективу ориентиром устанавливалось объявленное БК поддержание инфляции на годовом уровне в 2,5%. При этом выявленный полугодовой уровень инфляции (по ИПЦ) служил индикатором принятия регулирующих решений исходя из допустимого колебания в пределах 1% (при том, что рядом экспертов допускалась возможность колебаний до 2–3% от установленной величины⁶).

В 1998–2002 гг. в РК реальная инфляция удерживалась на уровне или ниже заданных целевых показателей. При этом снижение показателей инфляции не сопровождалось заметным замедлением темпов экономического роста. Этому способствовал ряд факторов:

- удорожание воны, что удешевило импорт, жизненно необходимый для поддержания функционирования южнокорейской экономики, ее технической модернизации;
- оптимизация банковско-кредитной сферы, повлекшая снижение процентных ставок (за счет уменьшения масштабов распределения кредитов «для своих»);
- уменьшение расходов на оплату труда, вызванное пересмотром и постепенным отказом от системы «пожизненного найма»;
- техническое перевооружение производства;
- снятие барьеров, препятствовавших конкурентной борьбе.

Сочетание жесткой кредитной политики при целевой кредитной поддержке производства товаров и услуг существенно оздоровило экономическую среду.

Повышение инфляции в июне 2000 г. и сохранение ее среднегодового уровня в 5% на протяжении 2000–2001 гг. вызвали скачок цен на энергоносители и продовольствие, а также повышение тарифов на коммунальные услуги⁷.

Практически одновременно происходило насыщение ликвидностью фондового рынка, ставшее причиной наращивания избыточного предложения (ценового пузыря). Последовавшее «сдувание» фондового рынка повлекло перемещение финансовых ресурсов на рынок недвижимости. Скачок кредитования жилищного строительства и рост цен на недвижимость придали значительный импульс экономическому росту Южной Кореи⁸.

Меры по нормализации движения цен на рынке недвижимости предусматривали формирование банками максимально полного досье кредитных историй заемщиков, а также снижение соотношения суммы выдаваемого потребителям кредита к общей стоимости жилья с 70 до 50%. Предпринятые шаги по сдерживанию роста цен на недвижимость были дополнены жестким администрированием налоговых ограничений на продажу недвижимости. Все это позволило сбить спекулятивный ажиотаж, позволило Банку Кореи снизить учетную ставку на 25 базовых пунктов, поддержав рост южнокорейской экономики, одновременно избегая угрозы разгона инфляции⁹.

Следует особо отметить, что на снижение инфляции существенно повлиял опережающий рост в южнокорейской экономике инновационных отраслей. Этот фактор проявился еще в первой половине 1990-х годов, однако наиболее заметным его воздействие стало в посткризисный период. Так, доля отраслей информационных технологий выросла с 5,7% в 1995 г. до 16,9% в 2002 г. Причем развитие отраслей ИТ сопровождалось снижением цен на полуфабрикаты и комплектующие изделия, как и на готовую продукцию. Цены на персональные компьютеры (ПК) уменьшились в 1998–2002 гг. на 16%¹⁰. Это стимулировало «потребительский бум», позволивший компаниям наращивать прибыль на фоне снижения цен. Число используемых в стране ПК увеличилось с 6,9 млн шт. в 1997 г. до 22,5 млн в 2002 г. За это же время число домашних хозяйств, владеющих ПК, выросло с 29 до 60%, а число мобильных телефонов — с 6,9 млн шт. до 32,3 млн¹¹. Массовое внедрение ПК и ИТ в промышленность и сферу услуг сопровождалось снижением издержек и, соответственно, противодействовало росту цен.

Облегчение условий коммерческой деятельности малого и среднего бизнеса (доступ к кредитным ресурсам, снижение административного давления) позволило внести существенный вклад в насыщение рынка необходимыми товарами и услугами, что также сдерживало рост цен. Поскольку в индексе потребительских цен на услуги приходилось 55%, движение цен в этом секторе экономики в значительной мере определяло уровень инфляции¹². При этом следует иметь в виду, что правительство и крупный бизнес задавали низкую динамику цен (или их снижение) в сфере услуг, в том числе в медицине, электроэнергетике, мобильной связи. Тем самым определялись рамки ценовой политики малого и среднего бизнеса. Умеренный рост цен на услуги на фоне скачков цен на продовольствие, вызванных периодически возникавшими природными катаклизмами, сдерживал общий уровень инфляции.

Другим существенным антиинфляционным фактором было, по нашему мнению, решение властей в условиях преодоления кризиса не закрывать южнокорейскую экономику: страна, напротив, продолжала следовать курсом на открытость мировому рынку. В результате, по расчетам исследовательского центра Samsung Economic Research Institute, открытость экономики Республики Корея мировому рынку увеличилась с 70 до 90%¹³. Тем самым были расширены каналы притока дешевого импорта (прежде всего, из Китая), что привело к снижению или, во всяком случае, к стабилизации цен во многих товарных нишах.

В рамках этого курса получил существенное развитие процесс, начавшийся еще в 1990-х годах — допуск на южнокорейский внутренний рынок крупных зарубежных торговых сетей, в том числе французских и американских. В посткризисный период осо-

бый размах получило открытие по всей стране крупных центров-дискаунтеров (магазинов низких цен), общая численность которых к 2002 г. достигла 230¹⁴.

Кроме того, в 1999 г. в рамках внешнеэкономической политики было решено отказаться от существовавшей практики «регулирования диверсификации импорта», позволявшей ограничивать объем импорта из отдельных стран, прежде всего, Японии. Благодаря снятию данного ограничения, во-первых, расширился приток необходимых сельскохозяйственных и промышленных товаров по более приемлемым ценам (т. к. удалось избавиться от посредников и оптимизировать логистику), во-вторых, за счет поддержания внутренней конкуренции стало возможным ограничить рост цен на выпускаемую в стране продукцию машиностроения (включая автомобили).

Разумеется, такая политика содержала в себе высокую долю риска для национальных производителей (прежде всего занятых в секторах традиционной промышленности). Однако упомянутый выше курс на развитие инновационных отраслей позволил южнокорейской экономике достаточно успешно адаптироваться к новым вызовам внешних конкурентов.

Возможности сохранения экономического роста и предотвращения дефляции

Государством принимались активные и успешные антиинфляционные меры для подавления инфляционных скачков в период мирового кризиса 2008–2009 гг. и затем в 2010–2011 гг.

В период кризиса зимой 2008–2009 гг. был усилен мониторинг соотношения потребительских цен и изменения цен на топливо. В рамках выделенных на поддержку беднейших слоев населения 716 млрд вон обеспечивалось содержание детей этой категории в дошкольных учреждениях, а также компенсировалась часть расходов на образование¹⁵.

Жесткий мониторинг потребительских цен и административное противодействие их повышению особо фокусировались на уязвимых группах товаров: энергоресурсах и продовольствии. Под влиянием внешних факторов (рост мировых цен на энергоносители и продовольствие) цены на южнокорейском потребительском рынке в марте 2011 г. выросли на 4,7% (в годовом выражении), в том числе на продукты питания — на 15% (рис подорожал на 11%).

Возникла реальная угроза потребительской паники, грозившей усилить инфляцию. Правительство противодействовало этому как экономическими инструментами, так и мерами «ручного управления» экономикой. В частности, Банк Кореи в первом полугодии 2011 г. трижды повышал учетную ставку — с 2 до 3,25%. Кроме того, были снижены импортные тарифы на свинину. Президент Ли Мён Бак на встречах с представителями крупного бизнеса призывал предпринимателей противодействовать росту цен, дабы удержать инфляцию на уровне 3%. В целях поддержания ценовой стабильности и снижения ажиотажного спроса на внутреннем рынке были реализованы запасы риса из госрезервов, осуществлялись закупки риса в США (в объеме 20% внутренних потребностей)¹⁶.

В текущем десятилетии отмечалось устойчивое снижение инфляции, которая пополнила среди южнокорейских экспертов опасения возникновения дефляции. В частности, рост потребительских цен в Республике Корея (1,3%) в 2014 г. (табл. 1) был ниже средних показателей стран ОЭСР. Это обстоятельство побудило ряд южнокорейских аналитиков провозгласить наступление в стране эры дефляции¹⁷. Но такое мнение разделяется не всеми учеными и практиками. Так, по мнению южнокорейского министра финансов Цой Кён Хвана, пока нет основания считать, что дефляция стала доминирующим процессом: «Правительство признает наличие признаков ослабления потребительского спроса, но главной причиной снижения инфляции считает падение цен на нефть»¹⁸. Мнение министра разделяет руководитель БК Ли Чжо Юл, полагающий, что «нет оснований

говорить о дефляции в Южной Корее при экономическом росте в 3% и уровне инфляции, остающемся в пределах 1–2%»¹⁹.

Сторонники такой точки зрения полагают, что основной причиной резкого замедления роста цен стало обвальное снижение цен на энергоносители, прежде всего, на нефть. Ведь в южнокорейском импорте на топливо приходится 60% расходов²⁰. Так, продукция нефтехимии подешевела за год на 24%²¹. На низком уровне удерживаются цены на продовольственные товары (хотя значительная их часть также импортируется).

Другой фактор, влияющий на динамику цен, — состояние валютного курса. Так, ослабление японской иены и, соответственно, увеличение стоимости импорта подтолкнули цены в Японии к росту. В то же время сильная южнокорейская вона противодействовала повышению расходов на импорт, тем самым сдерживая рост внутренних цен. Падение цен на нефть на 10% придает дополнительный рост южнокорейской экономике на 0,1%: значит, ситуация благоприятствует экономическому развитию²².

Между тем ряд южнокорейских экспертов, в частности экономист Мун Чон Хё, полагают, что Республика Корея может оказаться в опасной «ловушке», испытывая на себе давление низких цен на энергоресурсы, с одной стороны, и падение платежеспособного спроса — с другой. При этом решить проблему только за счет насыщения рынка ликвидностью, снижая учетную ставку, невозможно. Драйвером роста способны стать отрасли услуг, но для этого необходимо проведение структурных реформ²³. По мнению экономиста Samsung Securities Стефана Ли, ситуацию усугубляет то обстоятельство, что низкие цены на углеводороды способствуют росту положительного платежного баланса, подталкивающего курс воны вверх, что также усиливает дефляционное давление²⁴.

Ценовая динамика 2016 г., судя по всему, не подтверждает мнение экономистов, опасаящихся дефляции. Хотя в январе—мае годовая инфляция составила порядка 0,9%, однако, вопреки опасениям экспертов, показатели не опустились в отрицательные значения. В сентябре 2016 г. годовая инфляция составила 1,3%²⁵, что удержало БК от снижения процентной ставки.

Таким образом, ставить вопрос об уже наступившей дефляции пока что представляется преждевременным. На изменение цен в огромной степени повлияло снижение издержек, вызванное обрушением на мировом рынке цен на углеводороды. Такая динамика инфляции отражает естественную реакцию рынка на конъюнктурное изменение внешней среды. Между тем макроэкономического равновесия, связанного с хроническим недостатком платежеспособного спроса на товары и услуги (дефляционного разрыва), не отмечается. Тем более что возможное частичное восстановление баланса спроса и предложения на мировом рынке энергоресурсов может подтолкнуть цены вверх.

* * *

Южнокорейский опыт показывает, что двухзначные показатели инфляции могут не препятствовать динамичному развитию на стадии индустриализации и формирования рыночных институтов. В свою очередь действенность антиинфляционного курса проявляется наиболее успешно по мере формирования зрелой, сбалансированной рыночной экономики, характеризующейся конкурентной средой, активной ролью как крупного, так и малого бизнеса, взвешенной кредитной политикой, а также обеспечивается комплексными мерами, включающими денежное и валютное регулирование, дополняемыми при необходимости решениями по стабилизации потребительского рынка.

1. *Young-lob Chung. South Korea in the Fast Lane. Economic development and capital formation.* Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. P. 160.
2. URL: http://data.trendeconomy.ru/indicators/real_GDP_Growth

3. *Федоровский А.Н.* Феномен чэболь: государство и крупный бизнес в Республике Корея. М.: Стратегия, 2008. С. 92.
4. РК была не зачинщицей, а одной из жертв азиатского валютно-финансового кризиса 1977–1978 гг. (болезненно ударившего и по России). Он начался 30 июня 1997 г., когда усилиями международной группы финансовых спекулянтов во главе с Соросом обрушились национальная валюта и фондовый рынок Таиланда (с последующим финансово-экономическим коллапсом в Индонезии, Мьянме, Лаосе, РК). Наиболее радикально с этим кризисом справились Китай и Малайзия, не допустившие, вопреки советам Международного валютного фонда, девальвации своих валют. — (*Прим. ред.*); *Post-Crisis Transformation of the Korean Economy: A Review from 1998 to 2002* / ed. by Kyeong-won Kim. Seoul: Samsung Economic Research Institute, 2003. P. 41.
5. *Mansik Yu.* Inflation Targeting in Korea: Tentative Evaluation and Policy Implications// *Inflation Targeting. Theories, Empirical Models and Implementation in Pacific Basin Economies. Proceedings of the 14th Pacific Basin Central Bank Conference.* Seoul: the Bank of Korea, 2001. P. 87–88.
6. *Ibid.* P. 93.
7. *The Korean Economy: Post Crisis Policies, Issues and Prospects* / ed. by Charles Harvie, Hyun-Hoon Lee, Junggun Oh. Cheltenham: Edward Elder Publishing Inc, 2004. P. 148.
8. *Ibid.* P. 149.
9. *Ibid.* P. 150.
10. *Post-Crisis Transformation of the Korean Economy...* P. 43.
11. *Ibid.* P. 130.
12. *Ibid.* P. 47.
13. *Ibid.* P. 43.
14. *Ibid.* P. 45.
15. URL: <http://koreatimes.co.kr>. 21.11.2008.
16. *The Korea Herald.* 2011, 8 April.
17. Consumer price data fuel deflation concerns in South Korea.
URL: http://www.koreaherald.com/common_prog/newsprint.php?ud=20
18. *Ibidem.*
19. Why Korea's Central Bank Thinks It Won't Catch Japan's Deflation.
URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-01-28/why-korea-s>
20. URL: http://www.koreaherald.com/common_prog/newsprint.php?ud=20
21. South Korea inflation hits 15-year low, fuelling deflation worries.
URL: <http://www.straitstimes.com/business/economy/south-korea-inflation>
22. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-01-28/why-korea-s>
23. Deflation risks loom large on weak spending.
URL: <http://www.koreatimes.co.kr/www/common/printpreview.asp?cate>
24. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-01-28/why-korea-s>
25. Consumer Price Index in September 2016.
URL: [http://kostat.go.kr/portal/common/s\)19801/eng_print_nw.jsp](http://kostat.go.kr/portal/common/s)19801/eng_print_nw.jsp); South Korean inflation slowed in May. URL: <http://www.ft.com/content/84eceb3b-46c5-353e9a32-6b91b7af5866>

Предпосылки и актуальные вопросы перехода Samsung Group к структуре холдинга

© 2017

Т.С. Мозоль

Цель статьи — исследование процесса трансформации корейских чеболей в современные международные холдинги, сулящего обеспечить на основе опыта рестройки Samsung Group более прозрачные правила государственного регулирования и эффективный контроль за их деятельностью.

Ключевые слова: Корейские чеболь, Samsung Group, финансово-промышленная группа, трансформация в холдинг, законодательство Республики Корея, финансовые мегарегуляторы, финансовые холдинги.

Samsung Group на сегодняшний день является крупнейшей финансово-промышленной группой (чеболь) в Республике Корея (РК), представляя собой конгломерат как аффилированных, так и формально самостоятельных компаний с фактически единым административным и финансовым центром. По данным Комиссии РК по справедливой торговле (Korea Fair Trade Commission), общая стоимость активов Samsung Group составила по состоянию на апрель 2016 г. 348,226 трлн корейских вон (311,865 млрд долл.)¹

Ныне Samsung Group осуществляет комплекс структурных преобразований, что в современных реалиях обеспечения эффективного и прозрачного управления национальной экономикой и в соответствии со стандартами крупнейших международных финансовых регуляторов требует от действующих акционеров серьезной трансформации всей структуры чеболь в эффективный, прозрачный для инвесторов холдинг мирового уровня.

После мировых экономических кризисов 1998 и 2008 гг. в РК стали на законодательном уровне формироваться необходимые предпосылки для эффективной и системной реструктуризации крупнейших предприятий страны. После 1998 г. был создан мегарегулятор финансового сектора для борьбы с последствиями кризиса. Отметим, что первый практический опыт создания мегарегулятора был осуществлен еще в 1986 г. в Норвегии, а на сегодняшний день к модели интегрированного надзора перешли более 55 стран. Изначально основным толчком для этого послужила оптимизация расходов на реализацию контрольных полномочий. На последующих этапах преобладающим мотивом стало наблюдение за финансовыми конгломератами на консолидированной основе. Ныне превалирует стремление уменьшить угрозу системных рисков, свести к минимуму риск недобросовестного поведения².

В апреле 1998 г. в рамках программы выхода из кризиса и реструктуризации финансового сектора была создана Комиссия по финансовому надзору (Financial Supervisory Commission, FSC), а в январе 1999 г. в результате слияния четырех организа-

Мозоль Татьяна Сергеевна, PhD in Education, доцент Факультета мировой экономики и мировой политики Школы востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: yoondanhee@gmail.com.

ций (Банковской комиссии, Комиссии по ценным бумагам и биржам, Комиссии по страховому надзору и Фонда кредитного регулирования) был сформирован исполнительный орган Комиссии — Служба финансового надзора (Financial Supervisory Service, FSS), сосредоточившая у себя комплекс контролирующих функций над всеми финансовыми учреждениями РК. В Службе финансового надзора работает около 2 тыс. человек. Она имеет 8 представительств в ряде мировых финансовых центров (в Лондоне, Токио, Нью-Йорке, Вашингтоне, Гонконге, Франкфурте, Пекине, Ханое)³, осуществляет мониторинг и контроль за финансовыми компаниями и институтами, докладывая о результатах своей деятельности в Комиссию по финансовым услугам. В 2008 г. в рамках очередной реорганизации Комиссия по финансовому надзору была переименована в Комиссию по финансовым услугам (Financial Services Commission, FSC). В настоящее время в ней работает около 500 штатных сотрудников. После этой реорганизации в ведение Комиссии перешла проблематика разработки финансовой политики и законодательства, бывшая в компетенции Министерства финансов и экономики. В функции Комиссии входит контроль за выпуском и обращением корпоративных бумаг на бирже, за деятельностью ее профессиональных участников. Это характерно для любого регулятора и сходно с функциями Комиссии по ценным бумагам и биржам (SEC) в США или Службы надзора за финансовыми институтами (OSFI) в Канаде. Осуществив реструктуризацию регулятивных органов в финансовом секторе, Республика Корея присоединилась к группе стран, ориентирующихся на модель создания финансового мегарегулятора, основанную на интеграции полномочий в одном или двух ведомственных подразделениях.

Помимо этого, начиная с 1998 г. рынок акций и облигаций в РК был полностью открыт для иностранных инвесторов, что послужило более активному внедрению международных стандартов в финансовой и корпоративной сферах. Определенные ограничения на иностранные инвестиции касаются лишь отдельных отраслей, которые считаются стратегическими для национальной безопасности (электроэнергетика, телекоммуникации, радиовещание, авиаперевозки). Для ряда компаний из этих отраслей на законодательном уровне введены ограничения по иностранным инвестициям на уровне 49%⁴.

После кризиса 1998 г. с целью стимулировать реструктуризацию корейских чеболь с неэффективной структурой собственности и управления (в т.ч. продажу неэффективных аффилированных компаний) и активизировать привлечение иностранных инвестиций через повышение транспарентности системы управления вновь заговорили о преимуществах холдинговой структуры. Кроме того, Международный банк реконструкции и развития, Организация экономического сотрудничества и развития выступили с рекомендациями разрешить на законодательном уровне создание холдингов, которое было запрещено с 1986 г. в соответствии с Законом об антимонопольном регулировании и справедливой торговле. Под влиянием внешних и внутренних факторов в апреле 1999 г. в РК были приняты поправки к этому закону, частично разрешавшие создание холдингов. В последующие годы под давлением со стороны бизнес-кругов постепенно упрощалась процедура создания холдингов и смягчались требования к их деятельности, что способствовало более активному переходу корейских компаний к холдинговой структуре⁵.

Впрочем, на законодательном уровне предусматривается строгий контроль за деятельностью крупных финансово-промышленных конгломератов (чеболь)⁶. В соответствии с Законом об антимонопольном регулировании и справедливой торговле⁷ на компании, входящие в состав чеболь, налагаются следующие основные ограничения:

- 1) запрет перекрестного владения акциями (Ст. 9);
- 2) запрет выдачи гарантийных обязательств по отношению к собственным дочерним компаниям, находящимся на территории РК (Ст. 10, 17)⁸;
- 3) ограничение права голоса финансовых и страховых компаний по отношению к акциям дочерних компаний (Ст. 11, 12);

4) обязанность публиковать решения совета директоров и текущего состояния всей группы, включая аффилированные с ней компании (Ст.11, 17).

Кроме того, Закон о рынке капитала и финансовых инвестициях (Ст. 112, 263)⁹ ограничивает право голоса трастов (страховых компаний, инвестиционных компаний и пр.) по акциям, относящимся к доверительной (трастовой) собственности; ограничивает регистрацию компаний по оценке облигаций (регистрация возможна только, если объем инвестиций чеболь в эту компанию составляет меньше 10%).

В налоговой сфере также предусмотрен ряд ограничений на деятельность чеболь. В соответствии с Законом о налоге с юридических лиц¹⁰ капитал, по которому не получен обратный приток в результате инвестирования, выплаты зарплаты и дивидендов, облагается налогом с юридических лиц в размере 10%. В соответствии с Законом о налоге на наследование и дарение¹¹, переданные в общественные организации акции, количество которых превышает 5% общего пакета акций, включаются в базу налога на наследование.

Законодательство в области средств массовой информации также накладывает определенные ограничения на чеболь:

1) Закон о телерадиовещании (Ст. 8)¹² запрещает чеболь владеть более 10% акций телекоммуникационных компаний наземного вещания, запрещает владеть более 30% акций новостного канала или канала смешанного содержания;

2) Закон о гарантировании функций и свободе СМИ (Ст. 15)¹³ запрещает владеть более 50% акций ежедневных газет;

3) Закон об интернет-вещании и мультимедийном вещании (Ст. 8)¹⁴ запрещает чеболь с общим количеством активов, превышающим 10 трлн вон, иметь более 49% акций компаний-владельцев мультимедийного интернет-контента.

В различных областях промышленного производства чеболь исключаются из числа компаний, получающих государственное финансирование и преференции (например, интеллектуальное роботостроение, производство программного обеспечения, производство материалов и запчастей и пр.)

В соответствии с Законом об антимонопольном регулировании и справедливой торговле РК (Ст. 2), «холдинг» есть компания, основной сферой деятельности которой является управление оной на территории РК посредством владения акциями, при минимальной сумме активов, устанавливаемой указом президента. Согласно поправкам к правовому акту парламента РК (сентябрь 2016 г.), имплементирующему Закон об антимонопольном регулировании и справедливой торговле¹⁵, общая сумма активов в соответствии с балансом должна превышать 500 млрд корейских вон¹⁶. При этом более 50% общих активов этой компании должны приходиться на общую стоимость акций дочерних компаний.

Помимо добровольного преобразования в холдинг, допускается принудительное внесение в списки компаний, которые должны быть преобразованы в холдинги в случае увеличения активов компании или объема акций дочерних компаний до уровня, удовлетворяющего вышеуказанным условиям. Так, например, компании Hanmi Financial Group, Dongbu Group, Wonik Holdings и др. были принудительно преобразованы в холдинги по предписанию Комиссии по справедливой торговле. Чтобы стимулировать трансформацию компаний в холдинги, государство предоставляет последним налоговые льготы и преференции в следующих формах:

– исключение из валового дохода: налоговая льгота за счет исключения прибыли, полученной в виде дивидендов от дочерних компаний (Закон о налоге с юридических лиц, Ст. 18, пункт 2);

– отсрочка выплаты налога (налог с юридического лица, налог на доход от транзакции) при обмене акций и инвестировании в материальном выражении в процессе

трансформации в холдинг (Закон о регулировании специальных налоговых режимов. Ст. 38, 46, 47¹⁷).

Налоговые льготы предоставляются также в случаях, если материнская компания в целях реструктуризации дочерней принимает и выплачивает ее долги. В этом случае материнская компания получает налоговую льготу на сумму выплаченного долга, а дочерней дается отсрочка по уплате налога на прибыль, полученную в результате освобождения от погашения долга (Закон о регулировании специальных налоговых режимов. Ст. 39). В случае передачи активов, безвозмездного их дарения и освобождения от уплаты долга предоставляется отсрочка по уплате налога на полученную в результате этого прибыль (Закон о регулировании специальных налоговых режимов. Ст. 34, 40, 44).

Кроме того, в настоящее время в РК в рамках мер по снижению системных рисков усиливается контроль за состоянием финансовых компаний. Так, в банковской сфере происходит внедрение международных стандартов Basel III, в страховой сфере — международных стандартов МСФО 17, международных стандартов платежеспособности Solvency II и ряда других международных отраслевых стандартов. Наблюдается усиление контроля и со стороны международных финансовых организаций.

Таким образом, в РК сформирована базовая инфраструктура для осуществления эволюционного развития крупнейших отечественных конгломератов. По предварительной информации, в первой половине 2017 г. Samsung Group намерена представить План реформирования системы управления¹⁸, включая реструктуризацию системы управления и кадровые решения по менеджерам высшего звена.

Начало процесса современной трансформации чеболь, ныне активно и широко обсуждаемого в стране, было положено сравнительно недавно в рамках реструктуризации в 2016 г. долей Samsung Fire and Marine Insurance и Samsung Card в компании Samsung Life Insurance и, соответственно, других менее крупных аффилированных финансовых компаний, входящих в структуру Samsung Group. По своей сути эти действия послужили основой предварительной подготовки к трансформации системы финансовых компаний Samsung Group в финансовый холдинг.

Надо учитывать, что данный процесс проходит на фоне преодоления множества проблем, требующих от собственников стратегически выверенных решений, поскольку для трансформации в холдинг всей Samsung Group (а не только системы финансовых компаний) потребуется немало времени.

Отметим в этой связи факторы, влияющие не только на сценарии трансформации, но и на длительность процессов формирования холдинга:

- 1) формирование на уровне национального законодательства РК системных требований в отношении деятельности финансово-промышленных групп;
- 2) изменения национальной экономической системы под влиянием внутренних и внешних факторов, включая введение передовых международных отраслевых стандартов;
- 3) изменения внутренней структуры акционерного капитала, в том числе в рамках процедуры наследования и последующих налоговых и иных рисков.

Полная трансформация всей структуры Samsung Group, как уже отмечалось, будет идти поэтапно. Принимая во внимание опыт трансформации LG Group, потребуется не менее трех лет на реорганизацию Samsung Group в холдинг. Так, LG Group начиная с 2000 г., на протяжении трех лет осуществляла реорганизацию собственной структуры в несколько этапов. На первом — были созданы два переходных холдинга в виде компаний химической и электронной промышленности. На втором — осуществилось объединение двух холдингов в один, что завершило процедуру трансформации группы в международный холдинг.

Судя по этому опыту, Samsung Group также ожидает реорганизация в несколько этапов:

– на первом ожидается создание финансового холдинга на базе компании Samsung Life Insurance;

– второй подразумевает создание холдинга из нефинансовых компаний во главе с флагманом промышленного сектора — Samsung Electronics.

– третий этап предусматривает вертикальное объединение двух образованных холдингов и окончательное создание реструктурированного единого холдинга.

Подробно рассмотрим первый этап и проанализируем возможность и способы трансформации Samsung Group в финансовый холдинг, поскольку ряд мероприятий уже находится в стадии реализации и в ближайшее время будут в центре внимания широкого круга экспертов и специалистов.

В настоящее время структура собственности Samsung Group выглядит следующим образом: вице-президент Ли Дже Ён и его ближайшее окружение управляют компанией Samsung C&T (в которой ему принадлежат 17,23% акций, а его сестрам Ли Бу Джин и Ли Со Хён — по 5,51%; крупнейшие акционеры и аффилированные лица владеют в общей сложности около 40% акций)¹⁹. Samsung C&T управляет нефинансовыми компаниями, в том числе Samsung Electronics и Samsung Life Insurance. Компания Samsung Electronics управляет другими аффилированными компаниями, работающими в области электроники, тогда как Samsung Life Insurance управляет большинством финансовых аффилированных компаний. Таким образом, между финансовым и нефинансовым секторами создана структура собственности, позволяющая эффективно регулировать возникающие проблемы.

Учитывая существующую структуру собственности у Samsung Group, можно представить два сценария создания финансового холдинга.

Первый — это дробление компании Samsung C&T с сохранением пропорции долей собственности и создание финансового холдинга из компаний инвестиционной сферы, владеющих долями акций Samsung Life Insurance. Второй способ — дробление компании Life Insurance с сохранением пропорции долей собственности и формирование финансового холдинга из компаний инвестиционной сферы, обладающих долями акций Samsung Fire and Marine Insurance, Samsung Securities, Samsung Card и прочих финансовых аффилированных компаний. Оба сценария в настоящее время носят прогнозный характер, поскольку обладают как определенными преимуществами, так и недостатками, однако в ближайшие годы эти сценарии примут реальные очертания, что обусловлено интенсификацией процессов оптимизации долей собственности между финансовыми аффилированными компаниями Samsung Group.

Более детальное изучение первого этапа, предусматривающего основание финансового холдинга на базе Samsung Life Insurance, начнем с рассмотрения структуры собственности компании и основных положений Закона РК о финансовых холдингах. Согласно отдельной финансовой отчетности (*separate financial statements*), чистые активы Samsung Life Insurance составили на конец сентября 2015 г. 22,8 трлн вон, из которых стоимость акций компании Samsung Fire and Marine Insurance, принадлежащих Samsung Life Insurance, равнялась почти 2 трлн вон, акции Samsung Securities стоили примерно 0,4 трлн вон, акции Samsung Card — 3 трлн вон²⁰. Если провести дробление этих долей, то капитал на основе оценки риска (*risk based capital*) у дочерней производственной компании Samsung Life Insurance снизится. Реакция Комиссии по финансовым услугам и страхователей станет одним из ключевых факторов дробления компании Samsung Life Insurance.

Согласно действующему Закону о финансовых холдинговых компаниях²¹, материнская компания финансового холдинга должна владеть более 30% зарегистрированных и более 50% незарегистрированных на бирже дочерних компаний, а также быть крупнейшим акционером данных компаний в соответствии с критериями владения акциями дочерних компаний в финансовых холдингах.

Отметим, что к финансовым холдингам предъявляются более жесткие требования. Для сравнения: в нефинансовых холдингах материнская компания должна владеть более 20% акций зарегистрированных и более 40% акций незарегистрированных на бирже дочерних компаний. Деятельность нефинансовых холдингов регулируется, главным образом, Законом о справедливой торговле, у финансовых же холдингов она контролируется не только Законом о справедливой торговле, но и Законом о финансовых холдинговых компаниях.

Samsung Group, в основном, осуществила всю необходимую подготовку. Вложив несколько сот млрд вон, финансовые компании (Samsung Life Insurance, Samsung Fire and Marine Insurance, Samsung Securities) скупили в конце октября 2015 г. собственные акции. В январе 2016 г. компания Samsung Life Insurance приобрела все акции компании Samsung Card, которыми владела компания Samsung Electronics (37,45%), затем выкупила в два приема акции компании Samsung Securities (доведя свою долю акций до более чем 30%), а также акции других, более мелких компаний в объеме, который допускается положениями об ограничении объема инвестиций в Законе о страховых компаниях²². Это стало одним из шагов при подготовке к трансформации в промежуточный финансовый холдинг.

Следует обратить внимание на то, что в соответствии с действующим Законом об антимонопольном регулировании и справедливой торговле нефинансовый холдинг не может владеть компанией финансового сектора в качестве своей дочерней (или «внучатой») компании. С целью управления компаниями финансового сектора в качестве дочерних необходимо создание финансового холдинга. В результате образуется структура, при которой финансовый холдинг управляет дочерними компаниями финансового сектора, а нефинансовый холдинг, в свою очередь, управляет финансовым холдингом в качестве своей дочерней компании. Сформированный при этом финансовый холдинг является промежуточным финансовым холдингом.

В настоящее время Закон об антимонопольном регулировании и справедливой торговле создание промежуточных финансовых холдингов запрещает, что, впрочем, вряд ли станет непреодолимым препятствием для Samsung Group при ее реорганизации в холдинг. В случае, если будет разрешено создание промежуточных финансовых холдингов, то под властью конечной холдинговой компании окажется (в качестве дочернего) промежуточный финансовый холдинг и можно будет управлять нефинансовой компанией (промежуточным холдингом) как дочерней компанией. Если же система промежуточных холдингов разрешена не будет, то не исключено создание и управление двумя холдингами — финансовым и нефинансовым.

Промежуточный финансовый холдинг в случае трансформации в холдинг финансово-промышленной группы, включающей в себя компании финансового и нефинансового секторов, позволяет создать еще один этап в процессе трансформации — этап промежуточного холдинга, что в определенной степени повысило бы эффект левевериджа (leverage effect), но не более того. То есть вопрос о разрешении системы промежуточных финансовых холдингов не есть решающее условие для преобразования в холдинг.

Независимо от того, будет ли разрешена система промежуточных финансовых холдингов, при образовании вокруг компании Samsung Life Insurance финансового холдинга сама она не сможет управлять компанией Samsung Electronics, т.е. не сможет быть ее самым крупным акционером. Следовательно, для нее (Samsung Life Insurance) достаточно накопить акции Samsung Electronics до количества, при котором она стала бы вторым по величине инвестором, для чего можно воспользоваться отсрочкой в 5 лет (дополнительно 2 года). Запрет на управление компанией Samsung Electronics действует независимо от введения или запрета системы промежуточных финансовых холдингов. Таким образом, в случае образования финансового холдинга компании Samsung Life Insurance

не нужно продавать все свои акции Samsung Electronics. В случае образования промежуточного финансового холдинга все равно придется продать часть таких акций²³.

В 2015 г. у аффилированных компаний и у членов семьи Ли (владельцы чеболь) были выкуплены акции компании Samsung Asset Management, благодаря чему доля владения акциями этой компании достигла почти 100%.

Компания Samsung Life Insurance уже отвечает условиям холдинговой компании по отношению к трем крупнейшим финансовым компаниям группы, обладая 71,8% доли акций Samsung Card, 98,7% доли Samsung Asset Management и 30,1% доли Samsung Securities²⁴. Осталось осуществить приобретение дополнительной доли акций компании Samsung Fire and Marine Insurance, увеличив до необходимого по закону уровня более 30% (в настоящее время доля акций Samsung Fire and Marine Insurance составляет 14,98%). Однако из-за положений Закона о страховых компаниях осуществить это непросто. В соответствии с действующим законом лимит инвестирования в аффилированные компании составляет 3% от общей стоимости активов с тем, чтобы страховые компании с большим количеством активов не играли роль так называемых личных сейфов.

28 марта 2017 г. было оглашено резонансное решение о роспуске Отдела стратегического планирования будущего, отвечавшего за управление долями аффилированных компаний и контроль за оными с целью сохранения ориентированной на главу чеболь системы управления. Название этого Отдела (созданного в 1959 г.) несколько раз менялось, хотя суть его деятельности кардинальным изменениям не подвергалась. Формально его роспуск можно трактовать как переход к системе самостоятельного управления в аффилированных компаниях. В действительности же, механизмы централизованного управления сохраняются. В частности, функции Отдела стратегического планирования будущего может взять на себя совет директоров компании Samsung Electronics, наделив при этом определенными функциями по контролю и управлению аффилированными компаниями такие ключевые компании, как Samsung C&T, Samsung Life Insurance и пр. Таким образом, основные функции распущенного Отдела будут распределены между Samsung Electronics, Samsung C&T и Samsung Life Insurance. В дальнейшем, в случае успешной трансформации компании Samsung Electronics в холдинг, значительную часть контролирующих функций сможет взять на себя материнская компания. В долгосрочной перспективе после проведения трансформации компании Samsung Life Insurance в финансовый холдинг материнская компания, которая встанет во главе всей холдинговой структуры, сможет выстроить структуру управления, опираясь на Samsung Electronics и Samsung Life Insurance.

В настоящий момент представляется наиболее вероятным вариант управления, как в Hyundai Motors Group, где ведущая аффилированная компания в максимальной степени влияет на принятие ключевых решений всей группы, а в дальнейшем, в случае успешной трансформации в холдинг, станет возможным организовать систему управления по образцу холдинга, как, например, в LG Group.

Следует также отметить, что на современном этапе в мотивах создания финансовых холдингов нет увеличения левериджа от акций, поскольку в процессе создания финансовых холдингов соблюдается строгий контроль, ограничивающий владение акциями одним лицом в пределах 10%. Формирование финансовых холдингов в большинстве случаев проводится при помощи физического дробления (когда материнская компания владеет 100% акций дочерней компании). Низкая доля владения акциями крупного акционера означает высокий уровень распределения акций, что призвано повышать прозрачность системы управления.

В связи с этим следует обратить внимание на определенные усилия правительства РК по внесению поправок в Закон об антимонопольном регулировании и справедливой торговле, в соответствии с которыми нефинансовым холдингам будет разрешено владение финансовыми компаниями, а в случаях, если масштабы компаний финансового

сектора велики. будет предписано создание промежуточного финансового холдинга, в котором финансовые дочерние компании обособляются и управляются отдельно. Проект поправок не прошел одобрения в Парламенте РК 18-го и 19-го созывов из-за протеста оппозиции, утверждающей, что данные поправки облегчат передачу власти (права управления компаниями по наследству) в Samsung Group и ряде других чеболь.

Дополнительным фактором, подталкивающим основных акционеров к трансформации Samsung Group, являются строгие правила и ограничения на законодательном уровне по передаче компании по наследству и увеличению пакета акций крупнейшего акционера, включая фискальный механизм. Данный вопрос особенно актуален с учетом специфики корейского законодательства, предусматривающего один из самых высоких в мире налогов на наследование. По Закону о налоге на наследование и дарение (Ст. 26) устанавливается размер налоговой ставки в размере 50% в случае, если сумма налогооблагаемой базы превышает 3 млрд вон (примерно 2,65 млн долл.). Таким образом, наследники председателя Samsung Group Ли Гон Хи, который владеет акциями общей стоимостью в 13 трлн корейских вон, необходимо будет заплатить, в соответствии с данным законом, огромный налог в сумме около 7 трлн вон (более 6 млрд долл.)

Следует также отметить, что в своем Плане работы на 2017 г.²⁵ Комиссия по справедливой торговле нацелилась на то, чтобы продолжить усилия по рассмотрению и принятию Закона о промежуточных финансовых холдингах в Парламенте РК 20-го созыва (2016–2020 гг.).

Samsung Group, как крупнейший в стране финансово-промышленный конгломерат, пребывает в условиях неизбежной трансформации, поскольку в РК благодаря применению ведущих международных стандартов фактически сложился соответствующий базис национального законодательства, позволяющий обеспечить эффективное и системное регулирование сферы управления финансовыми и промышленными конгломератами.

Проведенный анализ показал, что в Республике Корея на современном этапе развития крупнейших финансово-промышленных групп сформированы на законодательном уровне необходимые предпосылки для трансформации национальных компаний с традиционным укладом управления (чеболь) в современные международные холдинги, что в ближайшей перспективе позволит на основе опыта реорганизации Samsung Group обеспечить унифицированные с международными стандартами транспарентные правила государственного регулирования, а также эффективный контроль за деятельностью и развитием национальных холдингов, что создаст необходимую базу для качественно нового уровня инновационного развития экономики.

1. Долларовый эквивалент корейской воны был рассчитан по курсу апреля 2016 г. URL: <http://ko.exchange-rates.org/HistoricalRates/P/USD/2016-04-29>.
2. *Никифорова К.О., Яруллин Р.Р.* Влияние мировой экономической ситуации на финансовый рынок России // *Инновационная наука*. 2016. № 3–1. С. 172.
3. Служба финансового надзора. URL: <http://www.fss.or.kr/fss/kr/open/hr/present.jsp>
4. Ассоциация финансовых инвестиций РК (Korea Financial Investment Association). Отчет Capital Market in Korea 2009. URL: http://eng.kofia.or.kr/brd/m_20/down.do?scq=1&file_scq=1&data_tp=A
5. По состоянию на 30 сентября 2016 г., общее количество холдингов в Республике Корея достигло 162 в соответствии с Отчетом Комиссии по справедливой торговле о состоянии холдинговых компаний за 2016 г. URL: http://www.ftc.go.kr/news/ftc/reportView.jsp?report_data_no=7014
6. В соответствии с действующим Законом об антимонопольном регулировании и справедливой торговле крупным финансово-промышленным конгломератом (чеболь) считается группа, общая сумма активов которой превышает 10 трлн корейских вон. По состоянию на 1 апреля 2016 г., количество чеболь в Республике Корея составляло 65, однако после принятия поправок

- к Закону об антимонопольном регулировании и справедливой торговле, предусматривающих увеличение общего количества активов в качестве критерия для внесения в список чеболь с 5 до 10 трлн корейских вон, по состоянию на июнь 2016 г., в Республике Корея насчитывалось 28 чеболь.
7. Национальный центр юридической информации Республики Корея. Закон об антимонопольном регулировании и справедливой торговле. URL: <http://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9%EB%8F%85%EC%A0%90%EA%B7%9C%EC%A0%9C%20%EB%B0%8F%20%EA%B3%B5%EC%A0%95%EA%B1%B0%EB%9E%98%EC%97%90%20%EA%B4%80%ED%95%9C%20%EB%B2%95%EB%A5%A0>
 8. Выдача гарантийных долговых обязательств своим дочерним компаниям провоцирует чрезмерное кредитование чеболь, являясь наряду с системой перекрестного владения акциями одним из основных факторов наращивания концентрации экономической мощи. Подобная система препятствует выходу из группы неконкурентоспособных проблемных дочерних компаний, тем самым снижая эффективность работы как всей группы компаний, так и финансовых институтов, что в результате провоцирует развитие кризиса экономики. Кроме того, система гарантийных обязательств является одним из факторов, препятствующих реструктуризации.
 9. Национальный центр юридической информации Республики Корея. Закон о рынке капитала и финансовом инвестировании. URL: <http://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9%EC%9E%90%EB%B3%B8%EC%8B%9C%EC%9E%A5%EA%B3%BC%20%EA%B8%88%EC%9C%B5%ED%88%AC%EC%9E%90%EC%97%85%EC%97%90%20%EA%B4%80%ED%95%9C%20%EB%B2%95%EB%A5%A0>
 10. Национальный центр юридической информации Республики Корея. Закон о налоге с юридических лиц. URL: <http://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9%EB%B2%95%EC%9D%B8%EC%84%B8%EB%B2%95>
 11. Национальный центр юридической информации Республики Корея. Закон о налоге на наследование и дарение. URL: <http://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9%EB%B2%95%EC%9D%B8%EC%84%B8%EB%B2%95>
 12. Национальный центр юридической информации Республики Корея. Закон о телерадиовещании. URL: <http://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9%20%EB%B0%A9%EC%86%A1%EB%B2%95>
 13. Национальный центр юридической информации Республики Корея. Закон о телерадиовещании, Закон о гарантировании функций и свободе газет. URL: <http://www.law.go.kr/lsiInfoP.do?lsiSeq=87352#0000>
 14. Национальный центр юридической информации Республики Корея. Закон о телерадиовещании, Закон об интернет-вещании и мультимедийном вещании. URL: <http://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9%EC%9D%B8%ED%84%B0%EB%84%B7%20%EB%A9%80%ED%8B%B0%EB%AF%B8%EB%94%94%EC%96%B4%20%EB%B0%A9%EC%86%A1%EC%82%AC%EC%97%85%EB%B2%95>
 15. Доклад Комиссии по справедливой торговле о принятии поправок к Акту, имплементирующему Закон об антимонопольном регулировании и справедливой торговле от 27 сентября 2017 г. URL: http://www.ftc.go.kr/news/ftc/reportboView.jsp?report_data_no=6944&tribu_type_cd=&report_data_div_cd=&curpage=23&searchKey=&searchVal=&startdate=&enddate=
 16. До принятия этой поправки парламентом минимальная общая сумма активов холдинга составляла 100 млрд корейских вон.
 17. Национальный центр юридической информации Республики Корея. Закон о регулировании специальных налоговых режимов. URL: <http://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9%EC%A1%B0%EC%84%B8%ED%8A%B9%EB%A1%80%EC%A0%9C%ED%95%9C%EB%B2%95>
 18. URL: <http://www.hankookilbo.com/m/v/3872178f93334e6187729bd15995cf76>
 19. По данным компании ThinkPool Co. Ltd. URL: http://thinkpool.com/itemanal/itpquota/tpquota_item.jsp?code=028260
 20. *Kim Сан Джо, Ли Вн Джон*. Самсонгубэ кымюнчиджухвеса соллпн: пунсокквва чонман: [Анализ и перспективы образования финансового холдинга Самсунг] // Кёнджэ кэхёк ишю. 2016. Кёнджэ кэхёк ёндэ, № 2. С. 9.
 21. Национальный центр юридической информации Республики Корея. Закон о финансовых холдинговых компаниях. URL: <http://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9%EA%B8%88%EC%9C%B5%EC%A7%80%EC%A3%BC%ED%9A%8C%EC%82%AC%EB%B2%95>

22. Национальный центр юридической информации Республики Корея. Закон о страховых компаниях.
URL: <http://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%EB%B3%B4%ED%97%98%EC%97%85%EB%B2%95>
23. *Ким Санджо, Ли Ынджон*. Указ. соч. С. 16.
24. Там же. С. 13.
25. Комиссия по справедливой торговле. План работы на 2017 г. (05.01.2017).
URL: http://www.ftc.go.kr/news/ftc/reportboView.jsp?report_data_no=7144&tribu_type_cd=&report_data_div_cd=&currpage=8&searchKey=&searchVal=&startdate=&enddate=

Природопользование

13-я пятилетка КНР: разворот к «зеленой экономике»

© 2017

Е.И. Кранина

Китай взял курс на фундаментальное решение экологических проблем с акцентом на обеспечение баланса между развитием экономики и защитой окружающей среды, на реформирование правовой системы в сфере экологии, внедрение «зеленых» технологий при массированном переводе индустрии с востока страны на запад, сочетаемом с заботой об экологии принимающих территорий.

Ключевые слова: экология, окружающая среда, кризисная ситуация, «зеленая реформа», 13-й пятилетний план, Новый Шелковый путь.

В текущей, 13-й пятилетке (2016–2020 гг.) китайское руководство решает задачу создания более гармоничной в региональном и отраслевом смыслах экономики, внося серьезные коррективы в практику индустриального развития, осуществлявшуюся почти два десятилетия экономических реформ, когда интересы сохранения среды обитания игнорировались как нечто третьестепенное.

Кризисные явления в окружающей среде

Загрязнение атмосферы. С 2013 г. в КНР уже в течение пяти лет фиксируется «красный» — наивысший уровень экологической опасности, связанный с загрязнением воздуха. По стандартам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), содержание в нем взвешенных частиц размером до 2,5 микрон (PM_{2,5}) не должно превышать 25 мкг на 1 куб. м. В Пекине же в первый день 2017 г. было зафиксировано 24-кратное превышение этих норм. Но не меньший вред здоровью причиняют аэрозоли, диаметр частиц которых составляет 1 микрон (PM₁). Они способны не только поражать легкие, но и попадать в кровь, отравляя весь организм. Причем, в смоге, установившемся во многих китайских городах, господствует PM₁, а не PM_{2,5}. На севере КНР количество PM₁ составляет 90% общего объема взвешенных частиц в смоге, в Шанхае — 80%¹. Из 338 китайских городов лишь в 84-х качество воздуха соответствовало национальным стандартам.

Дефицит чистой воды. В Китае загрязнено более 75% пресноводных рек и озер, 90% подземных вод. В северных районах, где в основном выращивается пшеница, в настоящее время водоемы либо сильно загрязнены, либо истощены, а ресурсы под-

земных вод ограничены и уже выбраны до такой степени, что приходится бурить скважины глубиной в несколько сот метров. Среднедушевой объем водных ресурсов в Пекине не достигает и одной десятой от среднего показателя по стране.

Наступление песков. Из-за чрезмерного выпаса скота, экстенсивного использования почвы и воды и вследствие изменений климата в КНР не прекращаются процессы опустынивания. Общая площадь таких территорий достигает 1,73 млн км². Пыльные бури угрожают существованию почти трети населения, особенно на западе и севере страны. Спутниковые снимки фиксируют систематическое возникновение пылевых бурь на Северо-Западе Китая. Следы «желтой пыли» обнаружены даже в Новой Зеландии и во французских Альпах. Более всего страдает Монголия. Эта проблема стоит в повестке дня ежегодных саммитов Южной Кореи, Японии и Китая.

Ущерб земледелию. Кризисное состояние окружающей среды влияет на развитие агросферы. Так, в 2016 г. валовой сбор зерна, производство мяса, молока сократились по сравнению с предшествующим годом соответственно на 0,8%, 1,0% и 4,1%. По данным Министерства земельных и природных ресурсов КНР, в последние три года общая площадь обрабатываемых земель равнялась 1,82 млрд му (121,6 млн га), но свыше 40% из них подвержены деградации: значительно повысилось содержание тяжелых металлов. 3,5 млн га пашни непригодны для возделывания. Засуха ежегодно поражает около 160 тыс. км² пахотных земель. Снижаются улов и качество рыбы. Множатся случаи, когда экспортную Китаем сельхозпродукцию возвращают обратно из-за проблем качества².

Поворот лицом к экологии

В предыдущей, 12-й пятилетке КНР (2011–2015 гг.) инвестиции в охрану окружающей среды выросли до 5 трлн юаней (814,5 млрд долл.) при доле в ВВП 0,72–0,88%.

Разворот лицом к защите природной среды сегодня — повсеместная тенденция, тем более что экологичность производства становится важнейшим фактором конкурентоспособности на мировых рынках. В январе 2015 г. в Китае вступила в силу новая редакция Закона об охране окружающей среды. Китай обретает репутацию одного из крупнейших в мире рынков экоиндустрии. Среднегодовые темпы ее роста: 15–20%, то есть 2-е место в мире после Японии.

Таблица 1

Инвестиции в экологию: доля во вложениях в основные фонды (исключая сельские домашние хозяйства)

	2014 г.			2015 г.			2016 г.		
	Сумма (млрд юаней)	Прирост (%)	Доля в общем объеме	Сумма (млрд юаней)	Прирост (%)	Доля в общем объеме	Сумма (млрд юаней)	Прирост (%)	Доля в общем объеме
Всего вложено	50126,9	15,0	100,0	55159,0	10,0	100,0	59650,1	8,1	100
В экологию	4622,4	22,7	9,2(%)	5567,3	20,4	10,1(%)	6864,7	23,3	11,5(%)

Источник: Чжунго тунци няньцзянь 2015. Пекин, 2015. Табл. 10–13.

URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201702/t20170228_1467424.html

Решающую роль в этом играет государство, активное использование им опыта централизованного управления народным хозяйством, планового хозяйствования.

Улучшение атмосферного воздуха. Ныне в Китае планируется создать специальный фонд для проведения научных исследований по установлению факторов возникновения смога. Введены в действие «Интенсифицированные меры по предотвращению и ликвидации атмосферного загрязнения в регионе Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй (2016–2017)³. В рамках запущенной «Программы совместного развития региона» ускорятся

строительство зеленого комплекса, который включает экологический коридор, лесисто-болотистые участки и экологический заповедник на северо-западе района. В Пекине планируется озеленить более 30 транспортных магистралей, пересекающих его территорию и ведущих в г. Тяньцзинь, а также четыре речные системы и системы каналов.

Предполагается сократить выбросы двуокиси серы (SO_2) и оксида азота (NO_2) на 3% соответственно, снизить концентрацию частиц $\text{PM}_{2,5}$ в воздухе ведущих районов страны. Должны быть подведены итоги реализации «Плана действий по предотвращению загрязнения атмосферы». Началась разработка плана «Экологически чистого отопления северных районов в зимний период». В восточных и центральных районах эта задача будет выполнена в течение 2017–2018 гг., в западных — к 2020 г.⁴

Для этого предстоит: упорядочить традиционное потребление необработанного угля; на севере внедрить экологически чистую отопительную систему; обеспечить переход с угля на электричество или на газ не менее чем в 3 млн домохозяйств; полностью ликвидировать все угольные котельные небольшого размера на застроенных территориях городов окружного уровня и выше; интенсифицировать реконструкцию угольных электростанций в целях энергосбережения и минимизации выбросов.

В масштабах всей страны в 2016 г. в общей сложности было выведено из эксплуатации 4,046 млн устаревших автомобилей.

Возрождение источников воды. В апреле 2015 г. Госсовет КНР опубликовал «План действий по борьбе с загрязнением водных ресурсов и правила экономии воды», содержащий 238 конкретных мер, включая 136 — по улучшению проводимой работы, 12 — исследовательских и 90 — инновационных. Завершена работа по определению 319 заповедников источников питьевой воды коллективного пользования, находящихся в 11 провинциях, городах центрального подчинения, в 126 городах уровня окружного и выше. Опубликован «Список местонахождений важных источников питьевой воды Китая»⁵.

К 2020 г. объем годового потребления воды по стране не должен превысить 670 млрд куб. м. Усовершенствована система показателей совокупного потребления воды, пересчитаны стандарты, определяющие эффективность потребления водных ресурсов, а также допуски по вредным выбросам. Весь реестр показателей подробно расписан для водосборных бассейнов, провинций, городов, уездов и даже поселков. В единую систему распределения водных ресурсов включается возрожденная, дождевая, слабominерализованная вода и другие необычные источники.

Министерство водного хозяйства КНР постепенно, в экспериментальном порядке расширяет платное пользование водой. К 2020 г. объемы ее потребления в промышленности на 10 тыс. юаней ВВП и на 10 тыс. юаней добавленной стоимости должны соответственно снизиться на 35% и 30%⁶.

Да — лесам, нет — пустыням. Еще во времена 11-й пятилетки (2006–2010 г.) Китаю удалось решить проблему опустынивания более чем на 14 млн га, в 12-й пятилетке — еще на 10 млн га. В ходе нынешней, 13-й пятилетки предстоит улучшить экологическую ситуацию на такой же площади⁷. Управление лесного хозяйства КНР, во-первых, реализует на Северо-Западе, Севере и Северо-Востоке Китая проект под наименованием «Великая Зеленая Стена», предусматривающий посадки почти 36 млн га нового леса (к 2050 г.) Во-вторых, запускается проект по борьбе с источниками песчаных бурь в районе Пекин — Тяньцзинь. Кроме того, заостряя внимание на проблеме чрезмерного выпаса скота и интенсификации сельского хозяйства, в регионах, где нет возможности бороться с опустыниванием, предпринимаются меры по закрытию доступа к таким землям. А следующий шаг, при помощи пилотных проектов — расширение охраняемых территорий, сельхозобработка которых воспрещена⁸.

В «Средне-долгосрочной программе научно-технического развития лесного хозяйства КНР до 2020 г.» определены основные направления научных исследований и технических инноваций: биотехника и селекция, взаимосвязь лесов и окружающей среды,

экосистема и восстановление регрессивного экобаланса, предотвращение лесных бедствий и др. Планируется сократить квоты вырубki лесов, активизировать лесопосадку на автодорогах и окраинах лесных участков. Разработан генеральный проект по созданию института национальных парков.

В 2016 г. была опубликована программа действий по ликвидации загрязнения почвы. Запущены 14 пилотных проектов по ее восстановлению, созданы 6 передовых зон комплексного контроля за загрязнением почвы тяжелыми металлами.

К 2020 г. площадь пашни не должна опуститься ниже отметки в 120 млн га («красная линия»), из них 53 млн га — качественные, продуктивные, гарантирующие стабильные урожаи.

Площадь лесного покрытия за годы 13-й пятилетки достигнет 23%, общего степного покрытия — 56%, водно-болотных угодий увеличится до 50 млн га⁹.

Правовые и рыночные рычаги

Реформирование экологического законодательства КНР проходит в три этапа. На первом устраняются накопившиеся в нем пробелы и противоречия. На втором перестраивается действующая экологическая правовая система. На третьем этапе предусмотрено внедрение новой системы экологических правоотношений — переход количества принятых законов в качество их исполнения. Так, в 2017 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) развернул работу по внесению поправок к Закону о предотвращении и устранении загрязнения атмосферы, Закону о предотвращении и борьбе с загрязнением вод; разрабатывается Закон о борьбе с загрязнением почвы¹⁰.

Экологический налог. В духе мировой практики использования налогов в роли инструмента природоохранной политики, в августе 2016 г. Главное государственное налоговое управление (ГГНУ) КНР подало в Госсовет предложение ввести в стране экологический налог. В декабре того же года оно, по согласованию с министерствами финансов и охраны окружающей среды, было одобрено¹¹.

В КНР параллельно функционирует две системы налоговых органов: управление по центральным налогам во главе с Государственным налоговым управлением (ГНУ) КНР и управление по местным налогам, состоящие под совместным руководством ГНУ и местных правительств на уровне провинций. ГНУ КНР имеет статус министерства, будучи подчинено непосредственно Госсовету. На местах функционируют местные налоговые управления (по центральным налогам и по местным налогам)¹².

Отметим, что в Китае уже давно практикуются сборы за загрязнение окружающей среды, установлена и ответственность за их неуплату (штраф в размере от 100% до 300% от суммы сбора, плюс приостановка производства). Но эффективность таких рычагов уже выглядит неудовлетворительной: ведь к концу 2011 г., когда КНР вышла на первое в мире место по объему промышленного производства, она стала лидировать в мире и по проблемам смога и прочим показателям загрязнения природной среды¹³. Например, в настоящее время Китай, на долю которого приходится 23% общемировых запасов редкоземельных ресурсов, обеспечивает более 90% потребностей мирового рынка РЗМ, производя более 70% общемирового объема материалов и компонентов для постоянных магнитов, люминофоров, материалов для хранения водорода, а также материалы для производства полирующих композиций. Погоня за быстрой и легкой прибылью приводит к низкой эффективности производства и большим отходам. Использование отсталых способов добычи и обогащения РЗМ разрушает верхний слой почвы и растительного покрова, вызывает эрозию, загрязнение, окисление земель. В ряде районов интенсивная разработка месторождений РЗМ провоцирует горные оползни, закупорку русел рек,

выбросы или утечку загрязняющих веществ, вплоть до экологических бедствий, представляющих серьезную угрозу жизни и здоровью людей.

Проект нового закона предусматривает замену существующей системы платежей за нанесение вреда экологии на экологический налог, который будет взиматься при выбросе «налогооблагаемых загрязнителей». К ним относятся не только твердые и полутвердые отходы, загрязняющие атмосферу и водные ресурсы, но также строительный и промышленный шум. В перечень твердых отходов, за выброс которых взимается экологический налог, включены отходы металлургической промышленности, шлак, пустая угольная порода, отработанная руда (отходы обогащения полезных ископаемых). Ставки экологического налога в зависимости от вида отходов составят от 5 до 30 юаней за тонну.

По основным характеристикам экологический налог во многом схож с уже существующим сбором за загрязнение окружающей среды. Основное отличие — в передаче полномочий по взиманию платежей налоговым органам, что сулит улучшение контроля за сбором налога. Управления по охране окружающей среды должны осуществлять мониторинг, контроль и оценку объемов выброса загрязняющих веществ для содействия налоговым органам¹⁴.

Как мы убедились, на первых стадиях реализации закона об экологическом налоге основной его целью явится не повышение поступлений в казну, а корректировка экологического сознания и поведения как юридических, так и физических лиц — компаний-производителей и конечных потребителей. Закон вступит в силу до конца 2018 г.

Рентные платежи. Чтобы стимулировать природоохранные мероприятия, предусмотрен постепенный переход к системе рентных платежей; включение в экономические показатели полной стоимости природных объектов, с учетом их средообразующей функции, а также природоохранных работ (услуг); создания механизма взимания с хозяйствующих субъектов, эксплуатирующих природные ресурсы, платежей и их использование для сохранения и восстановления природной среды, в том числе биоразнообразия; введения ответственности за произведенный продукт на всех стадиях. Предоставляется ряд льгот предприятиям, занимающимся сбором и комплексным использованием возобновляемых ресурсов, выпуском природоохранного промышленного оборудования и продукции с использованием жидких, газообразных и твердых отходов.

Система «зеленых финансов». В 13-й пятилетке это — один из приоритетов экологической политики Китая: созданы Фонд «зеленого развития» и особая «зеленая финансовая система», включающая отдельную систему кредитования, свой рынок ценных бумаг, особый фондовый индекс «зеленых акций» и соответствующей продукции, а также механизм «зеленого страхования». В 2018 г. планируется установить систему «экологического аудита». Банковские учреждения обязаны оказывать поддержку «дружелюбным в отношении экологии» предприятиям, а политика «зеленого кредита» должна служить стимулом экологически чистого производства. Выпущены разного рода «зеленые» облигации на общую сумму почти 230 млрд юаней (34,3 млрд долл.)¹⁵.

Общенациональный углеродный рынок. О планах его открытия в КНР было объявлено в нынешнем году. Он должен стать самым крупным в мире. Предстоит создание тестовых территорий и апробация на них системы торговли правами на углеродные выбросы, единицами их сокращения, единицами поглощения двуокиси углерода (CO₂) и другими углеродными единицами. Первая торговая сессия состоялась в Шэньчжэне (июнь 2013 г.), позже такого рода аукционы были проведены в Тяньцзине, Шанхае, Чунцине, Пекине, а также в провинциях Гуандун и Хубэй. В провинциях Чжэцзян, Фуцзянь, Хэнань и Сычуань заработали пилотные проекты по возмездному использованию права на энергопотребление и созданию института торговли квотами. Смысл аукционов заключается в том, что предприятия, выбрасывающие в воздух вредные вещества в объеме больше нормы, выкупают квоты у компаний, выбросы которых меньше нормативных. Чтобы снизить долю злоупотреблений и нарушений законодательства в данной сфере,

установлены штрафы за нарушение правил торговли до 100 тыс. юаней. Так Китай пытается превратить экологическую ответственность в экономический актив.

Ужесточение экологического контроля

В Китае создается механизм мониторинга и прогнозирования допустимой нагрузки на природные ресурсы и окружающую среду: эксперименты с его использованием прошли в регионе Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй. На крупных предприятиях ведется круглосуточный мониторинг. В случае если предприятие, чьи выбросы превышают норму, в определенный срок не снижает их объем до установленного предела, оно закрывается.

С 2017 г. введено правило проведения два раза в год дистанционного спутникового мониторинга территорий, отслеживающего экологические изменения. К 2020 г. планируется подключить эту систему к Интернету.

Качественно иной подход стал применяться к экологической экспертизе: прежняя концепция, основывавшаяся лишь на критериях содержания вредных химических веществ, уступила место концепции экологического риска, основополагающий критерий которой — степень риска нанесения ущерба окружающей среде. Принятие оптимального (с точки зрения охраны природы) решения означает экономически и социально обоснованную минимизацию такого воздействия.

С 1 января 2017 г. введена уголовная ответственность за подтасовку результатов мониторинга окружающей среды. Соответствующее постановление принято Верховным народным судом и Верховной народной прокуратурой КНР. Уличенным в предоставлении ложной информации об эмиссии загрязняющих веществ предпринимателям, чиновникам и представителям служб мониторинга грозит лишение свободы сроком от трех до семи лет. К фальсификации фактов по эмиссиям отнесено и намеренное отключение очистных сооружений на предприятиях. Отмечалось, что по требованию властей многие фабрики устанавливают соответствующее оборудование, однако включают его только во время официальных проверок. По итогам проверок в 2016 г. на предприятия, загрязняющие окружающую среду, наложены штрафы, общий размер которых достиг 198 млн юаней (29 млн долл.)¹⁶.

Продвигается создание образцово-показательных зон опережающего развития экологической цивилизации в пров. Фуцзянь, Цзянси и Гуйчжоу, пилотных проектов по реформированию системы компенсации за нанесенный экологический ущерб в провинциях и городах центрального подчинения. В перечень зон с важными экологическими функциями государственного уровня включено 676 уездов и 87 управлений лесного хозяйства в главных государственных лесных массивах, опубликован и внедряется в жизнь «негативный список», ограничивающий развитие в них определенных отраслей. В 11 приморских провинциях развернута работа по составлению программ для зон с основополагающими функциями морской экономики провинциального уровня. Опубликованы и претворены в жизнь пилотные проекты по созданию институциональной системы национальных парков.

В Китае издан руководящий документ об экологической «красной линии», согласно которому до конца 2020 г. в отдельных регионах должны быть введены обязательные минимальные экологические стандарты. Для достижения поставленных целей предусматриваются меры по 10 направлениям, включая всесторонний контроль за выбросом загрязняющих веществ, продвижение трансформации экономической структуры, усиление сбережения и охраны водных ресурсов, усиление научно-технической поддержки, выявление роли рыночного механизма, усиление контроля за исполнением законов о защите окружающей среды и т.п.¹⁷

Удельная энергоемкость ВВП и объем выбросов двуокиси углерода (CO₂) на единицу ВВП снизились по сравнению с 2015 г. соответственно на 5 и 6,6%. Химическое по-

требление кислорода (O_2), содержание аммонийного азота (NO_3), выбросы двуокиси серы (SO_2) и оксида азота (NO_2) — на 2,6; 2,9; 5,6 и 4,0% соответственно.

Доля поверхностных водоемов категории III и выше повысилась на 1,8 проц. пункта, а доля водоемов ниже категории V снизилась на 1,1 проц. пункта по сравнению с аналогичным показателем 2015 г. Расход воды на каждые 10 тыс. юаней ВВП снизился на 5,6%. Вследствие оптимизации структуры энергоресурсов доля потребления экологически чистой энергии повысилась на 1,7 проц. пункта, а доля потребления угля снизилась на 2 проц. пункта¹⁸.

«Экологическая миграция»

Госкомитет по развитию и реформе (ГКРР) обнародовал Всекитайскую программу по переселению в 13-й пятилетке 70 млн человек (при этом вошел в оборот термин «экологическая бедность») ¹⁹. В рамках этой программы планируется переселить 10 млн жителей из 1,4 тыс. уездов 22 провинций (из районов, считающихся экологически неблагоприятными) ²⁰.

Переселению подлежат жители районов, где практически нет условий для социально — экономического развития. Имеются в виду, прежде всего, глухие горные районы, с суровым холодным климатом, подверженные опустыниванию, с высоким уровнем распространенности эндемических заболеваний, где ограничивается или полностью запрещается активная деятельность человека по причине хрупкого экологического состояния и подверженности природным бедствиям. Средства, необходимые для реализации программы переселения, поступают из нескольких источников: бюджетных ассигнований (100 млрд юаней), а также специальных фондов.

Избавление от избыточной индустрии

С наступлением XXI века курс руководства КНР на расширение международной экономической интеграции проявился в поощрении китайских предприятий к выводу своих производственных мощностей за рубеж. В последние годы все очевиднее стремление Китая вывозить за рубеж в первую очередь производства, загрязняющие окружающую среду. Это можно считать еще одним каналом переключения страны на «зеленую» модель развития. А Новый шелковый путь, будучи ключевым компонентом 13-й пятилетки, призван, в частности, решить задачи более рационального размещения производства в центральных и западных регионах страны, избавления от излишних экологически вредных мощностей. Китай намерен, в частности, «разгрузить» крупнейшего производителя стали — провинцию Хэбэй, а вместе с ней и весь север страны, где загрязненность воздуха гораздо сильнее, чем на юге. Провинция Цзянсу ориентируется на освобождение от ряда предприятий нефтехимии, металлургии, производителей текстиля, стройматериалов, оборудования для железнодорожного транспорта и пр.

В ноябре 2016 г. в Китае был создан второй инвестфонд в рамках программы Нового шелкового пути. Его средства направят на экологические проекты, цель которых — помочь экономическому развитию стран, расположенных вдоль Шелкового пути, сохранив их уникальные экосистемы. Экологический фонд будет работать вместе с инфраструктурным ²¹. Планируется вложить миллиарды долларов в разработку и внедрение альтернативных источников энергии, а также в модернизацию промышленности и земледелия стран евразийского региона. На первом этапе в приоритете — борьба с опустыниванием и строительство солнечных электростанций. Предстоит создать инфраструктуру для выработки 10 млрд ватт солнечной энергии, восстановить около 500 тыс. га пустынных земель, создать порядка 200 тыс. новых рабочих мест. За реализацию проекта отвечают китайские банки развития. В работе участвуют также частные инвесторы.

Вопрос, как правительство может стимулировать экологические инвестиции, был в центре внимания на саммите G20 4–5 сентября 2016 г. в г. Ханчжоу. Впервые страны-участницы достигли соглашения о принципах управления «зеленым финансированием» и признали его потенциал важным для экономического роста. Это первый шаг в создании международной финансовой системы поддержки «зеленых» проектов и мотивировании банковских учреждений отдельных стран к инвестированию средств в экологические проекты.

Министерства торговли и охраны окружающей среды КНР опубликовали «Руководства по охране окружающей среды при осуществлении иностранных инвестиционных проектов и сотрудничества», предписывающие китайским компаниям «своевременно выявлять и упреждать экологические риски, поддерживать устойчивое развитие в принимающих странах». Экспортно-импортный банк КНР декларировал свое право инспектировать проекты за рубежом до, во время и после их создания на средства займов, требовать исправления нарушений, прерывания контрактов и досрочного возврата средств при неисполнении требований и т.д. Пристальное внимание государства к экологической ответственности китайских компаний создает возможности для конструктивного диалога с инвесторами.

Проект «Пояс и путь» как никогда в прошлом сблизил экологические интересы Китая и России. Правительство РФ утвердило новую редакцию Государственной программы развития Дальнего Востока до 2025 г., в рамках которой планируется создание российско-китайских предприятий в 12 отраслях (в т. ч. металлургии, энергетике, машиностроении, судостроении, строительстве, телекоммуникациях, земледелии, текстильной, химической, цементной промышленности). Китайский бизнес получит на Дальнем Востоке налоговые льготы и административные преференции. В рамках программы предстоит создать общие «зеленые» коридоры, трансграничную сеть, выработать общие требования к планированию инвестиций, социально-экологические стандарты²².

* * *

К 2020 г. (т.е. финишу 13-й пятилетки) Китай должен превратиться в инновационное государство и войти в число наиболее экологически активных стран:

- по всей стране должны быть созданы образцовые «зеленые» предприятия и «зеленые» районы, радикально снижены расходы сырья и энергии;
- выбросы загрязняющих веществ на основных предприятиях тяжелой и химической промышленности планируется снизить на 20%;
- уровень «зеленого производства» в основных отраслях промышленности должен вырасти до мировых показателей;
- планом 13-й пятилетки поставлена задача снижения объема расходов энергии на единицу ВВП, а также объема расходов воды и снижение загрязнений примерно на 15, 23 и 18%, соответственно²³;
- выбросы диоксида углерода (CO₂) на единицу ВВП должны сократиться на 18% против 2015 г.

К 2020 г. в сферу экологии намечено вложить 14,26–19,5 трлн юаней, в результате чего доля отрасли в ВВП может повыситься до 1,5–3%²⁴.

Обсуждается возможность перехода с системы оценки эффективности экономического развития, основанной на подсчете роста ВВП, на систему, основанную на индексе устойчивого развития или «Зеленом устойчивом ВВП» («green(ed) GDP»)²⁵.

1. URL: <http://www.zhb.gov.cn/english/SOE/soechina2016/english/2-preface.htm> (дата доступа: 15.12.2016).

2. URL: <http://www.epochtimes.ru/v-kitae-uvlichivaetsya-zagryaznenie-pahotnyh-zemel-98977361/> (дата доступа: 20.12.2016).
3. Жэньминь жибао. 18.03.2017.
4. Там же.
5. URL: http://www.inform.kz/ru/v-kitae-obnarodovan-plan-deystviy-po-bor-be-s-zagryazneniem-vody_a2766667 (дата доступа: 16.12.2016).
6. Там же.
7. Там же.
8. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2015-03/12/content_35033664.htm.
9. Там же.
10. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0305/c31521-9185733.html> (дата доступа: 07.03.2017).
11. URL: http://pavel.bazhanov.pro/blog/2015/09/china_enviromental_tax_law_draft/ (дата доступа: 01.29.2017).
12. URL: http://www.ved.gov.ru/reg/info/documentation/search_documents/?action=showproduct&id=4675&parent=0&start=4 (дата доступа: 11.01.2017).
13. URL: http://russian.news.cn/2017-03/08/c_136113419.htm.
14. URL: http://pavel.bazhanov.pro/blog/2015/09/china_enviromental_tax_law_draft/ (дата доступа: 29.01.2017).
15. URL: http://ru.theorchina.org/xsqr_2477/201511/t20151112_331129.shtml. (дата доступа: 11.12.2015).
16. Жэньминь жибао. 01.03.2017.
17. URL: http://russian.news.cn/2017-02/21/c_136073394.htm.
18. Там же.
19. Экологическая бедность обусловлена изменением состава атмосферы и последствиями: загрязнением природных пресных вод, океанов прибрежных акваторий; обезлесением и опустыниванием; эрозией почв и потерей плодородия земель; рисками, связанными с биотехнологией; опасными выбросами и т. д. — все эти проблемы характерны для Китая.
20. URL: <http://vchae.com/kitay-pereselit-10-mln-lyudey-v-ramkah-borbyi-s-bednostyu/> (дата доступа: 18.01.2017).
21. Там же.
22. URL: <http://www.ecoindustry.ru/news/view/49264.html> (дата доступа: 11.01.2017) С января 2017 г. в РФ вступает в силу новое положение федерального законодательства о создании реестра объектов, наносящих вред окружающей среде (№ 219-ФЗ). Таким образом, ранее действовавший заявительный принцип заменяется на обязательный учет, что позволит улучшить контрольно-надзорные мероприятия и поможет в принятии управленческих решений.
23. URL: <http://www.zhb.gov.cn/english/SOE/soechina2016/english/2-preface.htm> (дата доступа: 14.10.2016).
24. Там же.
25. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm. Принцип «ВВП минус затраты на охрану окружающей среды» повышает адекватность отображения экономического потенциала развития страны.

Государство и общество

Право торговых марок в КНР и регулирующая роль государства

© 2017

Н.В. Анисимцев

В статье рассматриваются основные этапы становления в Китае права торговых марок как одного из важных направлений защиты интеллектуальной собственности. Автор обосновывает точку зрения, что значительное государственное регулирование экономической жизни является условием реального осуществления исключительных прав торговых марок и функционирования рыночной экономики.

Ключевые слова: право торговых марок, интеллектуальная собственность, модернизация КНР, законы КНР о торговых марках, Всемирная организация интеллектуальной собственности.

В научной литературе встречаются утверждения о благоприятности условий, создаваемых в КНР для зарубежных инвестиций и предпринимательской деятельности, что справедливо в отношении коммерсантов, достаточно осведомленных о местных реалиях, включая правила в вопросах защиты интеллектуальной собственности. К примеру, в нелегком положении оказался некогда (11 лет назад) миллиардер Дональд Трамп, когда попытался зарегистрировать на китайском рынке товарный знак «Трамп». Компетентные органы заявку отвергли на том основании, что в Шэньчжэне еще в 2002 г. была зарегистрирована отечественная компания Shenzhen Trump Industrial (наладившая, в частности, выпуск унитазов под маркой Trump). Попытки затвердить иные варианты своей торговой марки: Trump Tower — для гостиниц и предприятий общепита, Trump Estates — для управления недвижимостью, Trump Home — для мебели, предпринятые через суд, успеха не принесли. Вновь поданные в 2014 г. заявки были рассмотрены в позитивном ключе только в 2016 г., после президентских выборов в США.

Кое-что из истории

Практика использования торговых марок зародилась в Китае еще в средние века. Известно, например, что во времена династии Северная Сун (960–1120 гг.) одна из лавок в Шаньдуне, торговавшая иглами, украсила для привлечения покупателей свой фасад запоминающимся знаком — изображением белого кролика.

Официально же первый товарный знак (марка спичек «Вэйшуй») был зарегистрирован в Китае в 1890 г. 12 лет спустя Цинская и Британская империи заключили «Обновленный договор о торговле и навигации», по которому обязались, в частности, взаимно защищать торговые марки. Но понятие торговой марки (*шанбяо*) появляется в китайском законодательстве позднее — в 1904 г. в «Уставе регистрации торговых марок», составленном для китайского правительства.

В конце правления династии Цин был учрежден «Экспериментальный институт регистрации торговых марок», служивший для защиты собственности и доходов иностранцев на территории Китая.

После падения Цинской династии ряд законов о торговых марках в 1923 г. и 1930 г. был промульжирован Бэйянским правительством, что благоприятно сказалось на деловой активности в стране, облегчило защиту прав фирм.

Период 1949–1979 гг. не был отмечен прогрессом в этой сфере (хотя власти победившей народной революции в 1950 г. выпустили «Временные положения о регистрации торговых марок», затем «Детальные правила о применении временных положений о регистрации торговых марок»). «Правила менеджмента торговых марок», установившие принцип их обязательной регистрации вышли в 1963 г.

В целом же, законодательство о торговых марках служило тогда не столько инструментом охраны исключительных прав, сколько средством надзора за качеством выпускаемой продукции. Народное хозяйство восстанавливалось от последствий японской агрессии и гражданской войны, усугублявшихся экономической блокадой США и других стран Запада, в КНР царил острый дефицит товаров. Все торговые марки принадлежали государству.

В начале 1970-х годов, уже после встречи Мао Цзэдуна с Никсоном, в этой сфере наметился крутой поворот. В 1973 г. состоялся первый официальный контакт руководства КНР с Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС, WIPO): это был ознакомительный визит в ее штаб-квартиру главы китайского правительства Чжоу Эньлая. Год спустя правительства КНР и Австралии оформили через обмен нотами договоренность о регистрации торговых марок.

Масштабные преобразования, начатые по инициативе Дэн Сяопина в 1978 г., стимулировали прогресс в данной сфере, так как без решения проблем защиты прав интеллектуальной собственности было бы невозможно наладить международное экономическое и научно-техническое сотрудничество. В 1979 г. было подписано американо-китайское соглашение о торговле, по которому КНР обязалась признавать и защищать права интеллектуальной собственности. Подготовительный процесс увенчался в 1980 г. вступлением Китая в ВОИС.

Экономическая реформа и становление исключительных прав торговых марок

Дальнейший процесс формирования политики КНР по охране права интеллектуальной собственности можно разделить на три этапа¹.

На 1-м (1980–1991 гг.) предпринимались энергичные шаги по созданию целостной системы защиты прав интеллектуальной собственности, что продвигалось одновременно такими путями, как присоединение к действующим международным соглашениям и организациям, а также формирование соответствующего национального законодательства.

В этот период были приняты законы об авторских правах (1990 г.), о патентах (1984 г.), о торговых марках (1982 г.). В 1986 г. для регулирования гражданско-правовой сферы в КНР принимается закон — «Общие положения гражданского права». Раздел V,

188

глава 3 «Интеллектуальная собственность» содержит четыре статьи (94–97), в которых закладываются базовые принципы авторского права в КНР².

14 мая 1984 г. КНР присоединилась к Парижской конвенции о защите интеллектуальной собственности (полноправное членство — с 19 марта 1985 г.)

В июне 1989 г. Китай присоединился к Мадридскому соглашению о международной регистрации торговых марок (разработанному еще в 1891 г.) Тогда же был принят Протокол к Мадридскому соглашению (вступивший в силу с 1996 г.)

2-й период пришелся на 1991 г. — начало 2000-х годов, когда КНР предприняла новые шаги в развитии и упрочении социалистической рыночной экономики. Эти меры потребовали, в частности, прогресса в сфере прав интеллектуальной собственности. Был принят пересмотренный закон об авторских правах (2001 г.), ревизован закон о патентах (1992 г., 2000 г.), дважды пересматривался закон о торговых марках (1993 г. и 2001 г.).

3-й период модернизации прав интеллектуальной собственности в Китае начинается в 2001 г., после вступления страны в ВТО.

В «нулевые» годы, особенно после 2007 г., в КНР делается акцент на формирование инновационной экономики, развивающейся преимущественно путем интенсификации, качественного повышения технологического уровня производства, перевода его на новую ступень научных знаний и технологий.

В этот период идет рост финансирования для развития научных исследований и экспериментов. Рост фондов в юанях: 2002 г. — 128,76 млрд юаней, или 0,90% ВВП; 2013 г. — 1184,66 млрд юаней, или 2,10% ВВП. Значителен рост количества патентных заявок физических и юридических лиц в стране и за рубежом (КНР): 2002 г. — 252 631 заявок; 2013 г. — 2 337 061³. Китай ныне занимает 1-е место в мире по количеству регистрируемых торговых марок.

Хотя в КНР пока еще широко распространена практика нарушения прав интеллектуальной собственности, однако судебная система страны все решительнее выступает в защиту правладельцев. Быстро множатся соответствующие гражданско-правовые дела, рассматриваемые в судах первой инстанции: в 2002 г. — 2991 дело; в 2013 г. — 88583 дела, в 2015 г. — 109386 дел⁴.

В 2008 г. был принят новый закон о патентах, в 2013 г. — ревизованный закон о торговых марках, с 2016 г. готовится новая редакция закона об авторском праве.

Законы о товарных знаках

Действующее законодательство КНР, регулирующее защиту средств индивидуализации (право торговых марок), довольно обширно, но в нем есть базовые нормативные акты, определяющие основное содержание правового регулирования в данной области.

Прежде всего, это «Закон о торговых марках», принятый в последней редакции 30 августа 2013 г. на 4-й сессии Постоянного комитета ВСНП 12-го созыва⁵. «Закон о торговых марках» содержит 73 статьи, сгруппированные в 8 глав.

Положения Закона детализируются «Правилами применения Закона о торговых марках»⁶, опубликованного Госсоветом КНР в августе 2002 г. (последняя редакция вышла в мае 2014 г.) Правила насчитывают 8 глав, 59 статей. Есть также «Правила признания и охраны общеизвестных торговых марок (ревизия в августе 2014 г.)»⁷, введенные Приказом № 66 Государственного управления промышленности и торговли.

Должны учитываться и «Комментарии Верховного народного суда по некоторым вопросам, касающимся применения Закона в гражданско-правовых спорах о торговых марках», содержащие 24 статьи⁸.

Власти КНР целенаправленно формируют правовую среду, соответствующую требованиям TRIPS, внедряют в жизнь правовую грамотность среди населения. Важнейшее направление в практической работе — формирование и совершенствование соответ-

ствующего административного аппарата. Предусмотрены и механизмы защиты прав через гражданско-правовые тяжбы. В ряде случаев могут применяться уголовно-судебные меры и наказания. Наконец, важным участком работы стала таможенная охрана исключительных прав.

Основная нагрузка в охране исключительных прав обладания торговыми марками ложится на административные органы. Среди них центральную роль играет Государственное управление промышленности и торговли (State Administration for Industry and Commerce, SAIC). В него входит Секретариат торговых марок (SAIC Trademarks Office). SAIC обладает своей развитой сетью низовых органов — управлений, подразделений, рабочих станций, мобильных рабочих станций. Его деятельность поддерживается и на уровне местных правительств.

В КНР предусмотрены и возможности защиты прав интеллектуальной собственности посредством гражданско-правовых тяжб. Для разбирательства дел о нарушениях прав интеллектуальной собственности на уровне некоторых городов и провинций созданы специальные суды по проблемам интеллектуальной собственности. Однако гражданско-правовые дела, возбуждаемые по заявлению истца, пока не являются эффективным инструментом борьбы с нарушением прав интеллектуальной собственности.

Часть работы по защите торговых марок, доменных имен подведомственна Интернет-корпорации для назначенных имен и чисел (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, ICANN) — некоммерческой международной организации, ответственной за интернет-протоколы и доменные адреса. Под эгидой ICANN функционирует Арбитражный суд при Китайской палате международной торговли.

Когда обнаруживаются подделка или незаконное использование патента, систематические нарушения, рецидивы, к нарушителям могут применяться уголовные санкции. В частности пострадавший правообладатель может сделать соответствующее заявление в Бюро общественной безопасности. В охране интеллектуальной собственности участвуют и таможенные органы.

Немаловажным аспектом защиты интеллектуальной собственности является борьба со злоупотреблениями, направленными на ограничение конкуренции. Правовой основой для этого является «Закон против нечестной конкуренции». За его проведение в жизнь также несет ответственность упоминавшееся выше Государственное управление промышленности и торговли.

Усилия руководства КНР увенчались значительными достижениями, что подтверждается, в частности, успехами в привлечении в страну иностранного капитала и предпринимательства, современных технологий. Так, по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, в 2014 г. в КНР было зарегистрировано заявок патентов — 837 897, промышленных образцов — 574 414, торговых марок — 2 137 369⁹. Генеральный директор ВОИС Фрэнсис Гарри при посещении Пекина в июле 2014 г. в знак признания достижений КНР и для совершенствования механизмов сотрудничества открыл Пекинский офис ВОИС (один из четырех в мире).

Как зарегистрировать в Китае товарный знак?

Последние годы отмечены растущим интересом как российских предпринимателей к возможностям выхода на китайский рынок, так и интересом китайских потребителей и предпринимателей к российской продукции и российским маркам. В рамках журнальной статьи сложно проанализировать все китайское законодательство о торговых марках. Однако, некоторые элементарные рекомендации, учитывающие и практический опыт российских пионеров освоения китайского рынка, не должны пройти мимо внимания наших деловых людей.

В КНР и юридические, и физические лица имеют право зарегистрировать торговую марку в отношении товаров, которые они самостоятельно производят, изготавливают, перерабатывают, или предоставляемых ими услуг. Можно сказать, «любой крестьянин» вправе зарегистрировать собственную торговую марку.

Некоторые российские предприниматели считают, что в условиях КНР удобнее регистрировать марку на физическое лицо, а не на юридическое (в то время как российское законодательство отдаёт заметное предпочтение именно юридическим лицам). В Китае же, если оформляются документы на компанию, то она должна быть зарегистрирована в КНР, реально там функционировать, иметь постоянный юридический адрес. В случае смены профиля деятельности фирмы торговая марка останется на прежнем юридическом лице. Зато при оформлении знака на физическое лицо этих проблем удается избежать.

Существует два основных пути регистрации товарного знака — напрямую через местное патентное ведомство в КНР, или, действуя согласно Мадридскому протоколу. При регистрации торговой марки непосредственно в КНР необходимо воспользоваться услугами китайских фирм — патентных поверенных, это обязательное требование закона. Между прочим, существуют китайские регистрационные агентства, которые занимаются одновременно регистрацией фирм, открытием банковских счетов, а также помогают в регистрации торговой марки. Они могут облегчить весь процесс официального вхождения в китайский рынок.

Во-первых, необходимо определиться с видом товарного знака, который предприниматель намерен зарегистрировать. Если существует высокая вероятность подделки товара и марки на китайском рынке, то следует заблаговременно озаботиться технической защитой от подделок — специальными голограммами, лазерными нанесениями обозначений на марку и т.д.

Во-вторых, необходимо определиться с классами Международной классификации товаров и услуг (МКТУ), в отношении которых необходима регистрация данного знака. Пошлина за регистрацию каждого класса МКТУ в КНР составляет примерно 100 долл. США. Без регистрации марки с привязкой к товарному классу невозможно фактически осуществлять свою деятельность: если кто-то уже зарегистрировал вашу марку в этом же классе, то именно он будет иметь право использовать ее на рынке. Кроме того, когда вы в России регистрируете класс, то автоматически в него входят все подклассы. В КНР иначе — нужно регистрировать родовой класс и отдельно, за плату, все нужные вам подклассы.

В-третьих, должно быть предварительно проведено исследование предлагаемого к регистрации знака на тождество или сходство с зарегистрированными ранее и числящимися в реестре китайских торговых марок Секретариата торговых марок. Проверка считается добровольной, хотя и настоятельно рекомендуется. Информация имеет ознакомительный характер, но не создает непосредственно правовых последствий. Только после подтверждения, что предлагаемая товарная марка не является совпадающей с другими, следует подавать заявку на регистрацию (оформив ее в печатном виде).

Далее в вышеупомянутый Секретариат торговых марок представляется пакет документов:

— Заявление. В нем надо указать классы и конкретные товарные группы (из МКТУ), на которые будет распространяться защита торговой марки.

— Графическое изображение торговой марки в шести экземплярах. Изображения должны быть ясными, размером не менее 5 см и не более 10 см. Для цветных торговых марок представляется цветное изображение в шести экземплярах, а также один черно-белый экземпляр. Весьма разумно включать в изображение торговой марки имя предпринимателя и логотип. Поскольку многие китайцы трудно воспринимают иностранные шрифты, следует перевести наименование марки на китайский язык. Перевод названия

российской марки на китайский язык — исключительно важное условие для продвижения марки. Кстати, кириллица столь же трудно воспринимается китайцами, как иероглифы — россиянами.

- Копия свидетельства о регистрации компании и устава.
- Перевод на китайский язык наименования заявителя.
- Доверенность заявителя, выданная агенту регистрации.

После подачи надлежащим образом оформленной заявки ей присваивается индивидуальный номер, и она попадает в руки экспертов, проверяющих марку на соответствие всем прочим требованиям законодательства КНР. В течение 15 дней со дня подачи Секретариат торговых марок обязан либо дать мотивированный отказ в регистрации, либо уведомить о приеме заявления к рассмотрению и дать объявление (данные о заявке появляются на сайте Секретариата торговых марок и публикуются в официальном вестнике). Любое лицо вправе привести свои аргументы против регистрации торговой марки, опубликованной Секретариатом.

Секретариат иногда может принять решение о регистрации торговой марки только в отношении части заявленных товаров и услуг, в этом случае Секретариат должен письменно проинформировать регистранта об отказе в регистрации марки для некоторого перечня товаров. При частичном или полном отказе регистрант вправе апеллировать в Экспертную комиссию (апелляцию положено подавать в течение 15 дней со дня получения уведомления, иначе считается, что заявитель отказался от своих прав).

Если же возражений от Секретариата не последовало, регистранту выдается свидетельство о регистрации торговой марки (весь процесс регистрации, по опыту, занимает 18–24 месяца). Стоимость регистрации через местное патентное агентство составляет около 35,5 тыс. руб., плюс 15 тыс. руб. за каждый дополнительный класс МКТУ, указанный в заявке.

КНР является страной — участницей Мадридского протокола (не путать с Мадридским соглашением!). Заявка на международную регистрацию по системе Мадридского соглашения и Мадридского протокола подается во Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС).

Срок международной регистрации составляет 18 месяцев. Юридические фирмы, оказывающие регистрационные услуги «под ключ» обычно берут за свои услуги примерно 1–2 тыс. долл. США.

Пошлина за регистрацию заявки и ее отправка в бюро ВОИС — 100–150 долл. Пошлина за регистрацию торговой марки в одной стране — 654 швейцарских франка (черно-белое исполнение знака), или 903 франка (цветное исполнение знака). Индивидуальная пошлина в КНР за регистрацию одного класса МКТУ — 310 швейцарских франков, плюс 155 франков за каждый дополнительный класс.

Практический опыт российского бизнеса свидетельствует, что откладывать регистрацию своей торговой марки в КНР ни в коем случае не следует, регистрация должна предшествовать началу больших деловых оборотов в стране. Дело в том, что регистрация иностранного предпринимателя, фирмы или физического лица в своей стране не является в КНР достаточным основанием для защиты принадлежащей им одноименной торговой марки. Также не является достаточным основанием и наличие регистрации торговой марки в другой стране, ее широкая известность за рубежом. Марка должна пройти регистрацию в Китае.

В КНР незаконное использование чужих марок является сравнительно распространенной практикой. Есть немало сигналов, что китайские фирмы, начиная переговоры о сотрудничестве и импорте вашей продукции в Китай, могут тут же, не ставя иностранного партнера в известность, попытаться у себя в стране зарегистрировать принадлежащую партнеру марку на себя. Если им это удастся, то оспорить их права будет труд-

но, и они смогут контролировать выход и присутствие иностранного партнера на китайском рынке.

Известны случаи, когда китайский контрагент или партнер по совместному предприятию регистрирует на себя чужую торговую марку, пользуясь тем, что закон отдает приоритет лицу, первым подавшему заявку в Секретариат торговых марок. Он получает право арестовать товар иностранного партнера, его банковские счета в КНР, саботировать его производственную деятельность в КНР. А судебная тяжба по восстановлению законных прав иностранного производителя потребует много времени и средств, что съест большую часть полученной прибыли. Бывают прецеденты, когда иностранный предприниматель оказывается просто выброшенным с китайского рынка недобросовестным китайским партнером, который успел освоить технологию, наладить свое производство и зарегистрировать на себя популярную зарубежную марку. О подобных прецедентах рассказывал, в частности, П.В. Трощинский¹⁰.

Распространен в КНР и киберсквоттинг, то есть опережающая регистрация на себя доменных имен популярных фирм и предприятий (особенно, иностранных) с целью в будущем получить «выкуп» за возвращение прав использования доменного имени подлинному хозяину имени и бизнеса.

Из всего вышесказанного следует, что выход на китайский рынок необходимо предварять заблаговременной регистрацией своей торговой марки. К тому же, регистрация стоит сравнительно недорого. И может значительно укрепить позиции российского предпринимателя на переговорах с потенциальными китайскими партнерами. Ну и, конечно, имеет смысл серьезно ознакомиться с действующим законодательством КНР в данной области.

Проблемы правового регулирования торговых марок

Несмотря на очевидные достижения КНР в гражданско-правовом строительстве по части права торговых марок, проблемы в деле охраны исключительных прав интеллектуальной собственности все еще налицо, а подчас даже множатся. Так, при опросе иностранных предпринимателей с опытом работы в КНР, проведенном Торговой палатой Евросоюза в 2010 г., оказалось, что из 5114 опрошенных 39% недовольны общим состоянием соблюдения законности в стране, 29% недовольны тем, как там защищаются права интеллектуальной собственности, 26% считают, что китайские власти подыгрывают отечественным предпринимателям.

Трудности и проблемы в деле защиты прав интеллектуальной собственности, наблюдаемые в КНР, можно классифицировать как имеющие субъективный, либо объективный характер.

Система административных органов громоздка и не всегда эффективна: в работу вовлечено более десяти правительственных агентств, но координация между ними недостаточна. Нарушители законодательства научились рассредотачивать свои объекты по всей территории страны, при необходимости мобильно меняя дислокацию, тогда как административным органам такой координации и мобильности не хватает.

Препятствием являются и трудности взаимодействия центра и регионов, местничество. Региональные чиновники могут игнорировать политику центра, злоупотребляя своими полномочиями.

Недостаточно независимости у судебной власти. Поскольку положения законодательства не всегда ясны и однозначны, создаются предпосылки для вмешательства чиновников в работу судов. Назначение и выдвижение судей также зависит от местных властей. Местные власти управляют и финансовыми аспектами деятельности судов. Неизбежно происходит трансформация судов из независимой ветви власти в агентов администрации. Среди судейского корпуса и работников судов наблюдается и даже

растет коррупция. В 2008 г. было выявлено 712 лиц, вовлеченных в коррупционные дела, а в 2012 г. — 1548.

Судьи и судебный персонал не всегда достаточно компетентны. В 2008 г. в КНР работало 196 тыс. судей (это 56% всего судебного персонала). Но среди них только 10 тыс. имело степени магистра или доктора. Качество подготовки юристов в многочисленных учебных заведениях низкое. Связь юридического образования с академической наукой слаба. В Китае бывает, что на пост судьи назначают людей вообще без высшего юридического образования (по протекции местных и партийных властей).

Перечисленные проблемы (несовершенство административного аппарата и законодательства, местничество и коррупция, слабость и зависимость судебной системы) могут быть охарактеризованы как имеющие субъективную природу, поскольку их решение и преодоление — в сфере возможностей руководства КНР. И, надо думать, оно способно со временем успешно их решить. Кстати, в КНР ныне осуществляется реформа судебной власти.

Но есть ряд проблем, имеющих объективную природу, возникающих независимо от людской воли, их решение представляет собой гораздо более сложную задачу (если такое решение вообще может быть найдено в ближайшем будущем).

Знание, результаты духовного творчества, информация разных видов становятся все более объемной и растущей частью современной культуры, богатства общества. Благодаря развитию информационных технологий человечество получает все более широкий и удобный доступ к этим информационным благам, нематериальным ценностям. Книжки, музыка, фотоизображения и фильмы, компьютерные программы и проч. меняют жизнь людей. Но этот прогресс двойственен: с одной стороны, он формирует растущий спрос и предложение информационных богатств, а с другой стороны, создает условия для их незаконного получения, нарушения прав интеллектуальной собственности.

В рамках традиционного права в деле защиты интеллектуальной собственности существуют трудноразрешимые проблемы. К примеру, авторское право защищает лишь конкретную форму произведения, но охрана его не распространяется на общие идеи, изложенные в произведении. Значит, самая весомая часть духовных открытий и свершений оставалась и остается вне правовой защиты.

Стремительный прогресс копировальной и множительной техники сделал любые произведения легкодоступными для всех. Книжки, фотоизображения, аудио и видеозаписи, программы — все легко копируется, сохраняется, мгновенно транспортируется на любые расстояния, воспроизводится. При этом массово нарушаются авторские права. Сам научно-технический прогресс одновременно и создает духовные ценности, и подрывает институт интеллектуальной собственности.

Институт интеллектуальной собственности разрушается и функционированием его в среде рыночной экономики. Защита авторского права, казалось бы, стимулирует исследователей, конструкторов, изобретателей, всех первооткрывателей к творчеству, но с другой стороны, оплата их труда неизбежно влечет удорожание товаров. В то же самое время современные технологии облегчают подделку товаров. В итоге, законно произведенный товар проигрывает на рынке в ценовой конкуренции контрафактному товару: поскольку последний не включает в себя стоимость оригинальной разработки, он оказывается дешевле и потому побеждает на свободном рынке легальный товар законопослушного производителя. Таким образом, сам рынок разрушает частную собственность на информацию. Возникает конфликт интересов творцов и общества. Да и государственная власть подчас встает на сторону публичного интереса, ограничивая сферу защиты авторских прав.

Масштаб и сложность объективных трудностей в деле защиты прав интеллектуальной собственности таковы, что проблема перерастает национально-государственные

рамки, как и рамки узкой экономической или гражданско-правовой сферы, и становится сложнейшей проблемой современного развития в целом.

Неудивительно, что реальное положение с защитой прав интеллектуальной собственности в КНР весьма сложно и противоречиво: проблема диалектична, более глубока и сложна, нежели узко понимаемые правоохранительные и полицейские задачи. Прогресс сопровождается ростом новых трудностей. И китайскому руководству неизбежно придется решать весьма многообразные, сложные и новаторские проблемы в деле обеспечения и защиты исключительных прав на интеллектуальные произведения, средства индивидуализации товаров и услуг.

* * *

Право собственности на торговые марки очевидно способствует прогрессу права собственности, развитию института предпринимательства в обществе, утверждению норм рыночной экономики в целом. С другой стороны, право частной собственности, об этом говорит всемирная история, возникало и утверждалось на базе и в контексте вещного права (прав на вещи, на материальное имущество). Однако интеллектуальная собственность имеет существенно иной характер, по этой причине специалисты применительно к правам на интеллектуальные и виртуальные объекты чаще употребляют не термин «собственность», а термин «исключительные права»¹¹, подразумевающий, что субъект не владеет интеллектуальным объектом непосредственно как вещью, а может владеть им только в системе общественных отношений, т.е. опосредованно, через общественную организацию, путем исключения для других лиц прав использования данного интеллектуального объекта.

Исключительные права на интеллектуальную собственность могут быть реализованы в полной мере лишь при посредстве значительной регулирующей роли публичной власти, государства. Государство и охраняет исключительные права правообладателя, и осуществляет регулирование их, и создает для данной работы мощную организацию, которая оперирует как на национально-государственном уровне, так и на глобальной арене.

Очевидно, что интеллектуальная собственность выступает как социально-экономический фундамент, требующий возрастающего государственного регулирования. Тем самым процессы, протекающие в сфере интеллектуальной собственности, фактически ограничивают, подрывают институт частной собственности (в сфере информации) и одновременно вызывают к жизни масштабное государственное вмешательство в соответствующие сферы жизни общества. Напрашивается вывод, что расхожее представление об антагонистичности частной собственности и публичной власти, свободы предпринимательства и государственного протекционизма — не более чем предрассудок. На деле, исключительные права в сфере интеллектуальной собственности не могут реально функционировать вне функции «исключения» нечестных конкурентов, а эта миссия по плечу лишь государству.

На этом основании можно предположить, что укрепление прав интеллектуальной собственности и, в частности, права торговых марок, зависит как от прогресса рыночных отношений в экономике КНР, так и от активной роли государства в деле обеспечения исключительных прав интеллектуальной собственности, в регулировании социально-экономического развития на благо прогресса и общества.

1. Исследователь Чень Лу выделяет 4 этапа, его периодизация отличается значительной детализированностью. См.: *Chen Lu. The Evolution of Intellectual Property Protection in China. 2015.*
URL: www.scirp.org/journal/ib

2. Общие положения гражданского права КНР (приняты в 1986 г.) //Гражданское законодательство КНР: пер. с кит. М., 1997. С. 19–44.
3. *Qin Yugong*. Contributions of the Development of China's Intellectual Property Legal System to its Economic Development. 2014.
URL: [http://www.jpo.go.jp/torikumi_e/ibento_e/program/IMG/PPT%20for%20IP%20Statistics%20\(Qin%20Yugong\).pdf](http://www.jpo.go.jp/torikumi_e/ibento_e/program/IMG/PPT%20for%20IP%20Statistics%20(Qin%20Yugong).pdf)
4. Там же.
5. Гуаньюй сюгай «чжунхуа жэньминь гунхэго шанбяо фа» дэ цзюэдин: [Решение о Законе КНР о торговых марках]. URL: http://sbj.saic.gov.cn/flfg1/flfg/201309/t20130903_137807.html
6. Чжунхуа жэньминь гунхэго шанбяо фа шиши тяоли (2014 сюдин): [Правила применения Закона о торговых марках]. URL: www.ipkey.org/en/resources/china-ip-law/25-trademarks/3149-regulation-on-the-implemation-of-the-trademark-law-of-the-people-s-republic-of-china-2014-revision
7. Чимин шанбяо жэньдин хэбаоху гуйдин: [Правила признания и охраны общеизвестных торговых марок. Ревизия 3 авг. 2014 г.]. URL: <http://www.ipkey.org/zh/resources/china-ip-law/25-trademarks/3259-provisions-on-the-determination-and-protection-of-well-known-trademarks-2014-revision-cn>
8. Цзуйгао жэньминь фаюань гуаньюй шэнли шанбяо миньши цзюэфэн анцзянь шиюн фалюй жуогань взньтидэ цзеши: [Комментарии Верховного народного суда по некоторым вопросам, касающимся применения Закона в гражданско-правовых спорах о торговых марках. 12 окт. 2002 г.] URL: http://sbj.saic.gov.cn/flfg1/sfjs/200210/t20021012_60302.html
9. URL: http://www.wipo.int/ipstats/en/statistics/country_profile/profile.jsp?code=CN
10. *Троицкий П.В.* Правовая система Китая. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 249.
11. *Волынкина М.В.* Концепция «исключительных прав» и понятие «интеллектуальной собственности» в гражданском праве //Журнал российского права. 2007. № 6.
URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-isklyuchitelnych-prav-i-ponyatie-intellektualnoy-sobstvennosti-v-grazhdanskom-prave>

Военное строительство

Военная политика Японии на современном этапе: мотивация, задачи, перспективы

© 2017

В.В. Нелидов

В статье анализируются мотивация и цели военной политики Японии на современном этапе, а также практические меры, предпринимаемые руководством страны для достижения этих целей. Подчеркивается, что на региональном уровне военная политика Японии нацелена на парирование вызовов, исходящих от КНДР и Китая. Автор предполагает, что Япония продолжит постепенный отход от послевоенного пацифизма и наращивание потенциала Сил самообороны в опоре на союз с США.

Ключевые слова: Япония, военная политика, оборона, национальная безопасность, Силы самообороны Японии, КНДР, Китай.

С момента возвращения в 2012 г. к власти в Японии Либерально-демократической партии (ЛДП) во главе с Синдзо Абэ предпринимаемые его кабинетом меры в сфере национальной безопасности привлекают значительное внимание внутри страны и за ее пределами. Выработка новых «Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в области обороны», подписанных в апреле 2015 г., принятие в сентябре того же года «законов о безопасности», сопровождавшееся массовыми протестами сторонников оппозиции, развитие национальной системы противоракетной обороны и укрепление боевого потенциала Сил самообороны не только демонстрируют готовность Токио играть более активную роль на международной арене, но влияют на всю структуру международной безопасности в Восточной Азии¹.

Таким образом задача определения ключевых тенденций и внутренней логики, в рамках которых может быть интерпретирован курс японского руководства в области национальной безопасности, представляется особо значимой. И для ее решения следует обратиться, прежде всего, к соответствующим программным документам, принятым в Японии за последние годы.

Базовым документом в данной сфере является утвержденная постановлением кабинета министров 17 декабря 2013 г. Стратегия национальной безопасности². В качестве основных в ней названы следующие три цели. Во-первых, в ней говорится об укреплении

Нелидов Владимир Владимирович, аспирант МГИМО МИД России, преподаватель кафедры востоковедения МГИМО МИД России, научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН. E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com.

нии «необходимого потенциала сдерживания» для обеспечения мира и безопасности страны, а также о том, что в случае появления непосредственной угрозы она должна быть устранена, а ущерб от нее — минимизирован. Во-вторых, документ подчеркивает важность развития союза с США, а также «доверия и сотрудничества с партнерами в регионе и за его пределами». Наконец, в качестве третьей общей цели политики Японии в сфере национальной безопасности провозглашается укрепление «международного порядка, основанного на универсальных ценностях и правилах» и принятие Японией «ведущей роли в разрешении конфликтов» посредством «постоянных дипломатических усилий и внесения вклада в виде отправки персонала [Сил самообороны для участия в миротворческих операциях]»³.

Уже из этих, пусть и весьма общих, приоритетов видны основные черты современной политики Японии в сфере национальной безопасности и в военной политике. Прежде всего, несмотря на сохранение «пацифистской» 9 статьи конституции, очевиден общий курс на развитие современных вооруженных сил, обладающих потенциалом сдерживания, адекватным стоящим перед страной вызовам. Во-вторых, наращивание боевых возможностей Сил самообороны ни в коем случае не означает отказа от союза с США, по-прежнему остающегося одним из столпов военной политики Японии. В-третьих, усиление вклада Японии в международную миротворческую деятельность означает необходимость дальнейшего расширения участия Сил самообороны в операциях за пределами страны.

Помимо указанных общих целей Стратегия национальной безопасности 2013 года перечисляет ряд вызовов безопасности Японии на глобальном и региональном уровнях. На глобальном уровне в числе таковых: изменение баланса сил и быстрый технический прогресс; угроза распространения оружия массового уничтожения (ОМУ); угроза международного терроризма; риски, связанные с пространствами, являющимися общим достоянием человечества (к ним относятся океаны, космос и киберпространство); гуманитарные проблемы; вызовы, связанные с функционированием глобальной экономики⁴. Очевидно, что этот перечень имеет достаточно общий характер. Практически каждая из перечисленных потенциальных угроз в той или иной мере относится и к любой другой крупной стране. Тем не менее даже в этой общей части содержатся положения, четко указывающие на приоритеты именно японской политики в сфере безопасности: например, упоминание ситуации в Южно-Китайском море или указание на уязвимость морских коммуникаций, в особенности маршрутов судоходства, соединяющих Японию со странами Ближнего Востока⁵.

Еще в большей степени специфику японской политики в области национальной безопасности отражает раздел, содержащий оценку ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). По мнению авторов документа, она характеризуется ростом значимости АТР в рамках мирового сообщества; сосуществованием в нем государств с различными политическими, экономическими, общественными системами и, как следствие, с различными взглядами на национальную безопасность; ростом вероятности ситуаций «серой зоны» (то есть столкновений по поводу суверенитета или интересов стран, выходящих за пределы мирного взаимодействия, но не достигающих уровня полномасштабного вооруженного конфликта); а также возникновением новых возможностей для международного сотрудничества в сфере безопасности.

Что касается конкретных региональных вызовов, то в документе называются только два: «рост военного потенциала и провокационные действия КНДР», а также «быстрый подъем Китая и его активное продвижение в различных областях»⁶. Таким образом, именно проблемы КНДР и Китая являются, по мнению авторов Стратегии, наиболее существенными и заслуживающими наибольшего внимания.

Уязвимость Японии перед ударом со стороны Северной Кореи стала ясна еще в августе 1998 г., когда КНДР испытала ракету «Тэпходон-1», перелетевшую через Япо-

нию и упавшую в Тихий океан. При этом нельзя не упомянуть, что ракетно-ядерная программа КНДР — не единственный источник беспокойства для Японии, когда речь заходит о северокорейской проблеме. Вторжения северокорейских кораблей, опасность высадки на принадлежащие Японии острова специальных подразделений северокорейских вооруженных сил, по мнению японской стороны, также вполне вероятны. Вот уже несколько десятилетий острым вопросом в отношениях двух стран остается проблема похищенных Северной Кореей японских граждан. Естественно, что правящие круги Японии и авторы ее программных документов в области военной политики полагают, что угроза со стороны КНДР заслуживает пристального внимания и что на эту угрозу необходимо дать адекватный ответ. Более того, с течением времени оценки того, насколько существенной является проблема КНДР с точки зрения национальной безопасности Японии, продолжают ужесточаться.

Так, в «Руководящих принципах программы национальной обороны» на период 1996 фин. г. единственное упоминание Кореи (без указания на конкретное корейское государство) звучит следующим образом: «В районах, окружающих Японию [...] остаются элементы непрозрачности и неопределенности, среди которых сохранение напряженности на Корейском полуострове, где так и не установилась стабильная обстановка с точки зрения безопасности»⁷. В аналогичном документе 2005 г. содержатся уже более конкретные формулировки: «[...] Северная Корея занимается разработкой, развертыванием и распространением оружия массового уничтожения и баллистических ракет, а также поддерживает значительные силы специального назначения. Такая военная активность Северной Кореи является серьезным дестабилизирующим фактором для безопасности в регионе, а также представляет серьезную проблему с точки зрения международных усилий по поддержанию режима нераспространения»⁸. В документе 2011 г. к этому добавились утверждения, что Северная Корея «регулярно осуществляет провокационные действия на Корейском полуострове» и что подобные ее действия являются «*не терпящим отлагательства и серьезным дестабилизирующим фактором в регионе, к которому относится и Япония*» (курсив мой — В.Н.)⁹. В «Руководящих принципах программы национальной обороны» 2014 г. к этому добавлено, что КНДР «сохраняет и укрепляет асимметричную военную мощь», «перешла на новый этап» в развитии ракетных технологий, и «подобные успехи в развитии ракетно-ядерной программы в сочетании с адресованной Японии провокационной риторикой, в которой содержатся и угрозы нанесения ракетно-ядерного удара, являются серьезной и не терпящей отлагательства угрозой для безопасности Японии»¹⁰. Таким образом, сейчас опасностью считается уже не только потенциальное нападение на Японию, но и сам факт осуществления Северной Кореей ракетно-ядерной программы и поддержания ею существенного военного потенциала.

Именно северокорейский фактор является ключевой мотивацией для Японии в ее усилиях по развитию национальной системы противоракетной обороны (ПРО). Решение о ее создании было принято японским правительством в декабре 2003 г. как ответ на испытания ракет Северной Кореей¹¹. В настоящее время система ПРО Японии состоит из двух эшелонов: наземные комплексы «Пэтриот» РАС-3, задачей которых является перехват баллистических ракет на конечном участке их траектории, и устанавливаемые на кораблях ВМС Сил самообороны комплексы «Иджис», которые должны перехватывать ракеты еще до вхождения их в плотные слои атмосферы¹². Кроме того, существует вероятность, что ПРО Японии будет усилена дополнительными элементами. Один из рассматриваемых правительством вариантов — комплексы THAAD (Terminal High Altitude Area Defense, «терминальная высотная зональная оборона») ¹³. Другой — приобретение наземных комплексов «Иджис», которые могут дополнить возможности аналогичных корабельных систем¹⁴.

Следует отметить, что с самого начала развитие системы ПРО Японии было, по сути, совместным проектом с американскими союзниками. Первые японо-американские

консультации о возможности создания японской противоракетной обороны были начаты еще в декабре 1993 г., до того, как проблема северокорейской ракетно-ядерной программы вышла на первый план. В декабре 1998 г., через несколько месяцев после запуска КНДР ракеты «Тэпходон-1», правительство и Совет безопасности Японии одобрили начало совместного японо-американского проекта по созданию системы противоракетной обороны, а соответствующий меморандум о взаимопонимании был подписан в августе 1999 г.¹⁵ В декабре 2004 г. был частично смягчен запрет на экспорт вооружений именно для того, чтобы облегчить совместную работу над ПРО¹⁶. С 2005 г. начались японо-американские учения, в ходе которых стороны отрабатывали обмен информацией от систем обнаружения, а с 2007 г. Япония проводила вблизи побережья Гавайских островов тестовые запуски ракеты SM-3 совместной разработки. В апреле 2009 г., перед очередным ракетным испытанием Северной Кореи, налаженность японо-американского сотрудничества в области противоракетной обороны была продемонстрирована на деле: Япония поставила на боевое дежурство два эсминца, оснащенных системой «Иджис», а США направили к японским берегам пять эсминцев с указанными комплексами¹⁷.

Однако наличие запрета на коллективную самооборону, основанного на трактовке конституции, изложенной в принятом в 1972 г. заявлении Законодательного бюро кабинета министров Японии¹⁸, создавало парадоксальную ситуацию. С одной стороны, ПРО создавалась в тесном сотрудничестве с США и с использованием американских технологий. С другой — в силу законодательных ограничений эта система могла использоваться только для защиты территории Японии, но не Соединенных Штатов. Наглядным свидетельством тому послужило сделанное в декабре 2003 г. заявление генерального секретаря кабинета министров Ясуо Фукуда: «[ПРО] будет использоваться по независимому решению Японии и не будет применяться для защиты третьих стран. Таким образом, не возникает никаких проблем в связи с правом на коллективную самооборону. ПРО будет перехватывать ракеты по независимому решению Японии, основываясь на информации о цели, полученной от собственных японских систем слежения»¹⁹. Фактически, это противоречие было снято только после того, как право Японии на коллективную самооборону было утверждено сначала изменением официальной трактовки конституции в соответствии с принятым 1 апреля 2014 г. постановлением кабинета министров, а после этого принятием «законов о безопасности» в сентябре 2015 г. и их вступлением в силу в марте 2016 г.

Не все в политических и военных кругах Японии считают, что развертывание национальной системы ПРО будет достаточной защитой от гипотетического нападения со стороны КНДР. Еще одна проблема, дискуссия относительно которой периодически возобновляется в японских правящих кругах, это обретение Силами самообороны технической и юридической возможностей осуществить ответный или, в случае очевидной неизбежности нападения, превентивный удар по пусковым установкам противника. Подобные идеи высказывались неоднократно: так, еще в 2004 г. генеральный директор Управления национальной обороны Сигэру Исиба распорядился, чтобы Национальный институт оборонных исследований изучил вопрос об использовании крылатых ракет для поражения северокорейских ракетных баз²⁰.

Дискуссия вокруг возможности обретения Силами самообороны собственного, независимого от США военного потенциала снова активизировалась в 2017 г. Особенно широкую поддержку подобные проекты получили среди руководства правящей Либерально-демократической партии. Причина тому — обострение ситуации на Корейском полуострове весной 2017 г. и приход к власти в США администрации Дональда Трампа, призвавшего союзников США более активно заботиться о собственной безопасности. В результате, в доклад, подготовленный Советом по национальной безопасности ЛДП и излагающий предложения относительно содержания Среднесрочного плана развития оборонного потенциала на 2019–2023 гг., включен пункт об официальном рассмотрении

вопроса о наращивании боевых возможностей Сил самообороны, позволяющих им вести самостоятельные боевые действия. Кроме того, доклад призывает правительство принять решение об усилении национальной ПРО путем принятия на вооружение наземных систем «Иджис» и комплексов ТНААД; поднять расходы на оборону, ориентируясь на уровень в 2% ВВП (именно таких трат на военные нужды требует от союзников по НАТО новый американский президент); увеличить количество стоящих на вооружении Сил самообороны самолетов, кораблей и подводных лодок; создать собственную японскую систему предупреждения о ракетном нападении (СПРН) и, наконец, распространить понятие самообороны на сферу кибербезопасности, дав Силам самообороны возможность проводить операции в киберпространстве²¹.

Другим принципиально важным вызовом безопасности Японии, который оказывает значительное влияние на формирование военной политики Токио, является проблема Китая. Она состоит из нескольких элементов. Прежде всего, это длящийся уже несколько десятилетий спор между Японией и Китаем относительно принадлежности островов Сэнкаку/Дяоюйдао, который потенциально может перерасти в вооруженное столкновение за контроль над этими территориями. Спор вокруг островов периодически становился причиной серьезных кризисов в отношениях Японии и КНР. Регулярными стали вторжения китайских кораблей в японские территориальные воды, а в ноябре 2013 г. КНР в одностороннем порядке объявила о создании в Восточно-Китайском море опознавательной зоны противовоздушной обороны.

В качестве потенциальной угрозы своей безопасности Токио воспринимает и территориальный спор между Китаем и его соседями из Юго-Восточной Азии за акватории Южно-Китайского моря, приобретший особую остроту после того, как в 2014 г. Китай начал масштабные работы по созданию в спорных акваториях искусственных островов и строительству на них оборонительной инфраструктуры²². Хотя сама Япония не является непосредственной стороной в этом территориальном споре, важность для нее Южно-Китайского моря сложно переоценить: через пролегающие по нему судоходные маршруты в год перевозится товаров на сумму порядка 5 трлн долларов, и немалая часть этого товаропотока идет из Японии или в нее²³.

Наконец, Японию серьезно беспокоит рост военной мощи Китая в целом, выражающийся в постоянном и значительном увеличении военных расходов Пекина. О том, с какой настороженностью японские политические элиты относятся к военному усилению Китая, свидетельствует тот факт, что первоначальный вариант «Белой книги» Министерства обороны Японии за 2015 г. был отвергнут комитетом ЛДПЯ по оборонной политике из-за излишне «мягкого» освещения в нем именно китайской проблематики²⁴. Таким образом, можно сказать, что эти аспекты — территориальные споры и обеспокоенность укреплением военной мощи КНР — взаимно усиливают друг друга, создавая напряженность в японо-китайских отношениях и подталкивая Японию к дальнейшим шагам в области укрепления собственного военного потенциала и расширения военного сотрудничества с США.

В программных документах военной политики Японии Китай рассматривается как потенциальная угроза не только в контексте спора вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао. Вполне обоснованными представляются оценки, что на смену политике в отношении Китая, нацеленной исключительно на парирование возможных попыток захвата НОАК спорных островов, приходит осознание того, что ситуация в Восточно-Китайском море связана с ситуацией в Южной-Китайском море. Это, в свою очередь, ведет к активизации сотрудничества Японии с другими странами восточноазиатского региона и за его пределами, разделяющим обеспокоенность Токио относительно усиления военного потенциала КНР²⁵.

Как вызов безопасности Японии, который воплощает в себе Китай, отразился в ее конкретных шагах в области военной политики? Прежде всего, это повышение вни-

мания к обороне «удаленных островов», под которыми подразумеваются острова Сэнкаку/Дяоюйдао и другие территории на юго-западе Японского архипелага, особенно уязвимые в случае конфликта.

Планы по укреплению обороны удаленных островов уже реализуются на практике. Японские Силы самообороны создают новые гарнизоны на них вблизи юго-западных морских рубежей страны. Примером может послужить открытие в конце марта 2016 г. новой базы на острове Ёнагуни, находящемся всего в 110 км к востоку от Тайваня и в 150 км к югу от спорных островов Сэнкаку/Дяоюйдао. До этого самым западным опорным пунктом Сил самообороны был радар ВВС на острове Миякодзима, находящемся более чем в 200 км к востоку от Ёнагуни. Таким образом, для наблюдения за ситуацией в обширных акваториях, лежащих в непосредственной близости к спорным районам Восточно-Китайского моря, японской стороне приходилось полагаться на патрульные корабли и самолеты морских Сил самообороны, а также корабли Береговой охраны, что не позволяло осуществлять круглосуточный контроль. Новый опорный пункт оснащен различными средствами раннего обнаружения и радиоперехвата, а численность расквартированных на нем военнослужащих составляет порядка 150 человек. По оценкам экспертов, это не только позволяет Силам самообороны контролировать ситуацию в Восточно-Китайском море, но расширяет зону наблюдения вплоть до северной границы Южно-Китайского моря²⁶.

Японская сторона планирует и в дальнейшем развивать сеть военных баз, прикрывающих юго-западное направление. Согласно опубликованным планам, ожидается, что к концу 2018 г. будут размещены новые еще более крупные военные базы на входящих в префектуру Окинава островах Амами (550 военнослужащих) и Миякодзима (700–800 военнослужащих), а позднее — на острове Исигаки (500–600 военнослужащих). При этом новые базы будут не только выполнять функции наблюдения, но будут также оснащены противокорабельными и противовоздушными ракетными комплексами²⁷.

Подобные шаги Токио вызвали резкую реакцию китайского руководства, обвинившего Японию в милитаризации региона и назвавшего «лицемерной» позицию японской стороны, которая критикует рост военного потенциала Китая, при этом наращивая собственный военный потенциал²⁸.

С 2012 г. началась подготовка военнослужащих, которые войдут в состав морского десантного подразделения сухопутных Сил самообороны. Численность этих сил, создаваемых по образцу Корпуса морской пехоты (КМП) США, должна составить порядка 3000 военнослужащих. Базироваться они будут в городе Сасэбо, на западе острова Кюсю²⁹. Ожидается, что новые силы будут сформированы до конца 2017 г.³⁰

Формирование японской версии морской пехоты происходит в тесном взаимодействии с американскими союзниками. Совместные тренировки военнослужащих сухопутных Сил самообороны и Корпуса морской пехоты США начались еще в 2007 г. В июне 2013 г. японские военнослужащие впервые приняли участие в проводимых ежегодно крупномасштабных учениях «Dawn Blitz», в ходе которых силы ВМС и КМП США отрабатывают высадку с моря. В отличие от предыдущих совместных учений, в которых участвовали относительно небольшие группы военнослужащих, на этот раз с японской стороны были представлены эсминцы «Хюга» и «Атаго», транспорт «Симокита», а также ударные вертолеты АН-64D и транспортные вертолеты СН-47JA³¹. Хотя сами учения проводились у берегов Калифорнии, реакция Китая на них была резко негативной: китайская сторона даже потребовала не проводить ту их часть, в ходе которой японские и американские силы отрабатывали взятие под контроль удаленного острова, но эти требования были проигнорированы³².

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что многие из предпринимаемых Токио шагов в сфере военной политики действительно могут быть интерпретированы как стремление ответить на два наиболее существенных вызова безопасности страны, четко

обозначенных в программных документах. Первый из них — угроза со стороны КНДР, прежде всего, в контексте создания ею ракетно-ядерного оружия. Второй — проблема Китая, включающая как конкретный территориальный спор вокруг островов Сэнкаку/Дяюйдао, так и обеспокоенность относительно амбиций КНР в Южно-Китайском море и усиления ее военной мощи в целом. Реагирование Японии на эти вызовы в целом соответствует тем сформулированным в Стратегии национальной безопасности общим принципам, о которых говорилось выше. Они заключаются в том, чтобы постепенно укреплять собственный военный потенциал, продолжая при этом придерживаться принципиального курса на сохранение и развитие союза с США.

Следует отметить, что с точки зрения анализа логики и мотивации военной политики Японии не столь существенно, реалистичны ли обозначенные угрозы по мнению стороннего наблюдателя, например, действительно ли Китай может попытаться силой захватить спорные острова, или готова ли КНДР нанести ракетно-ядерный удар по Японии. Вне зависимости от того, являются оценки японских стратегов обоснованными или, напротив, излишне алармистскими, именно на основе этих оценок принимаются конкретные решения, касающиеся военных ассигнований, размещения войск, принятия на вооружение новых систем, а потому они в любом случае заслуживают пристального внимания.

Следует указать и на ряд ограничений, свойственных выбранному подходу к анализу военной политики Токио. Из-за того, что основным предметом анализа являлась реакция Японии на вызовы со стороны Китая и КНДР — центральные, но не единственные в иерархии целей и задач военной политики Японии — за рамками остался ряд других направлений, включая проблему обеспечения безопасности морских коммуникаций, борьбу с терроризмом, проблемы безопасности в космосе и киберпространстве, которые также мотивируют определенные шаги японского государства в военной сфере.

Другое ограничение связано с тем, что изображенная в общедоступных программных документах картина приоритетов военной политики Японии, ее целей и задач отражает официальную публичную позицию. При этом принципиально важные оценки, цели и задачи могут содержаться в закрытых документах японского Министерства обороны или японо-американских органов планирования в области национальной безопасности. Задачу, однако, существенно облегчает наличие активной публичной дискуссии о будущем политики Японии в области национальной безопасности, ведущейся на основании открытых программных документов. При этом достаточно высокий уровень прозрачности военной политики Японии (по крайней мере, в сравнении с ее соседями по региону — Китаем и КНДР) позволяет предполагать, что даже не подлежащие официальному разглашению документы вряд ли содержат положения, идущие вразрез с тем, что излагается в Стратегии национальной безопасности, Руководящих принципах программы национальной обороны, Руководящих принципах японо-американского сотрудничества в области обороны и других подобных документах.

Даже на основании схематичной картины целей, мотивации и логики военной политики Японии, изложенной выше, можно сделать следующие прогнозы относительно того, в каком направлении эта политика будет развиваться в дальнейшем. При условии сохранения напряженности на Корейском полуострове, дальнейшего укрепления военного потенциала Китая и его все более активной политики в регионе можно с уверенностью говорить, что Япония будет и дальше продолжать количественно и качественно наращивать военный потенциал и все дальше отходить от тех пацифистских принципов, которые на протяжении десятилетий ограничивали возможность применения Сил самообороны за пределами страны. Вместе с тем, эти меры будут нацелены, прежде всего, на парирование тех непосредственных угроз, которые, по мнению японских стратегов, стоят перед страной. Вряд ли можно говорить, что в обозримой перспективе есть вероятность превращения Японии в державу, которая стремилась бы к военной мощи как к са-

моцели, выходя за рамки того, что необходимо для обеспечения безопасности страны перед лицом непосредственных и очевидных вызовов.

Ключевую роль в данной ситуации будет играть позиция Соединенных Штатов Америки. Именно сотрудничество с США зачастую оказывается для Японии важнейшим инструментом обеспечения национальной безопасности. Избавиться от этого союза значило бы для Токио разом лишиться целого ряда выгод и преимуществ, а потому до тех пор, пока Вашингтон будет готов предоставлять свои гарантии Японии, можно быть уверенным, что Япония будет твердо придерживаться курса на сотрудничество с Америкой. Ослабление японо-американского союза или его распад возможны только в случае перехода США к радикально изоляционистской политике или в случае резкого изменения стратегической ситуации в Восточной Азии, которое сведет на нет выгоду от американских гарантий безопасности. Не следует ожидать излишне быстрого наращивания Токио своей военной роли на международной арене, даже в рамках союза с США — в этом случае Япония против своей воли может оказаться вовлеченной в инициированные американской стороной конфликты, что противоречит общей мотивации на максимизацию собственной безопасности. Выражением подобной позиции, которая может быть названа «хеджированием» стратегических рисков³³, служит, к примеру, тот факт, что даже право на «коллективную самооборону», легализация которого стала одним из наиболее заметных достижений правительства Синдзо Абэ, по-прежнему сопровождается целым рядом жестких условий, призванных не допустить ввязывания Японии в «чужие» войны.

В то же время опасения относительно возможного отказа Вашингтона от защиты своих союзников, высказывавшиеся в ходе предвыборной кампании 2016 г. в США, так и не оправдались, а стратегическая ситуация в Восточной Азии в близкой и средней перспективе вероятно останется в рамках существующих тенденций. Это позволяет со значительной уверенностью говорить о том, что общий курс военной политики Японии — постепенное укрепление сил Самообороны при сохранении и развитии союза с США — в обозримом будущем, по-видимому, останется прежним.

1. *Добринская О.А.* Реформы Абэ Синдзо в сфере политики обеспечения национальной безопасности // Япония: консервативный поворот. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 236.
2. Кокка андзэн хосё: сэнрюку ни цунтэ: [О Стратегии национальной безопасности Японии]. URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/pdf/security_strategy.pdf.
3. Там же. С. 4.
4. Там же. С. 5–9.
5. Там же. С. 8–9.
6. Там же. С. 10–11.
7. Хэйсэй 8 нэндо ико: ни какавару бо:эй кэйкаку но тайко: [Руководящие принципы программы национальной обороны на период с 1996 финансового года]. URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/1996_taikou/dp96j.html
8. Хэйсэй 17 нэндо ико: ни какару бо:эй кэйкаку но тайко: ни цунтэ: [О Руководящих принципах программы национальной обороны на период с 2005 финансового года]. URL: <http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2005/taikou.html>
9. Хэйсэй 23 нэндо ико: ни какару бо:эй кэйкаку но тайко: ни цунтэ: [О Руководящих принципах программы национальной обороны на период с 2011 финансового года]. URL: <http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2011/taikou.pdf>
10. Хэйсэй 26 нэндо ико: ни какавару бо:эй кэйкаку но тайко: ни цунтэ: [О руководящих принципах программы национальной обороны на период с 2014 финансового года]. URL: <http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2014/pdf/20131217.pdf>
11. *Янагисава К.* Бо:коку но сю:дантэки дзисэйкэн: [Коллективная самооборона погубит страну]. Токио: Сюэйся, 2015. С. 53.
12. Хэйсэй 28 нэн бан бо:эй хакусё: [Белая книга национальной обороны за 2016 год]. С. 290. URL: <http://www.mod.go.jp/j/publication/wp/wp2016/pdf/28010202.pdf>

13. Бо:эйдайдзин риндзи киякайкэн гайё:: [Резюме пресс-конференции министра обороны Томоми Инада]. 13.01.2017. URL: <http://www.mod.go.jp/j/press/kisha/2017/01/13.html>
14. Рикудзё:гата и:дзису га ю:сэй, Нихон но мисаиру бо:эй кё:касаку канкэйся: [Источники: наземные комплексы «Иджис» превосходят другие варианты, могут быть использованы для укрепления ПРО Японии] // Reuters. 05.13.2017. URL: [http://www.mod.go.jp/c/d_act/bmd/bmd.pdf](http://jp.reuters.com/article/aegis-ashore-japan-idJPKB. № 18904S.
15. Japan's BMD. URL: <a href=)
16. Hughes C. Japan's Remilitarization. Oxford: Routledge, 2009. P. 74.
17. Ibid. P. 93.
18. Hosoya Y. Right to Collective Self-Defense and the U.S.-Japan Alliance: How Will the Alliance be Strengthened // USJI Voice. 2015. Vol. 8. URL: <http://www.us-jpri.org/en/voice/vol8>
19. Hughes C. Op. cit. P. 116.
20. Ibid. P. 107.
21. Тэки кити ко:гэки но:рёку о дзики тю:кибо: BMD кю:ка мо дзимин гэнъан: [Подготовленный ЛДП проект доклада призывает к включению в следующий среднесрочный план обороны потенциала для удара по базам противника и к укреплению ПРО] // Дзидзи цусин. 14.06.2017. URL: <http://www.jiji.com/jc/article?k=2017061401117&g=pol>
22. China's Activities in the South China Sea. URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/surround/pdf/ch_d_act_20150728e.pdf
23. South China Sea. U.S. Energy Information Administration report. URL: https://www.eia.gov/beta/international/analysis_includes/regions_of_interest/South_China_Sea/south_china_sea.pdf
24. Alarmist defense white paper // The Japan Times. 26.07.2015. URL: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2015/07/26/editorials/alarmist-defense-white-paper/#.WUu-6mjyiUk>
25. Стрельцов Д.В. Качественные сдвиги политики Японии в сфере военной безопасности в 2013 г // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 5 (32). С. 25.
26. GSDF brings Yonaguni radar station online to keep closer eye on China // The Japan Times. 28.03.2016. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2016/03/28/national/g sdf-brings-yonaguni-radar-station-online-keep-closer-eye-china/#.WUvB1mjyiUk>
27. Ёнагундзима дэ рикудзи бутай га нимму кайси, хигасисинакай де тю:гоку о канси: [На острове Ёнагуни начинает работу база Сухопутных войск Сил Самообороны, которая будет наблюдать за действиями Китая в Восточно-Китайском море] // Reuters. 28.03.2016. URL: <http://jp.reuters.com/article/okinawa-idJPKC№ 0WU0BF>
28. China says Japan base shows its hypocrisy on South China Sea // The Japan Times. 31.03.2016. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2016/03/31/national/politics-diplomacy/china-says-japan-base-shows-hypocrisy-south-china-sea/#.WUvET2jyiUk>
29. Hayashi Y. Japan Builds Amphibious Force Modeled on U.S. Marines // The Wall Street Journal. 18.07.2014. URL: <https://www.wsj.com/articles/japan-builds-amphibious-force-modeled-on-us-marines-1405597172>
30. «Суирику кидо:дан» со:сэцу дзюмби ва саисю: данкан: [Последний этап подготовки к созданию «амфибийного мобильного подразделения»] // Санкэй ню:су. 20.03.2017. URL: <http://www.sankei.com/politics/news/170320/pl1703200003-n1.html>
31. Amphibious Force. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/japan/jgsdf-amphibious.htm>
32. McCurry J. War games near California: Are the US and Japan sending a message to China? // The Christian Science Monitor. 27.07.2013. URL: <https://www.csmonitor.com/World/Asia-Pacific/2013/0627/War-games-near-California-Are-the-US-and-Japan-sending-a-message-to-China>
33. Стрельцов Д.В. Новые моменты в развитии японо-американского военно-политического союза // Япония. Ежегодник. 2012. № 41. С. 79.

Теория и методология

С приходом к власти в КНР команды Си Цзиньпина вопросы активизации роли и влияния Китая на мировой арене, упрочения им лидерских позиций не только в глобальной экономике, но, прежде всего, в международной политической системе вышли на первый план.

Одной из концептуальных основ такого сдвига можно считать разработанную в китайской политологической среде теорию «морального реализма», призванную узаконить претензии КНР на роль универсального глобального лидера. Ее ключевые положения были изложены в вышедшей в свет в 2015 г. монографии известного китайского политолога Янь Сюэтуна «Смещение мировой силы».

Обосновывая в ней претензию Китая на место одной из ведущих мировых держав, автор делает упор на то, что данная теория – отнюдь не новое скороспелое «изобретение» современных китайских политиков и ученых, а результат естественного развития творческого процесса, начало которому было положено в трудах отечественных стратегов, мыслителей и философов древности.

В этом номере мы публикуем реферат первой главы упомянутой книги Янь Сюэтуна и комментарии к ней известного российского китаевода, доктора политических наук В.Е. Петровского.

Теоретические принципы морального реализма

(реферат первой главы монографии Янь Сюэтуна

«Смещение мировой силы»)

Если у вас большая страна, но бестолковая политика, то это ограничит ее влияние; если у вас маленькая страна, но компетентная политика, то это приведет к развитию.

Из древнекитайского трактата «Гуань-цзы»

Проблема трансформации «мирового центра силы» и замещения возвышающейся страной ведущей мировой державы в результате достижения большего, чем у последней, потенциала политического лидерства, является ключевой для теории морального реализма. В определенной степени допускается применение данной модели и к испытывающим внешнеполитическое давление слабым государствам. В условиях принятия политического руководства в качестве независимой переменной; в данной главе ставится задача научного обоснования концепции и доказательства ее принадлежности к школе реализма.

В первом разделе автор доказывает ошибочность существующего в среде критиков и сторонников реализма его понимания как теории, отрицающей нравственность. Опровергаются проводимые Дж. Миршаймером аналогии между американской полити-

кой морального превосходства и предлагаемой автором концепцией. Доказательная база опирается на фундаментальный труд Г. Моргентау «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир». Моргентау говорит, что, несмотря на существенное влияние человеческого фактора при принятии внешнеполитических решений и неоспоримую позитивную роль морали, ее переоценка и использование в качестве основания для действий на международной арене, в частности военных, является ошибкой.

Два из шести принципов реализма утверждают, что, во-первых, применение моральных принципов должно быть оправдано конкретной ситуацией, а во-вторых, между национальными и международными нравственными законами отсутствует знак равенства. Это следствие существования в политической реальности дилеммы морального выбора, возникающей в результате конфликта национальных и общечеловеческих интересов при одновременно усиливающемся доминировании первых, чем и объясняется возникновение Первой мировой войны. Из этого вытекает необходимость следовать истинной, универсальной морали, а не навязывать ложные, лишь выдаваемые за международные, национальные ценности.

В виде иллюстрации приводится многолетняя практика США по разжиганию конфликтов во имя защиты «прав человека». Этим проявлением «христианского прозелитизма» автор объясняет неспособность американских теоретиков международных отношений, в том числе Миршаймера, увидеть невозможность распространения ценностей путем их навязывания. Реализацией истинной международной морали, к которой относятся, например, справедливость, правосудие, цивилизация и честность, является демонстрация ее применения на собственном примере. Эти воззрения присущи конфуцианской культуре Китая, основанной на идее отсутствия необходимости принуждения.

Однако Моргентау не рассматривает взаимосвязь между следованием универсальной морали, повышением реальной силы и авторитета государства, а также потенциалом его влияния на эволюцию международных правил. Это подчеркивает особую роль морального реализма, который не просто оценивает мораль, но исследует ее роль в развитии обществ. Для доказательства наличия взаимосвязи между моралью и такими базовыми категориями реализма как власть, сила и интерес автор обращается к определению этих понятий.

Китайский язык проводит четкое семантическое разграничение: власть — это влияние, а сила — это способность его осуществлять. Многозначность же английского слова «power», которое обозначает и «власть» и «силу», вынудила Моргентау использовать «power» как «власть», а «elements of power» как «силу». Это привело к путанице, поскольку второе можно было понять и как «компоненты власти», и как «средства ее достижения».

Национальный интерес может присутствовать в сферах политики, безопасности, экономики, культуры, достижение влияния в которых является его основной составляющей. Следовательно, с точки зрения морального реализма власть — есть интерес. У Моргентау понятие интереса определяется властью, то есть само через себя. Это помешало ему увидеть прямую их связь с моралью.

Под инструментом реализации интереса моральный реализм подразумевает силу, состоящую из материальных и нематериальных ресурсов. Общая сила определяет верхние и нижние границы национального интереса и включает четыре группы элементов: политические, культурные, военные и экономические (последние три — ресурсы, используемые действиями политического компонента). Верхняя граница — это стандарт для действий государства во избежание нерационального преследования недостижимых целей. Так, растущая сила возвышающейся страны определяет расширение круга ее интересов на международной арене и вызывает стремление к перераспределению власти. Такой державой является КНР.

В свою очередь, более скромные возможности региональной державы сужают круг ее интересов. Так произошло с РФ после распада СССР. В качестве аргумента приводится факт корректировки правительством США поставленной после терактов 11 сентября 2001 г. цели полного искоренения терроризма в мире в результате осознания ее невыполнимости и невыгодности. Нижний предел — это граница фундаментальных интересов, осознание которой позволяет избежать конфронтации. Так, Япония смогла бы избежать обострения ситуации вокруг островов Дяоюйдао в 2012 г. и своего политического поражения.

Под моралью подразумеваются получившие почти повсеместное признание (благодаря своей относительной нетребовательности) базовые стандарты, которые не меняются на протяжении истории, такие как соблюдение договоров, личная неприкосновенность посланников, возвращение долгов, оказание почестей главам государств и др. Моральные нормы высокого уровня обладают меньшим общественным влиянием, поскольку не все страны имеют возможность им следовать (оказывать экономическую помощь, например).

Отношения «мораль — власть» строятся по двум сценариям. Степень соблюдения морали приводит к повышению или понижению легитимности и авторитета страны. Но это не обязательно сказывается на изменении ее силы. Так, законное сопротивление Палестины строительству израильских поселений легитимно в глазах международного сообщества, но это не дало ей реальный прирост силы. А визит японского премьер-министра в храм Ясукуни, вызвавший осуждение со стороны стран, подвергшихся японской агрессии годы Второй мировой войны, так и не сократил потенциал японского военного строительства. Однако следование международным моральным нормам влияет на мобилизационные возможности страны во внутренней и внешней политике, которые могут преобразовываться в материальную силу. Примером служит реальная военная поддержка международным сообществом американской операции против Ирака в 1990 году. Таким образом, независимо от влияния на реальную силу, мораль влияет на относительный потенциал.

Моральный реализм не принимает во внимание отношения «мораль — сила» лишь в контексте безопасности, поскольку наличие интереса зависит от выживания государства. В вопросах перераспределения силы, более насущных для лидера и возвышающейся страны, стратегическая репутация играет решающую роль. В соответствии с суждениями Сюнь-цзы, моральный реализм полагает, что честное соблюдение морали формирует стратегическую репутацию, обеспечивая добровольное признание и рост авторитета страны, без которых стабильность ее мирового лидерства невозможна. Авторитет — это способность лидировать на основе доверия. Его нельзя путать с властью — способностью лидировать на основе принуждения. Так, «мировая полиция» (США) обладает большой властью, но постепенно теряет авторитет, начиная с момента выхода из ключевого для сохранения мира Договора по ПРО и отмены санкций против Индии, введенных в ответ на испытания ядерного оружия. Снижение стратегической репутации, сопровождаемое падением кредитных рейтингов, было усилено фальсификацией данных об оружии массового уничтожения в Ираке (2003 г.), финансовым кризисом (2008 г.) и отсутствием поддержки Египта со стороны США во время «арабской весны» (2011 г.).

Во втором разделе главы приведена теоретическая аргументация морального реализма, построенная на основных тезисах классической школы реализма с использованием вышеупомянутых понятий.

Аргумент 1. Интерес — основная движущая сила не только для действий государства, но и для эволюции международных норм. Преследование собственных интересов является врожденным и первично для всех людей и возглавляемых ими государств. Вторичное влияние на их действия оказывают приобретенные в разных условиях убеждения и привычки следования общественным нормам. Так объясняется различная поли-

тика американских администраций Клинтон и Буша по вопросу о выходе из Договора по ПРО. Убеждения влияют не на сами интересы или стремление к их осуществлению, но лишь на расстановку приоритетов и выбор методов реализации. В отличие от конструктивизма моральный реализм рассматривает национальные интересы как объективные, а не формируемые общественной средой. Если государство заинтересовано в долгосрочном закреплении определенного миропорядка, то ему необходимо создать соответствующие международные нормы и закрепить их сохранность наличием военной силы, готовой ее обеспечить. Эволюция норм зависит от соотношения их пользы и вреда для обладающего необходимым потенциалом государства. Так, сдерживающие лидера, но выгодные ему нормы выполняют функции поддержания стабильности международного порядка и снижения затрат на ее обеспечение. В противном случае государство выступает за их изменение. Иллюстрацией этого является замена Соединенными Штатами ранее отстаиваемого ими принципа свободной торговли на принцип справедливой торговли после мирового кризиса и принятия мер к снижению роли ВТО.

Аргумент 2. В условиях анархии государства выполняют различные роли и имеют различные опции стратегического выбора для обеспечения собственной безопасности. В международных отношениях нет военного монополиста и гаранта безопасности. Каждый стремится обеспечить свое выживание. Однако, в отличие от конструктивистского реализма, моральное течение отрицает уравнивание различных государств в их роли на международной арене, указывая на объективные различия в типах стран, их статусе, военных технологиях и в создаваемых международных нормах. Таким образом, Ватикан является лидером в определении правил католического мира, а США имеют решающее влияние на формирование иного рода норм. Упомянутая древнекитайская типология доминирующих государств по Сюнь-цзы позволяет объяснить разницу в международных нормах разных эпох. Основанные на грубой силе европейские колониальные государства оправдывали аннексии, которые были запрещены в послевоенную биполярную эпоху гегемонизма СССР и США. В контрасте с положениями наступательного реализма агрессия рассматривается как распространённый, но не единственный инструмент расширения власти. Вышеупомянутые различия диктуют различный набор опций. Европейские державы использовали колонизацию, нацистские режимы — аннексию, гегемоны — стратегию войны через посредников. Более того, некоторые страны делегируют функции безопасности за невозможностью их выполнять. Иллюстрация — Япония, чье нынешнее руководство стремится к возвращению былой военной независимости.

Аргумент 3. Игра с нулевой суммой во властных отношениях приводит к структурным противоречиям и системному давлению на возвышающуюся страну. Власть есть отношения контроля и подконтрольности, увеличение ее с одной стороны ведет к уменьшению с другой. Моральный реализм признает, что в процессе изменения разрыва в комплексных силовых потенциалах лидера и возвышающейся страны последняя, несмотря на сопротивление первой, начинает требовать уступок власти в ее пользу и пытается изменить соответствующую мировую властную систему, что выражается в структурных противоречиях. Пример — Германия и Великобритания в 30–40-е гг. XX века. Причем по мере возвышения и расширения сферы интересов страна сталкивается с растущими рисками угроз безопасности и системного сопротивления, что сравнимо по проявлениям с третьим законом Ньютона. Иллюстрацией являются «теория ответственности Китая», появившаяся и расширенная после Олимпиады 2008 г. в Пекине, и опережение КНР по объемам ВВП Японии.

Аргумент 4. Изменения политической силы могут смещать баланс сил. Различная скорость развития силы стран мира влияет на его силовую структуру и расположение центров силы. Моральный реализм, признавая координирующую и, как следствие, решающую роль политики в распределении ресурсов, которые сами по себе бесполезны, уточняет, что лидерский потенциал государства определяет рост его общей реальной си-

лы. Так, рост военной, экономической и культурной силы США в 2003–2006 гг. сопровождался снижением комплексной мощи на фоне ошибок политического руководства. Предлагается функция зависимости комплексной мощи от политической силы и суммарного ресурсного потенциала, что в математическом выражении будет представлять формулу со знаком умножения. Этим утверждением автор объясняет выбор в качестве эпиграфа данной главы изречения Гуань-цзы относительно влияния на развитие страны не столько ее размера, сколько степени компетентности ее политического руководства. Моральный реализм утверждает также, что от политического руководства страны зависит степень надежности создаваемых ею альянсов, а следовательно, наличие союзников и изменения в международной обстановке. Так, трансформация биполярности в однополярность стала возможной, в том числе, из-за потери СССР, возглавлявшего ранее Организацию Варшавского договора, большого числа союзников. Стратегическая репутация главы альянса имеет решающее значение. При этом полный отказ от использования силы аморален, так как не позволяет защитить интересы малых и средних стран.

Третий раздел главы посвящен объяснению феномена победы слабого над сильным, который моральный реализм признает возможным при наличии у первого качеств политического лидера. Это объясняется тем, что стратегический выбор страны основывается на двух факторах. Во-первых, на объективных интересах, которые определяются ее комплексной мощью. Во-вторых, на убеждениях ее лидеров касательно приоритетности и методов достижения этих интересов, которые, в свою очередь, основаны на типах лидерства, стратегическом престиже, международных нормах и международном порядке, а также на взаимосвязях между ними. Между политическим лидерством и комплексной силой существует внутренняя взаимосвязь, но в целях анализа они принимаются за независимые. Комплексная сила рассматривается в качестве объективного и неизменного фактора, а типы лидерства в качестве переменной, оказывающей субъективное воздействие на комплексную силу. Политическое лидерство носит коллективный характер, но подразумевается доминирование точки зрения руководящего индивида. Для определения интересов предлагается типология государств, основанная на этих двух критериях.

На основе критерия относительного силового потенциала выделяются четыре типа государств. Во-первых, лидирующая страна, способная оказывать решающее воздействие на независимую международную систему (проведена аналогия с древнекитайской системой, в которой в разное время доминировали различные государства). Во-вторых, возвышающаяся страна, которая приближается по силовому потенциалу к лидирующей стране и делит с ней международное лидерство (примеры — СССР в 1950-е годы и современный Китай). В-третьих, два типа региональных держав, независимых в пределах региона: главные (Германия и Бразилия) и вторичные (Индия или ЮАР). В-четвертых, маленькие страны, не имеющие влияния в своем регионе. Лидирующая страна и возвышающаяся страна видят свой главный стратегический интерес в получении мировой власти, региональная держава — власти в рамках региональной системы, а интерес маленькой страны сводится к выживанию.

На основе личных факторов выделяются четыре типа политических лидеров, которые могут появиться в любой стране. Во-первых, бездейственный лидер, который не имеет определенной политической цели. Во-вторых, консервативный лидер, который стремится к сохранению статус-кво и при отсутствии непосредственной военной угрозы принимает решения исходя из экономических интересов. В-третьих, активный лидер, который стремится к повышению международного авторитета своей страны, склонен нести ответственность за ошибки и пропагандировать достижения политики, принимать решения, исходя из политической выгоды. В-четвертых, воинственный лидер, который склонен принимать решения, исходя из военных соображений.

Так формируются шестнадцать предпочтений стратегического выбора. В качестве примера анализируется возвышающаяся держава, которая не может избежать дилеммы возвышения.

Лидер бездейственного типа будет склонен избегать конфронтации и пойдет на уступки вплоть до разрушения единства страны. В Китае сторонники «стратегии избегания» опираются на философию Лао-цзы.

Лидер консервативного типа примет стратегию экономического сотрудничества, призванную временно ослабить конфликт интересов и снизить системное давление. Она не позволит полностью отстраниться от дилеммы, но выполняет функцию временного снижения напряжения в отношениях с лидирующей страной. В современном Китае сторонники расширения внешнеэкономического сотрудничества в целях снижения напряженности международной ситуации исходят из того, что экономический базис определяет надстройку.

Лидер активного типа имеет склонность к стратегии заключения союзов с соседями, что приводит к росту структурных противоречий. Эта стратегия кроет в себе опасность военного противостояния и требует наличия достаточного мужества, поскольку подвергается критике как «мышление времен холодной войны». В Китае сторонники стратегии заключения союзов — реалисты, которые считают, что сегодня Китаю не хватает стратегических сторонников.

Лидер воинственного типа имеет склонность к стратегии военного расширения, получения выгод насильственным путем, что позволяет быстро достичь результатов, однако несет в себе большой риск поражения. В современном Китае люди, которые поддерживают стратегию военного расширения, основывают свои аргументы на истории эпохи европейской колонизации.

При неизменности силы государства часто наблюдается явление изменений внешнеполитической стратегии, обусловленное сменой типа лидерства. Так объясняется смена внешнеполитического курса Японии в 2011–2013 гг.: Наото Кан был руководителем консервативного типа, который стремился к экономическому сотрудничеству, а Синдзо Абэ — руководитель, чья политика диктуется воинственными интересами.

Вышеуказанные четыре типа стратегии не являются постоянными, существуют промежуточные модели. Автор оставляет открытым вопрос о вероятном стратегическом выборе руководителей промежуточного типа и объясняет отсутствие прямой взаимосвязи между стратегическим выбором и результатом зависимостью последнего от объективной стратегической ситуации.

От типа лидера зависит степень важности, которую руководство придаст нравственной морали, а от нее, в свою очередь, зависят соотношение сил и, как следствие, формирование и стабильность нового международного порядка. Высоко роль международной морали оценивает активный лидер. Лидер консервативного типа готов сохранить ее малой ценой, а бездейственный и воинственный руководители не придают международной стратегической репутации большого значения.

Опираясь на тезис о решающей роли политической силы и стратегической репутации, автор делает вывод о возможности изменить с их помощью баланс сил. Следовательно, баланс власти и баланс сил могут не совпадать. Престиж является значимым компонентом, наличие которого выражается в международной поддержке плана по перераспределению силы. Он поддерживается путем гарантирования безопасности для слабых стран через союзнические отношения. В качестве примера приводится поддержка создания ООН после активного оказания США помощи странам в военное время. Однако в случае с межвоенным американским изоляционизмом наблюдалась потеря стратегического престижа США, что обусловило непопулярность их проекта Международного союза.

Концепция дополняет теории многих ученых о ключевой роли возвышающейся страны в формировании международных правил. Это происходит не только потому, что имеется материальная сила для контроля за их соблюдением. Другой формой поддержания международных правил является их соблюдение самой возвышающейся страной, которая становится образцом для подражания. Отсутствие этой формы ставит под вопрос возможность долговременного поддержания международного порядка. Следовательно, международная стабильность зависит от международного престижа и от типа лидерства.

С точки зрения политических характеристик выделяются три типа международного лидерства: добродетельная власть, грубая власть и гегемония по принципу «разделяй и властвуй». Грубая держава следует природному закону выживания сильнейшего, не обладает международным престижем, что не позволяет поддерживать нормы и ускоряет ее падение. Так, династия Цинь продержалась у власти лишь 20 лет. Держава-гегемон применяет моральные принципы лишь в отношении союзников, среди которых и имеет авторитет, демонстрируя тем самым двойные стандарты. Исторический пример — царство Ци периода Чуньцю. Добродетельная держава следует нравственным нормам, основывает свои действия на существующих принципах морали и способна поддерживать международные нормы тремя способами: соблюдением, поощрением за соблюдение, наказанием за невыполнение. Такая система является оптимальной для долговременного существования. Так в истории Китая объясняется стабильность Западного Чжоу.

Моральный реализм настаивает на необходимости обладать большой материальной силой и международным престижем, поскольку отсутствие одного из компонентов не позволит реализовать стратегию долговременного лидерства. Поэтому одно лишь следование моральным нормам не приведет к результату, но даст стратегическую пользу. Оговаривается также относительность применения этого принципа для средних и малых государств, для которых важнее вопросы безопасности, игнорирующие мораль.

Таким образом, главным отличием школы морального реализма, разработанного в возвышающейся стране, от других его течений, разработанных в стране-лидере, является изучение изменения баланса сил с точки зрения приобретения влияния, а не его сохранения. Иной угол рассмотрения объекта обусловил развитие основных постулатов школы в положениях о принципах и путях перехода власти. Рассматривая изменение баланса сил, в дополнение к материальной силе теория вносит две новые переменные, влияющие на мобилизационные возможности страны в изменении мирового порядка. Во-первых, властные основы, оказывающие решающее влияние на выбор внешнеполитической стратегии возвышающейся страны. Во-вторых, стратегический престиж, возникающий в результате следования моральным нормам. Истоки школы лежат в политическом детерминизме, присущем древнекитайской философии, что позволяет развить теорию реализма глубже, нежели структурный и наступательный реализм.

43

Мораль и реализм в международных отношениях: взгляд из Китая

✓ Новая книга Янь Сюэтуна «Смещение мировой силы» («Shift of the World Power»), опубликованная издательством Пекинского университета в 2016 г. после ее первого выхода в свет в 2015 г., не могла не привлечь внимание специалистов и общественности. Ее автор — один из наиболее известных и влиятельных китайских ученых-международников, декан Института современных международных отношений университета Цинхуа, председатель Центра глобальной политики Карнеги — Цинхуа, генеральный секретарь Всемирного фонда мира, вице-председатель Китайской ассоциации исследованных международных отношений.

Журнал публикует реферат первой главы этого во всех отношениях интересного исследования. В ней автор постарался ответить на два главных, по его мнению, вопроса: как соотносится понятие морали и теория реализма, и как научно аргументировать логику теории морального реализма.

Обращаясь к фундаментальному труду Г. Моргентау «Политические отношения между нациями» («Politics Among Nations»), Янь Сюэтун показывает, что реализм не избегает вопросов морали, но подчеркивает необходимость правильно оценивать ее роль в международных отношениях. По его мнению, моральный реализм оперирует моральными ценностями, имеющими универсальную, а не национальную ценность, а именно, понятиями справедливости, правосудия, цивилизации и честности.

Представляя моральный реализм в качестве разновидности теории реализма, автор рассматривает действия государства через призму основных понятий реализма: власти, силы и интереса. Определяя различия между понятиями власти и силы, он подчеркивает, что хотя конкретное содержание международных моральных принципов меняется с течением времени, некоторые универсальные принципы остаются незыблемыми на протяжении эпох, например: соблюдать договоры, не убивать дипломатов и эмиссаров, возвращать доли, оказывать почести главам государств и др.

Обращаясь к анализу взаимосвязи между международным авторитетом государства и международным лидерством, Янь Сюэтун настаивает на том, что для устойчивого мирового лидерства необходима моральная основа, а улучшение своей стратегической репутации — минимальное моральное требование для закладывания такой основы. При этом он различает природу международного авторитета и международной власти. Если первый непосредственно связан с соблюдением моральных норм, то вторая — это «способность лидировать с опорой на принуждение».

Странники теории реализма считают, что власть по своей природе является «игрой с нулевой суммой». Однако моральный реализм вносит здесь свои коррективы. Возвышение новой великой державы, как считает Янь Сюэтун, сталкивается с нежеланием лидирующей державы уступать свои властные позиции вследствие снижения своего относительного силового потенциала. В то же время возвышающаяся держава требует роста своей международной власти в соответствии с ее растущим силовым потенциалом. Так возникают противоречия, касающиеся перераспределения международной власти.

Субъективным политическим проявлением этих противоречий является стремление лидирующей страны к поддержанию существующего международного порядка, а возвышающейся страны — к созданию нового международного порядка.

Следование моральным принципам усиливает государство и придает легитимность его действиям. При этом мораль отнюдь не исключает отказ от использования силы. Отсюда, по Янь Сюэту, возникает «дилемма возвышения»: по мере усиления возвышающейся страны рост ее влияния на другие страны приводит к росту сопротивления со стороны страны-лидера и всей международной системы. Почему же возвышающаяся страна, уступающая по силе стране-лидеру, оказывается способной выиграть конкуренцию и одержать верх? Феномен победы слабого над сильным в международных отношениях имеет место тогда, когда слабая сторона «превосходит сильную по политическим лидерским качествам».

Автор выделяет четыре типа государств на основе критерия комплексной национальной мощи: «лидирующая страна», «возвышающаяся страна», «региональная держава» и «маленькая страна». Первые два типа видят свой стратегический интерес в обретении (поддержании) лидерского статуса, региональная страна стремится к власти в рамках своей региональной системы, а стратегический интерес маленькой страны сводится к сохранению права на выживание.

Янь Сюэту выделяет также четыре типа политического лидерства: бездейственное (поддержание статус-кво), консервативное (упор на экономическое сотрудничество), активное (повышение международного авторитета) и воинственное (склонность к стратегии военного расширения).

Становление нового международного порядка требует также создания новых международных правил. «Возвышающаяся страна должна, прежде всего, сама следовать новым правилам, а ее превращение в образец для подражания станет основой для формирования новых международных правил». В этой максиме — явный отсыл к традиционной китайской философии и политической стратегии (Конфуций, Лао-цзы, Сюнь-цзы), к трудам которых автор обращается не менее часто, чем к западным «классикам».

Формирование и поддержание международного порядка, по мнению Янь Сюэту — «стратегический приоритет больших лидирующих или возвышающихся стран», а для средних и маленьких стран «забота о собственном выживании часто важнее, чем поддержание международного порядка». И это — главная уязвимость его теоретических построений о новом мировом порядке: его создание сводится лишь к процессу перераспределения власти в международных отношениях. «После того, как возвышающаяся страна удачно выстроит новый международный порядок, она станет господствующей страной этой системы».

По мнению автора, моральный реализм вносит новое слово в теорию о международных отношениях. При этом главная разница между ним и другими школами реализма в том, что вопрос об изменениях международного баланса сил моральный реализм изучает с точки зрения приобретения и замещения влияния, а не с точки зрения его сохранения и поддержания. Причина существования такой разницы проста: другие школы реализма созданы американскими учеными, которые заботятся о сохранении американского господства в мире, а моральный реализм создан китайскими учеными, в центре внимания которых находятся задачи возвышения и обновления Китая.

Это, пожалуй, главный постулат известного китайского американиста и теоретика международных отношений. Он — наиболее яркий представитель той плеяды китайских международных теоретиков, которая на протяжении ряда лет стремится к созданию собственной теоретической школы, которая должна в полной мере отражать китайское видение международных отношений. В своей известной работе «Анализ национальных интересов Китая» Янь Сюэту отстаивает универсальный характер науки, в которой действуют

объективные законы: как, по его мнению, нет особой китайской физики, так не может быть и какой-то теории международных отношений, отличной от существующей¹.

В этом и других своих исследованиях, опубликованных за последние годы, автор проводит следующий ключевой тезис. Для обеспечения «мирного возвышения Китая» и улучшения его международного имиджа необходимо разрешить ряд возникших противоречий: между статусом второй державы мира и самоидентификацией Китая как развивающейся страны; между стремлением стать ответственной мировой державой и принципом «не высовываться»; между принципом невмешательства во внутренние дела других стран и поддержкой международного права и справедливости.

И, может быть, главный рецепт от Янь Сюэтуна: «Отсутствие союзников — главное препятствие для улучшения стратегических отношений Китая с окружающими его государствами. Корректировка принципа неприсоединения позволит улучшить международную ситуацию вокруг Китая и увеличить число его стратегических союзников»².

Янь Сюэтун уже давно заявляет о необходимости смены прежней китайской внешнеполитической концепции, сформулированной еще Дэн Сяопином в 1980-е годы и предполагавшей отказ от военных союзов, стремления к политическому лидерству и активного вмешательства в международные проблемы, не затрагивающие непосредственные интересы КНР. По его мнению, Китай должен стремиться к созданию системы двусторонних союзов, предполагающих помимо прочего и обмен военными гарантиями. Например, выступая перед иностранными журналистами в Пекине еще в июне 2011 г., Янь Сюэтун признал наличие дискуссии в китайской правящей элите по вопросу о возможной смене внешнеполитического курса. Он отметил, что сторонники перемен, такие как он, пока в меньшинстве. Но, вероятно, их уже достаточно много, чтобы их мнение могло быть услышано³.

А в марте 2017 г. Янь Сюэтун заявил корреспонденту газеты «Коммерсант», что его теория «морального реализма» призывает Китай вести мир за собой силой позитивного примера. Но для этого, по его мнению, власти Китая должны принять «три универсальные ценности»: честность, справедливость, цивилизованность. «Это было бы лучше всего сделать, приняв официальной идеологией государства конфуцианство. К сожалению, сейчас это не так. Официальная идеология современного Китая — марксизм. Если так будет и дальше — лидером нам не стать»⁴.

Так абстрактные, казалось бы, теоретические построения неожиданно приводят к актуальной общественной дискуссии о политической стратегии. Вот о чем думаешь, погружаясь в чтение нового труда известного китайского ученого.

© 2017

В.Е. Петровский,

доктор политических наук, действительный член Академии военных наук,
главный научный сотрудник ИДВ РАН

1. Цит. по: Кузнецов А.М. «Мирное развитие Китая» и некоторые проблемы современной теории международных отношений». URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/mirnoje_razvitije_kitaja_i_nekotoryje_problemy_sovremennoj_teorii_mezhdunarodnyh_otnoshenij_2015-03-23.htm.
2. Yan Xuetong. The Shift of the World Centre and its Impact on the Change of the International System // East Asia. 2013. Vol. 30. P. 232.
3. Кашин В. «Если они не изменятся, они должны приготовиться к звукам пушек». URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya-opinion/vlast/75677-esli-oni-ne-izmenyatsya-oni-dolzhen-prigotovitsya-k-zvukam-pushhek>.
4. Янь Сюэтун. «Не понимаю, почему Россия не настаивает на формировании альянса с Китаем»: интервью // Коммерсант. 17 марта 2017. С. 7. URL: http://www.kommersant.ru/doc/3243633?utm_source=kommersant&utm_medium=mir&utm_campaign=four.

История

Публикации Чжан Вэйцы о политике России в период «Движения за новую культуру»

© 2017

А.В. Ломанов

На примере взглядов китайского политолога Чжан Вэйцы (1890–1976) проанализирована эволюция отношения к России представителей прозападного течения внутри «Движения за новую культуру». Исследованы подходы Чжан Вэйцы к советскому послереволюционному законодательству 1919 года, его отношение к политическому экспериментированию в интересах обеспечения социальной справедливости. Рассмотрена позиция ученого в период дискуссии о России в 1925 г., основанная на трактовке НЭПа как свидетельства неудачи коммунистического эксперимента. Отмечен рост внимания Чжан Вэйцы к роли среднего класса как источника социальной стабильности.

Ключевые слова: Китай, социалистическая идеология, советское законодательство, дискуссия о «вражде к России и дружбе с Россией», НЭП, средний класс.

Октябрьская революция 1917 г. в России привлекла внимание деятелей китайского «Движения за новую культуру» к новшествам в политике соседней страны. Интерес к ним проявили не только влиятельные сторонники социалистической идеологии наподобие Ли Дачжао и Чэнь Дусю, но и представители либерального течения. Одним из них стал политолог Чжан Вэйцы (Чжан Цзусюнь, 1890–1976), опубликовавший в 1919 г. серию статей о новых законах Советской России.

В отечественной научной литературе второй половины XX в. Чжан Вэйцы упоминался как «Вэй Цы» или «Вэйцы» (этим именем были подписаны его публикации 1919 г.)¹ Личность автора установлена не была, анализ содержания статей проводился вне связи с воззрениями ученого и последующей эволюцией его взглядов на Россию. Да и в Китае к Чжан Вэйцы и его наследию большого интереса не проявляли². Важным шагом к возвращению идей ученого и сведений о его биографии в научный оборот стала публикация в 2015 г. сборника трудов Чжан Вэйцы в серии «Библиотека китайских мыслителей нового и новейшего времени»³.

Чжан Вэйцы родился в уезде Уцзян провинции Цзянсу. В 1905 г. он поступил в Школу Чэньчжун в Шанхае, где познакомился с Ху Ши, ставшим впоследствии одной

Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: a_lomanov@hotmail.com.

Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-21-10001 «Идейно-культурное влияние России на “Движение за новую культуру” в Китае (1915–1925)».

из наиболее заметных фигур в интеллектуальных кругах республиканского Китая. Их дружба продолжалась несколько десятилетий⁴.

В 1912 г. Чжан Вэйцы отправился на учебу в США, где получил степень доктора политологии в Университете Айовы. Весной 1917 г. вместе с Ху Ши он вернулся из Америки в Китай. Чжан Вэйцы стал преподавателем Пекинского университета, читал курсы по современным политическим системам, истории политической мысли и праву.

Первой публикацией Чжан Вэйцы летом 1919 г. стала серия статей о законах Советской России в газете «Мэйчжоу пинлунь» («Еженедельное обозрение»), главным редактором которой в то время был Ху Ши. Потом Чжан Вэйцы участвовал в издании еженедельника «Нуди чжубао» («Усилие»), созданного в мае 1922 г. Ху Ши. Чжан Вэйцы стал одним из подписантов манифеста «Наши политические устремления», отразившего политические взгляды Ху Ши и призвавшего к созданию в Китае «правительства хороших людей»⁵.

В 1925 г. Чжан Вэйцы принял участие в дискуссии о «враждебности к России и дружбы с Россией» (чжу Э ю Э), он также публиковал статьи о браке, семье и правах женщин. В 1926–1927 гг. написал ряд статей, посвященных политическим и социальным проблемам послевоенной Европы. В 1927 г. ученый покинул Пекинский университет и занялся управленческой работой на железнодорожном транспорте и в городской администрации. В 1930 г. болезнь заставила его перейти в Аньхуэйский университет, где он стал профессором и директором библиотеки.

В 1932 г. Чжан Вэйцы участвовал в создании Китайского общества политологии, впоследствии входил в его правление. В том же году он стал советником Министерства железных дорог, после начала войны с Японией перешел на работу в Комитет по ресурсам. После образования КНР он остался на материке, в 1955 г. стал сотрудником Шанхайской палаты литературы и истории.

Хотя период научного творчества Чжан Вэйцы продлился немногим более десятилетия (конец 1910-х — начало 1930-х), он оставил след в истории становления политологии в республиканский период. В 1923–1924 гг. он занимается изучением избирательной системы и политики Великобритании, другой важной темой стали проблемы городского управления в странах Запада.

В 1925 г. была опубликована книга Чжан Вэйцы «Система городской власти» (*Шичжэнь чжифу*). Он подчеркивал, что демократическая политика должна начинаться в городах. В то время многие китайские исследователи выступали за сельское самоуправление, однако Чжан Вэйцы настаивал, что в Китае следует начинать с урбанизации⁶. Ученый уделял большое внимание модели американского городского самоуправления, опирающейся на способность горожан своими силами создавать общественное движение, нацеленное на защиту собственных прав.

В начале 1930-х годов за время работы в Аньхуэйском университете Чжан Вэйцы подготовил к изданию несколько книг, наиболее значительными стали «Очерк политологии» (*Чжэнчжисюэ даган*, 1930) и «Конституция» (*Сяньфа*, 1930). В 1931 г. он опубликовал перевод работы британского политика и ученого Джеймса Брайса «Современные демократии» (*Сяньдай миньчжэи чжэнтти*).

Воззрения Чжан Вэйцы эволюционировали в направлении консерватизма. Либерал Ху Ши призывал осуществить в Китае ускоренный переход к конституционному правлению, дабы потом использовать его для обучения народа жизни в условиях демократии. Чжан Вэйцы поддержал официальную гоминьдановскую трактовку политического учения Сунь Ятсена, согласно которой переходу к конституционному правлению должен предшествовать период «онэки». Он также полагал, что демократические выборы не дают гарантии формирования «эффективно функционирующих административных структур, и ставил на первое место «политику специалистов», профессионально подготовленных для выполнения своих обязанностей.

Публикации о законах Советской России (1919 г.)

Газета «Мэйчжоу пинлунь», которую учредили в декабре 1918 г. Чэнь Дусю и Ли Дачжао, стала влиятельным выразителем политических воззрений «Движения за новую культуру». Вплоть до выхода номера 25, датированного 8 июня 1919 г., редактором издания был Чэнь Дусю. После того, как 11 июня его арестовали, а Ли Дачжао был вынужден уехать из Пекина, начиная с номера 26 главным редактором стал Ху Ши. Бэйянские власти закрыли газету по политическим соображениям 30 августа, последний номер 37 был датирован 31 августа 1919 г.

Чэнь Дусю и Ли Дачжао снискали репутацию сторонников социалистической идеологии, в то время как Ху Ши был приверженцем западного либерализма и прагматизма. Однако начиная с номера 28 на страницах «Мэйчжоу пинлунь» появилась серия из пяти статей Чжан Вэйцы о законах Советской России. Эти публикации были объективны, их автор демонстрировал интерес и даже симпатию к решениям большевиков.

Первая статья рассматривала содержание Конституции России, принятой в 1918 г. на 5-м Съезде Советов⁷. Чжан Вэйцы отметил, что среди появившихся после завершения Первой мировой войны многочисленных новых конституций европейских стран «конституция России обладает наибольшей ценностью для исследования, поскольку эта конституция основана на многих новейших законах политической организации и новейших идеях политической философии»⁸. Основным закон передал в собственность государства всю частную собственность (землю, леса, недра, водные ресурсы, сельхозорудия, банки). Всем производством и транспортом управляют непосредственно трудящиеся.

Новое государственное устройство России Чжан Вэйцы охарактеризовал как очень рыхлую федерацию, из которой местные власти могут выйти по собственному усмотрению: «Поэтому права всех местных властей в России очень большие, в других федеративных государствах подобного нет»⁹. Он отметил, что в США или в Швейцарии споры между центральной властью и местными органами решает центральная власть, правила вступления в федерацию устанавливает центральное правительство. Однако в России главные полномочия переданы в руки местных советов, комитетов представителей промышленности, армии и других отраслей, которые имеют право в любое время прервать отношения с центром.

Китайский автор подробно рассказал о системе представительства на выборах в советы, о механизме Всероссийского съезда советов, о предусмотренных в Конституции гарантиях свобод вероисповедания, слова, собраний и т.д. Чжан Вэйцы также отметил, что хотя народу России даны широкие права и свободы, следует обратить внимание на отсутствие по сравнению с современными конституциями Европы и Америки четких норм суда, вынесения приговора и наказания, а также защиты частной собственности. В завершение были перечислены категории людей, не имеющие права участия в выборах (эксплуататоры, неработающие и т.д.). На этом изложение основного закона обрывалось без обобщения и выводов.

С рассуждений о важности изучения политической жизни послереволюционной России открывается следующая статья, излагающая содержание вступившего в силу в 1918 г. закона о земле¹⁰. Чжан Вэйцы подчеркивал, что в России нет анархии, а правительство действует на основании законов. «Очень многие люди, когда слышат слово "Россия", ощущают необычайный страх, потому что Россия является местом появления идеологии "большевиков", страшатся, что эта идеология распространится на весь мир и приведет его в беспорядок. Почти все рассматривают Россию как общего врага народов мира. Какая ситуация внутри России, что за идеология большевизм, наверное, из десяти людей, боюсь, не найти и одного, кто бы понимал». Чжан Вэйцы пояснил, что рассказал в предыдущем номере «Мэйчжоу пинлунь» о Конституции России ради того, «чтобы все узнали, что Россия вовсе не является местом без правительства, в ее новой конституции

на деле есть несколько новейших законов политической организации, если эксперимент будет удачным, то в будущем, возможно, другие государства будут подражать»¹¹.

Согласно Конституции в России политические права находятся только в руках работающего народа, а «группы от промышленности» (*гунье туаньти*) стали основой парламентского представительства. Эти два аспекта российского законодательства, по мнению Чжан Вэйцы, обладают наибольшей ценностью для исследования. В них содержится признание того, что корнем экономики современного государства является труд, а также стремление взаимно соединить политическую организацию и реальную организацию общества. Сходные цели преследуют рабочие партии в других странах. «Вне зависимости от того, поддерживаем мы или нет эту идеологию, мы не можем не признать, что эта новая форма политической мысли побуждает нас заново оценить предшествующую политическую мысль, посмотреть есть ли у нее ценность»¹².

Китайский автор подчеркнул, что его целью было рассказать о том, как Россия поступила с земельным вопросом, который не решили в других странах. Он подробно пересказал положения закона, излагающие права землепользования, механизм наделения землей через местные советы, перечислил коэффициенты для определения размера земельного надела в соответствии с полом и возрастом человека, а также основания для аннулирования прав пользования.

Чжан Вэйцы заявил, что новый закон России о земле невозможно сразу оценить как хороший или плохой, нужно дождаться результатов его применения, и лишь после этого можно будет сказать «справедливые слова». «Однако мы должны понимать, что самое несправедливое дело в мире — это священная неприкосновенная система частной собственности. Почему родившиеся в бедной семье всю жизнь работают на других людей как лошади и коровы, а наесться и согреться не могут? Почему родившиеся в богатой семье могут не работать и быть сытыми всю жизнь? Это несправедливое дело, обычные люди не смотря на него открытыми глазами и не думают об этом, они считают, что это беды других людей, привыкли видеть их, считают их естественными и должными. В законе России о земле много несоответствующего, естественно много жестокого, но это жестокое может заставить большинство людей подробнее поразмыслить о нынешнем общественном строе, хотим ли мы защищать несправедливые дела или хотим найти способ улучшения (*гайлян гайлян*)?»¹³. Эта фраза подсказывает, что Чжан Вэйцы осуждал несправедливость для того, чтобы реформаторскими методами решить накопившиеся в Китае проблемы, не допустив революционного взрыва.

Третий текст рассказывал о новых законах России о браке и о разводе¹⁴. Несмотря на относительно малую политическую значимость, статья была помещена на первой странице «Мэйчжоу пинлунь». Чжан Вэйцы поведал, что закон о браке в России очень простой, в нем всего шесть пунктов, в которых нет «новых странных правовых принципов». И все же разница есть. В Европе и Америке бракосочетание проводят в церкви, а если это происходит не в церкви, то в качестве свидетеля должен присутствовать священник. Это церковный брак, который практиковали в России до революции. Однако после революции влияние церкви было полностью устранено, теперь в России для бракосочетания священник не требуется.

Еще одна особенность касается статуса внебрачных детей. По словам Чжан Вэйцы, за исключением Японии, ни в одной другой стране им не дают полные права. Он назвал подобный подход несправедливым и неморальным, поскольку общество необоснованно переносит на детей свое осуждение поступков родителей. В российском законодательстве внебрачные дети по отношению к родителям и родители по отношению к ним обладают теми же правами и обязанностями, что и в случае детей, рожденных в браке.

В статье также была охарактеризована процедура развода в России, которая, по мнению автора, проще, чем в других странах. Наиболее примечательна заключительная фраза: «Эти два закона были обнародованы после создания правительства Ленина.

Можно видеть, что зарубежные слухи об обобществлении женщин в России являются полностью бесосновательными разговорами»¹⁵.

Именно на этот вывод сослался Ли Дачжао в ходе полемики с Ху Ши о соотношении между практическими проблемами и идеологическими «клизмами», когда призывал уделить больше внимания объективному изучению большевизма и ситуации в России: «Опубликованные недавно господином Вэйцы в нашей газете конституция России, закон о земле, закон о браке и др. дают нам большой материал для изучения русских событий и еще раз подтверждают, что разговоры о национализации женщин большевистским правительством не имеют под собой никакой почвы»¹⁶.

Ли Дачжао упомянул первые три публикации Чжан Вэйцы, за ними последовали еще две. В номере 31 «Мэйчжоу пинлунь» вышла статья об отмене системы наследования в России, излагавшая принятый в апреле 1918 г. декрет¹⁷.

В стране, где ликвидирован строй частной собственности, прежний институт наследования сохраниться не мог. Чжан Вэйцы рассказал, что по новому закону в России после смерти владельца любое движимое и недвижимое имущество переходит в собственность государства. Исключение делается лишь если остаются неработоспособные, несовершеннолетние или престарелые члены семьи, расходы на их содержание могут быть взяты из наследства.

Китайский автор напомнил, что в Европе и Америке многие экономисты и политологи считают институт наследования крайне несправедливым. До Первой мировой войны звучали предложения его полной отмены, альтернативой этой радикальной инициативе стало введение во многих западных странах налога на наследство. Чем больше наследство, тем больше налог, который также возрастает для наследников из числа дальних родственников. «Поэтому принцип налога на наследство не в том, чтобы полностью обобществить наследство, а направлен на то, чтобы часть наследства передать обществу (*гунцзя*)»¹⁸.

Рассуждения о том, что отмена системы наследования приведет к тому, что люди бросят работать и копить деньги, Чжан Вэйцы счел несостоятельными. Многие вынуждены работать для того, чтобы прокормить себя. Те, кто стремится к творческой самореализации или славе, кто получает от работы радость, будут трудиться и в том случае, если не смогут передать богатство потомкам. «Эта революция в России целиком была социальной революцией, их основная цель в желании полностью отбросить все несправедливые неморальные дела в современном обществе, заново перестроить и создать новое общество. Система наследования стала примером отбрасывания. Россия — это очень хорошая политическая испытательная площадка (*чжэньчжи шияньчан*), нужно смотреть на результаты опробования нового закона»¹⁹.

Заключительная статья дала краткую характеристику закону о банках²⁰. Новая власть в России передала банковское дело в ведение государства, это было сделано в интересах обычных людей, страдавших от спекулятивных и грабительских действий частных банков. Владельцами банков были крупные капиталисты, они накопили много денег, после национализации банков они бежали за границу и живут там как богатеи. Однако помимо них у банков было много мелких вкладчиков, которые жили на эти деньги. В России о них подумали и провозгласили защиту интересов мелких вкладчиков. Благополучие многих людей зависит от банковской сферы, однако банкиры нацелены на извлечение прибыли для себя и об интересах народа не думают, их деяния зачастую противоречат интересам общества. В этой ситуации правительство не может позволить им действовать свободно и заставлять людей терпеть трудности. Поэтому во всех странах есть очень подробные законы о надзоре за банковской деятельностью и защите интересов вкладчиков. «Новый закон России о банках еще на шаг вперед продумал способ коренного решения проблемы, превратил банк в государственный орган, чтобы тот помышлял о счастье для народа всей страны, а не о прибыли одного-двух капиталистов»²¹.

С.Л. Рыкова в своем исследовании сосредоточила внимание на статье Чжан Вэйцы о законе о земле: «Сведения об Октябрьской революции и первых декретах Советской власти в «Мэйчжоу пинлунь» носили главным образом информационный характер. Но само их опубликование имело несомненно большое значение, так как давало объективную картину происходивших в России событий, помогало опровергать враждебные слухи»²².

Близкие аргументы можно найти в китайских публикациях 1980-х годов, когда перед учеными стояла задача издать оценку деятельности «Мэйчжоу пинлунь» от остаточного влияния проводившейся после образования КНР кампании по критике Ху Ши. Эта инерция побуждала считать вышедшие под его редакцией номера газеты проникнутыми «буржуазным формализмом» и наполненными «чисто научным изложением». Подобный подход обесценивал важное просветительское значение статей о законах Советской России. «Нет сомнения, что он [Чжан Вэйцы], как и Ху Ши, подчеркивал движение Китая по пути реформизма, чтобы превратить Китай в буржуазную республику, однако он обращался к опыту социалистической России. Объективно это еще раз ясно показывает, что китайской революции обязательно нужно было двигаться по пути Октябрьской революции в России, демонстрирует неизбежность исторической тенденции перехода к социализму, с силой опровергает измышления реакционной пропаганды империализма о том, что рабоче-крестьянская власть в России убивает людей, поджигает имущество и обобществляет жен»²³.

Авторитетный исследователь истории распространения марксизма в Китае Тань Минь отметил, что публикации «Мэйчжоу пинлунь» о законах Советской России расширили кругозор китайцев и способствовали устранению непонимания. Эти статьи произвели заметное воздействие, последующие китайские публикации о советских законах находились под влиянием материалов «Мэйчжоу пинлунь» или были их перепечаткой. Ученый отметил, что поначалу газета проявила анархистский уклон и с этой позиции стремилась размежеваться с большевиками, однако к откровенной враждебности не пришла, и временами с позиции попутчика распространяла пропагандистские материалы о Советской России. Вплоть до момента закрытия позиция газеты эволюционировала, она пришла в лагерь тех, кто раскрывал подлинный облик Советской России. «Мэйчжоу пинлунь» направляла общественное мнение в Китае от внимания к Советской России к вниманию к марксизму, в этом ее заслуги нельзя преуменьшать»²⁴.

Еще одним вкладом Чжан Вэйцы в распространение информации о ситуации в России на страницах периодических изданий «Движения за новую культуру» стал перевод с английского языка для журнала «Синь циннянь» статьи «Советское правительство России»²⁵. Текст был издан в журнале вместе с другими материалами под рубрикой «Исследование России».

Первоисточником была опубликованная весной 1920 г. статья, которую написали в соавторстве два профессора Висконсинского университета — социолог Эдвард Олсворт Росс и родившийся в Польше экономист Селиг Перлман²⁶. Они рассказали, как организована система Советов снизу доверху и как осуществляются выборы в Советы. Авторы попытались сопоставить систему власти в России с американской политической практикой, они также привели сведения об истории революционного движения в России. Росс и Перлман отметили, что большевики отвернулись от демократии, а система Советов даст их партии возможность постоянного пребывания у власти. В заключение они поставили вопрос о том, сможет ли советская система, опирающаяся на работников физического труда, способствовать продвижению во власть профессионально подготовленных экспертов. Хотя речь идет о переводе, а не об авторской публикации, этот текст мог стать первым шагом к разочарованию в советском опыте, поскольку Чжан Вэйцы разделял либеральные ценности и возлагал большие надежды на решение китайских проблем при помощи привлечения к государственному управлению квалифицированных специалистов.

Размышления о России в период НЭПа (1925–1926 гг.)

В первой половине 1920-х годов публикации Чжан Вэйцы были сосредоточены на вопросах политической демократии в западных странах. Возвращение к проблемам России и коммунистической идеологии произошло осенью 1925 г., когда Чжан Вэйцы присоединился к разгоревшейся на страницах «Чэньбао фукань» дискуссии об отношении к Советской России.

Чжан Вэйцы поделился личными впечатлениями от посещения в американском штате Айова религиозной общины Амана, основанной в середине XIX в. переселенцами из Германии²⁷. Рассказ о жизни Амана позволил подчеркнуть, что затворническая жизнь «коммунистической» общины мало похожа на деятельность российской компартии по пропаганде своей идеологии и политики. Идеалы общины основаны на Библии, а не на марксизме и тем более не на «радикализме» Ленина. Чжан Вэйцы заявил, что «строй коммунизма» (*гунчань чжиду*) нельзя приравнять к пролетарской диктатуре и действиям бедняков по переделу имущества богатей. «Подлинный коммунизм это очень высокий идеал, его цель состоит в разрушении всяческих несправедливостей в обществе, осуществлении справедливого строя. Каждый человек всеми силами делает в этом обществе дела, получает по потребности для использования вещи из общего имущества, это идеальный коммунистический строй»²⁸. Китайский автор пришел к выводу, что успех подобного строя невозможен без людей, способных к самопожертвованию ради общества и отказу от личной выгоды — однако за несколько лет таких людей воспитать невозможно.

Тема взаимосвязи коммунизма и религиозности получила развитие, когда Чжан Вэйцы опубликовал перевод статьи экономиста Джона Мейнарда Кейнса о Советской России. Ее изначальным названием было «Что такое коммунистическая вера?»²⁹. Кейнс охарактеризовал ленинизм как «сочетание религии и бизнеса», подчеркнув, что в этом учении нет ничего «сверхъестественного», и вместе с тем в его сердцевине есть нечто затрагивающее будущее всего человечества.

Под предисловием к публикации стояла подпись «журналист» (*цзичжэ*): это мог быть сам Чжан Вэйцы или редактор «Чэньбао фукань» Сюй Чжимо. В нем было отмечено, что после Первой мировой войны Кейнс стал самым знаменитым экономистом во всей Европе, его книга об экономических последствиях Версальского мира стала сбывшимся пророчеством. В статье о Советской России наблюдения Кейнса «не только обладают ценностью, но также интересны». Автор предисловия продемонстрировал информированность, упомянув о недавней женитьбе Кейнса на русской балерине. Однако гипотеза о том, что супруга помогла ему прочитать книги на русском языке, поскольку Кейнс не был в России, оснований не имела. Как раз в 1925 г. вместе с женой Л.В. Лопуховой он посетил Россию³⁰, после чего написал несколько статей, одна из которых была переведена в Китае.

После перевода Кейнса Чжан Вэйцы высказал собственные взгляды на Советскую Россию³¹. Он напомнил о вышедшей вскоре после русской революции книге американского политического активиста Джона Спарго «Россия как американская проблема»³². Это предупреждение появилось несмотря на то, что США и Россия удалены друг от друга, между ними нет глубоких исторических связей, и в обозримом будущем возможность влияния на США со стороны русского «радикализма» невелика. Тем временем в Китае «проблемой России» не интересовались, хотя «искусные слова» Москвы в области внешней политики заставили небольшую часть китайцев поверить в то, что Россия является другом, который поможет Китаю сопротивляться агрессии других государств.

Китайский политолог разделил панические настроения по поводу сотрудничества Гоминьдана с Россией, которые в тот период охватили часть пекинской интеллигенции. «Сейчас Гуандун на юге уже почти под влиянием русских, почти уже можно считать, что стал красным, в будущем, если по несчастью на севере неважно какая часть по-

падет под влияние русских и станет красной, эти две головы красной силы очень просто окружают нашу центральную часть, не смогут не переварить ее. На этом уровне действительно величайшая угроза»³³.

По словам Чжан Вэйцы, прежде всего внутренняя политика России способна оказать влияние на Китай. Ученый заявил, что «красная идеология» (*чисэчжун*) — это не проблема вражды или дружбы с Советской Россией, она не сводится к абстрактным принципам. На первое место следует поставить изучение экономической организации советского общества и жизни народа. История России за восемь лет после революции, по его мнению, позволяет извлечь в этой сфере немало полезных уроков.

Китайский автор преподнес практику НЭПа как очевидное свидетельство отступления от изначально провозглашенной коммунистической идеологии. По его словам, в результате революции в России к власти пришли идеалисты, которые черпали знания об экономике и обществе из книг. Их понимание «материалистического взгляда на историю» сводилось к тому, что рабочие будут трудиться на заводах без зарплаты, а крестьяне станут растить пшеницу, чтобы подарить ее государству. Лишь после того, как в экономике наступил хаос и начался голод, власти поменяли политику и в марте 1921 г. ввели НЭП. «Хотя эта новая экономическая политика и не является полным восстановлением прежнего капиталистического строя, осталось непонятным, насколько отдалилась она от марксистского учения, которому поначалу поклонялись как непреложной истине. После этого всем работникам начали выдавать зарплату по разряду, частная коммерция признана законом, вся экономическая ситуация стала развиваться не по принципам коммунизма»³⁴.

Чжан Вэйцы сослался на пример Шалыпина, которого «русские любят еще больше, чем китайцы Мэй Ланьфана». Певец отказался выступать за зарплату обычного рабочего, запугать его не удалось, и в итоге правительство выполнило его требования высокого вознаграждения, нарушив тем самым «требования коммунизма». Однако «самый большой провал русской коммунистической системы» произошел в отношениях с крестьянами. Попытки изменить деревню через комитеты бедноты, обобществление имущества и изъятие продукции привели к встречной реакции. Крестьяне в России перестали обрабатывать землю и подняли восстание.

Слова Ленина о необходимости признать экономические требования середняка Чжан Вэйцы истолковал как официальную констатацию поражения коммунистической системы. Он указал, что принятый в России в октябре 1922 г. новый закон о земле сохраняет государственную собственность на землю, но при этом «устраняет различные коммунистические эксперименты». Крестьяне получили землю в пожизненное пользование, они отдают властям лишь определенную часть урожая. «Правительство Советской России в отношении крестьян приняло идеологию невмешательства, красные силы есть только в городах. В деревне в России уже нет системы коммунизма»³⁵.

Политолог предположил, что в будущем власти России могут попытаться ввести какой-нибудь «новый НЭП». Вывод состоял в том, что в отношении таких лидеров и такой политики Китай не может занимать позицию стороннего наблюдателя, нужно постоянно обращать внимание на их действия и политику, «рассматривать Советскую Россию как проблему нашего Китая».

Эти аргументы были развиты и подкреплены статистическими данными в статье, которая вышла в свет весной 1926 г. в журнале «Дунфан цзачжи»³⁶. Тезис о том, что НЭП означает провал «политики коммунизма», остался неизменным. Чжан Вэйцы напомнил, что компартия ставила целью изменить в соответствии с учением марксизма экономическую жизнь России, уничтожить старый капитализм и создать новый коммунизм. При таком строе трудящихся не эксплуатируют, они занимают самое высокое место в экономике, производство и распределение осуществляются в соответствии с их интересами, они могут «вечно наслаждаться счастьем святости труда». Однако прошло не-

сколько лет, трудящиеся в рай так и не попали, а большинство населения России оказалось в аду, что вынудило правительство изменить политику и провозгласить НЭП.

Повторив с опорой на цифры прежние рассуждения о крахе коммунистической политики в деревне, Чжан Вэйцы указал еще и на провал курса на создание крупных государственных промышленных предприятий. Он выразил надежду, что эти неудачи послужат уроком для народов других стран, где интересуются коммунизмом. Исследователь отметил, что политика НЭПа помогла оживить экономику, но привела к новым трудностям: важные отрасли промышленности оказались на грани банкротства, рост рыночных цен на продовольствие заставляет власти закупать зерно в Канаде. Возникли новые проблемы в отношениях города и деревни, крестьяне хотят получить право участия в политике, в России возникает новый средний класс, обладающий собственным сознанием и запросами. «Правительство Советской России на самом деле ничего не может поделать с исходящими с разных сторон требованиями. Компартия в будущем, возможно, еще раз уступит и будет проводить новый НЭП. Однако в настоящее время правительство Советской России еще не признало провал НЭПа»³⁷.

Чжан Вэйцы собрал большое количество материалов о советской экономике и сделал трезвые выводы о том, что НЭП не привел к полной реставрации капитализма, а правящая компартия не собирается отказываться от власти. Он обнаружил неустойчивость советской экономики в условиях НЭПа и предсказал скорое появление «нового НЭПа». В это время СССР действительно уже готовился к провозглашению «новой экономической политики», содержанием которой стало принятие пятилетнего плана, индустриализация, коллективизация сельского хозяйства.

Чтобы разобраться в причинах революции, Чжан Вэйцы обратился к сравнительному исследованию классовой структуры царской и советской России³⁸. Он не скрывал, что видит в среднем классе опору общества и главную силу сопротивления «радикализации» Китая. В Западной Европе среднему классу принадлежит заслуга перехода от абсолютизма к демократии, после Первой мировой войны Западная Европа не стала «красной» потому, что у среднего класса была способность сопротивления. Тем временем победа революции в России была обусловлена тем, что у среднего класса не было авторитета в обществе.

По мнению Чжан Вэйцы, после февральской революции 1917 г. власть в России перешла к среднему классу, однако капиталисты заботились лишь о собственных выгодах и не смогли объединить усилия ради общих интересов. При советской власти коммунизм потерпел поражение не только в производстве, но и в распределении, что породило массовую спекуляцию и появление «тайного капитализма». Возникший в условиях НЭПа «новый средний класс» отличается решительностью и отсутствием моральных принципов, правительство его не защищает, а народ видит в нем нуворишей и грабителей. Эти люди признают советский строй, но на деле хотят его изменить и легализовать награбленное. Возможно, в будущем они смогут реорганизовать экономический строй России, однако в тогдашней ситуации Чжан Вэйцы не нашел у нэпманов «конструктивного потенциала» и приписал им мечту о переходе России от радикализма к бонапартизму. Помимо «тайных капиталистов», китайский автор рассмотрел положение советских «тайных владельцев недвижимости», бюрократии, бывшей аристократии, рабочих и крестьян. Он заявил, что без понимания этих перемен невозможно уяснить политику Советской России и, тем более, понять что такое «покраснение» (чжунгуа).

Современные китайские исследователи полагают, что участие Чжан Вэйцы в инициированной редактором «Чэньбао фукань» Сюй Чжимо дискуссии о «вражде к России и дружбе с Россией» («не может повлиять на его заслуги в распространении социалистической мысли в Китае»). Будучи известным и влиятельным ученым, он опубликовал в газетах большое количество статей о социализме, «несомненно, это в очень большой степени способствовало распространению социалистической мысли в Китае»³⁹.

Эволюция взглядов Чжан Вэйцы служит иллюстрацией специфики китайского либерализма. Переход от похвал в адрес советских законов к рассуждениям о НЭПе как свидетельстве провала «коммунистической системы» был построен на признании легитимности стремления к преодолению социальной несправедливости и сожалении о том, что провозглашенные русскими революционерами возвышенные идеалы оказались недостижимыми. «Неудача» советского эксперимента не привела ученого к признанию легитимности имущественного неравенства и восхвалению рыночной экономики. Два десятилетия спустя, во второй половине 1940-х годов, мечта о демократическом и вместе с тем справедливым устройстве общества заняла центральное место в китайских общественно-политических дискуссиях.

Н.Л. Мамаева отмечает, что в начальный период развития «Движения за новую культуру» как социалистическое, так и прозападное течение в китайской политической мысли не были четко сформированы и не имели планов действий. Открытость внешнему миру и интерес китайских интеллектуалов к происходящему за рубежом проложили путь «как усилению в Китае влияния западного мировоззрения и общественно-политической практики, то есть вестернизации, так и изучению и распространению идеи научного социализма»⁴⁰.

Пример Чжан Вэйцы показывает, что социалистическое и вестернизаторское течения пересекались друг с другом. В 1919 г. он хвалил Советскую Россию за то, что она радикально решила проблемы неравенства, о которых до этого много и без большого успеха говорили на Западе. В 1925 г. он вступил в дискуссию о России в роли алармиста, призвавшего изучать «проблему России» как самую актуальную для Китая тему. Он рекомендовал воздержаться от «высокопарных суждений» и бесконечных политических споров о том, является Россия другом или врагом Китая. По его мнению, ответить на этот вопрос могут лишь ученые, которые владеют русским языком и бывали в России, способные смотреть на Россию взвешенно, спокойно и объективно.

Подход Чжан Вэйцы испытал заметное влияние эксперименталистского мировоззрения Ху Ши. Об этом свидетельствуют присутствующие в публикациях 1919 г. о законодательстве Советской России неоднократные упоминания о том, что судить об эффективности новых законов можно будет лишь на основании практики. В ходе дискуссии 1925 г. о «вражде к России и дружбе с Россией» Чжан Вэйцы и Сюй Чжимо заняли настороженную критическую позицию. Примечательно, что краткое пребывание в СССР летом 1926 г. произвело на Ху Ши благоприятное впечатление. Тогда он написал Чжан Вэйцы и Сюй Чжимо несколько писем, в которых убеждал их признать правомерность «великого политического эксперимента» в СССР и указывал на безосновательность шумного спора о «борьбе с покраснением» Китая⁴¹.

Молодой политолог Чжан Вэйцы, вернувшийся в Китай после учебы в США в 1917 г. на волне подъема «Движения за новую культуру», проявил серьезный интерес к ситуации в революционной России. Этот феномен не был уникальным. «Россия, долгое время воспринимавшаяся в Китае как отсталая в культурно-идеологическом отношении страна, родила идеи, изучение и анализ которых китайские интеллектуалы сочли целесообразными в надежде использовать их для развития страны»⁴².

И все же Чжан Вэйцы больше интересовался практикой реконструкции общества, чем идеями ленинизма. Его интересовала возможность использования иностранного опыта в Китае, и примером России он не ограничивался. Ученый внимательно следил за происходившим в Веймарской Германии, в частности, его очень привлекал немецкий опыт создания с участием капиталистов и представителей профсоюзов Экономического совета, участвующего в предварительном обсуждении экономических решений правительства. Его интерес к важности роли среднего класса как стабилизатора

общества также опирался на опыт Западной Европы, тогда как Россия в этом отношении выступала как негативный пример радикализма. Однако мечта ученого о создании в республиканском Китае сильного среднего класса оказалась неосуществимой утопией.

1. Рыкова С.Л. «Мэйчжоу пинлунь» об итогах Первой мировой войны и об Октябрьской революции // Китай: поиски путей социального развития (из истории общественно-политической мысли XX в.). М., 1979. С. 106, 108; *Ли Дачжао*. Избранные произведения. Пер. с кит. М., 1989. С. 198.
2. Китайские авторы указывают, что в период реформ исследователи увлеклись изучением Ху Ши, а Чжан Вэйцы стали воспринимать лишь как его соученика и друга, но не как политолога, обладавшего собственными воззрениями. Второй причиной могло стать переиздание в издательстве «Цилинь жэньминь чубаньшэ» в 2001 и 2011 гг. выполненного Чжан Вэйцы перевода книги Брайса «Современные демократии», благодаря чему к ученому стали относиться как к переводчику иностранной научной литературы. См.: *Ван Сяньминь*. Чжан Вэйцы: Оу Мэй чжэнчжисюэ цзаоци дайбяо: [Чжан Вэйцы: ранний представитель европейской и американской политологии] // Чжунго шэжухэй кэсюэ бао. 24.04.2014. URL: http://www.cssn.cn/xspj/xspj_yw/201504/t20150427_1603227.shtml (дата доступа: 05.06.2017).
3. Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы цзюань / Ли Юань бьянь: [Библиотека китайских мыслителей нового и новейшего времени. Т.: Чжан Вэйцы / сост. Ли Юань]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2015.
4. Подробнее о дружбе и сотрудничестве двух китайских либералов см.: *Чжи Сяоинь*. Ху Ши хэ тадэ пэньюмэнь (цзэн бу энь): [Ху Ши и его друзья (доп. изд.)]. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2010. С. 242–269.
5. *Ламанов А.В.* Эволюция китайского либерализма в 20–30-е годы XX века: интеллигенция и власть // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 28–32.
6. Даоянь: [Введение] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 3.
7. *Чжан Вэйцы*. Эго дэ синь сяньфа: [Новая конституция России] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 1–4. (Опубликовано в «Мэйжоу пинлунь». № 28, 20 июня 1919 г.)
8. Там же. С. 1.
9. Там же. С. 2.
10. *Чжан Вэйцы*. Эго дэ тудифа: [Закон о земле России] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 5–9. (Опубликовано в «Мэйжоу пинлунь». № 29, 6 июля 1919 г.)
11. Там же. С. 5.
12. Там же.
13. Там же. С. 8–9.
14. *Чжан Вэйцы*. Эго дэ хуньин чжиду: [Система брака в России] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 10–11. (Опубликовано в «Мэйжоу пинлунь». № 30, 13 июля 1919 г.)
15. Там же. С. 11.
16. *Ли Дачжао*. Еще раз о конкретных проблемах и «изма» // Ли Дачжао. Избранные произведения... С. 198. (Опубликовано в «Мэйжоу пинлунь». № 35, 19 августа 1919 г.)
17. *Чжан Вэйцы*. Эго ичань чжиду дэ фэйчжи: [Отмена системы наследования в России] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 12–14. (Опубликовано в «Мэйжоу пинлунь». № 31, 20 июля 1919 г. На первой странице этого номера увидела свет судьбоносная для развития «Движения за новую культуру» статья Ху Ши с призывом «больше говорить о проблемах и поменьше говорить об “изма»»).
18. Там же. С. 13.
19. Там же. С. 13–14.
20. *Чжан Вэйцы*. Эго дэ синь иньханфа: [Новый закон России о банках] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 15. (Опубликовано в «Мэйжоу пинлунь». № 32, 27 июля 1919 г. В отличие от предыдущих статей, подписанных *Вэйцы*, здесь указан псевдоним *Синь*).
21. Там же.
22. *Рыкова С.Л.* Указ.соч. С. 108–109.

23. *Чжан Дэван*. Лунь Ху Ши цзе бянь хоу «Мэйчжоу пинлунь» дэ чжэнчжи фансян: [Политическое направление «Мэйчжоу пинлунь» после вступления Ху Ши в должность главного редактора] // Бэйфан луньцун. 1987. № 5. С. 110.
24. *Тань Минь*. 1917–1919: Макэсычжун цзинцзисюэ цзай Чжунго дэ чуаньбо цимэн: [1917–1919: Просветительское распространение марксистского экономического учения в Китае]. Шанхай: Шанхай цайцзин дасюэ чубаньшэ, 2016. Т. 1. С. 520–521.
25. [Ross, Perlman]. Элосы сувэйай чжэнфу: [Советское правительство России] // Синь циннянь. 1920. Т. 8. № 1.
26. Ross E.A., Perlman Selig. Soviet Government in Russia // American Political Science Review. 1920. Vol. 14. Issue 2. P. 317–323.
27. *Чжан Вэйцы*. Амана — и гэ шиянь гунчань чжиду дэ шэхуэй: [Амана — общество, которое пробует коммунистический строй] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 212–216. (Опубликовано в «Чэньбао фукань». 29 окт. 1925 г.).
28. Там же. С. 212.
29. *Кайтэньсы*. Лунь Су Э: [Кейнс. О Советской России] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 217–222. (Опубликовано в «Чэньбао фукань». 4 нояб. 1925 г.) См. также: Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо, 2007. С. 914–919. (Сер. Антология экономической мысли).
30. *Макашева Н. А.* Дж.М. Кейнс и Россия: обнадеживающее начало несостоявшегося диалога // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 108–121.
31. *Чжан Вэйцы*. Во е лай таньтань Су Э: [Я тоже поговорю о Советской России] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 223–227. (Опубликовано в «Чэньбао фукань». 12 нояб. 1925 г.)
32. *Sprago John*. Russia as an American Problem. NY: Harper & Brothers, 1920.
33. *Чжан Вэйцы*. Во е лай таньтань... С. 224.
34. Там же. С. 226.
35. Там же. С. 227.
36. *Чжан Вэйцы*. Су Э чжэнфу дэ цзинцзи чжэнцэ: [Экономическая политика правительства Советской России] // Дунфан цзачжи. 1926. Т. 23. № 9. С. 9–23.
37. Там же. С. 23.
38. *Чжан Вэйцы*. Эго гэмин цянь хоу шэхуэй цзецзи чжуанкуан дэ бяньцянь: [Изменение положения общественных классов в России до и после революции] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 274–284. (Опубликовано в «Дунфан цзачжи». 1926. Т. 23. № 4).
39. *Гао Фули*. Миньго сюэжэнь дуй шэхуэйчжун сычао чуаньбо дэ гунсянь — и чжэнчжисюэцзя Чжан Вэйцы вэй ли: [Вклад ученых республиканского Китая в распространение социалистической мысли — на примере политолога Чжан Вэйцы] // Хэбэй миньцзу шифань сюэюань сюэбао. 2014. № 4. С. 33.
40. *Мамаева Н.Л.* Россия и начальный период «Движения за новую культуру» в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 127.
41. *Ху Ши*. Оу ю дао чжун цзи шу: [Письма из путешествия по Европе] // Ху Ши вэньцзи: [Собрание сочинений Ху Ши]. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1998. Т. 4. С. 41–50.
42. *Верченко А.Л.* Восприятие России в Китае накануне и в первые годы «Движения за новую культуру» // Исторические события в жизни Китая и современность. Материалы Всероссийской науч. конф. (Москва, 17–18 февраля 2016 г.) / Центр изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 175.

Советский Союз в политике Сунь Ятсена (некоторые аспекты)

© 2017

Н.Л. Мамаева

В статье дан исторический анализ первого этапа российско-китайского сближения в период подъема национально-демократического движения 1920-х годов и влияния СССР на политический процесс в Китае. Освещена дружеская позиция к СССР Сунь Ятсена — лидера Гоминьдана, революционера-демократа и политического деятеля, которая оставалась стабильным фактором его внешне-политических взглядов.

Ключевые слова: Сунь Ятсен, В.И. Ленин, РКП(б)/ВКП(б), Гоминьдан, Компартия Китая, сотрудничество.

20-е годы XX века являлись переломным периодом для Китая. Западная парламентская система с трудом приживалась на китайской почве. Страна переживала состояние острой политической и социальной нестабильности и оказалась на распутье: либо углубление стагнации и полная потеря завоеваний Синьхайской революции, либо поиск новых форм развития, сильнее, чем прежде, учитывающих национальную китайскую специфику. Необходимость создания сильного централизованного государства, способного противостоять иностранному вмешательству, осознавалась многими политическими партиями и военно-политическими группировками, участвовавшими в политической жизни страны. Вместе с тем были очевидны разные подходы к определению путей и методов объединения и усиления Китая. Бросая ретроспективный взгляд на события 20-х годов, четко просматриваются две наиболее реальные модели развития. Одну модель революции и развития представляла партия Сунь Ятсена¹. Другая модель формировалась Коммунистической партией Китая, более молодой, чем Гоминьдан, однако активно включившейся в политическую жизнь буквально с момента своего создания в 1921 г. Обе партии находились в состоянии тесного взаимодействия с представителями Советского государства, с международным коммунистическим движением. Степень интенсивности прямых контактов Сунь Ятсена и Гоминьдана с представителями Советского государства и Коммунистическим Интернационалом, как показали недавние исследования, была значительно выше, чем это считалось ранее².

Несмотря на возросший интерес историков к практике сотрудничества Сунь Ятсена с китайскими коммунистами в период «первого сотрудничества КПК и Гоминьдана» (1922–1927 гг.), можно отметить недостаточное внимание китайских и западных ученых к теме «Сунь Ятсен и СССР», а также к тесно связанной с ней проблеме взаимодействия Сунь Ятсена и Коминтерна. В то же время в советской и российской историографии данная тематика исследована гораздо более подробно. Одна из причин — наличие большого количества работ различных жанров, написанных в СССР еще в 1920-е годы по следам

Мамаева Наталья Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН. E-mail: mamaeva_nl@mail.ru.

революционных событий. Их авторы, как правило, непосредственные участники национально-революционного движения Китая 20-х годов: военные и политические советники, представители РКП(б)/ВКП(б) и Коминтерна в Китае тех лет, сотрудники различных ведомств, аккредитованных в Китайской Республике (КР). В силу этих причин российская историография ощущает «причастность» отечественной истории к истории национально-освободительного движения в Китае. Второй фактор — это значительное количество литературы мемуарного характера, написанной очевидцами событий. Наконец, работа в области публикации источников по теме «ВКП(б), Коминтерн и Китай» (силами ИДВ РАН совместно с учеными Свободного университета Берлина издано 5 томов прежде не доступных читателю российских архивных документов; последний том издан в 2007 г.) усиливает документальную основу для изучения темы «СССР в политике Сунь Ятсена».

Тему нашего исследования можно рассматривать с двух сторон. Одна связана с вопросами внешнеполитического характера, другая — с изучением влияния СССР на политический процесс в Китае, то есть в значительной степени затрагивает внутренний аспект взаимодействия.

Контакты представителей Советского государства с Сунь Ятсеном не ставили на повестку дня проблему дипломатического признания Гуандунской революционной базы как государственного образования. В этом отношении позиция Советского правительства была четкой и однозначной, она ограничивалась различными формами поддержки и помощи национально-освободительному движению, исключала прямое военное вмешательство СССР в политическую борьбу в Китае и дипломатическое признание военного правительства Сунь Ятсена.

Выделяя внешнеполитические аспекты в политической практике Сунь Ятсена начала 1920-х, обратим внимание на его постоянное стремление добиться дипломатического признания со стороны Советского государства тех правительств Южного Китая, которые он возглавлял, формируя революционную базу на Юге Китая. Так, из письма к В.И. Ленину от 8 декабря 1922 г., отмечая великую миссию СССР как государства, провозгласившего принцип равноправия в международной политике, Сунь Ятсен выражал неодобрение по поводу идущих между РСФСР и Пекинским правительством переговоров. По его мнению, «переговоры с теперешним правительством в Китае не только потеря времени, но, пожалуй, и опасны», поскольку «Пекин теперь слуга и орудие империалистических держав...»³. Те же мотивы присутствовали и в письме Сунь Ятсена полпреду СССР в Китае Л.М. Карахану от 17 сентября 1923 г. Не отказываясь от содействия представителям СССР при подготовке Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой (принято в Пекине 31 мая 1924 г.), Сунь Ятсен писал следующее: «В случае, если Вы (Л.М. Карахан. — *Н.М.*) найдете безнадежными переговоры с Пекином на условиях, которые, не ущемляя суверенных прав китайского народа, поставили бы Новую Россию в положение международного равенства с другими иностранными державами, Вам, может быть, придется рассмотреть целесообразность приезда в Кантон (Гуанчжоу. — *Н.М.*) и переговоров с моим новым правительством, в настоящее время формирующимся, вместо того чтобы возвращаться в Москву с пустыми руками»⁴. В целом по-человечески понятная противоречивость в позиции Сунь Ятсена относительно стремления СССР к развитию дипломатических отношений с Пекинским правительством неоднократно проявлялась в процессе подготовки указанного выше Соглашения, отражалась в дебатах внутри Гоминьдана по этому вопросу, а также в дискуссиях с главным политическим советником Сунь Ятсена и Гоминьдана М.М. Бородиным.

Не углубляясь в сложности, возникавшие при подготовке данного документа, отметим специфику ситуации, когда Советское правительство, предпринимая усилия в направлении нормализации отношений с Пекинским правительством, одновременно активно

контактировало с его противником. Сунь Ятсен не раз характеризовал отношения с СССР как братские. Однако совершенно очевидно, что действия Советского правительства по заключению соглашения с Пекином воспринимались Сунь Ятсеном мучительно. Даже в Воззвании Гоминьдана по поводу китайско-русского соглашения (июль 1924 г.), в целом одобренного Соглашение, Пекинское правительство по-прежнему называется «незаконным»⁵.

Сам ход рассуждений Сунь Ятсена по поводу ситуации с подписанием Соглашения демонстрирует, с одной стороны, понимание им необходимости создания дипломатических отношений между СССР и Пекинским правительством, официально признанным мировым сообществом. С другой стороны, он подчеркивал особую близость национально-освободительного движения в Китае с антиимпериалистической позицией СССР, высоко оценивал помощь СССР Гоминьдану в его реорганизации⁶.

В своем интервью корреспонденту «Кантон ньюс сервис» (март 1924 г.) Сунь Ятсен отметил: «Признает ли Пекинское правительство Советскую Россию — это только вопрос о дипломатических отношениях между Советами и Пекинским правительством, о чем я не могу высказывать никакого личного мнения. Прежде чем Карахан приехал в Пекин, Советское правительство уже показало свою позицию по отношению к моему правительству, совершенно отличную от позиции по отношению к Пекину... На самом деле дружественные отношения между моим правительством и Россией продолжают. Они никогда не были прерваны, поэтому и не встает вопрос о восстановлении их специальным, формальным признанием, ибо мое правительство на деле признало Россию без всяких условий». Весьма показательны такие его слова: «...отношения между Советской Россией и моим правительством настолько дружественны, что похожи на отношения двух братьев и не нуждаются в таких формальностях, как признание»⁷.

Так или иначе, остается фактом, что Сунь Ятсен в целом способствовал нормализации отношений Советского и Пекинского правительств, повышая тем самым международный авторитет молодого Советского государства.

В связи с этим уместно подчеркнуть большую роль советских политических и военных советников в деле выведения партии Сунь Ятсена на новые горизонты политической деятельности. Главный советник Политсовета ЦИК Гоминьдана М.М.Бородин предпринимал большие усилия, пытаясь создать ему имидж сильной политической партии национального значения. Говоря о своем участии в подготовке Воззвания Гоминьдана по поводу китайско-русского соглашения, М.М.Бородин подчеркивал трудности, сопровождавшие его работу в этом направлении. Приходилось преодолевать инерцию политической пассивности Гоминьдана, а также недопонимание рядом представителей партии Сунь Ятсена международной обстановки и реального положения Пекинского правительства как основного субъекта международного права в международных отношениях Китая с другими государствами⁸.

Разъяснительная работа М.М.Бородина среди членов Гоминьдана, его давление на редакцию «Миньго жибао» — официальный печатный орган Гоминьдана, проводившую кампанию против заключения Соглашения, имела положительный эффект. Несмотря на все оговорки, связанные с проблемой признания Гоминьданом Пекинского правительства законным правительством Китая, Воззвание четко обозначило перед китайской и мировой общественностью антиимпериалистические позиции Гоминьдана, продемонстрировало одобрение соглашения между Россией и Китаем как соответствовавшего принципам равноправия и взаимного уважения сторон. Воззвание прямо выразило «благодарность (Советской России. — Н.М.) за справедливость и дружбу, проявленные Россией в связи с китайско-русским соглашением»⁹. Как опытный политик, Сунь Ятсен признавал слабость Гуанчжоуского военного правительства, в работе которого проявлялись элементы политической и социальной нестабильности, отсутствие четкой политической программы действий, зависимость от военной поддержки милитаристских группировок

Южного Китая, и понимал, что строительство дипломатических отношений реорганизованного правительства Гоминьдана с СССР — дело будущего.

Как уже отмечалось, другая сторона изучаемой темы — это влияние СССР на внутренний политический процесс в Китае, что концентрируется в значительной степени вокруг становления Гоминьдана как политической партии.

Адаптация Сунь Ятсена и его партии к новым реалиям осуществлялась постепенно и с помощью СССР, Коминтерна и китайских коммунистов. Значение этого фактора не следует недооценивать. С высоты сегодняшнего дня поэтапное сближение Сунь Ятсена и его сторонников с представителями Советского государства, РКП(б)/ВКП(б), китайскими коммунистами выглядит как объективный процесс. Советская и российская историография представляет убедительную картину «внутреннего притяжения» Сунь Ятсена и В.И.Ленина, Сунь Ятсена и представителей Советского государства. Как отмечает академик С.Л.Тихвинский, начиная с 1900 г. вплоть до марта 1923 г. В.И.Ленин в различных своих произведениях неоднократно отзывался с уважением и сочувствием к национально-освободительной борьбе китайского народа против империализма и феодализма, в работах 1912–1913 гг. он выражал симпатии российских революционеров-марксистов к Сунь Ятсену как представителю китайской революционной буржуазной демократии¹⁰.

В 1912 г. в статье «Демократия и народничество в Китае» В.И.Ленин характеризовал Сунь Ятсена как «революционного демократа, полного благородства и героизма»¹¹. Именно такая характеристика Сунь Ятсена является в настоящее время наиболее распространенной и в исторической науке КНР, позиция которой 15–20 лет назад относительно некоторых оценок деятельности Сунь Ятсена отличалась известной противоречивостью.

Революционные события в России, особенно их антиимпериалистическая направленность, имели в Китае сильный резонанс. Декрет Советской власти о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. и Обращение Совета народных комиссаров ко всем трудящимся мусульманам России и Востока 3 декабря 1917 г. декларировали новые принципы международных отношений и отказ от кабальных договоров, заключенных царской Россией и правительством Керенского, направленных на ущемление суверенных прав народов Востока¹². Сунь Ятсен сразу отреагировал на Октябрьскую революцию в России. Летом 1918 г., находясь в Шанхае, он через Канаду посылает приветственную телеграмму В.И.Ленину, в которой выражает надежду на сплочение «революционных партий Китая и России в целях совместной борьбы»¹³. С 1920 г. переписка между дипломатами и представителями Советского правительства (нарком иностранных дел Г.В. Чичерин, полпреды в Китае А.А. Иоффе и Л.М. Карахан) с Сунь Ятсеном стала постоянным фактором процесса сближения, в ходе которого осуществлялась адаптация теории и практики Сунь Ятсена к вызовам времени. В целях формирования «гоминьдановской» модели революции применялся выборочный подход к заимствованию революционного опыта Советского государства. Как нам представляется, именно контакты Сунь Ятсена с представителями Советской власти постепенно подвели его к решению о сотрудничестве с Коминтерном и китайскими коммунистами, сыгравшему значительную роль в реорганизации Гоминьдана.

Не останавливаясь подробно на перипетиях переписки, хорошо освещенной в трудах С.Л. Тихвинского, А.И. Картуновой, Р.А. Мировицкой, Н.Л. Мамасвой, выделим основные области в практике Советского государства, вызвавшие особый интерес Сунь Ятсена. К ним относятся партийное строительство, организация Советов как органа представительной власти, искусство партийной пропаганды, государственное и военное строительство в СССР, согласно которому партия управляет военными силами, система народного образования, «новая экономическая политика» (НЭП) (осуществлялась в СССР с 1921 по 1929 гг. — *Н.М.*).

Как показывает анализ документов, наиболее реалистичные оценки внутривнутриполитической борьбы в Китае и Гоминьдана как политической партии давались в начале 20-х

годов главным образом представителями Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) в Китае и отражались затем в решениях Политбюро ЦК РКП(б). Здесь особое место занимает Коммюнике Сунь Ятсена — А.А. Иоффе от 26 января 1923 г. В Коммюнике Советская сторона констатировала, что Китай в его борьбе за «национальное объединение и приобретение полной национальной независимости пользуется самой горячей симпатией русского народа и может рассчитывать на поддержку России»¹⁴. Полпред РСФСР также подтвердил новые принципы внешней политики Советского государства по отношению к Китаю, в том числе по вопросам, связанным с эксплуатацией КВЖД и по проблеме Внешней Монголии. Коммюнике продемонстрировало совпадение взглядов Сунь Ятсена и А.А. Иоффе на китайско-русские отношения.

Следует отметить, что Сунь Ятсен счел необходимым включить в этот документ положение, согласно которому «в настоящее время коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае, так как там не существует тех условий, которые необходимы для успешного утверждения коммунизма или советизма». Согласно А.А. Иоффе с этим положением также отражено в документе¹⁵. Документ зафиксировал уважительное отношение советской стороны к Гоминьдану как к крупному фактору китайской политики, заверив его в отсутствии в Советской России намерений внедрять в Гоминьдан коммунистические идеи и навязывать Китаю советский строй. Коммюнике открыто провозгласило интернациональные позиции Советской внешней политики в Китае, обозначив контуры взаимодействия национально-революционного и коммунистического, в лице Советской России, движений.

Полпред А.А. Иоффе, разрабатывая планы помощи партии Сунь Ятсена, проявлял высокую степень интернационализма, демонстрируя на практике возможность согласования интересов национальной политики СССР и позиции интернациональной поддержки национально-освободительного движения Китая¹⁶. Сочувствуя всей душой партии Сунь Ятсена в ее борьбе за единый и независимый Китай, он был далек от позиции «национального эгоизма». Его подробная информация руководителям РКП(б), Советского правительства и Коминтерна о военных планах Сунь Ятсена и его рекомендации легли в основу решений Политбюро ЦК РКП(б) от 8 марта 1923 г. об оказании финансовой поддержки Сунь Ятсену (около двух миллионов мексиканских долларов), а также помощи политическими и военными советниками¹⁷. Таким образом Советская сторона выразила свое согласие удовлетворить просьбу Сунь Ятсена о поддержке его политики, содержащуюся в письме к А.А. Иоффе от 20 декабря 1922 г.¹⁸ Телеграммой от 1 мая 1923 г. Советское правительство известило Сунь Ятсена о своей готовности поддержать Гоминьдан. Предусматривалось направить в Китай политических и военных советников и выделить Сунь Ятсену 2 млн рублей на политику реформ¹⁹. Еще ранее, решениями от 8 марта, Политбюро ЦК РКП(б) отвергло нереалистичные элементы военных планов Сунь Ятсена, предусматривавшие непосредственное военное вмешательство Красной Армии в военные действия в Китае на стороне Гоминьдана²⁰.

С принятием Коммюнике Сунь Ятсена — А.А. Иоффе линия контактов перешла на новый уровень — практического взаимодействия Сунь Ятсена и Гоминьдана, с одной стороны, и Москвы, а также КПК, — с другой. Основное направление сотрудничества определялось задачей реорганизации Гоминьдана и созывом его I съезда. Оно становится реальным политическим фактором, корректирующим прежние представления Сунь Ятсена и Гоминьдана о содержании и движущих факторах политической борьбы и государственности.

Основная нагрузка в реорганизации Гоминьдана ложилась на партийное и военное строительство, значительно отличавшееся от старой практики построения партии как строго конспиративной организации профессиональных революционеров, опиравшейся исключительно на армию, не имевшей опыта пропагандистско-воспитательной работы в партии и в массах, сохранявшей традиции «тайных обществ» и не обладавшей

четкими программой и уставом. Особое значение в новом партийном строительстве придавалось Сунь Ятсеном помощи китайских коммунистов, которые, несмотря на молодость КПК, в короткий срок овладели хорошими организационными и пропагандистско-воспитательными навыками работы в массах, и, по словам Сунь Ятсена, своей активной деятельностью в рамках «единого фронта» с Гоминьданом, осуществлявшейся с лета 1922 г., «влили новую кровь в Гоминьдан», способствуя его возрождению.

Сближение Сунь Ятсена с РКП(б), международным и внутренним коммунистическим движением дало толчок к разработке в Гоминьдане политической программы, нового организационного строительства партии, новой военной политики, овладения искусством пропагандистской работы. Вступление коммунистов в Гоминьдан, согласно «августовской инструкции» ИККИ 1922 г. об «индивидуальном вступлении коммунистов в Гоминьдан»²¹ и решение Сунь Ятсена о сотрудничестве стало составной частью движения обновления Гоминьдана с помощью СССР (финансовой, оружием, советниками и т.д.).

Показательным примером эффективного сотрудничества Сунь Ятсена с политическими советниками в период подготовки и проведения I съезда Гоминьдана (январь 1924 г.) может служить такой эпизод: один из наиболее важных документов I съезда Гоминьдана — резолюция «О необходимости создания Национального правительства» — был принят при непосредственном участии М.М. Бородина. Ему удалось скорректировать стремление Сунь Ятсена к немедленному объявлению съездом о создании правительства всего Китая. М.М. Бородин доказал Сунь Ятсену преждевременность принятия такого решения в силу неподготовленности партии²². Правомерность точки зрения М.М. Бородинна о том, что Гоминьдан прежде всего должен пройти этап организационного и идейно-политического становления и преобразования, предусмотренного Манифестом и другими документами съезда, подтверждена дальнейшей историей Гоминьдана. Сунь Ятсен и съезд приняли ориентированную на будущее резолюцию «О необходимости создания Национального правительства», чем обеспечили Гоминьдану исторический шанс для его становления как политической «партии действия».

Новые программа и устав, принятые на I съезде Гоминьдана, в общих чертах как бы зафиксировали процесс формирования «партии действия»²³. В основу принятой съездом политической программы Гоминьдана в национальной революции, которая уточнялась и в определенной степени была скорректирована II съездом Гоминьдана (январь 1926 г.), были положены теория и политическая практика лидера партии Сунь Ятсена. Из «трех народных принципов» (национализм, народовластие и народное благосостояние) в 1920-е годы роль основного инструмента поэтапного внедрения в политическую жизнь всего учения отводилась принципу народовластия²⁴. Сунь Ятсен давал ему широкое толкование: это и символ нового политического устройства, отличающегося и от парламентской республики западного типа, и от системы диктатуры пролетариата, это и теория «четырех прав» народа и «пяти конституционных властей», которые рассматривались в тесной связи с планом «строительства государства», это и в самом общем виде — «основа политической революции», возглавляемой Гоминьданом²⁵.

Анализ конкретных положений политического курса Сунь Ятсена говорит о том, что ядром политической теории Сунь Ятсена являлась его теория трехэтапного государственного развития (военный, политической опеки и конституционный). Составная часть этой теории — взятие власти Гоминьданом военным путем, в обход парламентских методов, и реформистская социально-экономическая политика. Революция, согласно планам Сунь Ятсена, совершается в форме военного похода. Массовое движение — демонстрации, стачки и другие его формы — имеет вспомогательное значение. Новые тенденции в политической теории и практике Сунь Ятсена, связанные с обращением к антиимпериалистической борьбе, с включением в сферу партийной деятельности массового движения и социальной политики, с новым партийным строительством и с созданием армии, подчиняю-

шейся партийному руководству, накладывались на уже разработанную им в предыдущие годы основу представлений о политическом строе и революционной стратегии и тактике.

Характерная черта учения Сунь Ятсена, его так называемых новых трех народных принципов, сформировавшихся в 1920-е годы — это выборочный подход к опыту мирового революционного движения. Для политической платформы Сунь Ятсена характерно стремление учитывать специфические особенности исторического и политического развития страны — особую роль армии, финансовой и налоговой политики, проблему соотношения центральной и местных властей. Задача сохранения политической и социальной стабильности, занимающая и в современный период реформ и открытости прочные позиции в стратегии модернизации, выступала в планах Сунь Ятсена одним из важнейших критериев при принятии важных решений. Значение I съезда Гоминьдана трудно переоценить.

Анализ документов I съезда Гоминьдана²⁶ показывает, что перед Гоминьданом ставилась конкретная задача синтеза навеянных мировым революционным процессом антиимпериалистических идей, идеи вовлечения в сферу партийной политики народных масс с планами военной революции Сунь Ятсена, с его реформистской социальной политикой и теорией поэтапного «строительства государства». Принятый съездом курс на создание партии и армии нового типа, то есть, массовой «партии действия» с достаточно четкими программой и уставом, и армии, подчиняющейся партийному руководству, как показывает история, в значительной степени обеспечил победу Северного похода и объединение Китая под властью Гоминьдана. Используя помощь представителей советских учреждений, советских военных и политических советников, китайских коммунистов и КИ, Гоминьдан сумел осознать свою роль в новых исторических условиях, обеспечил себе не только идейно-политическую поддержку, но и финансово-материальную помощь со стороны Коминтерна и Советского государства. Решениями I съезда Гоминьдана на политическую арену Китая вышла партия, обладавшая революционным потенциалом и учитывавшая китайскую специфику²⁷.

Выделим некоторые наиболее существенные направления, демонстрирующие выборочный и творческий подход Сунь Ятсена к революционному опыту СССР. Хотя для Сунь Ятсена было характерным недовольство политикой западных держав и Японии в Китае, однако понимание необходимости включения антиимпериалистических требований в программу национальной революции пришло только в ходе контактов с представителями Москвы и Коминтерна, в частности с политическим советником Гоминьдана М.М. Бородиным²⁸. Интересно отметить, что позиция М.М. Бородина по вопросам, связанным с антиимпериалистическими и внешнеполитическими мотивами программы Гоминьдана, формировалась под непосредственным влиянием представителей внешнеполитических ведомств Советской России в Китае и, прежде всего, полпреда в Китае Л.М. Карахана. Являясь преемником полпреда А.А. Ноффе в вопросе ориентации Советской России на Сунь Ятсена, поддерживая с Сунь Ятсеном постоянную связь, Л.М. Карахан обладал значительной информацией о Сунь Ятсене и Гоминьдане, которой охотно делился с М.М. Бородиным. Позиция Л.М. Карахана по вопросам политической платформы Гоминьдана в области конкретной антиимпериалистической политики характеризовалась взвешенным подходом и в этом выгодно отличалась от эмоционального настроения, имевшего в то время место в руководстве Коминтерна²⁹.

В отличие от установок Коминтерна, выдвигавших требование борьбы с империалистическими державами на передний план политической программы, Сунь Ятсен приоритет отдавал борьбе с милитаристами и созданию строго централизованного государства как обязательного условия отмены неравноправных договоров³⁰. На основе решений I съезда и по мере развития деятельности Гоминьдана складывался поэтапный план отмены неравноправных договоров.

Влияние партийного и военного опыта Советской России было очень большим на протяжении всего хода сотрудничества Сунь Ятсена с Советской стороной и с РКП(б).

Наиболее важные результаты взаимодействия в этом направлении можно констатировать по результатам визита в СССР военной делегации Гоминьдана, состоявшегося 2 сентября — 29 ноября 1923 г. В ходе визита была отмечена бесперспективность опоры Гоминьдана исключительно на военную силу и вооруженную борьбу без проведения предварительной политической работы³¹. Как было подчеркнуто советскими представителями, «не следует забывать и военную работу, но к военным операциям в широком масштабе можно будет приступить только тогда, когда будет проделана большая политическая работа, будут подготовлены те внутренние факторы, которые значительно облегчат военную часть работы»³². Строительство собственных вооруженных сил по типу Красной Армии, включающее централизацию армии, ее политическое воспитание и подчиненность партийному и политическому руководству, изменило традиционную для Сунь Ятсена политику опоры на армии отдельных, лояльных к Гоминьдану милитаристских группировок.

Весьма примечательно, что в ходе визита военной делегации Гоминьдана в СССР Советское правительство четко обозначило свою позицию — невмешательства Красной Армии во внутренние дела Китая на стороне Гоминьдана в его борьбе с милитаристскими группировками³³. Таким образом, Гоминьдан при дальнейшей разработке своей военной политики должен был ориентироваться на собственные силы. В конечном итоге, такая ситуация подталкивала партию Сунь Ятсена к мобилизации усилий в партийном строительстве и в области «строительства государства».

Одной из основных форм помощи Советской России партии Сунь Ятсена определялась подготовка командных и политических кадров для армии Сунь Ятсена в Китае и Москве; предусматривалась также помощь военными и политическими советниками³⁴. Знакомство делегации Гоминьдана с деятельностью Красной Армии, ее организационными и политическими структурами, достижение договоренности о получении помощи по военной линии имели для партии Сунь Ятсена далекоидущие последствия.

Особое место занимает проблема материально-финансовой помощи Москвы и Коминтерна Гоминьдану в его партийном и политическом строительстве, в организации и проведении Северного похода. Не останавливаясь на количественных оценках помощи Москвы и Коминтерна, отметим некоторые моменты. Во-первых — это фактор своевременности получения партией Сунь Ятсена помощи оружием, советниками, деньгами, затратами на подготовку политических и военных кадров. Добавим к этому, что материально-финансовая поддержка Гоминьдана Советским правительством и Коминтерном оставалась стабильным фактором взаимодействия в течение длительного периода, на протяжении 1923 — лета 1927 г., вплоть до разрыва Гоминьдана с китайскими коммунистами, не прерываясь даже в периоды развития конфронтационных процессов между Гоминьданом и Коминтерном³⁵. Нельзя не отметить, что помощь со стороны Советского государства и Коминтерна оказывалась в тяжелейший для молодой Советской Республики период ее становления, когда советские граждане сами нуждались в помощи и поддержке.

Таким образом, советская помощь Сунь Ятсену и его партии имела свои особенности. Она была многоаспектной и комплексной, выходила за рамки материально-финансовой и военной помощи. В целом, Сунь Ятсену импонировал революционный энгуизм страны Советов и Коминтерна. В известной степени Гоминьдан чувствовал свою сопричастность к мировому коммунистическому движению, вернее, к его антиимпериалистическому аспекту. Читая документы, связанные с визитом военной делегации Гоминьдана в Советскую Россию, ощущаешь искренность порыва Гоминьдана к единению с партией большевиков, сумевшей отстоять государственный суверенитет в борьбе с многочисленными противниками.

Результаты сотрудничества убедительно свидетельствуют о проводившейся Сунь Ятсеном и его партией политике «опоры» Сунь Ятсена на СССР, хотя, как мы подчеркиваем, речь идет о выборочном использовании советского опыта.

Используя отдельные, хотя и, на наш взгляд, принципиально важные для формирования программы национального спасения рекомендации Коминтерна и Москвы, Сунь Ятсен не отступал от своего принципа приоритета общенациональных целей объединения страны над интересами отдельных классов и социальных слоев. В этом отношении он проявлял твердость и отвергал те предложения и рекомендации, которые, по его мнению, не отражали китайские реалии. Так, на этапе подготовки Манифеста I съезда и в ходе работы I съезда Гоминьдана были отвергнуты установки Коминтерна на классовую борьбу, прежде всего, отрицались радикальные подходы к решению аграрно-крестьянского вопроса и ряд других моментов³⁶.

Отметим также видение Сунь Ятсеном рекомендованного Коминтерном сотрудничества Гоминьдана с китайскими коммунистами, значение которого в реорганизации Гоминьдана и в успешном осуществлении Северного похода очевидно. Следует подчеркнуть, что оно изначально не было равноправным сотрудничеством двух партий и не предусматривало равнозначного участия коммунистов во властных структурах. В связи с этим отметим, что намерение Коминтерна и в значительной степени КПК превратить сотрудничество в инструмент реальной власти, закрепить его организационно, противоречило замыслам Сунь Ятсена и программе Гоминьдана. После смерти Сунь Ятсена в марте 1925 г. позиция Гоминьдана по этому вопросу еще более ужесточилась, более того, достигла уровня «кровавой развязки», которой, возможно, удалось бы избежать самому Сунь Ятсену. Волею обстоятельств на месте Сунь Ятсена не оказалось равнозначной фигуры, способной адаптировать политическую программу Гоминьдана к условиям военного времени и придать новый импульс сотрудничеству с СССР и КПК.

Отметим, что эффективность политики Москвы и Коминтерна в Китае в «военный период строительства государства» Сунь Ятсена измерялась в первую очередь успехом гоминьдановской армии в Северном походе, политическая и военная подготовка которого осуществлялась с помощью СССР и китайских коммунистов. Это заключение находит полное подтверждение в материалах российских архивов.

Трагический разрыв «единого фронта» КПК и Гоминьдана в июле 1927 г. резко ухудшил отношения между центральными (гоминьдановскими) властями и Советским Союзом. Антисоветская истерия, захватившая Китай с 1927 г., привела к ликвидации в 1929 г. дипломатических отношений КР и СССР. Восстановление дипотношений имело место в 1932 г., однако прошло немало времени до возобновления относительно дружеских связей между государствами, к сохранению и развитию которых призывал Сунь Ятсен, в том числе, в своем Воззвании Гоминьдану перед своей смертью в марте 1925 г. Между тем заветы Сунь Ятсена Гоминьдану о необходимости сотрудничества и дружбы с СССР оставались живы в среде прогрессивной китайской интеллигенции и отдельных представителей левого крыла Гоминьдана. После начала агрессии Японии в Китае в 1931 г. и перехода Японии в 1937 г. к широкомасштабным военным действиям против КР имело место развитие патриотического антияпонского движения в Китае и рост национального самосознания, способствовавшие оживлению демократического движения в стране и развитию тенденции сближения КР с СССР. Начало японо-китайской войны сопровождалось подписанием между сторонами в августе 1937 г. Договора о ненападении, что вывело страну из состояния экономической и политической блокады. Предусмотренные договором финансовая помощь СССР, поддержка вооружением и военными советниками, а также героические действия летчиков-добровольцев разрушили планы агрессора о молниеносной войне и быстрой победе, усилили позиции Китая на международной арене, подтвердили завет Сунь Ятсена о необходимости укрепления сотрудничества и дружеских связей с СССР. Прекращение гражданской войны и карательных походов Гоминьдана против коммунистов, тесно связанное с условиями СССР при заключении Договора между сторонами, было также одним из важных факторов усиления боеспособности НОА и препятствием капитуляции Китая перед японским захватчиком.

Концепции и планы Сунь Ятсена, в некоторой степени продолженные руководством КР в 30-е — 40-е годы XX века в рамках программы реформ (в государственном строительстве и управлении, в экономике, здравоохранении, в аграрной политике, то есть, в сфере внутривнутриполитического, экономического и культурного строительства), особенно в «нанкинское десятилетие» (1927–1937 гг.), в области внешней политики четко проявились в Договоре 1945 г. (подписан 14 августа 1945 г.). Договор укреплял конструктивный характер отношений между СССР и КР. Он содержал обязательства сторон вести войну против Японии до полной победы, уважать суверенитет и территориальную целостность друг друга. На следующий день после начала второго раунда переговоров 9 августа советские войска перешли в наступление на японские позиции в Маньчжурии. Вступление СССР в японо-китайскую войну на стороне КР, по сути, гарантировало поражение Японии в войне с Китаем, а в целом победу антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне³⁷.

Нельзя не сказать о том, что важная роль в разъяснении и пропаганде учения Сунь Ятсена, его точки зрения на значение для Китая развития китайско-российских отношений принадлежала его соратнице и супруге госпоже Сун Цинлин. После смерти Сунь Ятсена она активно занималась общественной и политической работой, входила в руководящие органы Гоминьдана, тяготела к его левому крылу. Действуя уже в изменившихся политических и экономических условиях, она в своей пропаганде и практике акцентировала демократические тенденции учения и практики Сунь Ятсена, сотрудничала с демократическими общественными организациями, прежде всего Демократической Лигой, во имя создания фронта сопротивления населения японской агрессии³⁸.

Советская сторона выражала большой интерес к мнению Сун Цинлин по вопросам внутренней и внешней политики КР, обсуждала проблемы подготовки и заключения Договора о дружбе и союзе между Советским Союзом и Китайской Республикой (август 1945 г.), который, по словам Сун Цинлин, левое крыло Гоминьдана встретило с большим воодушевлением³⁹. Советский Союз продолжал занимать особое место в мировоззрении и политической практике Сун Цинлин.

Накануне образования КНР она активно участвовала в подготовке создания Общества китайско-советской дружбы (возглавила его в 1954 г.), являясь председателем Подготовительного комитета по созданию Общества. Выступая 5 ноября 1949 г. на учредительном собрании Всекитайского общества китайско-российской дружбы, она коротко и четко определила заслуги СССР в образовании Китайской Народной Республики. Как утверждала Сун Цинлин, «Советский Союз был первой страной, аннулировавшей все неравноправные договоры с Китаем, оказал помощь Китаю в период великой революции 1924–27 гг.» И далее: «Мы вспоминаем, как помог нам Советский Союз при отражении японской агрессии, особенно когда послал войска в Маньчжурию в 1945 году...»⁴⁰. Сун Цинлин принадлежат слова: «На протяжении последних 30 лет нашей упорной борьбы против врагов внутри страны и за границей Советский Союз был нашим единственным последовательным и лояльным другом, сейчас этот самый надежный друг китайского народа первым признал наше новое Центральное народное правительство»⁴¹.

Исторический опыт развития китайско-российских отношений предлагает для осмысления немало материалов, отражающих стиль и особенности межличностных, межпартийных и межгосударственных связей. Развитие отношений на современном этапе подтверждает возможность развития того типа отношений, к реализации которого стремился в начале XX века великий мыслитель, политический и общественный деятель — Сунь Ятсен.

1. В политической истории Китая начала XX века партия Сунь Ятсена выступала носителем прогрессивных тенденций в переходе от традиционного общества к современному. В своей истории она пережила ряд кризисных ситуаций и прошла через серию реорганизаций. Образованная в 1894 г. под названием Союз возрождения Китая (Синчжунхуэй), в 1905 г. она была реорганизована в общекитайскую партию Объединенный союз (Тунмэнхуэй). Партия Сунь Ятсена возглавила работу по подготовке и проведению Синьхайской революции 1911 г., предпринявшей попытку слома традиционной структуры старого Китая. Свержение маньчжурской династии и построение фасада республиканского строя в 1911–1912 гг. положило лишь самое начало процессам перестройки в социально-экономической и политической областях. В русле взятого курса на развертывание парламентских форм борьбы в августе 1912 г. Объединенный союз был реорганизован в Гоминьдан (Национальная партия). В ноябре 1913 г. президент Юань Шикай, со ссылкой на «пожелания провинциальных властей», издал указ о роспуске Гоминьдана. В июле 1914 г. Гоминьдан был реорганизован Сунь Ятсеном в Китайскую революционную партию (Чжунхуа Гэминдан). Ее основной задачей объявлялась борьба против диктатуры милитаристской клики Юань Шикая, за восстановление демократических учреждений и конституции 1912 г. Исчерпав возможности борьбы «в защиту конституции», Сунь Ятсен в октябре 1919 г. пришел к выводу о необходимости осуществления новой революции в Китае, направленной на создание политической системы, отличной как от западных демократий, так и от государства диктатуры пролетариата. Преобразование Чжунхуа Гэминдан в Чжунго Гоминьдан стало исходным пунктом нового партийного строительства и началом процесса реорганизации партии, осуществлявшейся с помощью СССР, международного и внутреннего коммунистических движений.
2. Подробно см.: *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. М., 1999; *Картунова А.И.* Политика Москвы в национально-революционном движении Китая: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.) М., 2000; *Сотникова И.Н.* Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика 1919–1943 гг. М., 2015; *Го Хэньюй.* Эгун мидан юй чжунго гэмин ши яньцзю: [Секретные архивы ВКП(б) и изучение истории китайской революции]. Харбин, 1998; *Ли Юйчжэнь.* Сунь Чжуншань юй гуичань гоцзи: [Сунь Ятсен и Коминтерн]. Тайбэй, 1996.
3. *Сунь Ятсен.* Из письма В.И. Ленину (8 декабря 1922 г.) // Сунь Ятсен. 1866–1986: К 120-летию со дня рождения. Сб. ст., воспоминаний, документов и материалов. М., 1987. С. 286.
4. *Сунь Ятсен.* Письмо Л.М. Карахану (17 сентября 1923 г.) // Там же. С. 288.
5. Воззвание Гоминьдана по поводу китайско-русского соглашения (июль 1924 г.) // Там же. С. 308–309. Речь идет о принятом после длительной подготовки обеими сторонами (СССР и КР) Соглашении об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой от 31 мая 1924 г.
6. Там же. С. 307.
7. Там же. С. 303.
8. Российский Государственный Архив социально-политической истории. Ф. 514. Оп. 1. Д. 98. Л. 111–117; Ф. 514. Оп. 1. Д. 94. Л. 317–323; ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. Док. № 121. С. 462.
9. Воззвание Гоминьдана по поводу китайско-русского соглашения... С. 309.
10. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика // *Тихвинский С.Л.* Избр. произв. Кн. 2: История Китая первой четверти XX века. М., 2006. С. 11.
11. *Ленин В.И.* Демократия и народничество в Китае // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 402.
12. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 11–14, 34–35.
13. *Тихвинский С.Л.* Сунь Ятсен — китайский революционер-демократ // Сунь Ятсен. Избр. произв. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1985. С. 28.
14. Советско-китайские отношения: 1917–1957. Сб. док. М., 1959. С. 65.
15. Там же.
16. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. Док. № 51. С. 153.
17. Там же. Док. № 64. С. 206.
18. Там же. Док. № 51. С. 152–154.
19. *Мировицкая Р.А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30-е годы). М., 1990. С. 29.
20. *Мамаева Н.Л.* Указ. соч. С. 45; ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. Док. № 60. С. 193–194, 196; Док. № 61. С. 200.

21. *Saich Tony*. The Origins of the First United Front in China. The Role of Sneevliet (alias Maring). Leiden. 1991. V. 1. P. 345–346.
22. ВКП(б). Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. Док. № 111. С. 396–397, 434–441. См. также: Чжунго Гоминьдан ди и. эр цы шоаньго дайбяо дахуэй хуэйи шиляо: [Материалы по истории I и II съездов Гоминьдана]. Нанкин, 1986. Т. 1. С. 12–16.
23. См.: Чжунго Гоминьдан ди и. эр цы шоаньго дайбяо дахуэй хуэйи шиляо; Чжунхуа миньго ши даньань изыляо хуэйбянь. Цун Гуанчжоу цзюнь чжэнфу чжи Ухань гоминь чжэнфу. 1917–1927: [Сборник архивных материалов по истории Китайской Республики. От Гуанчжоуского военного правительства до Уханьского правительства. 1917–1927]. Нанкин, 1986.
24. Подробно см.: *Мамаева Н.Л.* Указ. соч. С. 87–89.
25. *Сунь Ятсен*. Избр. произв. С. 490, 492–493, 655.
26. Чжунго гоминьдан ди и... С. 4–79, 99–101, 228–230.
27. Подробно см.: *Мамаева Н.Л.* Указ. соч. С. 85–107.
28. Чжунго Гоминьдан ди и... С. 12, 21–22; Коммунистический Интернационал и китайская революция: Документы и материалы. М., 1986. Док. № 13. С. 44; ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... Док. № 111. С. 380–382, 390, 420, 430–431.
29. Там же. Док. № 86. С. 266; № 103. С. 355–356; Док. № 110. С. 378.
30. *Сунь Ятсен*. Избр. произв. С. 366; Чжунго Гоминьдан ди и... С. 103–104.
31. ВКП(б). Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... Док. № 92. С. 279–280.
32. Там же. Док. № 92. С. 280.
33. Там же. С. 307.
34. Там же. С. 281; Док. № 83. С. 257–258.
35. Подробно см.: *Мамаева Н.Л.* Указ. соч.
36. Коммунистический Интернационал и китайская революция. Док. № 9. С. 30; Док. № 13. С. 43.
37. Китайская Республика (1912–1949). Т. 7. М., 2013. С. 406–409 // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. М., 2013.
38. *Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости: 1898–1949. М., 1996. С. 342–376.
39. См. подробнее: Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV. Кн. 2 (1946 — февраль 1950). Док. № 683, 733.
40. Русско-китайские отношения в XX веке. Т. V. Кн. 2. С. 443.
41. Там же.

Японские военнопленные в лагере № 48 НКВД

© 2017

Е.В. Ширяева

Статья посвящена пребыванию военнослужащих Квантунской армии в советском плену. На основе свидетельств очевидцев представлена повседневная жизнь японских военнопленных в лагере № 48, описывается лагерьный комплекс, его история и современный вид. Рассказывается о судьбе некоторых японских военнопленных, а также последующей репатриации на родину.

Ключевые слова: Квантунская армия, отряд № 731, Ямада Отодзо, японские военнопленные, лагерь № 48, репатриация.

Практически все командующие Квантунской армией, которым удалось дожить до дня капитуляции Японии, были арестованы и осуждены или советскими, или американскими оккупационными властями. Подобная участь ждала и менее высокопоставленных офицеров Квантунской армии, попавших в плен. Все они прошли через лагерь военнопленных, значительная часть так и не вернулась в Японию. Пожалуй, удачнее судьба сложилась у тех военнослужащих Квантунской армии, которые были осуждены Хабаровским трибуналом.

С 25 по 30 декабря 1949 г. в Хабаровске был организован судебный процесс по делу 12 военнослужащих (рис. 1, табл. 1), обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия в период Второй мировой войны¹.

На открытом судебном процессе было доказано, что командование японской Квантунской армии в соответствии с указаниями военного министерства и генерального штаба Японии возглавляло подготовку и ведение бактериологической войны. Это было доказано не только признаниями всех подсудимых, но и многочисленными свидетельскими показаниями, а также заключением экспертов. Как было доказано на процессе, бактериологическое оружие рассматривалось японскими военными как эффективное боевое средство, призванное обеспечить победу на поле боя. В строго засекреченных формированиях — отрядах № 731 и 100, находящихся под особым контролем военного министерства Японии, шла усиленная подготовка средств истребления миллионов людей. Подсудимые рассказывали на процессе, как выращивались штаммы бактерий чумы, холеры, тифа, сибирской язвы и других опасных инфекционных заболеваний, разрабатывались особые виды вооружения, готовились кадры для ведения бактериологической войны, а также совершались опыты на живых людях². Из 2 600 сотрудников этих отрядов в Хабаровске было осуждено всего 12 человек. Хабаровский процесс был организован по приказу И.В. Сталина в ответ на результаты Токийского процесса, которыми не были признаны СССР. Все осужденные были приговорены к различным срокам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Ширяева Елена Владимировна, библиотекарь Воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И.С. Никитина. E-mail: schiryayeva.elena2016@yandex.ru.

Рис. 1. На Хабаровском судебном процессе

Источник: Рагинский М. Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов. М.: Юридическая литература, 1985. С. 171.

Таблица 1

Японские военнослужащие, подсудимые на Хабаровском судебном процессе

№	Фамилия Имя	Должность
1	Ямада Отодзо	Генерал армии, командующий Квантунской армией
2	Кадзицука Рюдзи	Генерал-лейтенант, начальник санитарного управления Квантунской армии
3	Такахаси Такаацу	Генерал-лейтенант ветеринарной службы Квантунской армии
4	Кавасима Киоси	Генерал-майор медицинской службы Квантунской армии
5	Карасава Томио	Майор медицинской службы, начальник отделения отряда № 731
6	Ниси Тосихидэ	Подполковник, начальник медицинской службы отдела отряда № 731
7	Оноуэ Масао	Майор медицинской службы, начальник филиала отряда № 731
8	Сато Сюдзи	Генерал-майор медицинской службы, начальник санитарной службы 5-й армии
9	Хирадзакура Дзэнсаку	Поручик, научный работник отряда № 100
10	Мимото Кадзо	Старший унтер-офицер, сотрудник отряда № 100
11	Кикүти Норимицу	Ефрейтор, санитар-практикант отряда № 731
12	Курүсима Юдзи	Санитар-лаборант отряда № 731

Источник: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 3.

Таблица 2

Послужной список Ямада Отодзо

Дата	Должность, звание
Ноябрь 1902 г.	Окончил Военную академию и получил звание младшего лейтенанта
Июнь 1903 г.	Проходил службу в 3-м кавалерийском полку, получил звание лейтенанта
Февраль 1905 г.	Назначен на должность инструктора военного колледжа сухопутных войск.
Сентябрь 1912 г.	Получил звание капитана
Ноябрь 1912 г.	Окончил элитную Высшую военную академию
Июнь 1918 г.	Получил звание майора
1925 г.	Получил звание полковника, был назначен командиром 26-го кавалерийского полка
1926 г.	Начальник штаба армии японских войск в Корее
Июль 1927 г. — 1930 г.	Служил в управлении связи 3-го бюро Генерального штаба
Август 1930 г. — 1931 г.	Произведен в генерал-майоры и назначен начальником учебного отдела кавалерийского училища
1932–1933 гг.	Возвращен в войска и до 1933 г. командовал 4-й кавалерийской бригадой
1934 г.	Начальник военной школы связи
1935 г.	Начальник 3-го бюро Генерального штаба
Декабрь 1935 г. — март 1937 г.	Начальник военного офицерского училища. Получил звание генерал-лейтенанта
Март 1937 г. — декабрь 1937 г.	Принял командование 12-й пехотной дивизией в Маньчжурии
Январь 1938 г. — декабрь 1938 г.	Назначен командующим 3-й армией в Маньчжурии.
Декабрь 1938 г. — октябрь 1939 г.	Назначен командующим центральной экспедиционной армией в Китае
Октябрь 1939 г. — июль 1944 г.	Получил звание генерала армии и назначен главным инспектором боевой подготовки японской армии
С августа 1941 г.	Командующий обороной Японии
18 июля 1944 г. — август 1945 г.	Командующий Квантунской армией

Источник: Материалы судебного процесса по делу бывших военнопленных японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 3.

Неоднородность состава объясняется тем, что личный состав отряда № 731 почти полностью был эвакуирован в Японию, в советский плен попали лишь несколько японских военных, среди которых был и последний главнокомандующий Квантунской армией Ямада Отодзо³, назначенный 18 июля 1944 г. в возрасте 63 лет. Биографических сведений о бывшем главнокомандующем, доступных автору, крайне мало. Достоверным следует считать речь адвоката Н.П. Белова, защищавшего подсудимого Ямада на Хабаровском процессе, опубликованную в «Материалах судебного процесса по делу бывших военнопленных японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия» из которой известно, что Ямада Отодзо родился в префектуре Нагано 6 ноября 1881 г. Адвокат отметил, что Ямада происходил из сословия самураев, с давних времен находившихся на военной службе. С 1887 по 1898 г. он воспитывался и обучался

в общеобразовательной и средней школе. В 1898 г. Ямада поступил в кадетский корпус, затем перешел в офицерскую школу, по окончании которой в 1903 г. был произведен в подпоручики и служил в кавалерийском полку. Ямада посвятил всю свою жизнь военному делу, послужной список бывшего главнокомандующего весьма внушительный (табл. 2).

Как видно из табл. 2, уже в 21 год Ямада получил звание младшего лейтенанта, и к началу Второй мировой войны находился в звании генерал-майора. Не случайно, А. М. Василевский в своих воспоминаниях охарактеризовал Ямада как «опытного генерала армии»⁴. Также из воспоминаний И. Т. Артеменко, на группу которого была возложена ответственная миссия вручения ультиматума о безоговорочной капитуляции командующему Квантунской армией, мы узнаем, что Ямада был высокообразованным, достаточно опытным государственным деятелем⁵, близким к императорскому двору. Ямада Отодзо сдался в плен 18 августа 1945 г. (как и другие японские части на многих участках фронта)⁶.

Все осужденные Хабаровским трибуналом были приговорены к различным срокам заключения в исправительно-трудовом лагере № 48 в селе Чернцы Ивановской области.

Лагерь был размещен на территории бывшей усадьбы Воротынских. После революции помещичью усадьбу переоборудовали под санаторий для железнодорожников — «Санаторий имени Войкова». В 1943 г. его арендовал НКВД, и лагерь стал именоваться «Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД СССР». С 1943 г. в нем содержалось более 400 офицеров высшего командного состава немецкой и японской армий, это был первый «генеральский» лагерь на территории СССР. Как написала В. Валькова в местной сельской газете: «Японцев привезли в Чернцы в сопровождении большой охраны в марте 1950 года»⁷. Именно зимой 1950 г. в лагерь № 48 прибыл бывший командующий Квантунской армией Ямада Отодзо в числе других представителей генералитета, а также старших офицеров отряда № 731.

Площадь лагеря была весьма обширна. 26 июля 1946 г. начальник лагеря подполковник В. С. Худяков написал: «Занимаемый лагерь жилой фонд состоит из двух зон: № 1 и № 2. Зона № 1 имеет два 2-х этажных корпуса, из них первый каменный, второй каменно-деревянный, в которых размещены военнопленные генералы. Корпус № 1 и № 2 первой зоны, имеют комнатную систему с одноярусными койками. Первый корпус вмещает 110 человек, второй 100. Зона № 2 имеет один деревянный бревенчатый барак и один деревянный дом, вместительностью на 190 человек, оборудованные нарами вагонного типа. Амбулатория лазарета оборудована на 12 коек, кухня и столовая на 500 обедов и на 150 посадочных мест. Баня — прачечная — дезокамера вмещает 50 человек и 200 кг белья в сутки. Также, лагерь имеет собственную пекарню, производительностью 1 тонна хлеба в сутки; овощехранильницу на 120 тонн, два дома для личного состава, один подсклад и один вещевого склад. Отопление помещений печное, освещение электрическое. Имеется собственная станция на 20 квт. Водоснабжение — водопровод, дебет воды достаточный»⁸ (рис. 3).

Статус плененных генералов и старших офицеров определялся в соответствии с постановлением СНК СССР 1 июля 1941 г. № 1798–800с «Об утверждении положения о военнопленных», которое гарантировало соответствующее их статусу обращение, медицинскую помощь, возможность переписки и получения посылок⁹. Согласно этому постановлению, приказом МВД СССР № 00939 от 22 октября 1946 г. «О введении в действие инструкции о порядке переписки военнопленных японцев с их семьями, проживающими в Японии, Маньчжурии и Корее», японским военнопленным было разрешено вести переписку. С целью контроля было предписано организовать в составе оперативного отдела УМВД отделение военной цензуры для проверки входящей и исходящей почтовой корреспонденции военнопленных. Каждому японскому военнопленному разрешалось отправлять одно письмо в 3 месяца¹⁰.

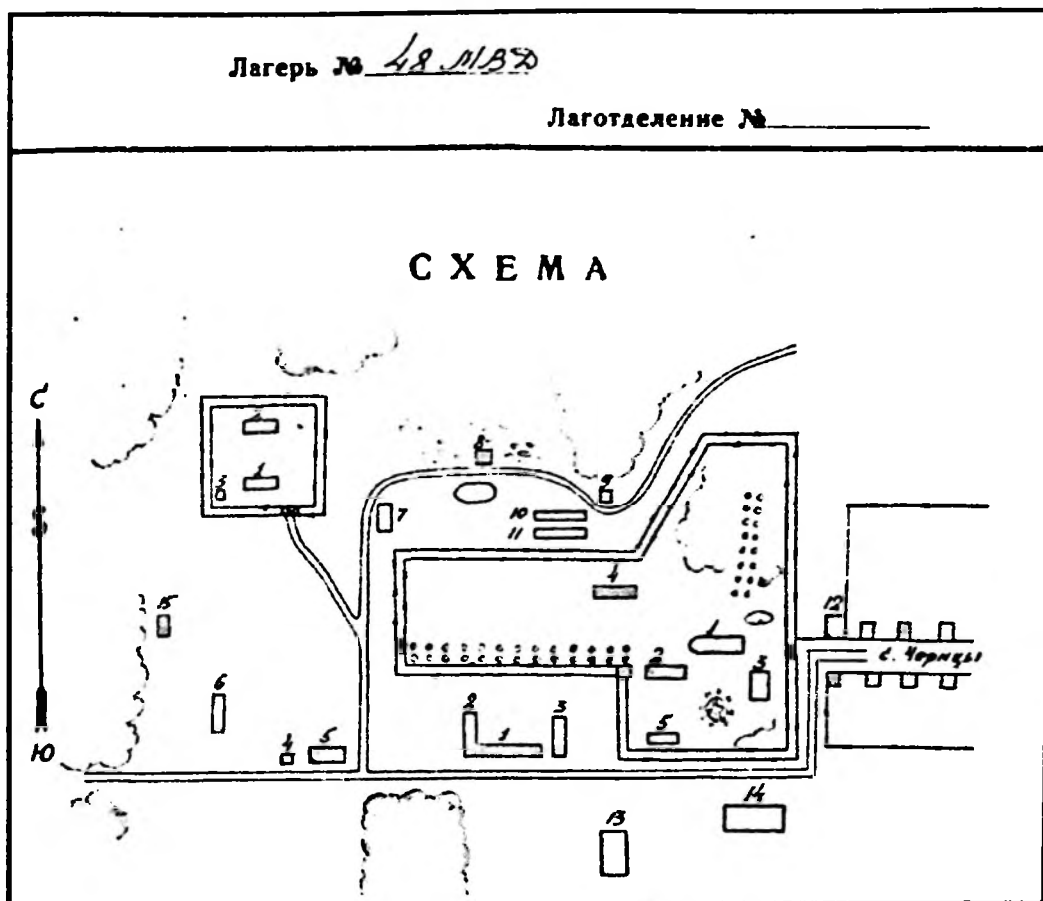

Рис. 2. Схема лагеря № 48

Источник: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1/п. Оп. 15а. Д. 97. Л. 7.

Согласно лагерным инструкциям был определен распорядок дня: подъем, физзарядка — 07:00–08:00, 08:00–09:00 — завтрак, 13:00–14:00 — обед, массовые мероприятия — после завтрака или обеда. Когда их не было, генералы распоряжались временем по своему усмотрению. Ужин в 19:00–20:00, с 20:00 до 22:00 — политпросветработа, отход ко сну в 22:00–22:30. Находиться в своей комнате нужно было после 22:00¹¹.

Японские военнопленные проживали в комнатах по 2–3 человека, при желании могли гулять в садике, примыкающем к корпусу. Свобода передвижения не была ограничена. В ночное время по коридору, в который выходили имеющие глазок двери всех комнат, ходил конвоир. Японцы участвовали во внутренних хозяйственных работах, увлекались садоводством и огородничеством. Им была предоставлена возможность отправления религиозных обрядов и самостоятельной организации досуга.

Нормы суточного довольствия для японских военнопленных были дифференцированы согласно приказу № 001117/0013 «С объявлением норм продовольственного снабжения для военнопленных японской армии» от 28 сентября 1945 г.¹² (табл. 3).

Судя по табл. 3, можно предположить, что увеличение в дневном рационе офицеров и генералов мяса при пропорциональном сокращении рыбы в сравнении с рационом рядовых, японских офицеров и генералов не радовало, поскольку в их традиционной кухне большая роль отводится морепродуктам. Конечно же, японские военнопленные

предпочитали свою национальную кухню. В интервью Т.В. Мотова рассказывала: «Как медсестра я была обязана снимать пробу со всех блюд. Особенно мне нравилась треска, паннированная в сухарях, а не нравился салат из ромашки, который заменял привычный для японцев салат из хризантем»¹³.

Таблица 3

Норма суточного довольствия для военнопленных генералов, офицерского и рядового состава японской армии (на 1 человека в день в граммах)

№	Наименование продуктов	Количество		
		Генералы	Офицеры	Рядовые
1	Хлеб из муки 96% помола	300	300	300
2	Рис (полуочищенный)	300	300	300
3	Крупа или мука (из зерна пшеницы, овса, ячменя и бобовых)	100	100	100
4	Мисо (приправа к кушаньям из бобов)	50	50	30
5	Мясо	120	75	50
6	Рыба	50	80	100
7	Масло сливочное	30	-	-
8	Жиры животные	10	20	-
9	Жиры растительные	5	5	10
10	Сыр	20	-	-
11	Сахар	40	30	15
12	Сухофрукты	10	10	-
13	Чай	3	3	3
14	Соль	20	20	15
15	Овощи свежие или соленые	600	600	600
16	Папиросы	20 шт.	15 шт.	-
17	Спички (на месяц)	3 коробки	3 коробки	-
18	Мыло хозяйственное (в месяц)	300	300	300

Источник: Военнопленные в СССР (1939–1956 гг.): Документы и материалы / сост. М.М. Загоруйко, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загоруйко. М.: Логос, 2000. С. 340–343.

Как вспоминает Г.П. Головин, бывший солдат службы внешней охраны лагеря, японские военнопленные в первое время пребывания в лагере своим поведением несколько отличались от немцев. Несмотря на вечно присутствовавшую на лице улыбку, корректное поведение, поклоны при приветствии, японцы с большим трудом контактировали с персоналом лагеря. Позже трудолюбивые, организованные, не теряющие оптимизма японцы, многие из которых неплохо освоили русский язык, заслужили доброжелательное отношение персонала и лагерной администрации. Отношения же их с немцами в течение всех 1950-х годов оставались прохладными, генералы вермахта проявляли к своим бывшим союзникам высокомерие, не считая их равными себе¹⁴.

Количество содержащихся в лагере японцев менялось в течение 1950-х годов. Кого-то досрочно репатриировали, несколько человек умерли. В документальном фильме Е. Масюк «Конвейер смерти» есть материал о Томио Карасава, который накануне освобождения и отъезда из г. Иваново повесился в лагерной бане на палках, где сушили белье. Он был майором медицинской службы и начальником отделения отряда № 731. Его вдова Тоёко Карасава предположила следующее: «Мой муж чувствовал ответственность за содеянное, вот и накинул себе веревку на шею»¹⁵.

В середине 1950-х годов лагерь № 48 неоднократно посещали различные японские делегации. По докладом министра внутренних дел С.Н. Круглова и его заместителя С.Н. Перевёрткина можно определить состав японских делегаций¹⁶. 1 июня 1955 г. лагерь посетили члены делегации японских ученых — профессора Намбара, Муто и корреспондент Киёкава. После общей беседы профессор Намбара передал осужденным подарки — сладости и японский чай. Кроме того, он передал осужденным для ознакомления свой печатный труд. Затем члены делегации осмотрели жилые и коммунально-бытовые помещения, а также территорию лагеря, высказав при этом свое удовлетворение чистотой и порядком. Все разговоры сводились, главным образом, к вопросу о возвращении их на родину. Пробыв более двух часов в лагере, члены делегации отбыли в Москву. Перед отъездом Намбара, Муто и Киёкава поблагодарили администрацию лагеря за проявленные к ним внимание и заботу¹⁷.

Весной 1956 г. в лагерь привезли лейтенанта Фумитака Коноэ, старшего сына бывшего премьер-министра Японии, родственника императорской фамилии. В конце октября он поступил в санчасть с жалобами на сильные головные боли, слабость, отсутствие аппетита и расстройство сна. Этому пациента медсанчасти лагеря спасти не удалось. В докладе С.Н. Перевёрткина от 30 октября 1956 г. сказано: «29 октября в 5 часов утра умер Коноэ Фумитака. Смерть Коноэ Фумитака наступила от кровоизлияния в левое полушарие головного мозга»¹⁸.

Особое внимание Фумитака Коноэ уделяют авторы монографии «Палачи и жертвы» В.А. Бобренёв и В.Б. Рязанцев. В отдельной главе «Японцы на этапах ГУЛАГа» они сообщают о том, что высокопоставленный пленник был похоронен на местном кладбище¹⁹. В 1957 г. его вдова после длительной переписки и получения соответствующего разрешения доставила тело мужа в Москву в цинковом гробу, там кремировала, а урну увезла с собой на родину²⁰.

Другой высокопоставленный узник — командующий Квантунской армией генерал Ямада — был досрочно освобожден от уголовного наказания и, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 25 февраля 1956 г., подлежал репатриации²¹.

В период с 17 по 27 мая 1956 г. генерал возвращался из Черницкого лагеря на родину. В дневниковых записях, которые он вел во время путешествия по СССР, бывший военнопленный с грустью вспоминал своих друзей, с которыми не успел проститься, отмечал сердечность и внимательность сопровождавших его сотрудников лагеря, и в традиционных японских четверостишиях — хокку описывал безграничные просторы России и состояние своей души:

«Воды широкой Волги как бы указывают на вечность Вселенной. Популярная Волга ныне не оглашается песнями бурлаков.

Вдалеке, видимо, в колхозной деревне, виднеется колокольня церкви. Солнце село за краем полей и виднеется только тёмный силуэт высокой колокольни»²².

В своих письмах, написанных на русском языке из Японии сотрудникам НКВД и медицинскому персоналу лагеря, он выражал благодарность «за сердечную заботу и помощь», «за любезный, равносильный родственному уход» во время болезни, «за проявленное внимание вплоть до мелочей»²³. Сохранилась также переписка Ямада к его друзьям, еще остававшимся в заключении в лагере № 48. Эти уникальные документы были представлены общественности в Центральной универсальной научной библиотеке г. Иваново 9 августа 2012 г. (рис. 3).

Репатриация остававшихся на территории Советского Союза японских военных преступников состоялась после подписания 19 октября 1956 г. Совместной декларации о прекращении состояния войны²⁴. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1956 г. «Об амнистии японских граждан, осужденных в Советском Союзе», осуществлялась репатриация японских военнопленных в лагере № 48²⁵.

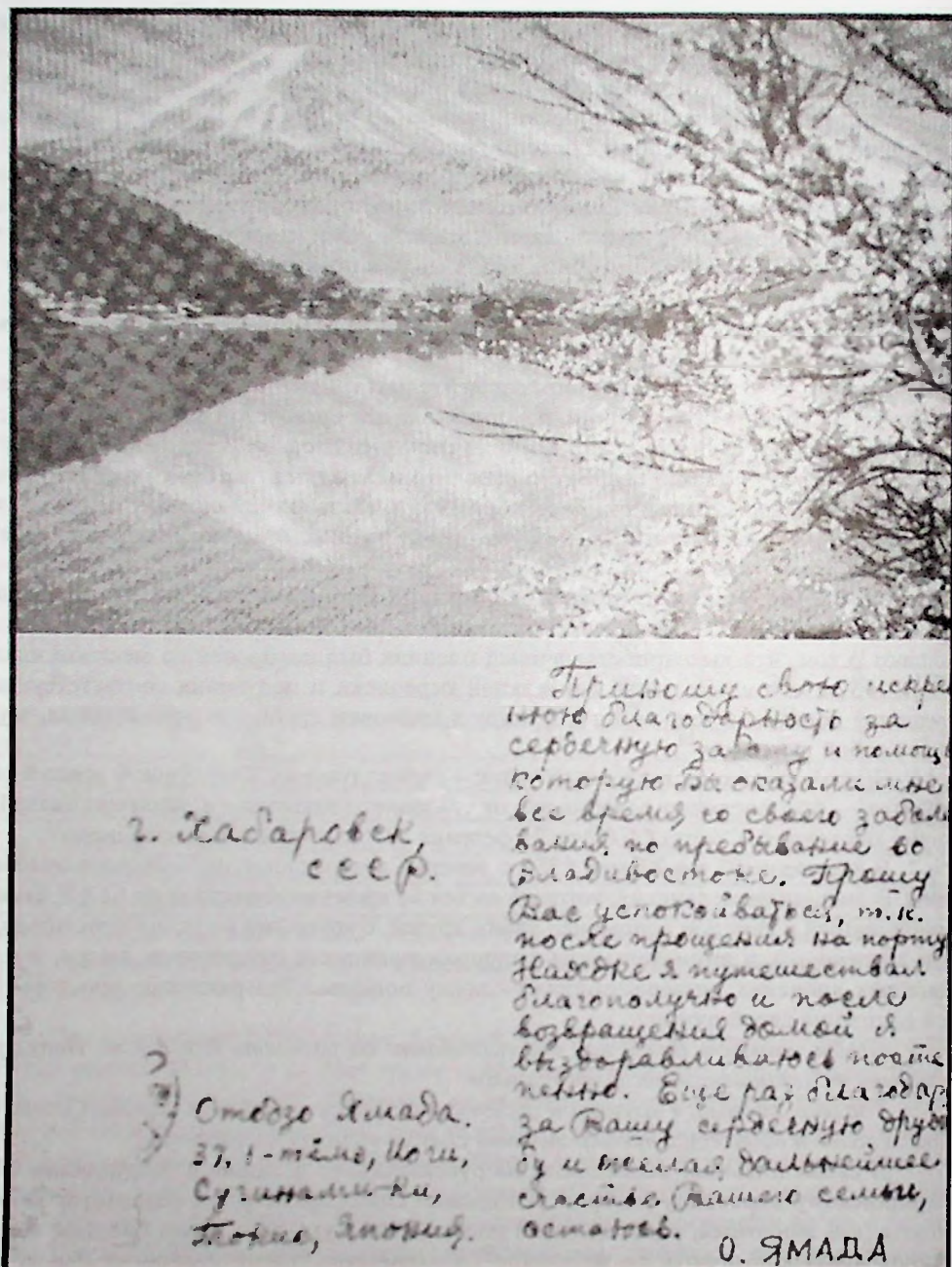

Рис. 3. Открытка Ямада Оттодзо сотрудникам лагеря

Источник: Ямада Оттодзо. Архивные материалы личной переписки бывшего Главкомандующего Квантунской армией Полного генерала Ямада Оттозоо (Оттодзо), отбывавшего наказание в исправительно-трудовом лагере для военнопленных № 48 в селе Черницы Лежневского района Ивановской области [Изоматериал, Рукопись]: пер. с яп. Репрод. воспроизведение с ориг. Иваново, 2012. 6 отд. л с. Текст парал.: яп., рус. (Копии архивных материалов переданы Управлением Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации по Ивановской области 15 июля 2012 г.)

В середине декабря 1956 г. из Иваново пассажирским поездом в Москву были доставлены подданные Японии. Перед отправкой из лагеря все они были обеспечены продуктами, генералы — полным комплектом гражданского платья, а остальные одеты по сезону. Сохранились воспоминания Г.П. Головина, напечатанные в ивановской областной газете в 1996 г., где бывший охранник лагеря, рассказывал: «В 1956 году пленных отправили домой. Был митинг, выступал начальник управления внутренних дел (УВД) Ивановской области — генерал Портнов. Перед отправкой всем выдали четырёхдневный сухой паёк. В него входили: колбаса копченая, масло, сыр, сигареты, 3,5 кг белого хлеба, 0,5 кг шоколадных конфет, печенье, мясной паштет, консервы, икра кабачковая. Также снарядили их и одеждой. Каждому выдали по костюму с галстуком, пальто, хромовые офицерские ботинки, фетровой шляпе и две пары шелкового и трикотажного белья»²⁶. Запомнил все Геннадий Петрович потому, что сам выдавал эти вещи со склада.

Также вернули все изъятые и описанные при аресте личные вещи. По просьбе репатриантов для них была организована экскурсия по Москве. А в Хабаровске в Доме офицеров, где 7 лет назад проходил судебный процесс над этими же людьми как военными преступниками, местные власти устроили прощальный банкет с концертом и угощениями. Об этом вспоминает бывший военный переводчик А. Протасов, который на протяжении всего судебного процесса переводил вопросы следователей к японским обвиняемым²⁷.

Передача военнопленных представителям японских властей была произведена 23 декабря 1956 г. в порту г. Находка.

За время пребывания в Черных скончались 5 японских военнопленных: Фумитака Коноэ, Юдзиро Ногучи, Масатаки Сиина, Томно Карасава и Такаацу Такахаси. Родственники некоторых из них приезжали в Черны в 1987 г. «О приезде делегации нам сообщили за 3 дня, — вспоминает бывший председатель сельской администрации Юнона Гушенко, — мы приготовили для них носки, резиновые сапоги и купили саженцы. На сельском кладбище, на участке, где были похоронены японские и немецкие военнопленные, приехавшие родственники устроили целый ритуал: покрыли могилы национальным флагом, долго говорили, молчали, даже пели. С собой они привезли желтые тюльпаны. Каждый брал цветок и возлагал на могилы. Японцев тогда очень поразило, что место захоронения находится в порядке»²⁸.

Сейчас на сельском кладбище территория с захоронениями немецких военнопленных благоустроена, а места, где похоронены японские военнопленные, можно опознать лишь по пустотам между плитами немецких военнопленных²⁹.

Касаясь условий заключения бывших военнослужащих Квантунской армии в лагере № 48, следует отметить, что содержание военнопленных было организовано на высоком уровне. Прошедшие «генеральский» лагерь японцы (с которыми ежедневно проводилась двухчасовая «политпросветработа», занятия русским языком, кому был предоставлен доступ к музыке, бильярду, библиотеке, парковым прогулкам и т.д.) рассматривались, очевидно, как хороший потенциал в плане советской внешней политики в условиях послевоенного мира.

1. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 3.
2. Рагинский М. Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М.: Юридическая литература, 1985. С. 165–166.
3. Материалы судебного процесса... С. 5.
4. Артеменко И.Т. Маршал возвращения не гарантировал. Харьков: Регион-Информ, 1998. С. 242.

5. Там же. С. 210.
6. *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Кн. 2. 7-е изд. М.: Политиздат, 1990. С. 266.
7. *Валькова В.* И японским генералам в Чернцах хватило места // Сельская газета. 2010. № 30.
8. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 97. Л. 7.
9. Военнопленные в СССР (1939–1956 гг.): Документы и материалы / сост. М.М. Загоруйко, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загоруйко. М.: Логос, 2000. С. 65–68.
10. Там же. С. 307–309.
11. Там же. С. 466.
12. Там же. С. 377–380.
13. *Мотова Т.В.* Воспоминания о работе в лагере // личный архив С. Г. Смирнова.
14. *Точенов С. В.* Лагерь № 48 // Отечественная история. 2001. № 4. С. 122.
15. «Конвейер смерти» (Документальный фильм, реж. Елена Масюк, 2004). URL: <http://www.youtube.com/watch?v=fJ4CtDziuVk&feature=youtu.be>
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 464. Л. 512–514.
17. Там же. Д. 482. Л. 20.
18. Там же.
19. *Бобринёв В.А. Рязанцев В.Б.* Палачи и жертвы. М.: Воениздат, 1993. С. 135–197.
20. Там же. С. 167–168.
21. Военнопленные в СССР... С. 886.
22. Ямада Отодзо. Архивные материалы личной переписки бывшего Главнокомандующего Квантунской армией Полного генерала Ямада Отозоо (Отодзо), отбывавшего наказание в исправительно-трудовом лагере для военнопленных № 48 в селе Чернцы Лежневского района Ивановской области [Изоматериал, Рукопись]: пер. с яп. Репрод. воспроизведение с ориг. Иванова, 2012. 6 отд. л. Текст парал.: яп., рус. (Копии архивных материалов переданы Управлением Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации по Ивановской области 15 июля 2012 г.)
23. Там же.
24. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVII—XVIII. М.: Госполитиздат, 1960. С. 257–260.
25. Военнопленные в СССР... С. 886.
26. *Куклева М.* Паулюса спас винегрет // Рабочий край. 1995. 16 мая. № 88.
27. «Философия ножа. Анатолий Протасов» (Документальный фильм, реж. Андрей Исканов, 2008). URL: <http://www.youtube.com/watch?v=gEr0SKLvG7E>
28. Цит по: *Шаронов И.* В Черником лагере отбывали сроки японские врачи // Ивановская газета. 2012. 22 мая. № 91 (5180). С. 29.
29. *Точенов С.В.* Лагерь № 48 // Отечественная история. 2001. № 4. С. 56–63.

О роли института панчен-лам во внутренней политике империи Цин

© 2017

М.А. Солощева

Статья посвящена исследованию роли и значения института панчен-лам во внутренней политике империи Цин (1644–1912). Наряду с духовным авторитетом далай-лам, маньчжурские правители признавали авторитет второй по значимости линии перерождений панчен-лам, оказывая им аналогичные знаки внимания и уважения. Происходило это как по причине очевидного религиозно-культурного влияния лам в Тибете и за его пределами, так и вытекающей из этого факта возможности использования их влияния на политическую обстановку в регионе. *Ключевые слова:* панчен-лама, империя Цин, Тибет, далай-лама, Гелуг, тибетский буддизм.

Целью данного исследования является изучение института панчен-лам, второй по важности линии перерождений так называемой Желтой веры — традиции тибетского буддизма Гелуг¹, в период с 1642 по 1911 г. Хронологические рамки исследования обусловлены особой ролью, которую панчен-ламы играли в духовной и политической жизни Тибета, начиная с установления контактов с первыми маньчжурскими императорами и до Синьхайской революции, положившей конец Цинской империи.

Религиозно-культурные контакты панчен-лам с Цинским двором (1642–1911)

В 1642 г. произошло важное историческое событие: установление официальных дипломатических отношений между маньчжурским императором Хунтайцзи (Абахай, 1592–1643) и духовными лидерами тибетского буддизма — Далай-ламой V Нгаван Лосан Гьяцо (1617–1682) и Панчен-ламой IV² Лосан Чойгън Гьялцен (1570–1662)³. Инициатива установления отношений, согласно китайским источникам, исходила от монгольских князей, которые попросили императора пригласить Далай-ламу прибыть с официальным визитом в Пекин⁴.

Обмен посольствами привел к новой религиозно-культурной и геополитической ситуации: взаимному стремлению цинского двора и буддийских духовных иерархов к политическому сближению. Дело в том, что лидеры тибетских буддийских школ, которые вели между собой борьбу за первенство, искали внешней поддержки для укрепления собственных позиций. Именно этот интерес побудил иерархов тибетской школы Гелуг установить отношения с усиливавшимся маньчжурским государством. Маньчжурское государство в свою очередь нуждалось в идеологической поддержке, тем более что империя Мин на

Солощева Мария Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент Департамента востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (НИУ ВШЭ СПб). E-mail: msoloshcheva@hse.ru.

момент установления контактов с Тибетом еще продолжала существовать, утратив власть лишь в 1644 г. «Желтая вера» стала, таким образом, основой для выстраивания взаимоотношений между императорами, покровительствовавшими этому учению, и тибетскими иерархами, в свою очередь, признавшими новую маньчжурскую династию. Побудительным мотивом к сближению с иерархами тибетского буддизма маньчжурских императоров династии Цин стало неоспоримое религиозно-культурное влияние первых не только в Тибете, но и за его пределами — там, где имел распространение тибетский буддизм.

20 июля 1643 г. было отправлено посольство в Тибет во главе с Чахань-ламой с письмами и подарками от императора Далай-ламе, Панчен-ламе и другим тибетским высокопоставленным светским и духовным лицам. Уже на этом начальном этапе маньчжурско-тибетских отношений возникла весьма необычная и деликатная ситуация, когда китайские императоры старались не подчеркивать духовный приоритет одного из двух тибетских иерархов, признавая духовное лидерство Далай-ламы наряду с высокой духовной ролью Панчен-ламы⁵. Китайские исследователи также подчеркивают позитивную роль Панчен-ламы на начальном этапе цинско-тибетских отношений⁶.

Отношения цинских императоров с Далай-ламой и Панчен-ламой строились по одинаковой схеме: ежегодный обмен посольствами, дарование титулов и визиты иерархов в столицу. Пригласив в Пекин Далай-ламу, император Шуньчжи (правл. 1644–1661) одновременно отправил посланника к Панчен-ламе с просьбой убедить Далай-ламу принять приглашение⁷. Визит Далай-ламы V ко двору состоялся в 1652–1653 гг.⁸ Вслед за ним в Пекин был приглашен и Панчен-лама V Лосан Еше Пэлсанпо (1663–1737).

С 1693 по 1698 г. император Канси (правл. 1661–1722) многократно приглашал Лосан Еше Пэлсанпо в Пекин, аргументируя необходимость приезда как религиозными, так и политическими причинами. Император Канси, обращаясь в письмах к Панчен-ламе, отдавал должное его глубокому пониманию Учения и благим заслугам. Далее он писал, что Далай-лама стар, а регент завистлив и может, испугавшись авторитета Лосан Еше Пэлсанпо, подговорить джунгарского правителя Галдан-хана (1644–1697) его убить. Предполагаемая поездка Панчен-ламы к императору так и не состоялась, по официальной версии потому, что Панчен-лама еще не переболел оспой⁹. Вряд ли когда-нибудь станет известно, была ли эта причина единственной или главной, однако, когда в 1697 г. разыгрался конфликт с сокрытием смерти Далай-ламы V регентом Сангье Гьяцо (1653–1705), император Канси обвинил его не только в сокрытии смерти Далай-ламы, но и в том, что он препятствовал поездке в Пекин Панчен-ламы, приглашенного императором¹⁰. Несмотря на то, что визит Лосан Еше Пэлсанпо к императору Канси не состоялся, император продолжил переписку с ним и 24 февраля 1713 г. пожаловал ему титул «Эрдэни» (тиб. «Ринпоче») — «драгоценный», грамоту и печать¹¹. Впоследствии цинские императоры продолжили традицию дарования панчен-ламам, равно как и далай-ламам, золотых печатей и дипломов, подтверждавших их легитимность, что с точки зрения цинского дипломатического этикета делало их равными.

Во многих китайских источниках можно найти сведения, подтверждающие значимость фигуры панчен-ламы и его духовный авторитет в глазах цинского двора. К примеру, когда в 1710 г. китайский уполномоченный в Тибете Хэшоу после низложения Далай-ламы VI Цаньян Гьяцо (1683–1706) получил императорский указ — вручить грамоту и печать «настоящему» далай-ламе Нгаван Еше Гьяцо, в качестве причины признания его далай-ламой были указаны заверения Панчен-ламы в том, что он сведущ в буддийском учении¹².

При вторжении джунгаров в Тибет в 1717–1720 гг. им ставилось в вину, что они плохо обращались с Панчен-ламой: «Они (Далай-лама и Панчен-лама. — М.С.) вместе вершили благие дела, заботились о духовенстве, и [в Тибете] царило великое спокойствие. <...> Цеван Рабтэн, не имея законного основания, двинул джунгарские полчища [на Тибет], своевольно и коварно он сверг Далай-ламу (Нгаван Еше Гьяцо. — М.С.), разрушил ступу Далай-ламы V, унизил Панчена, разрушал монастыри и безжалостно убивал

лам, утверждая, что делает это во имя Учения, а в действительности уничтожил его и хотел лишь захватить Тибетское царство»¹³.

Надпись на стеле 1720 г., сочиненная императором Канси, увековечивающая освобождение Тибета от джунгаров усилиями объединенной маньчжурско-монгольско-китайской армии, гласит: «... я сочинил эту надпись и поставил стелу в Тибете, чтобы за пределами Китая знали как о преданности родов Далай-ламы, Панчен-ламы и Гуши-хана, так и о приверженности всех племен и времен к Учению. Я же в этом деле действовал ради устранения врагов, благодетельствования покорных, успокоения народа и восстановления веры»¹⁴.

При императоре Цяньлуэ (правл. 1735–1796) Панчен-лама VI Лосан Пэлдэн Еше (1738–1780) был также приглашен к императорскому двору. Его визит к императору состоялся в 1780 г. К приезду Панчен-ламы был специально возведен новый монастырь, ставший его резиденцией на время визита, продлившегося более четырех месяцев. До этого такой чести удостоивался Далай-лама V. Визит Панчен-ламы был приурочен к семидесятилетию императора, который писал Лосан Пэлдэн Еше, что учит тибетский язык и надеется, что при встрече сможет приветствовать иерарха на его родном языке. Для подробных бесед с Панчен-ламой о буддийском учении Цяньлуэ все же приглашал для перевода верховного ламу Пекина Джанджа-хутухту Ролби Дордже (1717–1786), с которым император регулярно советовался по вопросам, связанным с Тибетом. Во время своего пребывания в столице Панчен-лама совершал обряды и молитвы, давал посвящения и благословения¹⁵.

По роковому стечению обстоятельств Лосан Пэлдэн Еше скончался во время своего пребывания в Пекине от оспы, из-за страха перед которой его предшественник не считал возможным приехать в столицу. Однако исключительные почести, оказанные Лосан Пэлдэн Еше во время визита, и слова «Мне стало хорошо!», произнесенные Панчен-ламой перед смертью, были восприняты современниками как свидетельство того, что иерарх не пожалел о своем решении. Значительные суммы, потраченные на обеспечение должного уровня приема Лосан Пэлдэн Еше, а впоследствии и проводов его бранных останков, свидетельствуют о высоком авторитете панчен-лам при дворе и значении, которое цинские правители придавали отношениям с тибетскими иерархами¹⁶. До начала XX в. официальных визитов, тем более столь пышных, как в случае с Лосан Пэлдэн Еше, больше не было, однако панчен-ламы продолжали пользоваться особым расположением со стороны цинских императоров.

В качестве вывода подчеркнем, что на протяжении всего периода правления династии Цин духовное лидерство обоих иерархов тибетского буддизма, далай-ламы и панчен-ламы, поддерживалось цинскими императорами, которые оказывали им соответствующие знаки внимания и уважения. Происходило это как по причине очевидного религиозно-культурного влияния лам в Тибете и за его пределами, так и из-за вытекающей из этого факта возможности использования их влияния на политическую обстановку в регионе.

Роль панчен-лам в системе светского управления в Тибете

Система административного управления Тибетом во время правления династии Цин не была стабильной. В начале цинского правления вся полнота светской и духовной власти находилась в руках Далай-ламы, а Тибет входил в состав государства хошутского правителя Гуши-хана, носившего титул «Царя Тибета». После смерти Далай-ламы V в 1682 г., власть перешла в руки регента, который правил от его имени. Затем, после смерти регента, в истории Тибета был период правления монгольского князя, который с одобрения Панчен-ламы и цинского правителя возвел на престол «марionеточного» Далай-ламу VI. При вторжении в Тибет джунгаров в 1717–1720 гг. они также организовали свое временное правительство, которое просуществовало до ввода в Лхасу объединенной монгольско-

маньчжурско-китайской армии. С 1720 г. решения о форме управления и передачи светской власти в руки того или иного правителя стал принимать цинский император. Был создан совет министров (тиб. кашаг) — светский орган административного управления.

После междоусобной войны 1727–1728 гг. светская власть была передана тибетскому министру (тиб. калон) Полханэ (1689–1747). В это же время в Тибете был учрежден институт китайских наместников — амбаней, ограничивавших свободу действий тибетских правителей. Тибет был разделен на сферы влияния Далай-ламы (Уй) и Панчен-ламы (Цзан). В 1751 г. после мятежа сына Полханэ против маньчжурской власти светским правителем Тибета вновь стал Далай-лама. С тех пор система управления Тибетом принципиально не менялась: светскими правителями оставались далай-ламы, их решения вступали в силу после одобрения цинскими амбанями, роль которых в управлении Тибетом в значительной степени была номинальной¹⁷. До достижения далай-ламами возраста вступления на престол в Тибете от их имени правили регенты.

На протяжении всего рассматриваемого периода постоянной тенденцией на фоне происходивших в тибетском административном управлении пертурбаций и структурных изменений одна тенденция оставалась неизменной: авторитет и влияние панчен-лам медленно, но неуклонно возрастали. Приведем примеры того, как менялись функции панчен-лам на разных этапах эволюции административной системы управления Тибета, и проанализируем обстоятельства, которые на это влияли.

В 1642 г. Тибет был завоеван хошутским правителем Гуши-ханом, который, объявив себя «Царем Тибета», передал светскую и духовную власть Далай-ламе V. Существуют, однако, свидетельства того, что под непосредственное управление Нгаван Лосанг Гьяцо перешла только часть вверенной ему территории — земли Уй, иначе именуемые «Центральный Тибет». Земли же Цзан — «Западного Тибета» были переданы в управление Панчен-ламе IV.

Усиление влияния в Тибете панчен-лам исследователи относят к периоду, последовавшему за междоусобной войной 1727–1728 гг., когда юный Далай-лама VII впал в немилость императора Юнчжэна и был отправлен в ссылку. Это произошло из-за того, что окружение Далай-ламы во главе с его отцом приняло самое непосредственное участие в заговоре и убийстве министра Канченнэ, которому император поручил управление Тибетом¹⁸. Однако, как становится ясно из докладов цинских генералов императору Юнчжэну (правл. 1723–1735), панчен-ламы получили в управление земли значительно раньше:

«Я выяснил, что Кукунор, Бар-Кам, Уй и Цзан раньше были четырьмя государствами тибетского народа. Гуши-хан, после военного вторжения, разделил [свою территорию] на занимавший большую территорию Сихай (Цинхай), пригодную для земледелия и скотоводства, и плотно населенный Кам, скудно обеспечиваемый пропитанием, и разделил их между сыновьями. От Лхоронцзона на восток была земля Кама, [население которой] платило земельный налог князьям Сихая, а на запад от Лхорона — Уй-Цзан, который [он] отдал Далай-ламе и Панчену. Как сказал регент-калон, 130 000 тибетцев были отданы Далай-ламе, и это только территория Уй, которая относилась к его юрисдикции, т.е. Цзан и Кам не входили в это число»¹⁹.

Это донесение стало результатом расследования вопроса об исторической принадлежности земель Кукунора, которое император поручил провести своим доверенным лицам после подавления мятежа 1723–1724 гг. Именно тогда возникла необходимость установить новые границы на периферии, не вызвав при этом недовольства монгольского и тибетского населения «умиротворенных» территорий. Представив Юнчжэну результаты расследования, чиновники рекомендовали сделать следующее: «В такой ситуации то, что к востоку от Лхоронцзона отходит к Сычуани и Юньнани, так как [подавление] восстания в Цинхае принесло [нам] эту территорию, [мы] спасли 100 000 тибетцев от огня и воды и провели перепись. Его (калона. — М.С.) слово твердо, его мысли правильны. Мы, таким образом, не берем, пользуясь предлогом, то, что должно относиться к территории,

на которой Далай-лама возжигает свои благоволия. Я скромно полагаю, если сейчас все же милостиво дать оба (Уй и Цзан) Далай-ламе и Панчену, этим мы дадим понять, что помогаем идее Желтой веры». На это император ответил: «Очень хорошо, они обязательно согласятся, и тогда монголам нечем будет управлять»²⁰.

Эта переписка свидетельствует о том, что, в соответствии с распределением земель Гуши-ханом в созданном им государстве, территории Уй и Цзан принадлежали далай-ламе и панчен-ламам соответственно, а территории Чамдо, Батана, Литана и Дэрге не входили в состав Тибета и фактически принадлежали восставшему в 1723 г. наследнику Гуши-хана, хошутскому князю Лобсан Дандзину (ум.1731). Присоединив перечисленные выше кукунорские земли к своим провинциям и вернув Далай-ламе и Панчен-ламе принадлежавшие им земли Уй и Цзан, Юнчжэн назначил для обоих иерархов ежегодную денежную выплату и 3750 кг лучшего чая в качестве компенсации за то, что часть территории, с которой налог раньше отправлялся им, теперь отходила к цинской империи.

В глазах цинского двора оба иерарха занимали, таким образом, практически одинаково высокое положение. Обоих иерархов цинские правители рассматривали как претендентов на осуществление светского правления в Тибете, подтвердив закрепление за каждым из них определенных подвластных территорий (Уй и Цзан). Приведем ниже несколько случаев, произошедших в разные исторические периоды, когда маньчжурские императоры так или иначе выражали желание видеть панчен-лам правителями Тибета.

Первый прецедент такого рода имел место в 1696 г., когда император Канси узнал о том, что регент Сангье Гьяцо на протяжении пятнадцати лет скрывал смерть Далай-ламы V, управляя от его имени. Император потребовал от регента, чтобы власть в Тибете была передана Панчен-ламе V²¹. Однако в это время маньчжурское влияние в Тибете было не столь велико, и де факто вопрос о передаче административной власти Панчен-ламе не стоял.

Непосредственное участие в формировании новой системы управления в Тибете императоры стали принимать начиная с момента ввода цинских войск в Тибет в 1720 г. После 1720 г. императоры рассматривали разные кандидатуры на пост светского правителя Тибета. В донесении императору от его уполномоченных чиновников на местах говорилось, что джунгары по-прежнему стремятся вернуться в Тибет, Далай-лама еще молод, а Панчен-лама стар, страна находится в разрухе, и при таком положении вещей для поддержания порядка требуется военная опора²². Оба духовных лидера в их глазах обладали достаточным авторитетом для управления Тибетом. Поскольку Панчен-лама был слишком стар, а Далай-лама чересчур молод, император предпочел создать совет министров, в состав которого вошли представители знатных тибетских семей. Как видно из этого примера, Панчен-лама вполне мог получить из рук императора полномочия верховного светского правителя всего Тибета. Если верить источникам, помехой этому был только его почтенный возраст.

После междоусобной войны 1727–1728 гг. вновь встал вопрос о необходимости совершенствования системы управления Тибетом. Дискредитировавший себя родственными связями с заговорщиками Далай-лама был отстранен от власти и отправлен в ссылку. Вместо него уполномоченные чиновники в Лхасе предлагали императору Юнчжэну подыскать другого уважаемого ламу, уже не столько для участия в делах светского правления, сколько для осуществления духовного управления Тибетом. Подразумевалось, что таким кандидатом мог быть, в первую очередь, Панчен-лама. Юнчжэн ответил, что он не считает правильным отправлять Панчен-ламу в Уй, так как раньше Далай-ламе уже случалось отсутствовать на территории Уй более десяти лет, но он все равно оставался хутухтой, управлявшим всеми монастырями этих земель²³. Так император утвердился в решении о разделении Тибета на сферы влияния: Далай-лама сохранил за собой управление областью Уй, а Панчен-лама — Цзан.

В лице Панчен-ламы цинский двор хотел создать противовес Далай-ламе, чтобы в руках одного лидера не сосредотачивались слишком большие власть и влияние. Для увеличения авторитета Панчен-ламы V император принял решение о передаче ему в управление еще более обширных территорий. 28 октября 1728 г. генерал Чжаланга зачитал Панчен-ламе императорский указ о даровании ему земель от Цзан до Кайласа (включая Лхацэ, Пунцоглин, Нгамрин, Цзонка, Тидрон и Нгари Корсум). Панчен-лама ответил вежливым отказом, подчеркнув, что имеющихся денежных средств ему достаточно, тогда как возраст уже не позволяет заниматься делами управления такой большой территорией. После уговоров иерарх принял Лхацэ, Пунцоглин и Нгамрин, составлявшие лишь незначительную часть предлагавшихся ему земель²⁴.

Когда стало известно о решении императора Юнчжэна удалить Далай-ламу VII из Лхасы, Панчен-лама вместе с другими тибетцами просил китайского генерала отозвать этот приказ. После отъезда Далай-ламы по инициативе Панчен-ламы императору была отправлена петиция с просьбой о его возвращении, которая возымела действие. 18 августа 1734 г. император Юнчжэн издал соответствующий указ. Сообщение о возвращении духовного лидера было направлено в Лхасу 29 октября. В ответ император получил от Панчен-ламы письмо с выражением глубокой благодарности²⁵.

Эти события существенно повысили как религиозный, так и политический авторитет панчен-лам, которые с этого времени приобрели определенную экономическую самостоятельность. Приведенные выше факты дают, на наш взгляд, основание утверждать, что Лосан Еше Пэлсанпо не стремился потеснить или заменить Далай-ламу. В глазах верующих тибетцев панчен-лама оставался вторым в иерархии верховным религиозным авторитетом, который чтит и укрепляет сложившуюся между двумя главами школы Гелуг традицию отношений по принципу «учитель — ученик».

Столетие спустя в 1844 г. Панчен-лама VII Лосан Тенпэ Ньима (1782–1853) отказался занять предложенную ему Цинским двором должность регента при малолетнем Далай-ламе XI (1838–1856). Складывалась весьма двусмысленная ситуация: с одной стороны, император, возможно и не желая этого, своим решением вносил разлад в отношения Панчен-ламы со сторонниками малолетнего Далай-ламы, что впоследствии могло нарушить баланс религиозно-политических сил в Тибете. С другой стороны, Панчен-лама своим отказом давал понять, что не желает нарушения сложившегося в Тибете баланса сил и интересов. Позиция Панчен-ламы была столь понятна и в этическом смысле безукоризненна, что цинский наместник в Лхасе (амбань) согласился с этим решением, предупредив Панчен-ламу, что отказ должен быть подобающим образом оформлен, чтобы это не было расценено как неуважение к воле императора. Поэтому Панчен-лама отслужил на посту регента символический срок, сложив полномочия несколько месяцев спустя²⁶.

Вывод из вышесказанного состоит в том, что при династии Цин положение панчен-лам в Тибете было стабильно прочным. Более того, цинские императоры делали попытки противопоставить авторитет панчен-лам авторитету далай-лам, и даже выдвинуть их на первое место. Однако вызвать заметную конфронтацию между далай-ламами и панчен-ламами до начала XX в. не удавалось, поскольку панчен-ламы с неизменным упорством противились нарушению принципа «учитель — ученик», определявшего их отношения с главой школы Гелуг — далай-ламой. Эта позиция способствовала усилению морального авторитета панчен-лам среди широких масс тибетцев и помогала панчен-ламам принимать деятельное участие в делах светского правления, занимаясь не только решением внутренних конфликтов, но и представляя интересы Тибета на международной арене.

Практически на протяжении всего XIX в. авторитет панчен-лам в сфере международных отношений, также как в духовной и административной сферах, находился на неизменно высоком уровне. Отчасти это объяснялось не только личными качествами панчен-лам, их приверженностью традиционной буддийской этике и искреннему жела-

нию служить своему народу, но и объективными обстоятельствами: в XIX столетии большинство далай-лам уходило из жизни в юношеском и даже детском возрасте²⁷.

В конце XIX — начале XX в. в Тибет вторглись англичане, с которыми были заключены неравноправные договоры²⁸. В 1904 г. Далай-лама XIII Тубтэн Гьяцо (1876–1933) вынужден был бежать из страны. Во время его пребывания в изгнании в Монголии в 1904–1906 гг. роль светского и духовного лидера Тибета перешла к Панчен-ламе IX Тубтэн Чойкьи Ньима (1883–1937), который был доставлен в сопровождении английских войск в Калькутту для переговоров. В 1906 г. он получил от британских властей предложение «занять тибетский престол». Панчен-лама от него отказался, следуя примеру своих предшественников, которым делались аналогичные предложения цинскими императорами. По возвращении из Калькутты Тубтэн Чойкьи Ньима отправил императору отчет о своей поездке и достигнутых договоренностях, продолжив при этом общение с британскими властями²⁹. Тубтэн Чокьи Ньима удалось убедить в своем расположении как англичан, так и цинского императора. Поэтому неудивительно, что сначала в 1906 г. англичане, а некоторое время спустя (после отъезда Далай-ламы в Индию в 1909 г.) цинский император, предложили Тубтэн Чокьи Ньима принять на себя верховную власть над Тибетом. Панчен-лама отказался от обоих предложений, подтвердив своим поведением верность тибетской буддийской духовной иерархии, отводившей верховенство Далай-ламе, а ему, Панчен-ламе — роль второго плана.

Дальнейшая история деятельности панчен-лам выходит за хронологические рамки данной статьи. Отметим, однако, что именно в XX в. китайская политика «разделяй и властвуй», которую они проводили в отношении Далай-ламы и Панчен-ламы, принесла, наконец, результат. В первой половине XX в. между духовными лидерами разгорелся конфликт, в результате которого Панчен-лама IX уехал в Китай, где начал выступать за присоединение к нему Тибета. А уже во второй половине XX в., после того, как Далай-лама XIV покинул в 1959 г. Тибет, найдя политическое убежище в Индии, Панчен-лама X Чокьи Гьялцэн (1938–1989) стал ключевой фигурой, которая связала китайцев с традиционным тибетским обществом.

Выводы

1. В период с 1642 по 1911 г. духовное лидерство иерархов тибетского буддизма далай-ламы и панчен-ламы получало поддержку маньчжурских императоров, которые оказывали каждому из них практически одинаковые знаки внимания и уважения. Фактически духовный авторитет панчен-лам в цинскую эпоху сохранялся на очень высоком уровне, что в сочетании с их лояльностью к верховному духовному авторитету далай-ламы придавало тибетской системе религиозной иерархии необычайную устойчивость и стабильность.

2. В исследуемый период панчен-ламы играли важную роль в системе административного управления Тибетом. Цинские императоры практиковали деление Тибета на два административных района, один из которых находился под управлением далай-ламы, а другой — панчен-ламы.

3. В глазах рядовых буддистов далай-ламы стояли выше панчен-лам, однако в сфере международных отношений они нередко получали одинаковые знаки внимания и расценивались как равновеликие в политическом отношении фигуры.

4. Постепенно складывалась бинарная система управления Тибетом со стороны Китая. Руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», маньчжурские императоры поощряли, более того, стимулировали конфликтные отношения между далай-ламами и панчен-ламами. Однако вызвать заметную конфронтацию между духовными лидерами до начала XX в. не удавалось, поскольку панчен-ламы с неизменным упорством противились нарушению принципа «учитель — ученик», который определял их отношения

с главой школы Гелуг — далай-ламой. Эта позиция способствовала усилению морально-авторитета панчен-лам среди широких масс тибетцев и помогала панчен-ламам принимать деятельное участие в делах административного управления.

* * *

Цинские императоры поддерживали дихотомию духовного и административно-политического управления Тибетом. Их цель заключалась в том, чтобы иметь возможность возложить всю полноту власти в Тибете на одного из иерархов по своему выбору. На практике это удалось лишь однажды, в 1844 г., весьма формально и на короткий период. Однако во второй половине XX в. Панчен-лама X, оставшись в Тибете, вошедшем в состав КНР, занял ключевые политические позиции именно благодаря авторитету, приобретенному его предшественниками во время правления цинской династии.

Суммируя вышесказанное, сделаем общий вывод: приверженность принципу решения любых конфликтов мирным путем, наряду с неукоснительным следованием тибетскому буддийскому моральному канону и принципам школы Гелуг, обеспечивали панчен-ламам поддержку и союзнические отношения с маньчжурскими императорами, которые нередко полагались на них как на проводников цинской политики в Тибете. В то же время панчен-ламы пользовались неизменным уважением тибетцев, которые видели в них, наряду с далай-ламами, гарантов духовной, политической и социальной стабильности Тибета.

-
1. Основателем школы Гелуг является Цзонхава (1357–1419), племянник которого — Гэдундуб (1391–1447) стал первым в линии перерождений далай-лам. Школу также называют «Желтым учением» или «Желтой верой» из-за цвета традиционного головного убора.
 2. Существуют расхождения в вопросе нумерации панчен-лам. При жизни титул «Панчен-лама» получил четвертый, по счету более поздней традиции, Панчен-лама Лосан Чойгьн Гьялцен (1570–1662). Таким образом, в некоторых источниках он фигурирует как Панчен-лама IV, а в некоторых — как Панчен-лама I. В данной статье мы следуем нумерации более поздней традиции.
 3. *Мартынов А.С.* Статус Тибета в XVII—XVIII веках. М., 1978. С. 78–88.
 4. *Qing shi lu zang zu shi liao*: [Материалы из цинских «правдивых записей» по истории тибетского народа]. Т. 1. Лхаса: Тибетское народное изд-во, 1982. С. 1.
 5. Там же. С. 7.
 6. *Xing Quan-cheng*. The important role played by the fourth Panchen Lama in Early Contact between Tibet and Central Government // *The Journal of Qinghai Nationalities University*. 2011. (Vol. 37) No. 1. P. 27–31; *Chen Bai-ping*. The Panchen's function in the Management of Tibet in Qing Dynasty // *National Research in Qinghai*, 2006. (Vol. 17) No. 2. P. 89–93.
 7. *Xing Quan-cheng*. Op. cit. P. 31.
 8. Подробнее о визите Далай-ламы V в Пекин см.: *Tuttle Gray*, A Tibetan Buddhist Mission to the East: The Fifth Dalai Lama's Journey to Beijing, 1652–1653 // *Tibetan Society and Religion: The Seventeenth and Eighteenth Centuries*. Leiden: Brill, 2006. P. 65–87; *Ahmad Zahiruddin*, Sino-Tibetan Relations in the Seventeenth Century. Serie orientale Roma, 40. Roma: Istituto italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1970; *Rockhill W.W.* The Dalai Lamas of Lhasa and Their Relations with the Manchu Emperors of China. 1644–1908 // *T'oung Pao* (Vol. 11) No. 1. Brill, 1910.
 9. *Jiang Ping*. Ban chan e er de ni ping zhuan: [Комментированные биографии Панчен-эрдэни]. Пекин, 1998. С. 19.
 10. *Rockhill W.W.* Op. cit. P. 27.
 11. *Qing shi lu zang zu shi liao*: [Материалы из цинских «правдивых записей» по истории тибетского народа]. Т. 1. Лхаса: Тибетское народное изд-во, 1982. С. 188.
 12. *Qin ding wai fan meng gu hui bu wang gong biao zhuan*: [Высочайше утвержденные генеалогические таблицы и биографии князей Внешней Монголии и Туркестана]. Ксилографическое изд., рукописный фонд библиотеки Восточного факультета СПбГУ. Цз. 91. Л. 17а. (Шифр Ху! F-11).
 13. *Qing shi lu zang zu shi liao*: [Материалы из цинских «правдивых записей» по истории тибетского народа]. Т. 1. Лхаса: Тибетское народное изд-во, 1982. С. 267.

14. Там же. С. 268.
15. *Teltsher K.* The High Road to China: George Bogle, the Panchen Lama and the First British Expedition to Tibet. L.: Bloomsbury Publishing PLC, 2006. P. 210; *Успенский В.Л.* Тибетский буддизм в Пекине. СПб, 2011. С. 145–146.
16. Там же.
17. При сохранении сложившейся административной системы как таковой цинские императоры ввели ряд правил, сделавших статус тибетских иерархов с юридической точки зрения менее независимым. Речь, в частности, идет о введении жеребьевки из золотой урны при выборе переорождений буддийских иерархов, в соответствии с которой новый лама оказывался избранным волей случая.
18. *Ya Hanzhang.* The Biographies of the Dalai Lamas. Beijing: Foreign Languages Press, 1993. С. 97.
19. *Yong zheng chao han wen zhu pi zou zhe hui bian.* [Собрание тайных донесений на китайском языке с резолюциями императора Юнчжэна]. Т. 1–40. Нанкин: Изд-во древней литературы Цзянсу, 1989–1991. Т. 31. С. 763.
20. Там же.
21. *Qing shi lu zang zu shi liao...* С. 130.
22. *Petech L.* China and Tibet in the Early XVIIIth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. 2nd, revised ed. Leiden: Brill, 1972. P. 93.
23. *Дордже Цетен, Дэн Жуйлин, Чэн Циньин [и др.]*. Юань и лай си цзан ди фан юй чжун ян чжэн фу гуань си янь цзю: [Исследование отношений китайского правительства с Тибетом начиная с династии Юань]. Пекин, 2005. С. 447–448.
24. *Petech L.* Op. cit. P. 154; *Ya Hanzhang.* The Biographies of Tibetan Spiritual Leaders Panchen Ercdenis. Beijing: Foreign Language Press, 1994. P. 90–91; *Дордже Цетен, Дэн Жуйлин, Чэн Циньин [и др.]*. Указ. соч. С. 453–454.
25. *Qing shi lu zang zu shi liao...* С. 361.
26. *Chen Bai-ping.* Op. cit. P. 92.
27. В XIX в. возраст далай-лам не превышал 21 года: Далай-лама IX (1806–1815); Далай-лама X (1816–1837); Далай-лама XI (1838–1856); Далай-лама XII (1856–1875). Официально все они умирали естественным образом, однако в народе бытовало мнение, что они были жертвами заговоров знати, которая стремилась таким образом удержать в своих руках политическую власть.
28. Подробно об этом см.: *Козлов П. К.* Английская экспедиция в Тибет // Исторический вестник. СПб., 1907. № 5. С. 522–539.
29. *Jagou F.* Le 9e Panchen Lama (1883–1937): Enjeu des relations Sino-Tibetaines. Paris: Ecole française d'Extreme-Orient, 2004. P. 90–93.

Культура

Цао Цзинхуа — переводчик, писатель, педагог и общественный деятель.

К 120-летию со дня рождения (1897–1987)

© 2017

А
А.С. Ипатов

«Учитель целого поколения» — так высоко оценили в КНР вклад Цао Цзинхуа, одного из первых переводчиков и популяризаторов русской классической и советской литературы в Китае, в идейное воспитание и формирование китайской молодежи в годы революций и войн, в строительство нового Китая. Деятельность Цао Цзинхуа отмечена нашей страной высокой правительственной наградой — орденом Дружбы народов и присвоением ему звания почетного доктора ЛГУ. Статья основана на документах архива ВОКС и личных воспоминаниях автора. *Ключевые слова:* Цао Цзинхуа, Гао Ман, Лу Синь, А.С. Панюшкин, С.Л. Тихвинский, Цао Сулин, Чжоу Эньлай, Пекинский университет, Чунцин.

Цао Цзинхуа. Если характеризовать его языком энциклопедий, словарей и литературных справочников, — это известный китайский литературовед, один из первых переводчиков и популяризаторов советской и русской классической литературы в Китае, публицист, профессор Пекинского университета, общественный деятель. С 1956 г. — член КПК. Послужной список более чем солидный, особенно если знать, как ответственно и добросовестно Цао Цзинхуа относился к своим обязанностям.

Есть и еще одна характеристика Цао Цзинхуа, принадлежащая его другу, великому Лу Синю (1936). «Люди, работавшие без шума, казались тогда отсталыми, — размышлял Лу Синь, — зато и не исчезли вместе с шумом, а составили крепкий костяк. Цинхуа — один из тех, кто переводил молча, без перерыва. За двадцать лет он прекрасно изучил русский язык и без шума издал немало книг... Он не рекламировал себя и до сих пор не создал себе имени. Его преследовали и запрещали, а он все также отработывал свои старые переводы, которые и сейчас живут в сердцах читателей»¹.

Как видим, обе характеристики органично дополняют друг друга.

Начало жизненного пути Цао Цзинхуа типично для представителя прогрессивной китайской молодежи того времени. Уроженец уезда Луши пров. Хэнань, он окончил

Ипатов Аида Семеновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: lavgovam1@mail.ru.

Статья написана на основании доклада, прочитанного на заседании Общества российско-китайской дружбы 12 апреля 2017 г.

среднюю школу в г. Кайфэне. В 1920 г. Студенческий союз пров. Хэнань избрал его своим делегатом на проходивший в Шанхае съезд Всекитайского студенческого союза. В 1922 г. Социалистический союз молодежи Китая направил Цао в числе первых своих посланцев на учебу в Советскую Россию, где все еще продолжала бушевать гражданская война.

Как вспоминал Цао Цзинхуа, железнодорожное полотно местами было разобрано и часть пути до Владивостока им пришлось проделать пешком, прежде чем добрались до какого-то железнодорожного состава. Русские, узнав, кто эти люди, радушно приняли их, накормили и разместили в вагоне I-го класса.

Затем была Москва, учеба в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), занятия русским языком и первые пробы пера. Переводил А.П. Чехова (водевиль «Медведь», пьеса «Три сестры»). В 1923 г. вернулся в Пекин и решил продолжить изучение русского языка. Денег на учебу не было. Тогда он обратился к Ли Дачжао, профессору Пекинского университета, за помощью. Тот, внимательно выслушав его, пообещал принять в университет, но без стипендии, без предоставления жилья. И Цао согласился. В первой половине дня занятия, потом работа. В то время Пекинский университет находился близ старого железнодорожного вокзала. Цао познакомился там с рикшами, которые приняли его в свое сообщество, вместе с ними ел, пил и спал.

В 1925 г. по рекомендации Ли Дачжао Цао Цзинхуа был направлен в Кайфэн переводчиком советских военных советников в Национальной армии прогрессивно настроенного генерала Фэн Юйсяна. А в 1926 г. он уже переводчик в штабе В.К. Блюхера, в те годы руководителя группы советских военных советников при НРА правительства Южного Китая. С ней прошел весь Северный поход.

После поражения революции летом 1927 г. Цао снова едет в СССР, где продолжает учебу в Коммунистическом университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. После учебы в Москве он переезжает в Ленинград, где в течение нескольких лет преподает китайский язык и продолжает заниматься переводами произведений А.П. Чехова.

Однако события в Китае убеждают его заняться переводом советской революционной литературы. Главными вдохновителями для него в этом деле стали Чжоу Эньлай и Дун Бю. Уже в 1928 г. в СССР выходит его перевод «9-е января» А.М. Горького, непосредственного участника печально известного «кровавого воскресенья»². В следующем году в Шанхае был издан в его переводе рассказ Б. Лавренёва «Сорок первый», неоднократно затем переиздававшийся в Китае.

Первым крупным произведением советской революционной литературы, за перевод которого по рекомендации Лу Синя взялся Цао Цзинхуа, был «Железный поток» А. Серафимовича. Завершив перевод, он отправил рукопись Лу Синю. Тот выделил 1000 юаней на издание трех произведений: «Разгром» А. Фадеева в собственном переводе с японского языка, «Железный поток» А. Серафимовича и «Цемент» Ф. Гладкова.

Невозможно переоценить роль романа «Железный поток» в идейном воспитании китайских революционеров, прогрессивно настроенной части китайского общества 1930-х–1940-х годах. Все участники Великого похода 1934–1935 гг. читали это произведение. Во время антияпонской войны с невероятными трудностями удалось переиздать «Железный поток». Так высоко оценивало руководство КПК воспитательное значение этого произведения.

Работа над «Железным потоком» стала определяющей и в творческой судьбе самого переводчика, в формировании его гражданской позиции. Важную роль сыграл в этом Лу Синь. С 1925 г. они переписывались, а в 1926 г. произошла их первая встреча.

В СССР Цао Цзинхуа женился, в 1930 г. у супругов родилась дочь, которую называли Сулин. В 1933 г. Цао Цзинхуа вместе с семьей возвращается в Пекин, где преподает в нескольких университетах, в том числе в Пекинском и Дунбэйском. Много переводит. Его не раз спрашивали, почему он не поехал в Шанхай к Лу Синю. Цао скромно от-

вечал, что в Пекине очень много работы. Только в 1934 г. он навестил своего друга и привез ему скромный подарок — чумизу. Этого северного злака в Шанхае не было. Лу Синь крайне удивился, как мог его друг знать, что он любит чумизу. На недоуменный вопрос Лу Синя Цзинхуа ответил, что он внимательно читает его произведения.

В 1935 г. группа демократически настроенной интеллигенции создала «Китайско-советское культурное общество» («Чжун-Су вэньхуа шэ»). Его председателем стал Сунь Фо, сын Сунь Ятсена, в состав правления общества вошли известные ученые, знатоки и переводчики русской и советской литературы, такие, как заместитель председателя, профессор Чжан Симань. Ответственным секретарем стал Цао Цзинхуа, много сделавший на этом посту для перевода и популяризации нашей литературы в Китае, особенно в годы Великой Отечественной войны.

После антияпонской студенческой демонстрации в Пекине, состоявшейся 9 декабря 1935 г., и развернувшегося затем патриотического «Движения 9 декабря», Цао Цзинхуа, этот «красный профессор», как его называли гоминьдановцы, был уволен из Дунбэйского университета и сосредоточился на деятельности Общества и переводах.

В 1936 г. Цао обратился к Лу Синю с просьбой написать предисловие к «Сборнику семи советских авторов» в его переводе. Лу Синь, несмотря на крайнее нездоровье, согласился и написал краткое предисловие за 10 дней до своей кончины. Так высока была планка их дружбы, так важна была для Лу Синя публичная оценка деятельности друга. Это была дружба не только соратников и единомышленников, но и просто двух хороших людей, умевших дружить и дорожить дружбой. Редко встречаясь, они постоянно переписывались, проявляли друг к другу особое внимание и трогательную заботу.

В годы войны сопротивления китайского народа агрессии Японии правительственные и военные учреждения, а также дипломатический корпус вынуждены были эвакуироваться в глубь страны в г. Чунцин пров. Сычуань, который стал временной военной столицей сражавшегося Китая. Советское посольство расположилось на горе Пибашань. В годы Великой Отечественной войны посол А.С. Панюшкин³ выступил с предложением организовать при посольстве курсы китайского языка для молодых китаеведов. Народный комиссариат иностранных дел поддержал инициативу посла — подобрал группу из 15 выпускников гуманитарных вузов, эвакуированных в Среднюю Азию, и направил их в Чунцин. В их число вошли известные впоследствии китаеведы М.С. Капица, К.А. Крутиков, Н.Г. Сенин, А.С. Титов и др. Руководил курсами известный знаток китайского языка Б.С. Исаенко. Среди китайских преподавателей, как вспоминает академик С.Л. Тихвинский, в то время 2-й секретарь посольства, был и Цао Цзинхуа.

«К работе на курсах при посольстве были привлечены и местные китайские преподаватели. Среди них выделялся профессор Цао Цзинхуа, к тому времени широко известный в Китае своими переводами русской и советской литературы, служивший в эвакуации в Чунцине одним из ответственных секретарей Китайско-советского культурного общества...

В то же время он с исключительной добросовестностью относился к своим преподавательским обязанностям. Каждое утро в жару ли, в туман и в дождь, или пронизывающую морозь можно было видеть, как в длинном, до пят, синем традиционном китайском халате, с зонтом из желтой промасленной бумаги на трости из бамбука в одной руке и связкой книг, обернутых куском синей материи, — в другой, он поднимался в гору Пибашань... шел на занятия с молодыми советскими студентами. Большой педагогический опыт, приобретенный Цао Цзинхуа за годы преподавания в стенах Ленинградского восточного института имени Енукидзе в конце 20-х — начале 30-х годов, глубокое знание русской и советской литературы, в сочетании с общей высокой китайской образованностью и каким-то особым обаянием и доброжелательностью, выделяли Цао Цзинхуа из среды других китайских преподавателей и сразу же сделали его кумиром слушателей школы. Не раз и мы, уже самостоятельные дипломаты со стажем, секретари и советники

посольства, встречаясь с трудностями языкового или культурно-исторического характера при переводе тех или иных китайских текстов, обращались за консультацией к Цао Цзинхуа и всегда встречали с его стороны неизменно благожелательную помощь и исчерпывающие объяснения»⁴.

Добрые отношения между С.Л. Тихвинским и Цао Цзинхуа сохранялись долгие годы. Осенью 1986 г. академик С.Л. Тихвинский навестил Цао Цзинхуа в больнице.

В годы Великой Отечественной войны и последующий период видное место в переводах Цао Цзинхуа занимали произведения советских писателей, рассказывавшие о патриотизме, героизме и мужестве советского народа. Эта литература была особенно созвучна патриотическим чувствам китайского народа, в течение нескольких лет боровшегося против агрессии милитаристской Японии. Он перевел произведения К. Симонова, в том числе пьесу «Жди меня», «Нашествие» Л. Леонова, «Хлеб» А.Н. Толстого, «Раду» В. Василевской, военную публицистику И. Эренбурга.

После победы народной революции и образования КНР руководство страны и компартии высоко оценило деятельность Цао Цзинхуа, его вклад в победу революции. Он вернулся на преподавательскую работу в Пекинский университет, где возглавлял сначала кафедру русского языка, а затем в течение 30 лет факультет русского языка и литературы, в создании которого принял самое деятельное участие.

1950-е годы — период наивысшего расцвета разносторонней деятельности Цао Цзинхуа: он депутат ВСНП трех созывов, секретарь Союза китайских писателей, член Общества китайско-советской дружбы. И даже в преклонном возрасте он по-прежнему был деятелем, оставаясь членом Всекитайского комитета НПСК, советником Союза китайских писателей, членом правления Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства, членом Комиссии по ученым степеням Госсовета КНР, почетным членом правления Всекитайской ассоциации переводчиков, советником Китайской ассоциации изучения иностранной литературы, почетным председателем Китайского общества по изучению советской литературы.

В эти годы он все больше обращается к публицистике. В 1962 и 1964 г. в Пекине был издан сборник его публицистических произведений, написанных за период с 1933 по 1962 г., под названием «Цветы». Цао очень любил цветы, и в названия его последующих сборников он также включал слово «цветы». В 1986 г. вышли «Избранные публицистические произведения Цао Цзинхуа», куда были включены и его воспоминания.

В последние годы жизни Цао Цзинхуа мечтал написать воспоминания, в которых тема истории советско-китайской дружбы, культурного сотрудничества, где он был одним из непосредственных свидетелей и творцов, могла бы занять центральное место. Но во время так называемой культурной революции в КНР весь его обширный архив (включая фотоснимки) и библиотека были реквизированы хунвейбинами, и обнаружить их следы не удалось.

Частично восстановить исчезнувший архив Цао Цзинхуа позволяют наши отечественные архивы. В Государственном архиве Российской Федерации хранится переписка Цао Цзинхуа с руководителями ВОКСа⁵, многими писателями, чьи произведения он переводил. Эти письма и другие материалы проливают свет на деятельность Цао Цзинхуа в один из наиболее трудных и сложных периодов его жизни — 1940-е годы.

В архиве я собрала всю эту переписку, значительную ее часть опубликовала в журнале «Проблемы Дальнего Востока» и в спецвыпуске журнала «Наш современник», посвященном 50-летию КНР. В Китае всю переписку и другие архивные материалы Цао Цзинхуа я передала его дочери Цао Сулин, которая опубликовала их в КНР полностью.

В составе разных делегаций Цао Цзинхуа неоднократно посещал нашу страну, но встретиться со знаменитым профессором тогда мне не представилось возможности, как не довелось познакомиться с ним и во время моей первой стажировки в Пекинском университете в 1965–1966 гг.

Но имя Цао Цзинхуа мне было известно еще со студенческих лет. О нем нам, студентам Московского университета, рассказывала в своих лекциях профессор Л.Д. Позднеева, хорошо знавшая его лично. Это было первым моим заочным знакомством с профессором Цао Цзинхуа и его творчеством.

Второе знакомство состоялось в 1966 г., когда я проходила стажировку в Пекинском университете. Были тогда среди нас, молодых стажеров, и маститые литературоведы, исследователи китайской литературы, в их числе М.Е. Шнейдер и Б.Л. Рифтин, староста нашей группы.

Помню, как однажды, это было в начале 1966 г., М.Е. Шнейдер вечером зашел ко мне и взволнованно сказал, что сегодня его навестил профессор Цао и что они долго беседовали. Марк Евсеевич в те годы изучал творчество китайских переводчиков русской литературы⁶, и общение с Цао Цзинхуа, его консультации были особенно ценными для него. Долго еще Марк Евсеевич не мог успокоиться, возвращаясь в разговоре к этой встрече, вспоминая ее подробности. И на этот раз мое знакомство с профессором Цао Цзинхуа тоже было заочным.

Наступил 1986 год. Я снова, как двадцать лет назад, приехала в Пекинский университет. Весной 1987 г., когда отмечалось 90-летие со дня рождения Цао Цзинхуа, состоялось, наконец, мое личное знакомство с ним.

Юбилейные торжества были приурочены к 68-й годовщине «Движения 4 мая» 1919 г., участником которого был Цао Цзинхуа. Заседание состоялось 6 мая 1987 г. в доме для приемов и торжественных мероприятий Пекинского университета.

У входа в здание традиционной китайской архитектуры, расположенного в живописнейшей части территории Пекинского университета, разместили фотовыставку, отражавшую различные этапы жизни юбиляра, памятные эпизоды, встречи, географию его деятельности и контактов. Несколько фотографий, сделанных в СССР: Цао Цзинхуа на фоне Московского Кремля, на набережной Невы в Ленинграде.

Рядом расположилась выставка трудов юбиляра: сборники его литературоведческих работ, книги «Цветы», «Избранная проза Цао Цзинхуа», сборник писем Лу Синя к юбиляру, произведения советских писателей в переводе Цао Цзинхуа. Здесь же книга К. Симонова «Русские люди» с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому товарищу Цао Цзинхуа с уважением на добрую память от автора. Константин Симонов. 19.6/Х 49 г. Бэйцзин». Книгу писатель подарил Цао Цзинхуа, когда в составе первой советской делегации деятелей культуры принял участие в торжествах по случаю провозглашения КНР 1 октября 1949 г.

С особой любовью был оформлен и сам зал: повсюду цветы, декоративные вазы, на стенах — традиционные китайские свитки, в центре — большой акварельный портрет юбиляра, специально для этого заседания написанный за одну ночь его младшим коллегой и близким другом известным писателем, знатоком русского языка и литературы, художником Гао Маном.

В зале собрались известные китайские русисты, преподаватели и профессора столичных вузов, деятели науки и культуры КНР, известные ученые, писатели, поэты и художники, коллеги, друзья и ученики юбиляра, студенты. Была среди них и дочь профессора Цао Сулин.

Заседание открыл бывший проректор Пекинского университета, профессор факультета восточных языков, специалист по древнеиндийской литературе, давний друг Цао Цзинхуа Ци Сяньлинь. В зал вносят огромную корзину великолепных живых цветов. Это Дэн Инчао, вдова Чжоу Эньлая, поздравила Цао Цзинхуа. Зачитали ее поздравление, затем поздравления члена Политбюро ЦК КПК, заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП Ян Шанкуня, секретаря ЦК КПК Дэн Лицюня, заместителя председателя Государственного комитета КНР по образованию Пэн Пэйюня и других государственных и общественных деятелей КНР. С докладом о жизни и деятельности Цао

Цзинхуа выступил кандидат в члены ЦК КПК, секретарь парткома Пекинского университета, член партии с дореволюционным стажем профессор Ван Сюечжэн.

В ходе самого заседания не ощущалось никакой заорганизованности, оно проходило без жестких рамок регламента и какой-либо субординации, не было даже президиума. После доклада о жизни и деятельности юбиляра своими воспоминаниями поделились многие из участников заседания.

За несколько часов заседания перед собравшимися прошла большая жизнь Цао Цзинхуа, в которой отразились важнейшие повороты исторического развития Китая, жизнь яркая, богатая событиями, наполненная постоянным трудом.

Проникновенной, глубоко эмоциональной была речь Гао Мана. Он поставил Цао Цзинхуа в один ряд с Лу Синем и Цюй Цюбо, назвав их революционными писателями, открывшими новое направление в переводной литературе — перевод советской и русской революционной литературы.

Однажды, еще до разгрома пресловутой «четверки», вспоминал Гао Ман, Цао Цзинхуа навестил его. Засиделись допоздна. В 10 часов вечера вышли вместе из дома. Но никак не могли расстаться и продолжали беседу, прогуливаясь. Наконец сели в последний троллейбус. Гао Ман хотел проводить Цао до дома, а тот уговаривал его выйти на ближайшей же остановке, ведь путь неблизкий, а время уже последних троллейбусов. Троллейбус был полупустой и кондуктор, с интересом следивший за их спором, вмешался, пообещав Гао Ману довести «старика» до его остановки и помочь ему выйти из троллейбуса. Гао Ман уступил. В ту памятную ночь он не мог уснуть, вспоминая встречу с Цао Цзинхуа и беспокоясь, как тот добрался до дома. Поздно ночью он записал в своем дневнике: «Кондуктор! Кондуктор! Знал бы ты, какого старика ты сегодня вез!».

Несмотря на праздничную атмосферу, царившую в тот день, налет невысказанной грусти ощущался и в выступлениях, и в настроении всех участников заседания: сам юбиляр не мог присутствовать на торжестве. Все знали, что он тяжело болен, что уже почти год находится в больнице, но голос его, записанный на магнитофоне, все-таки прозвучал. Это было не прощание, а напутствие мудрого старшего коллеги, учителя и друга, обращенное к молодому поколению.

Много добрых, идущих от сердца слов было сказано в тот день о Цао Цзинхуа, старейшине китайских русистов. Выступивший в конце заседания декан факультета, профессор Ли Минбинь сообщил о том, что Пекинский университет принял решение об издании трудов Цао Цзинхуа в 10-ти томах, что и было выполнено дочерью Цао Цзинхуа — Цао Сулин.

Один из выступавших на заседании говорил о том, что у каждого писателя есть свои наиболее характерные для него черты. У Лу Синя — это беспощадная критика, у Мао Дуня — глубокая задумчивость, у Лао Шэ — сатира и юмор, у Цао Цзинхуа — простота и честность. В справедливости этой характеристики мне вскоре довелось убедиться самой.

23 мая профессор Цао Цзинхуа и его дочь Цао Сулин пригласили меня и советского преподавателя факультета русского языка и литературы Пекинского университета С.А. Матвееву навестить их в больнице «Шоуду».

Просторная, светлая палата, чистота и уют. Кровать Цао Цзинхуа и рядом другая, для дочери (она, как мы потом узнали, была постоянно рядом с отцом). Два мягких удобных кресла, журнальный столик и стол, который одновременно служил для них и письменным столом. Отец и дочь в больнице не прекращали работать, эта работа прибавляла им силы в борьбе с недугом. Радужный прием оказали нам Цао Цзинхуа и его дочь Цао Сулин, как и отец отлично владеющая русским языком, автор многих переводов произведений советских писателей, в том числе двух романов К.А. Федина («Первые радости» и «Необыкновенное лето»). Цао был оживлен и бодр для своих лет, несмотря на нездоровье. Он охотно рассказывал о своих давних друзьях — советских писателях,

вспоминал советских китаеведов старшего поколения, тех, с кем вместе работал, был знаком, кому преподавал. Он называл имена, которые мы знаем сейчас лишь по книгам, а для него они были современниками, коллегами, друзьями. Вспоминал он о них с большим уважением и теплом, чувствовалось, что этот человек высоко ценит дружбу. В конце нашего визита Цао Цзинхуа подарил мне свою последнюю книгу. В ней я обратила внимание на одну иллюстрацию к его воспоминаниям о Чжоу Эньлае. Убитый горем седовласый старик с непокрытой головой и траурной повязкой на рукаве стоит на заполненной народом площади Тяньаньмэнь, а рядом, поддерживая его, девушка, видимо, студентка. На мой вопрос: кто этот человек, Цао задумчиво улыбнувшись, ответил: «Это — я». И вот что рассказала мне его дочь Сулин в связи с этой иллюстрацией. С Чжоу Эньлаем Цао Цзинхуа связывала многолетняя дружба. Когда Чжоу Эньлай умер, в течение всех траурных дней рано утром Цао шел пешком с улицы Фусинмэньвай дацзе на площадь Тяньаньмэнь к дому ВСНП, чтобы почтить память близкого ему человека. Ему самому тогда уже шел 79-й год.

Пришло время уходить, но не хотелось расставаться. Прощаясь, я пообещала Цао Цзинхуа, что по возвращении в Москву непременно напишу статью о нем, о юбилейном заседании, о нашей встрече. (Свое обещание я выполнила многократно.) Тогда Цао Цзинхуа обратился ко мне с просьбой. Он посетовал, что очень долго не присылают ему последний том подписного издания Константина Федина и попросил посодействовать. Что я и выполнила на следующий день по возвращении в Москву. Позвонила Нине Константиновне Феединой, дочери писателя, передала ей просьбу Цао Цзинхуа. На следующий день она сама привезла мне том, который я тут же передала Г.В. Куликовой. При ее содействии книга очень быстро была доставлена Цао Цзинхуа.

Страна, с которой Цао Цзинхуа связал свою судьбу, высоко оценила его большой вклад в укрепление советско-китайского культурного сотрудничества и популяризации русской и советской литературы в Китае. В мае 1987 г. ему присвоили звание почетного доктора Ленинградского государственного университета. Тогда же группа советских дипломатов во главе с послом СССР в КНР О.А. Трояновским посетила Цао Цзинхуа в больнице. Советский посол поздравил юбиляра и вручил ему диплом почетного доктора ЛГУ. А через 3 месяца, 11 августа, в день рождения Цао Цзинхуа, Указом Президиума Верховного Совета СССР за большой вклад в укрепление советско-китайского культурного сотрудничества, за заслуги в популяризации русской и советской литературы и в связи с 90-летием он был награжден орденом Дружбы народов. Высокую правительственную награду вручил Цао Цзинхуа посол О.А. Трояновский. С юбилеем тепло поздравило Цао Цзинхуа Общество советско-китайской дружбы.

Ушел из жизни Цао Цзинхуа 8 сентября 1987 года. На гражданской панихиде гроб Цао Цзинхуа был накрыт знаменем с начертанными на нем иероглифами «И дай цзун ши» — «Учитель целого поколения». Похоронили его на кладбище Бабаошань, где хоронят людей, имеющих большие заслуги перед своей страной, перед своим народом.

Жизнь Цао Цзинхуа — целая историческая эпоха, вместившая в себя почти весь XX век и прожитая им вместе со своей страной. В то же время значительная часть его жизни была неразрывно связана и с нашей страной, нашей культурой. Через всю жизнь он пронес твердое убеждение в особой важности дружбы наших двух народов, в благотворности взаимовлияния русской и китайской культур. Служению этим высоким целям Цао Цзинхуа посвятил свою деятельность педагога, переводчика, писателя, общественного деятеля.

Основные переводы Цао Цзинхуа произведений русской классической и советской литературы:

1. А.П. Чехов. «Три сестры», «Вишневый сад», одноактные пьесы «Медведь», «Предложение», «Свадьба» и «Юбилей».
2. М. Горький. «9-е января».
3. Б.А. Лавренев. «Сорок первый».
4. А. Серафимович. «Железный поток».
5. А.М. Шолохов. «Наука ненависти».
6. А.Н. Толстой. «Хлеб».
7. К.А. Федин. «Города и годы».
8. К.М. Симонов. «Жди меня», избранное из «Югославской трагедии».
9. В. Василевская. «Радуга».
10. В.П. Катаев. «Я сын трудового народа», «Сон».
11. Ю. Крымов. «Танкер Дербент».
12. Л.М. Леонов. «Дорога на Океан», «Нашествие», «Взятие Великошумска».
13. С.В. Михалков. Сборник стихов «Голубой конверт».
14. «Голубой ковер»: сказки народов СССР.
15. «Рассказы о Ленине».
16. «Рассказы о Чапаве и других».

-
1. *Лу Синь*. Собр. соч. Т. 2. М., 1955. С. 385–386.
 2. По возвращении 4 января из Риги в Петербург А.М. Горький узнал о готовившемся мирном шествии рабочих с петицией к царю, организованной провокатором Гапоном, руководителем «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». 8 января в составе делегации литераторов и ученых, избранной на собрании интеллигенции в редакции газеты «Наши дни», Горький был на приеме у товарища министра внутренних дел К.Н. Рыздзевского и у председателя Комитета министров С.Ю. Витте с просьбой, «чтобы петиция рабочих была принята, и чтобы войско не отвечало выстрелами на мирную демонстрацию» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 238). 9 января писатель участвовал в шествии и был свидетелем расстрела рабочих у Троицкого, Певческого, Полицейского мостов, на Дворцовой площади. В тот же день он составил воззвание «Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств» (Горький М. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1970. С. 500).
 3. Паниошкин Александр Семенович (1905–1974), дипломат, чрезвычайный и полномочный посол. На дипломатической работе с 1939 г. В 1939–1944 гг. — полпред (с 1941 г. — посол) СССР в Китае; в 1947–1952 гг. посол СССР в США и одновременно представитель СССР в Дальневосточной комиссии для Японии; в 1952–1953 гг. — посол СССР в КНР. Участвовал в работе ряда международных совещаний и конференций.
 4. *Тихвинский С.Л.* Возвращение к Воротам небесного спокойствия. М., 2002. С. 51–52.
 5. ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей было основано в 1925 г. для ознакомления советской общественности с достижениями науки и культуры зарубежных стран и популяризации культур народов СССР за границей. Переписка между советскими и зарубежными деятелями науки и культуры осуществлялась через ВОКС. В 1958 г. ВОКС было упразднено в связи с образованием Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД).
 6. *Шнейдер М.Е.* Русская классика в Китае: Переводы. Оценки. Творческое освоение. М., 1977.

Образ России и русских в «Путевых заметках о новой России» Цюй Цюбо

© 2017

Е.В. Сенина

В статье анализируется образ России и русских в одном из первых произведений новой китайской литературы о России. Большое внимание в работе уделяется рассмотрению китайских социокультурных стереотипов и установок по отношению к русским, выделяются основные национально-психологические характеристики русских.

Ключевые слова: образ России, образ русских, китайская литература, Харбин, этнокультурные стереотипы и установки.

В начале XX века в Китае зарождается реформаторское движение — «Движение за новую культуру»¹. Оно было связано с всеобщим стремлением китайского общества к изменению социального строя, к формированию нового типа этнического и культурного сознания. Передовые китайцы стали проявлять искренний интерес к иностранной культуре и знакомить свою родину с основами культуры и литературы, экономическими достижениями западного мира. Россия в этот период также ассоциировалась в китайском сознании с Западом. В конце XIX века появляются первые китайские переводы русской и европейской художественной литературы². Конечно, далеко не все китайцы могли познакомиться с произведениями русской литературы. Такой преференцией обладали только образованные люди — аристократия, чиновники, литераторы и учителя, философы, деятели культуры³. Но именно на основе этих переводов стал складываться образ России и русских в китайской литературе.

Источником создания «русских» сюжетов стала не только русская классика XIX века, но и опыт непосредственного общения китайцев с русскими, появившимися на Северо-Востоке Китая с началом строительства КВЖД и после революции создавшими там свой анклав. Основной массой русского населения Харбина накануне 1917 г. были железнодорожники и члены их семей, предприниматели, учителя, врачи и др. В то время никто не предполагал, что многие из них обречены на вечную эмиграцию. После революции 1917 г. и Гражданской войны ряды русских эмигрантов пополнили вновь прибывшие представители всех категорий российского общества: городские обыватели, торговцы, чиновники, учителя, инженеры, врачи, крестьяне и рабочие, университетские профессора, журналисты, писатели и поэты, а также изгнанные из Советской России оппозиционные государственные, политические и общественные деятели, военачальники и рядовые белой армии,

Сенина Екатерина Владимировна, аспирант, ассистент кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета (г. Благовещенск).
E-mail: katty-senina@mail.ru.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда; проект № 14-18-00308 «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)».

казаки. Они попали в «почти Россию», в город, где сохранялась и развивалась русская культура⁴. Образ жизни российских эмигрантов в Харбине дал возможность китайским литераторам познакомиться с той страной и тем русским укладом, которых в 1920-е годы уже не существовало. Тем любопытнее был этнокультурный опыт, который китайские литераторы смогли обрести в русском Харбине. Он стал основой для ряда китайских писателей, создавших произведения реалистического направления о России и русских.

Одними из первых публицистических произведений о русских и России стали путевые заметки Цюй Цюбо. Цюй Цюбо (1899–1935) — выдающийся китайский писатель, журналист, переводчик русской классической и советской литературы, деятель культуры, один из первых руководителей Коммунистической партии Китая, пропагандист марксизма.

4 ноября 1920 г. в Харбине Цюй Цюбо пишет, что решил покинуть свой край, свою родную страну Китай и отправиться в чужое ему государство, где совершилась Октябрьская революция. Его угнетает осознание тяжелых условий жизни народа в своей стране и невозможность изменить ситуацию, где «мрак, мгла, зловоние, грязь и сырость, пронизывающий ветер. С самого рождения я не видел ни капли света, даже не могу себе его представить <...> Я знаю одни страдания и ни капли радости! Здесь ничто меня не удерживает. Вырваться бы отсюда поскорее, но куда податься? Да, меня ничто здесь не удерживает, а уехать не хватает духу... Странное чувство владеет мною! Я понял наконец, что обречен на вечные страдания и должен с ними примириться. Я понял это, осознал, не могу только облечь в слова зародившееся в моей душе смутное желание <...> Так тяжело, когда вокруг одни страдальцы — такие, как ты сам! Я решился и уехал!»⁵. Отсутствие духовного и материального благополучия на родине приводит автора путевых заметок к решению сменить обстановку и искать «тепло и солнце» в стране, где произошли исторические события, изменившие мир. Образ далекой страны окрашен в сознании автора в красный цвет — цвет жизни, радости, счастья и любви в китайской культуре. «Алый, как кровь, озарил весь необъятный мир. Окрашенные кровью, пролитой в боях, цветы по всей земле зажглись багрянцем, будто на закате, заблестели, будто лучи солнца в утренней росе. Все засияло. Как ни велика вселенная, но скоро в каждом ее уголке зажжется красный свет. Красный цвет!»⁶. Писатель верит, что русский народ, сбросивший ярмо царизма, стал свободным и несет волю от рабства другим угнетенным во всем мире.

Цюй Цюбо предстояло преодолеть тысячи километров, чтобы попасть в «красную столицу» — Москву. Еще до въезда в Россию 20 октября 1920 г., прибыв на станцию Чанчунь, писатель из окон вагона впервые увидел русских людей. Они произвели на него удручающее впечатление: «...засаленные меховые шапки <...>, густые брови возниц <...>, суровые русские лица, угрюмые и печальные. Поездная прислуга на КВЖД, уже находившаяся формально в ведении китайской администрации, состояла из русских, в основном, уроженцев Сибири»⁷. Почувствовавшая послереволюционную вольницу, эта прислуга недобросовестно относилась к своим прямым обязанностям: «интерьер вагонов находился в запущенном состоянии»⁸.

Попав в Харбин, Цюй Цюбо метко определил, что «Харбин жил своей особой жизнью, носившей русские черты»⁹. Двухмесячное пребывание в Харбине дало писателю возможность изучить русских и поделиться своими впечатлениями с читателями его путевых заметок. В Харбине в начале 1920-х годов проживало уже около 166 тыс. русских (через несколько лет эта цифра перевалит за 200 тыс.), переселившихся в Китай по разным историческим причинам¹⁰. Город уже являл все признаки упадка былого величия: улицы, подворья находились в крайне неряшливом состоянии: «Так вот, оказывается, какие они, эти западные люди»¹¹. Цюй Цюбо сразу определил русскую цивилизацию как «наполовину европейскую»¹². Он интересовался русской прессой, но не получил из нее серьезных сведений (это было «безвременье», когда волны революции докатыва-

лись до Харбина только отголосками)¹³; торговлей, которая тоже находилась в плачевном состоянии («бумажный рубль царского времени катастрофически падал в цене»¹⁴).

Безусловно, китайский автор смотрел на харбинскую жизнь сквозь явную прокоммунистическую призму. В Харбине ему бросились в глаза контрасты в социальном, политическом и культурном плане между китайцами, тесно связанными семейными и служебными связями с русскими, и русской буржуазией, укоренившейся в китайском городе. Довольная жизнью русская буржуазия открыто поддерживала японцев, а простые труженники-китайцы дружили с русскими «низамы» и явно симпатизировали последним. «Русские трудящиеся никогда не имели дурных намерений по отношению к народу Китая»¹⁵, — пишет Цюй Цюбо. «А буржуи-эмигранты, сытые и гладкие, беззащитно яхшуются с японцами, затевают вместе с ними всякие махинации <...> и строят планы на восстановление России на началах бывшей монархии»¹⁶.

Длительная остановка в Харбине стала очень плодотворной для писателя, он много встречался «с русскими друзьями». Они снабдили его литературой (книгами, газетами и другими материалами) на русском языке.

С большой теплотой и доброжелательностью рассказывает Цюй Цюбо о задушевной беседе с семьей толстовцев из России, живущей на окраине Харбина. Автор обращает внимание на приветливость и гостеприимство русских: «У них дома можно было хоть немного отдохнуть от изрядно надоевшей харбинской сутолоки, свойственной всем небольшим городам. <...> Они принялись хлопотать, приготовили чай, угощение»¹⁷. За столом шла оживленная беседа и о поездке писателя в Россию, и о русской культуре, о ее самобытности, о сильном влиянии религии. Хозяева рассказали, как трудно живется в Советской России: нищета — это главное, что беспокоило русскую семью, живущую в Китае. При этом Цюй Цюбо понял, что местные русские не знают ни Китай, ни его культуру, хотя, по их словам, желание изучать китайскую историю и язык было велико, но осуществить это в Харбине было практически невозможно. Весь город говорил порусски, даже китайцы. Русские извозчики плохо ориентировались на улицах Харбина и возмущались тем, что китайцы не признают русских названий улиц. Автор критикует и себя: «Ты сам тоже хорош... Ездишь, ездишь по китайской земле, а ни малейшего представления не имеешь о китайских названиях улиц»¹⁸. Цюй Цюбо приводит красноречивую реплику самих русских: «Так нам же не довелось побывать в Китае. Неужели вы считаете Харбин Китаем? Русские ведут здесь свой, чисто русский образ жизни, и не так уж много у них возможностей для ознакомления с китайской культурой»¹⁹. Цюй Цюбо негодует: «Живя в Китае, они, оказывается, так и не узнали по-настоящему китайской жизни, китайской культуры. В каждом китайце они видели либо кули, либо мелкого торговца»²⁰. Незнание китайской культуры русскими харбинцами было связано, во-первых, со специфическим социокультурным составом китайского и маньчжурского населения, в основном состоящего из обслуживающего персонала и торговцев. Во-вторых, русское и китайское население Харбина жили в разных районах города. Русские боялись заходить в китайский район, так как там обосновались многочисленные криминальные элементы²¹. Писателя удивило и то, что русские совсем не знакомы с искусством китайской кухни. Но где же им было узнать это искусство, если в Харбине, кроме харчевен и палаточных столовых, не было ни одного фешенебельного китайского ресторана²².

Цюй Цюбо делит русских харбинцев на два типа, определяя их как «европеизированную русскую буржуазию» и «маоцзы-русские»²³. «Улица Китайская»²⁴ кишит русскими. Одни сидят, близко придвинувшись друг к другу, на стульях, расставленных вдоль тротуара. Другие прохаживаются туда-сюда, разговаривая между собой и оживленно жестикулируя. Некоторые выходят из лавок и магазинов с огромными свертками. В ярком свете уличных фонарей и сверкающих огнями витрин порхают, словно мотыльки среди цветов, парочки. Аромат духов, модные наряды и прически с локонами у висков, лисьи горжетки, галстуки бабочкой из синего атласа. Вся эта роскошь призвана показать

товар лицом и всячески прославить цивилизованность европеизированной русской буржуазии»²⁵. И на фоне этого «товара лицом», как иронично замечает писатель, мы видим и другую сторону харбинской действительности — «маоцзы-русских»: просящих милостыню нищих, воришек, сбывающих краденое в харчевнях китайцам. Хозяин харчевни, китаец, жалуется писателю на несправедные дела русских, осуждает их и беспокоится, что среди бедного населения русских маоцзы — явление неприятное.

Цюй Цюбо, окончивший Пекинский институт русского языка, встретил в Харбине своих однокурсников, некоторые из них работали в редакциях русских газет, на КВЖД, в фирме «Утун»²⁶. Прогуливаясь с ними по набережной реки Сунгари, он увидел две стороны жизни Харбина. С одной стороны, архитектуру иностранных застроек, а с другой — жуткую нищету и убогость Харбина, «китайской колонии царской России». «Китайцы-северяне живут в тяжелых условиях: улицы и дороги унавожены, глинобитные хижины, жалкие заборы, непросыхающая грязная жижа во дворах. Такова истинная картина жизни здешних китайцев»²⁷. Такой архитектурный и эстетический контраст приводит в недоумение автора очерка. Отрицая укорененное в его сознании конфуцианское довольство минимумом (автор происходил из сословия *шэньши*, которое выступало носителем конфуцианской морали), Цюй Цюбо провозглашает, что настало время «перестройства всего комплекса культурных и материальных условий жизни»²⁸.

10 декабря 1920 г. китайский писатель отправился в Россию. Он едет на Запад, в «западный мир». Здесь, за «воротами свободы», автор надеется встретиться с совсем иным типом русских.

Не ускользнула от внимательного взгляда Цюй Цюбо и сибирская природа: «Сопки, как стена, заключили в свои объятия город. Вершины сопки поросли седыми сосками и елями, покрытыми снегом. Они издали поглядывают на пятицветный флаг и улыбаются, сверкая удивительно чистой зеленью. По станции снуют с деловым видом люди в засаленных, выдавших виды тулупах. Открываешь дверь в зал ожидания и чувствуешь тепло. Прогуливаясь мимо зала, неизменно ощущаешь “дурной запах русских мужиков”»²⁹ (перевод мой. — Е.С.) Таким «одоризированным» оказалось первое непосредственное впечатление писателя о России. Отметим, что М.Е. Шнейдер дает, на наш взгляд, неточный перевод, отдающий сарказмом: «Открываешь дверь в зал ожидания — в нос ударяет спертый воздух. Даже прогуливаясь мимо зала, неизменно ощущаешь “русский дух”»³⁰. Китайского автора в прямом смысле слова коробит «дурной запах», ведь в китайской эстетике особое отношение к запаху, есть даже пословица «ни звука, ни запаха» («*у шэн у сю*», в значении: быть незаметным, жить в безвестности)³¹.

Цюй Цюбо называет Читту «пассивной колонией» Китая, где слышна «смесь восточного говора с западным, <...> на базаре китайская чайная, китайская парикмахерская»³². Знакомясь с общественной жизнью города, автор посещает читинский театр, «оставшийся в наследство от буржуазии». Новые впечатления он старается зафиксировать в мельчайших подробностях: «Все здесь выглядит весьма культурно, но кажется как-то маленьким, словно в миниатюре. У дверей — часовые-красноармейцы. В фойе ярко сияют люстры, неторопливо прогуливаются мужчины и женщины, среди них попадаются нарядно одетые»³³.

Просвещенному китайцу удалось увидеть собственными глазами «частичку сибирской жизни» на примере одной семьи. «Мы разыскали дом, где жили родственники моего харбинского знакомого, вошли в ворота и очутились в просторном дворе. Здесь стояли на привязи коровы и лошади, чуть поодаль видны были ведра с молоком. Сам дом, точнее русская изба, был неказистый, но крепкий. Нас пригласили в небольшую, чисто прибранную горницу. Хозяйка, узнав, что мы привезли ей письмо, приняла нас очень любезно. Она знала немного по-французски и, увидев, что русским мы владеем недостаточно хорошо, принялась расспрашивать нас, то и дело вставляя в русскую речь французские слова»³⁴. Гостей пригласили на ужин, где китайцам очень понравился черный хлеб. В этой семье ав-

тору довелось познакомиться с еще одним русским, который злобно отзывался о большевиках. «С виду интеллигентного человека» Цюй Цюбо описывает так: «надменное лицо, неопрятная борода и усы, всклокоченные волосы. Он нервно теребил рваный галстук-бабочку на грязной шее, кутался в черный меховой воротник и укоризненно качал головой»³⁵. Очевидно, что это был один из тех, кто не принял новый социальный строй.

Целью поездки публициста было практическое познание российской действительности. Цюй Цюбо стремился изучить теорию научного коммунизма в России и определить «значимость этой общественной системы для культуры человечества, изучить русскую культуру — часть общечеловеческой культуры, исходный пункт перехода от старой культуры к новой»³⁶.

Далее, по пути следования поезда, Цюй Цюбо довелось пообщаться с русским населением Сибири и встретиться с русскими солдатами: «Мимо нашего поезда в обоих направлениях идут и идут воинские эшелоны. Бойцы в изодранных шинелях и грязных меховых папахах то и дело высовываются из теплушек и жадно глядят на наш завтрак — рисовую кашу, говядину и капусту. Спустя некоторое время напротив наших окон останавливается еще один эшелон. Бойцы делают нам знаки, прося закурить. Мы угощаем их сигаретами, и, не переставая благодарить нас, они едут дальше»³⁷. В Иркутске путешественники столкнулись с еще более удручающей обстановкой, нежели в Чите. Разруха, голод, спекуляция, тяжелое положение крестьянства и другие экономические и социальные трудности позволили корреспонденту сделать вывод, что далеко не все жители согласны с программой большевиков и установлением новой власти³⁸. В Омске обстановка была не лучше: «люди в ужасных лохмотьях, процветание воровства продуктов питания»³⁹. Настроение рассказчика меняется, он постепенно впадает в отчаяние: «от всего пережитого у меня лишь одно впечатление: будто всю вселенную окутала мрачная атмосфера холода и безмолвия. Сам я нахожусь в крайне подавленном состоянии»⁴⁰. Но это — временное «*кружение чувств*». Цюй Цюбо не теряет веры в русский народ, то и дело говоря самому себе: «взгляни, как тихие, милые “русские мужички” (имеются в виду крестьяне. — *прим. Е.С.*) вот уже сто лет ведут героическую борьбу за свободу... Но только теперь, не отказываясь по-прежнему от своих устремлений, они вынуждены признать руководство со стороны другой, находящейся вне их самих общественной силы»⁴¹. Интересно и то, что писатель называет Сибирь «*средневековым обществом с полуфеодальным экономическим укладом*»⁴², отождествляя его со старой формацией, имея в виду, что люди, живущие здесь, еще не поняли сущность революции и нового социального строя.

На одной из маленьких станций автор становится свидетелем отрадной для него сцены, участники которой — старик «с простым и честным лицом» и два малыша лет семи-восьми. Дети помогали деду убирать снег с железнодорожного полотна дороги и делали это «с удовольствием, как бы играя». Затем, разделив и съев горбушку хлеба, начали играть в снежки. Дед перестал работать и с любовью наблюдал за возней внуков. В душе китайского путешественника «глубоко запечатлелись и мягкая, доброжелательная, светящаяся блаженством и радостью улыбка старика, занятого физическим трудом, и вид ребятишек — таких веселых, подвижных, непосредственных»⁴³. Автору-китаю весьма импонируют уважение к старшим, любовь к детям — чувства, отвечающие китайским этнокультурным установкам.

У подножия западных склонов Уральского хребта, на небольшой станции, общаясь с русской крестьянкой, меняющей целую корзинку куриных яиц на соль, Цюй Цюбо увидел то, что уже повторялось в Восточной Сибири: обесценивание денег, отсутствие соли, сахара, разной материи. И только после Урала обстановка в стране, которую китаец мог наблюдать из окон вагона спецпоезда⁴⁴, начинала постепенно меняться. Путешественник приближался «к индустриальным районам России». «Средневековье», по словам автора, переходило в «современность». «Пассажиры на станциях, следующие в разных направлениях, одеты значительно лучше, аккуратнее, поведение — сдержаннее»⁴⁵.

25 января 1921 г. писатель Цюй Цюбо наконец приехал в «голодный край» — Москву. «В первый же вечер Красная столица произвела на меня глубокое впечатление»⁴⁶, — вспоминает он. Башни Кремля, Большой театр, Третьяковская галерея — всё восхищало китайского корреспондента. Вот что пишет автор о галерее: «Здесь светоч русской культуры не померк»⁴⁷. Как будто и не было разрушительных революционных катаклизмов. И с пафосом, присущим китайскому писателю, он изрекает: «Юнец с Востока, приехавший в Красную столицу, готовится испытать до дна живительную влагу культуры новой и старой России»⁴⁸.

Находясь в Москве, публицист смог, как ему показалось, «заглянуть в самую душу общества»⁴⁹, используя для этой цели свой литературный дар. Москва, по утверждению автора, — центр мировой революции, которую он именует *Красным прибором*.

Частная жизнь простых русских людей глубоко волновала Цюй Цюбо. Он ставил своей целью понять их характеры, духовные переживания, заботы, их личностное отношение к жизни после Октябрьской революции. В доверительных беседах они раскрывали ему самое сокровенное, не стесняясь своих слабостей и сомнений. «Юноша с Востока», как назвал себя двадцатидвухлетний Цюй Цюбо, был отличным слушателем, деликатным и отзывчивым. А судьбы людей были разными. Так, один из москвичей поведал гостю свою историю жизни. Это был бывший военный царской армии, а ныне — офицер Красной армии. «На вид лет около тридцати, но между бровей у него уже пролегли глубокие морщины — печать тяжелых испытаний, выпавших на его долю. На нем красноармейская форма, он то и дело поглаживает рыжие усы. Хозяин сидит за столом, перед ним — гость с Дальнего Востока, и хотя разговор еще не стал по-настоящему оживленным и душевным, они уже почувствовали взаимную духовную близость. <...> Откуда вам, китайскому молодому человеку, знать о духовных переживаниях и заботах далекой России? Понять их подлинный смысл может только тот, кто сам пережил нечто подобное... Желания и устремления, во имя которых живут люди, до конца понять трудно. Как вспомню, что довелось мне перенести в своей жизни, много горьких мыслей охватывает меня! Во время мировой войны был я на германском фронте: жизнь в окопах, грохот рвущихся снарядов, над головой самолеты, под ногами — грязь, сырость. Первое время от каждого орудийного залпа сердце начинало безудержно колотиться, и так продолжалось минут десять, а то и больше. Причем это был не страх, а нечто другое. Потом привык ни на что не реагировать, нервы словно омертвели, но даже когда спал, в ушах стоял ужасный грохот. И утром, и вечером — круглые сутки ты охвачен или неистовым буйством, или отчаянием. Семья, родина, родители, братья, любовь — все куда-то подевалось. Мы были так подавлены, что не хватало сил ни думать, ни вспоминать о чем-либо. Как только началась Октябрьская революция, большевики освободили нас от всего этого, положив конец войне. Я вернулся в Петроград и снова встретился со своей женой, которую очень люблю...»⁵⁰. Много историй из своей нелегкой жизни поведал офицер китайскому корреспонденту. Заканчивая беседу с «юнцом с Востока», офицер Военной академии сказал: «Если ты служишь народу и служишь самоотверженно, — ты найдешь в этом удовлетворение, а если думать только о себе, — будешь обречен на страдания»⁵¹. Такова, по мысли китайского публициста, была жизненная установка не только бывшего военного царской армии, а ныне — офицера Красной армии, но и большинства русских, принявших после революции новый государственный строй, — «самоотверженное служение народу».

Цюй Цюбо выступает как наблюдатель-интуитивист. Его суждения о русских зачастую субъективны, основаны на собственных представлениях и стереотипах. Однако и в этих деталях можно обнаружить весьма интересные универсальные этнокультурные константы, характеризующие китайцев и в то же время обнажающие разность двух культур. Так, помимо положительных качеств Цюй Цюбо отмечает «дурную привычку» русских неряшливо относиться ко времени, не ценить его. По его мнению, это обычно проявлялось именно в проведении мероприятий в часы досуга: концертов, спектаклей и т.д.

Впоследствии он заявил одному из ребят, приглашенных на просмотр пьесы: «...вы, русские, хоть и совершили величайшую из всех революций, но никак не избавитесь от одной дурной привычки: говорите, что начало в семь, а никогда раньше половины девятого не начинаете»⁵². Очевидно, что такое внимание к «непунктуальности» русских кроется в особенном отношении китайцев ко времени. Китайские пословицы гласят: «Время деньги дает, а на деньги время не купишь», «Время — золото»⁵³. В Китае пунктуальность считается символом добродетели, время — ценностью. Культурно-массовые мероприятия в Китае всегда начинаются вовремя, при этом в России допускается 5–10 минут «театральных». Лу Синь говорил: «Тратить время других все равно, что в погоне за богатством погубить чью-то жизнь»⁵⁴.

В заметках Цюй Цюбо можно выделить три типа русских. Во-первых, это русские харбинцы — люди, живущие *старой* русской жизнью, очень религиозные, переживающие за свою родину Россию, формально их можно разделить на бедных и богатых. Во-вторых, русские от Забайкалья до Урала — нищие, голодные, не понимающие, к чему ведет новый строй, но радушные и терпимые. В-третьих, это москвичи — голодные, но верящие в светлое будущее социалистического государства, люди культурные. Все они разные, но похожи друг на друга своей русской душевной широтой. Цюй Цюбо мастерски воссоздал образы встреченных людей, отобразив новую инокультурную для него реальность — жизнь русских.

Возвращаясь в Китай, автор замечает, как постепенно налаживается движение по железной дороге: «Раз в неделю из Читы в Москву и обратно уже ходил курьерский поезд со спальными вагонами»⁵⁵, в поезде имелся вагон-ресторан, а на станциях был кипятилок и кое-какие продукты. В вагонах стало чище, они выглядели «в сто раз лучше», чем те, в которых он ехал в Россию два года назад. С оформлением виз на станциях была еще волокита, автор отметил такую черту русских, как терпеливость. «До чего же терпеливый народ эти русские, — стоят в очереди и ждут, строго соблюдая порядок»⁵⁶. Это замечание писателя не удивительно. Китайцы — народ, любящий толпу; соблюдать очередь для китайца затруднительно. Люди собираются в кучу, устраивают толкотню и в этом находят удовольствие⁵⁷.

Покидая Россию, Цюй Цюбо с грустью замечает: «...простота природы, рост новых, глубинных сил, само время, безудержно идущее веред, к светлому будущему, — все это привязывает человека к себе. Конечно, есть еще в России немало бестолковщины, но это нисколько не мешает ей быть первым в мире государством нового типа, государством рабочих и крестьян»⁵⁸. Особенно автору запомнилась последняя встреча в России с простым русским человеком. «Я зашел в дом в надежде найти там что-нибудь перекусить, так как в ожидании поезда на границе я изрядно проголодался и продрог. Едва я переступил порог рубленой избы, как на меня пахнуло подлинным миром и теплом. У пышущей жаром печи я пил чай с хлебом, наблюдая за тем, как жена солдата (хозяина дома) печет пироги к Рождеству. Утварь в избе была крайне простая и грубая, на стене висела старая, потрепанная карта Европы и Азии. Хозяева приняли меня очень радушно»⁵⁹.

В послесловии Цюй Цюбо положительно оценивает события, которые произошли в начале XX века в России. «Поэтому, — считает писатель, — мы, китайцы, должны во что бы то ни стало придерживаться того же курса, что и русские»⁶⁰. Он благодарит судьбу, что пребывание в Советской России позволило ему «найти самого себя», свое видение мира. «Свет маяка», как метафорично называет автор Россию, — «спасение для одинокого, несчастного сироты, отправившегося в дальний путь из родных мест и приехавшего в совершенно чужую страну, презрев многие трудности, связанные с плохим общением, с непривычной грубой пищей, застревающей в горле. “Голодный край” с его “голодом” — чьей-то злостной выдумкой — перековал меня, человека очень мягкого — хоть веревки вей — в настоящую сталь»⁶¹.

Путевые заметки Цюй Цюбо — одно из первых произведений китайцев о новой России. Он выделяет основные национально-психологические характеристики, которые совпадают с этнокультурными стереотипами, устойчивыми представлениями о русских: гостеприимство, радушие, терпимость, открытость, доброта, иногда безответственность, недисциплинированность, халатность. Стремление изменить свою жизнь стимулировало интерес писателя к познанию новой, *другой* общественной системы, культуры. При этом, являясь сторонником «Движения за новую культуру», Цюй Цюбо все же высказывается за сохранение созданных веками культурных традиций, что свойственно конфуцианской этике.

1. См.: *Цюй Цю-бо*. Избранное. М., 1975. 224 с.; *Черкасский Л.Е.* Новая китайская поэзия. М., 1972. 481 с.; *Федоренко Н.Т.* Очерки по истории китайской литературы. М., 1956. 733 с.; *Шнейдер М.Е.* Цюй Цю-бо — революционер, писатель, боец. М., 1960. 30 с.
2. См.: *Сенина Е.В.* Социально-политические и социокультурные предпосылки интереса к русской литературе в Китае (первая половина XX в.) // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. Исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. С. 173–180.
3. См.: *Барлукова О.Д.* Китайская интеллигенция в условиях модернизации общества (последняя четверть XX века): монография. Улан-Удэ, 2008. 115 с. URL: http://elibr.bgsha.ru/text/2008/bod2008_01.pdf.
4. См.: *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае. М., 2005. С. 120–138; *Забияко А.А., Забияко А.П., Легошко С.С., Хисамутдинов А.А.* Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. С. 141–154; *Сенина Е.В.* Образ «белоземляков» в китайской литературе 20–40-х гг. XX в. // *Русский Харбин, запечатленный в слове*. Проблемы социо- и этнокультурной идентичности: Сб. науч. работ. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2016. Вып. 7. С. 113–121.
5. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки о новой России / Публицистика разных лет: [сб.]: пер. с кит. / отв. ред. и сост. Л.П. Делюсин. М.: Наука, 1979. С. 15.
6. Там же. С. 16.
7. Там же. С. 42.
8. Там же.
9. Там же. С. 44.
10. См.: *Аблова Н.Е.* Указ. соч. С. 120–138; *Балакишин П.П.* Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1. М., 2013. С. 158–169; *Забияко А.А., Забияко А.П., Легошко С.С., Хисамутдинов А.А.* Русский Харбин... С. 141–154; *Мелихов Г.В.* Белый Харбин: середина 20-х. М., 2003. 440 с.
11. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки... С. 44.
12. *Qi Qiubai*. Youji. Exiang jicheng chi dou xinshi: [Путевые заметки. Записки о голодном крае]. Пекин: Изд-во «Восток», 2007. С. 22.
13. *Забияко А.А.* Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск, 2016. С. 3–20.
14. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки... С. 46.
15. Там же. С. 50.
16. Там же. С. 49.
17. Там же. С. 54.
18. Там же. С. 56.
19. Там же.
20. Там же.
21. См.: *Забияко А.А., Забияко А.П., Легошко С.С., Хисамутдинов А.А.* Русский Харбин... С. 181–182.
22. См.: *Сенина Е.В.* «Я скучаю по харбинской жизни»: Социокультурные и этнокультурные процессы 1930–1950-х гг. в сознании дальневосточных эмигрантов // *Русский Харбин, запечатленный в слове*... С. 32–38.

23. *Маоцзы* или *лаамаоцзы* — дословно «волосатый», презрительное именование европейца на Северо-Востоке Китая (как правило, русских).
24. Улица Китайская — район Пристань, от улицы Диагональная до тюрьмы и городского парка. См.: План города Харбина и Фудзядана с прилегающими окрестностями, 1931 г.
25. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки... С. 56–57.
26. «Утун» — пароходная компания, образована 21 июля 1918 г. в Харбине для перевозки грузов. Помимо пров. Хэйлунцзян, пароходы компании работали еще на 16 маршрутах в северных провинциях, в основном по р. Сунгари.
27. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки... С. 58.
28. Там же.
29. Там же. С. 37.
30. Там же. С. 70–71.
31. В разделе социологии, изучающем теорию запахов (Г. Зиммель, К. Классен, Д. Хоувз, Э. Синнот) говорится, что «у каждой этнической группы есть свой личный запах или набор таких <...> пахнут всегда “чужие”». Цит. по: Ароматы и запахи в культуре. Изд. 2-е, испр. Книга 1 / сост. О.Б. Вайнштейн. М., 2010. С. 389–412.
32. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки... С. 71.
33. Там же. С. 72.
34. Там же. С. 73.
35. Там же. С. 74.
36. Там же. С. 83.
37. Там же. С. 85.
38. Там же. С. 88.
39. Там же. С. 91.
40. Там же.
41. Там же.
42. Там же.
43. Там же. С. 95.
44. Цюй Цюбо направлялся в Россию на поезде дипмиссии Китая в составе китайского консульства.
45. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки... С. 95.
46. Там же. С. 97.
47. Там же. С. 101.
48. Там же. С. 102.
49. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки о новой России. Очерки и статьи, с комментариями. М., 1959. С. 64.
50. Там же. С. 71.
51. Там же. С. 73.
52. Там же. С. 82.
53. «И цунь гуаньбинь и цунь цзинь, цунь цзинь нань май цунь гуаньбинь». См.: Большой китайско-русский словарь. URL: <http://bkrs.info>
54. *Wen Wangpeng*. Shoushi de zhongyao xing: [Важность пунктуальности]. URL: http://wenku.baidu.com/link?url=-x38LaSVUFG3eubveD1AaLpUjR0qrAuoOTA30-mu_7i91Jsvx5ZV4WMZch0j_r91Afo7VWO1-DkNfTc20wyG_st360510Is3n-haSaLrIH7 (дата публикации: 17.08.2012)
55. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки о новой России... С. 83.
56. Там же. С. 84.
57. См.: *Спешнев Н.А.* Китайцы: особенности национальной психологии. СПб, 2012. С. 306.
58. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки о новой России... С. 84.
59. Там же. С. 85.
60. Там же. С. 105.
61. Там же. С. 106.

Научная жизнь

93

Научная конференция Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН

15 и 17 марта 2017 г. состоялась ежегодная научная конференция Центра политических исследований и прогнозов (ЦПИП) ИДВ РАН «Социально-политическая ситуация накануне XIX съезда КПК». В работе конференции приняли участие более 50 ученых и специалистов ИДВ РАН, научно-исследовательских институтов и вузов из Москвы и других регионов России. К обсуждению были представлены 28 докладов, сгруппированных в три секции: «Внутренняя политика, идеология, право и законодательство», «Внешняя политика», «Социально-экономическая политика».

В первый день работы конференции на секции «Внутренняя политика, идеология, право и законодательство» (модераторы — руководитель ЦПИП, д.полит.н. **А.В. Виноградов**, г.н.с. ЦПИП, д.и.н. **С.А. Горбунова**, в.н.с. ЦПИП, к.ю.н. **В.Ф. Бородич**) были заслушаны и обсуждены 17 докладов, два из которых сопровождалось презентациями. Основные проблемы, затронутые практически всеми выступавшими, были связаны с общей тенденцией укрепления власти КПК в обществе и преодолением «эрозии» внутри партии путем кампаний по борьбе с коррупцией и усилению партийной дисциплины.

Особый интерес участников вызвал доклад главного научного сотрудника ИДВ РАН, доктора философских наук, профессора **А.В. Ломанова** «Лозунг «четырёх сознаний» в контексте идеологической подготовки к XIX съезду КПК», в котором был дан анализ новых компонентов идеологии — «сознание ядра» и «сознание равнения». В докладе отмечалось, что присвоение Си Цзиньпину статуса «ядра» ЦК и пропаганда «четырёх сознаний» нацелены на предсъездовскую консолидацию партийных рядов.

Главный научный сотрудник ИДВ РАН, доктор исторических наук, профессор **Ю.М. Галенович** в обстоятельном выступлении «КПК перед своим XIX съездом» указал на острую внутрипартийную борьбу, подчеркнув, что «КПК не представляет собой монолит». Как отметил докладчик, с точки зрения Си Цзиньпина, для сохранения существующего политического режима сегодня требуется «централизация, доведенная до высшей точки, вертикаль власти с Си Цзиньпином как его вершинной или ядром».

Анализируя причины роста авторитарных тенденций в Китае накануне XIX съезда КПК, младший научный сотрудник ЦПИП **А.А. Семенов** в качестве основных выделил «борьбу с внутрипартийной оппозицией, необходимость продвижения крупных экономических реформ, борьбу с коррупцией и опасения китайского руководства по поводу потенциальной дестабилизации ситуации в стране».

Преподаватель истории и обществознания из г. Кемерово **М.А. Сущенко**, рассмотрев тенденции политического развития КНР в решениях 6-го пленума ЦК КПК

18-го созыва, пришел к заключению, что «руководство пятого поколения посредством проводимой антикоррупционной кампании продолжает утверждать новые смыслы и целесообразность функционирующих политических институтов, в соответствии с которыми коррупция чиновников должна быть истреблена как явление в представлениях власти и общества в современном Китае».

Характеризуя отличительные особенности антикоррупционной кампании, ведущий научный сотрудник ЦПИП, кандидат юридических наук **В.Ф. Бородич** указал на ее стратегический характер. По мнению докладчика, для Си Цзиньпина и его сторонников укрепление личной власти руководителя партии и государства является «условием, обеспечивающим борьбу с коррупцией перспективу низведения теневого контура власти до уровня, безопасного для продолжения стратегического курса на развитие страны». Схожую позицию высказал старший научный сотрудник ЦПИП **Ю.Ю. Перепелкин**, подчеркнув, что «целью антикоррупционной политики Си Цзиньпина является формирование такой правящей партии, которая более соответствовала бы изменяющимся условиям развития Китая». По прогнозу докладчика, на XIX съезде КПК в ее Уставе могут быть закреплены положения, ужесточающие требования к поведению и образу жизни членов партии, а также расширяющие полномочия органов партийного контроля.

В докладе руководителя ЦПИП, доктора политических наук **А.В. Виноградова** «Новый авторитаризм в Китае» подчеркивалось, что «первоначально ориентируясь на подготовку условий для смены экономической модели, Си Цзиньпин столкнулся с центральной для китайской истории проблемой — нравственным разложением государственного аппарата, который перестает отстаивать идею общего блага и подменяет ее личным экономическим интересом». **А.В. Виноградов** высказал предположение о том, что при пятом поколении руководителей КПК, «возможно, будет предпринята попытка восстановить нравственные основы государства без смены «правлящей династии» — КПК, в результате ее внутренней реформы».

Попытку дать прогноз политического будущего Китая предприняли молодые участники конференции. Аспирант ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова **И.И. Грузинов** выдвинул предположение, что «китайская мечта» является скорее общей программой развития КНР, перспективным курсом, который подытожил достижения всех предыдущих руководителей страны. И на XIX съезде КПК или через некоторое время после него, мы можем услышать о начале выдвижения нового курса, новой концепции или обнаружить новые трактовки «китайской мечты».

Магистрант ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова **В.А. Скосырев**, сопоставив «относительно либеральную по китайским меркам эпоху Ху Цзиньтао» с периодом усиления контроля КПК и личной власти лидера партии Си Цзиньпина над всеми сферами жизни общества, оценил как «маловероятные» перспективы политической либерализации в КНР в ближайшем будущем. Несмотря на пессимистичный прогноз, докладчик отметил, что «учитывая неопределенность фракционной борьбы в китайской элите и сохранение спроса на политические реформы со стороны части китайского населения, возможность изменений в политической структуре китайского режима не следует полностью сбрасывать со счетов».

Оживленная дискуссия состоялась по докладам, посвященным проблеме государственного управления религиями. В выступлении главного научного сотрудника ЦПИП, доктора исторических наук **С.А. Горбуновой**, озаглавленном «Совершенствование или ужесточение? Си Цзиньпин об управлении религиями», рассматривались озвученные Председателем КНР на Всекитайском совещании по религиозной работе в апреле 2016 г. основные положения теории религий при социализме с китайской спецификой и последующие их трактовки в Китае. В контексте совершенствования религиозной работы он вновь призвал к осуществлению курса «соответствия религий и социалистического общества», сделав акцент на китаизации религий. Отвечая на поставленный в на-

звании доклада вопрос, С.А. Горбунова пришла к выводу, что «нынешние подходы руководства государства и партии к управлению религиями означают его ужесточение».

Этот вывод нашел подтверждение и в докладе научного сотрудника ЦПИП, кандидата исторических наук Л.А. Афонинной «Усиление правового регулирования религиозной сферы как продвижение китаизации религий». Развитием указаний Си Цзиньпина повысить уровень правового регулирования религиозной работы стала разработка нового «Положения по религиозной деятельности», в проекте которого акцентируется внимание на расширение борьбы с неофициальным пластом религиозной сферы, усилении контроля над религиозными учебными заведениями и интернет-ресурсами религиозного содержания.

В ходе последовавшей дискуссии поднимались вопросы, выходящие за тематические рамки докладов, например, о возможности изменения отношения китайских властей к последователям «Фалуьнгун», о тенденции развития отношений РПЦ с китайскими властями и др.

На усиление идеологического диктата в сфере литературы и искусства обращалось внимание в докладе старшего научного сотрудника ЦПИП Н.Ю. Демило. Иницированное Си Цзиньпином совещание по вопросам литературы и искусства (2014 г.), на котором он презентовал свою «идейно-художественную концепцию», по мнению докладчика, можно рассматривать как апелляцию к авторитету Мао Цзэдуна с целью мобилизовать общественное мнение в поддержку своего политического курса на углубление реформ для претворения в жизнь «китайской мечты».

Аспирант ИДВ РАН Ю.А. Грачева в докладе «Особенности национальной политики КНР в Лицзян-Насийском автономном уезде (2012–2017)» проследила изменения в социальном, экономическом, миграционном, демографическом и языковом аспектах жизни народа наси. На основе изучения правовых актов, а также научных публикаций и полевых исследований докладчик сделала вывод о том, что в рассматриваемый период «действия государства в области национальной политики оказали наибольшее влияние на жизнь наси через сферы развития туризма, образования и медицины».

Тематический блок «Право и законодательство» открылся докладом заведующего отделом восточноазиатских правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидата юридических наук Н.М. Бевеликовой, в выступлении которой внимание концентрировалось на возрастающем спросе на правовую научную аналитику со стороны государственных и партийных ведомств, бизнес компаний, финансовых и инвестиционных структур. Докладчик указала на развитие правовой науки после XVIII съезда КПК (2012 г.), поставившего перед обществоведами задачу адаптации заимствованных извне концепций к изучению проблем Китая. По ее мнению, «китайский «дух» юридической науки, имеющей способность смотреть в будущее и способность занять передовые рубежи в мировой науке, стал соответствовать мировому статусу Китая».

Адъюнкт Московского университета МВД РФ им. В.Я. Кикотя В.К. Захарова подвергла компаративистскому анализу модели досудебного производства и направления развития органов предварительного следствия в России и Китае. В докладе отмечалось, что реформы уголовной юстиции проходят в этих странах «в противоположных направлениях». В России эти процессы знаменуются разрывом с советской системой предварительного следствия и переходом к западноевропейским стандартам, а в Китае — развитием существующей модели уголовного судопроизводства и механизмов «взаимоотношений» между участниками уголовного процесса, а также четким следованием направлениям реформирования, принятым КПК. Докладчик пришла к выводу, что «ни российскую, ни китайскую модель досудебного производства невозможно в полной мере отнести ни к одному существующему архетипу (французской, германской, американской модели)». Правовые системы в КНР и РФ представляют собой «эксклюзивную модель, ос-

нованную на общих традициях советской правовой семьи и характеризующуюся национальными особенностями».

Ведущий научный сотрудник ЦПИП, кандидат юридических наук **П.В. Трошинский** посвятил свое выступление актуальным вопросам организации и деятельности высших органов государственной власти КНР. Рассмотрев особенности правового статуса Председателя КНР, ВСНП и его Постоянного комитета, Государственного совета (Центрального народного правительства) КНР и местных органов государственной власти, докладчик отметил «неопределенность, неконкретизированность некоторых важных положений действующих законов КНР, регулирующих организацию и деятельность высших законодательных (представительных) и исполнительных органов власти». По наблюдению П.В. Трошинского, «наиболее полному и всестороннему правовому регулированию подвержен лишь административный аппарат в лице Государственного совета и местных органов исполнительной власти».

Старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН, кандидат исторических наук **Н.В. Анисимцев** в докладе «Становление законодательства о торговых марках в процессе модернизации КНР» рассмотрел основные исторические этапы становления права торговых марок, базовые действующие документы, организационную структуру государственной охраны права торговых марок и методы ее работы. Характеризуя взаимовлияние права торговых марок и государственной политики модернизации страны, докладчик пришел к выводу, что «условием реального осуществления исключительных прав торговых марок и функционирования рыночной экономики является значительная государственная регулирующая функция в экономической жизни».

Во второй день конференции состоялись заседания секции «Внешняя политика» под руководством **А.В. Виноградова** и секции «Социально-экономическая политика» под руководством заместителя директора ИДВ РАН, доктора экономических наук, профессора **В.Я. Портякова**. В ходе двух заседаний были заслушаны и обсуждены 10 докладов (один сопровождался презентацией) и один содоклад. Менее жесткий регламент по сравнению с первым днем конференции позволил предоставить больше времени для научного сообщения и свободной дискуссии. В секционных заседаниях принимали участие директор ИДВ РАН, руководитель Центра изучения стратегических проблем США и ШОС, доктор исторических наук, профессор **С.Г. Лузянин** и заместитель директора ИДВ РАН, руководитель Центра экономических и социальных исследований Китая (ЦЭСИК) ИДВ РАН, доктор экономических наук, профессор **А.В. Островский**.

Тематика докладов, представленных на секции «Внешняя политика», затрагивала основные аспекты внешнеполитического курса Пекина и глобальной геополитики. Проблематика выступлений включала такие вопросы, как модель отношений Китая и США, китайский подход к глобализации, политика «одного Китая», стратегия «выхода вовне».

Руководитель Центра научной информации и документации ИДВ РАН, кандидат филологических наук **Е.Н. Румянцев** выступил с докладом «О некоторых американских взглядах на Китай». Отметив традиционно «дружелюбный», и даже «прокитайский», настрой американских китаеведов по отношению к КНР, докладчик обратил внимание на то, что в последние годы в США стали «громче звучать голоса политиков и экспертов, негативно оценивающих различные стороны политики Китая». По мнению Е.Н. Румянцева, бюрократическая и политическая борьба в новой американской администрации в процессе выработки позиции по отношению к Китаю «отражает небывало острую политическую борьбу в американском истеблишменте в целом», исход которой «не может считаться предрешенным». В ходе дискуссии по докладу ее участники (**А.В. Виноградов**, **А.В. Ломанов**, **Ю.М. Галенович** и др.) также обращали внимание на растущую обеспокоенность в США по поводу политики КНР, обострение борьбы между разными подходами внутри американских политических партий. Отмечалось, что Вашингтон не устраивает

политика «взаимовыгоды», и он стремится строить экономические отношения с Китаем по принципу «справедливости».

Научный сотрудник ИДВ РАН **А.Ч. Мокрецкий** в сообщении на тему «Глобализация 2.0 или Pax Sinica в XXI веке» подробно изложил содержание китайской версии глобализации. Докладчик отметил, что в конце 1990-х годов китайские эксперты понимали термин «глобализация» как объективную тенденцию развития, которая влияет на мировой исторический процесс в целом и на развитие Китая в частности. За истекшие десять с лишним лет данные идеи получили дальнейшее научное обоснование. Как подчеркивалось в докладе, «теперь китайское руководство и научная общественность активно распространяют тезис о том, что “развитие Китая — шанс для всего мира”, а поэтому Китай уже не только “получатель выгоды” от глобализации, но ее “активный вкладчик”, создатель китайской версии глобализации 2.0».

Ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем США и ШОС ИДВ РАН кандидат юридических наук, доцент **В.И. Балакин** выступил с докладом «Интеграционные процессы в ходе становления современной китайской государственности», в котором отмечалось стремление высшего руководства КНР «наполнить реальным содержанием такую важнейшую политическую категорию как суверенитет страны». Как подчеркивалось в докладе, «в Пекине не скрывают, что основной причиной обсуждения состояния современной китайской государственности стала неожиданно оживившаяся в последнее время жаркая дискуссия в правящих антигоминдановских кругах Тайваня по вопросу об оккупационной сущности режима Чан Кайши».

Аспирант ИДВ РАН **М.С. Семерков** посвятил свое выступление актуальной теме «КНР — Центральная Азия: риски и вызовы в контексте практической реализации проекта “Экономический пояс Шелкового пути”», сфокусировавшись на роли энергоресурсного и транспортно-транзитного потенциала региона. Сообщение вызвало оживленную дискуссию, участники которой сошлись во мнении, что Китай наверняка постарается максимально эффективно использовать сырьевую базу региона для экономического подъема своих внутренних территорий. Отмечалось также, что КНР активно использует ШОС для реализации не только своих экономических, но и политических интересов в Центральной Азии.

На высоком полемическом уровне проходило заседание секции «Социально-экономическая политика», в ходе которого целый ряд проблем, поднятых на секции «Внешней политики», получил дальнейшее развитие. Серию секционных выступлений открыл доклад ведущего научного сотрудника ИДВ РАН, кандидата экономических наук **О.Н. Борох** «Эволюция трактовки китайского пути развития в период правления Си Цзиньпина». В продолжение полемики о китайской модели и китайском проекте, инициированной выступлением **А.Ч. Мокрецкого**, **О.Н. Борох** подчеркнула, что «Китай не считает свой опыт основой для модели, которую можно предложить в качестве готового рецепта другим странам. Китайское руководство, продвигая во внешний мир собственные взгляды на глобальное развитие, “создает привлекательные китайские истории”, указывает на возможности использования традиционной китайской мудрости в управлении современным Китаем и в механизмах глобального экономического управления».

Яркой иллюстрацией подхода американских исследователей к Китаю стал доклад руководителя секции профессора **В.Я. Портякова** «О книге Артура Крэбера “Китайская экономика. Что должен знать каждый”». Анализируя труд соучредителя и научного директора аналитической фирмы «Gavescal Dragonomics», докладчик особо отметил нестандартные оценки и малоизвестные подробности в освещении ряда сюжетов истории «дэнсяопиновских реформ» в КНР, позитивную оценку действий Си Цзиньпина по реформе экономики, оптимистичный прогноз возможности «успешных экономических реформ без политических преобразований» в ближайшие несколько лет. Вместе с тем **В.Я. Портяков** обратил внимание на то, что итоговые выводы **А. Крэбера** относи-

тельно политической системы КНР в более отдаленной перспективе, а также оценка глобального влияния Китая в будущем полностью соответствуют мейнстриму западных представлений.

Тема доклада ведущего научного сотрудника ИДВ РАН, кандидата экономических наук **Е.С. Баженовой** «Демографическое развитие Синьцзяна — важного звена на Великом шелковом пути» перекликалась с выступлением **М.С. Семеркова**. Докладчица отметила, что «занимая весьма обширную территорию, Синьцзян является одним из самых редконаселенных районов страны, число его жителей составляет 23 млн человек, это всего 1,5% общей численности населения КНР. Плотность населения составляет здесь всего 13 человек на 1 кв. км, что является собой резкий контраст по сравнению с востоком КНР — 140 человек на 1 кв. км». В выступлении подчеркивалось, что в силу своего географического положения Синьцзян служит главным звеном в создании инфраструктуры внешнеэкономических связей КНР со странами Европы и Западной Азии. Необходимость продвижения инфраструктурных проектов предьявляет требование повышения качественных характеристик населения — обеспечения роста образовательного и профессионального уровня трудовых ресурсов. Возникшая после доклада дискуссия выявила различие подходов к оценке демографической политики в Синьцзяне. В частности, **Е.Н. Румянцев** поставил под сомнение содержащиеся в докладе официальные китайские данные о том, что в Синьцзяне перестала расти численность ханьского населения.

Форму научного диспута приобрели два сообщения об изменениях, которые претерпевает современная китайская деревня в ходе экономических реформ. В докладе «Китайская реформа и феномен “раскрестьянивания”» главный научный сотрудник ЦПИП, доктор экономических наук **Л.И. Кондрашова**, признавая целый ряд положительных моментов урбанизации, сфокусировалась на ее отрицательной стороне. Она привела такие признаки «раскрестьянивания», как рост числа обезземеленных крестьян, утрата традиционного образа жизни, формирование в результате миграции новой социальной прослойки так называемых рабочих крестьян («*нунминьзун*»), которые по сей день остаются «самыми обездоленными слоями городского населения». В выступлении подчеркивалось, что «существование такой “промежуточной” прослойки между городским и сельским населением создает значительную социальную напряженность». Обсуждение процессов, происходящих в китайской деревне, продолжил незаявленный в программе доклад главного научного сотрудника ЦЭСИК, доктора экономических наук **Л.Д. Бони**, в котором акцентировались положительные моменты урбанизации. В качестве «плюсов» докладчица перечислила значительный рост производительности труда в сельском хозяйстве, сокращение численности сельскохозяйственных работников и числа деревень. В выступлении **Л.Д. Бони** особо подчеркивалось, что в 12-й пятилетке темпы роста доходов сельскохозяйственного населения были выше, чем в городе.

Большую заинтересованность аудитории вызвали доклады о социально-экономическом развитии китайских регионов. Аспирант Байкальского государственного университета **А.Б. Ринчинов** всесторонне осветил перспективы внедрения системы социального кредита в Китае и опыт Ханчжоу. Разработанный Министерством трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР план по введению этой системы в действие был утвержден в 2014 г. Провинция Чжэцзян и ее столица Ханчжоу по совокупности факторов были выбраны в качестве авангарда. По прогнозу докладчика, «промежуточные результаты внедрения системы социального кредита будут рассмотрены в ходе XIX съезда КПК, так как программа имеет важнейшее значение для правительства КНР, а ее развитие согласовано с планами 12-й и 13-й пятилеток».

Ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, кандидат экономических наук **М.В. Александрова** в докладе «Северо-Восток КНР: структурные противоречия в региональной экономике и пути их преодоления» указала на причины «тяжелого состояния» экономики Дунбэя и предложила основное направление «реабилитационных меро-

приятий»: «культивирование рыночных институтов, регулирующих внутриотраслевые отношения». При этом докладчик подчеркнула, что «органы исполнительной власти местного уровня необходимо отстранить от участия в процессах регулирования рыночных отношений, а условия деятельности в равной степени применить к государственным и частным предприятиям».

По итогам двух дней заседаний можно сделать вывод о том, что работа конференции оказалась насыщенной и продуктивной. Выступления продемонстрировали высокий научный уровень и широту тематики. Следует отметить наличие особого внимания к новейшим тенденциям социально-политического развития китайского общества. Доклады вызвали большой интерес аудитории, о чем свидетельствовали многочисленные вопросы и оживленные дискуссии. Отрадно, что в сложные времена для российской синологической науки конференция ЦПИП остается важной площадкой плодотворного и открытого обмена мнениями между опытными учеными-китаеведами и молодыми исследователями.

© 2017

Н.Ю. Демидо,
старший научный сотрудник ИДВ РАН

Научная конференция Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН

В апреле 2017 г. в Институте Дальнего Востока РАН прошла научная конференция Центра социально-экономических исследований Китая (ЦСЭИК) по теме: «13-я пятилетка (2016–2020 гг.) — важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан». В изложении и анализе успехов и проблем великой дружественной державы, ее поучительного опыта экономической модернизации приняли участие за два дня работы конференции ученые и аспиранты из десятков научных учреждений России и ряда зарубежных стран.

«Можно ли говорить о «жесткой посадке» экономики КНР в 13-й пятилетке: итоги 12-й пятилетки и планы 13-й пятилетки» — этим докладом открыл конференцию зам. директора ИДВ РАН, руководитель ЦСЭИК, д.э.н., проф. А.В. Островский. «Несмотря на определенное снижение темпов прироста ВВП, Китай достиг заметных результатов в экономике, социальной сфере и науке. Главные целевые показатели социально-экономического развития в прошедшем 2016 г. успешно достигнуты». Данный послыл докладчик подкрепил следующими фактами:

- общий объем ВВП достиг 74,4 трлн юаней (при приросте 6,7%, что позволило экономике КНР выйти в число первых экономик мира);
- прибыль промышленных предприятий, снизившаяся на 2,3% в 2015 г., перешла к росту на 8,5%;
- удельная энергоемкость ВВП снизилась на 5%;
- удельный вес добавленной стоимости сферы услуг в объеме ВВП вырос до 51,6%, динамично росли высокотехнологичная промышленность и производство оборудования.

Касаясь предполагаемых перспектив развития на 2017 г., А.В. Островский выделил следующие показатели:

- рост ВВП ожидается на уровне 6,7%;
- рост потребительских цен — около 3%;
- количество новых рабочих мест в городах и поселках — более 11 млн;
- уровень зарегистрированной безработицы в городах останется в пределах 4,5%;
- объем импорта и экспорта стабилизируется и будет расти, международный платежный баланс сохранит сбалансированность;
- удельная энергоемкость ВВП снизится более чем на 3,4%.

«Предполагаемые показатели экономического роста в 2017 г. отвечают экономическим законам и объективной реальности, способствуют ориентированию и стабилизации рыночных ожиданий, благоприятствуют структурному регулированию и сопрягаются с требованиями в построения общества малого благоденствия «сяокан», — констатировал докладчик. — Главная цель поддержания устойчивого экономического роста заключается в обеспечении занятости населения и повышении народного благосостояния».

Остановившись на финансовой политике Китая и проблемах бюджетного дефицита, докладчик отметил, дефицит центрального бюджета определен в размере 1,55 трлн

юаней, дефицит местных бюджетов — 830 млрд. Планируется выпуск местных целевых облигаций на сумму 800 млрд юаней, продолжится выпуск облигаций местными правительствами для консолидации текущих задолженностей. Тем самым удельный вес госбюджетного дефицита в ВВП КНР в 2017 г. сохранится без изменений с целью дальнейшего сокращения налогов и денежных сборов. За год налоговое бремя предприятий планируется сократить на 350 млрд юаней, а сборы с предприятий — на 200 млрд юаней. Продолжится реформа, направленная на определение курса национальной валюты на рыночной основе, сохраняя при этом стабильное место китайского юаня в международной валютной системе.

На 5-й сессии ВСНП 12-го созыва предложены такие источники экономического роста как: расширение внутреннего рынка за счет увеличения покупательной способности населения, значительного расширения предложения со стороны сферы услуг и развития экологически чистых отраслей промышленности, напомнил докладчик, отметив, что дальнейший рост покупательной способности населения будет зависеть от роста покупательного потенциала сельских жителей. Этого можно добиться только путем дальнейшего расширения системы социального страхования на селе, распространения на сельское население таких же социальных льгот, как и для городского населения, в сфере пенсионного обеспечения, образования, здравоохранения.

Для решения задачи построения к 2020 г. общества «сяокан» (малого благоденствия) принято решение о борьбе с бедностью. Впервые в истории Китая и развивающихся стран поставлена задача — ликвидировать к 2020 г. бедность в сельских районах, поднять жизненный уровень 70 млн человек над «линией бедности» и «вырвать» из бедности 529 так называемых «бедных» сельских уездов. Одним из путей решения проблемы названа финансовая политика, предоставление услуг для крестьян и кредитов для развития бизнеса. Еще одной мерой для ликвидации бедности в китайской деревне названо повышение уровня образования сельских жителей с помощью развития сети бесплатного профессионального технического обучения.

В общей их совокупности меры по борьбе с бедностью в Китае преследуют цель добиться двукратного увеличения доходов населения к 2020 г. по сравнению с 2010 г.

Обозначенная во вступительном докладе проблематика была углубленно проанализирована в тридцати докладах участников конференции.

В рамках первого тематического блока «Общие проблемы социально-экономического развития КНР» с докладом «О некоторых трудностях на важнейшем этапе построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан» выступила главный научный сотрудник ИДВ РАН, д.э.н., профессор, академик РАЕН Э.П. Пивоварова: «На XVIII съезде КПК в 2012 г. руководство КНР подтвердило ориентацию страны и партии на построение в Китае общества «сяокан». На состоявшейся в марте 2017 г. 5-ой сессии ВСНП отмечалось, что в 2017 г. стране необходимо подготовиться к значительно более сложной обстановке и что развитие Китая вступает в «ключевой период преодоления серьезных препятствий».

Проф. кафедры экономики, организации и управления инновационным развитием предприятий МИРЭА, координатор «Школы управляемой экономики» д.э.н. П.П. Лабзунов выступил с сообщением «Оценка возможностей применения элементов китайской модели развития в управлении экономикой России»: «Для реального управления современной экономикой, — указал он — необходимо осуществление в национальном масштабе функций планирования, организации, координации, контроля, анализа, использования не только экономических, но и административных методов управления».

Главный научный сотрудник ИДВ РАН, д.э.н. Л.И. Кондрашова посвятила свое выступление книге Джо Стадвелла «Азиатская модель управления: удачи и провалы самого динамичного региона в мире», недавно изданной в русском переводе. По ее словам, эта книга, с одной стороны, демистифицирует истоки «экономических чудес», а с дру-

гой, демонстрирует фактический опыт, который может послужить уроком для реформирования российской экономики.

Ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, к.ю.н. **В.И. Балакин** в сообщении «Общество скромного достатка “сяоканн” как форма локальной интеграции в КНР» подчеркнул: «Общество скромного достатка определяется нынешним руководством Китая в качестве эффективного рычага достижения социальной гармонии, что позволяет региональным властям формировать некий эталон общекитайского жизненного уровня».

В докладе старшего научного сотрудника ИДВ РАН, к.э.н. **И.В. Вахрушина** проанализированы подходы к оценке совокупного долга с точки зрения его структурных компонентов, абсолютных и относительных показателей. Показаны возможные сценарии развития китайской экономики с учетом фактора возрастающей долговой нагрузки.

Ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, к.э.н. **З.А. Муромцева** в своем сообщении «Современная система предприятий »КНР: преобразование финансового механизма» рассмотрела шаги по реформированию финансовой сферы госпредприятий, предпринятые с середины 80-х годов. Дана оценка возможности построения «современных финансов с китайской спецификой» с точки зрения потребностей реального сектора экономики».

Ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, к.э.н. **Е.С. Баженова** в докладе «Китайская семья в условиях новой демографической политики» отметила: «В ходе экономических реформ руководство КНР стало проводить политику, направленную на сдерживание численности населения, чтобы привести в состояние рационального равновесия число жителей, величину природных ресурсов и потребности устойчивого экономического развития Современная демографическая стратегия и новая политика в этой сфере позволят привести демографические показатели в соответствие с моделью социально-экономического развития».

Зав. кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор **В.А. Ионцев** выступил с докладом: «Общее и особенное в Евразийском демографическом переходе России и Китая». Он подчеркнул: «При всех особенностях и Россия, и Китай имеют одну важную общую составляющую — принадлежность к евразийским традициям и ценностям, среди которых дети занимают главенствующее место».

Инспектор по особым поручениям отдела иммиграционного контроля управления по вопросам миграции УМВД России по Амурской области **Е.В. Тракова** осветила в докладе «Межрегиональная дифференциация миграционных потоков в Китае, как результат асимметрии социально-экономического развития территорий» проблематику миграционных потоков в период с 2000 по 2016 г.

Главный научный сотрудник ИДВ РАН, д.э.н. **Л.В. Новоселова**, выступившая с докладом «Российско-китайское инвестиционное сотрудничество в контексте “поворота” России на Восток», констатировала, что первые результаты уже проявились в этой сфере в оживлении, наметившимся благодаря предпринятым российским руководством мерам.

Ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, к.э.н. **М.В. Александрова** в докладе, посвященном проблематике продовольственной безопасности КНР, отметила: «Китай — один из крупнейших мировых сельхозпроизводителей, но при всех позитивных тенденциях развития сельского хозяйства КНР в реформенный период в ближайшее время стране предстоит столкнуться, по прогнозам специалистов, с новыми угрозами и вызовами, связанными с продовольственным обеспечением, основными из которых станут дефицит пахотных земель, проблема снабжения пресной водой, структурные трудности функционирования государственной закупочной системы и рост уровня потребления населения».

Старший научный сотрудник ИДВ РАН **Т.Г. Терентьева** осветила новые моменты в вывозе прямых инвестиций из Китая за рубеж (за год они более чем утроились). Если прежде такой прирост внешних инвестиций воспринимался как фактор позитивный

развития, то ситуация, сложившаяся в 2016 г., вынудила правительство КНР принять ограничительные меры.

Декан факультета международных отношений Амурского госуниверситета, к. геогр.н., доцент Л.А. Попкратова проанализировала итоги трансграничного сотрудничества РФ и КНР за 30 лет, выявив этапы взаимодействия тенденции и новые тренды на перспективу в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и ЕвразЭС, а также создания ТОР (территорий опережающего развития) на российском Дальнем Востоке.

В докладе начальника управления по работе на финансовых рынках, внештатного научного сотрудника Центра азиатских исследований экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, к.э.н. В.Н. Коваленко были рассмотрены наиболее важные аспекты экономического сотрудничества между Китаем и странами Латинской Америки в историческом контексте. Принимая во внимание превращение Китая в глобальную экономическую сверхдержаву, которая одновременно становится важным партнером для ряда стран Латинской Америки, в недалеком будущем мы можем ожидать усиления конкуренции между США и КНР за страны региона, хотя и менее интенсивную по сравнению с конкуренцией в Азии и Африке.

В докладе студента 3 курса бакалавриата факультета международных отношений МГИМО МИД России В.В. Круглова «Концепция “Большого Китая” как геополитическая парадигма КНР» было высказано мнение, что эта концепция стала неотъемлемой частью политической парадигмы КНР под термином «китайская мечта». Освещены перспективы всеобъемлющего объединения исконно исторических территорий Китая под эгидой Коммунистической партии и проблемы этого процесса в каждом отдельно взятом регионе.

Ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, к.полит.н. П.Б. Каменнов открыл своим докладом «Военно-промышленный комплекс (ВПК) Китая в экономическом строительстве» вторую секцию конференции «Отраслевые и региональные проблемы КНР». Он указал на то, что, в последние годы наряду с выпуском военной техники, до 70% научного и производственного потенциала ВПК КНР используется для выпуска продукции гражданского назначения (и для внутреннего потребления, и для экспорта). Кроме того, научно-технический и технологический потенциал ВПК широко используется для модернизации традиционных отраслей промышленности КНР и создания новых высокотехнологичных отраслей.

В сообщении ученого секретаря, старшего научного сотрудника ИДВ РАН, к.э.н. А.В. Афонасевой «Китайская зона Морского Шелкового пути XXI века и роль зарубежных китайцев в ее развитии» рассмотрена хозяйственно-экономическая деятельность зарубежных китайцев (*хуацяо*) в районах КНР, через которые должен пройти Морской Шелковый путь XXI века.

Доклад старшего научного сотрудника А.В. Пикова «Интернет + — стратегия развития» представил основные данные о состоянии и тенденциях развития информационной отрасли КНР по ситуации на 2017 г. Понятие «Интернет +», отметил он, представляет собой дальнейшее расширение интернет-мышления и сетевой модели.

В сообщении «Пропаганда и агитация КНР в киберпространстве, как основа стабильного общества 13-й пятилетки» преподаватель Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли, к.и.н. Е.В. Лютик проанализировала существующую в КНР методику агитации и пропаганды. Ее мнение: используя киберпространство для охвата большей аудитории, КПК создает общество устойчивое к влиянию извне и укрепляет свои позиции.

В докладе «Реструктуризация промышленной базы Северо-Восточного Китая в 13-ой пятилетке» зав. кафедрой международной торговли Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета, профессор

Шэньянского технологического университета Чжан Чи дал оценку экономического состояния старой промышленной базы Северо-Восточного Китая.

Старший научный сотрудник ИДВ РАН, к.э.н. Н.Н. Колеленкова в своем докладе «Состояние и задачи развития обрабатывающей промышленности Китая» отметила: «В 13-й пятилетке планируется выход этой отрасли экономики на средний и высокий уровень развития. Для достижения поставленной цели, согласно плану, предполагается ускорить модернизацию производства путем инноваций и в какой-то мере реализовать принятую программу “Сделано в Китае — 2025”. Тем самым обрабатывающая промышленность станет значительной поддержкой в построении общества малого благоденствия в Китае».

Ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, к.э.н. В.В. Чуванкова выступила с сообщением и презентацией «Малый и средний бизнес КНР в построении общества сяокан»: «Как следует из решений 5-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (октябрь 2015 г.), период 13-го пятилетнего плана (2016–2020 гг.) должен стать решающим этапом полного построения общества «сяокан» и осуществления к 2020 г. удвоения ВВП и среднедушевых доходов городского и сельского населения по сравнению с 2010 г. Частный сектор экономики станет важнейшим источником, обеспечивающим экономический рост и трудоустройство населения страны в этот период».

В докладе главного научного сотрудника ИДВ РАН, д.э.н. Л.Д. Бони «Китайская деревня — “ключевое звено” в стратегии полного построения общества “сяокан” в Китае» отмечены, в частности причины серьезного отставания деревни, аграрной сферы в своевременном выполнении критериев «сяокан». Дан анализ ключевых отстающих звеньев в деревне и путей их преодоления; проблемы доходов крестьян и бедности в сельских районах; сохранения системы «двухосновной структуры» китайского общества (города и деревни), сдерживающей сокращение разрыва в уровне доходов и благосостояния горожан и сельчан; процесса интеграции социально-экономического развития города и деревни.

В сообщении «Переселение бедного сельского населения — наиболее радикальная и затратная форма борьбы с бедностью» ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, к.э.н. Л.А. Волкова сказала: «Борьба с бедностью в Китае вступит в завершающий этап к 2020 г. Правительство планирует ликвидировать нищету в сельских районах. Одной из важнейших методов является переселение крестьян из отдаленных и труднодоступных регионов. В масштабах страны этой работой руководит группа Госсовета КНР по вопросам оказания помощи в социально-экономическом развитии бедных районов. В ее обязанности, в числе прочих, входит и финансирование этой масштабной работы».

Заинтересовал аудиторию доклад аспирантки ИДВ РАН У Цзы (КНР) «Скоростные поезда создают инфраструктурное чудо Китая». В докладе отмечено: «Высокоскоростные железные дороги превратились в инновационную отрасль китайской экономики, создающую конкурентоспособную продукцию с высокой добавленной стоимостью и формирующую значительную доходную часть бюджета КНР».

В своем докладе «Почему инициатива “Пояса и пути” Председателя Си является общенациональным экономическим проектом» ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, к.э.н. С.Л. Сазонов отметил: «Основная цель разработки и реализации проекта “Пояс и путь” лежит в экономической плоскости и совпадает с твердым намерением руководства КНР выстроить новую модель экономического развития, базирующуюся на стимулировании роста китайских зарубежных инвестиций и увеличении экспорта инновационной продукции с высокой добавленной стоимостью».

Аспирантка ИДВ РАН Е.О.Заклязьминская в докладе, посвященном развитию внутреннего туризма КНР, констатировала: «Прогнозируемый рост внутреннего туризма к концу 13-го пятилетнего плана впечатляет. Развитие внутреннего туристического рынка неотделимо от строительства общества малого благоденствия «сяокан».

Старший научный сотрудник ИДВ РАН, к.э.н. Е.И. Крапина выступила с сообщением «Экологическая реформа КНР в 13-й пятилетке (2016–2020 гг.): «В ноябре 2016 г. Ки-

тай создал второй инвестиционный фонд в рамках строительства Нового шелкового пути. Его средства направят на экологические проекты. Цель проекта — помочь экономическому развитию стран вдоль Шелкового пути, сохранив их уникальные экосистемы».

Аспирантка Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского **Т.А. Белова** выступила с сообщением «КНР и Тайвань в период тринадцатой пятилетки: прогноз развития двусторонних отношений».

Закрывая конференцию, проф. **А.В. Островский**, подчеркнул: «В плане 13-й пятилетки определены основные приоритеты развития КНР — повышение жизненного уровня населения, увеличение потребительского рынка и отход от прежних локомотивов роста — внешней торговли, больших инвестиций в промышленность и инфраструктуру, а также обеспечение необходимого баланса на рынке рабочей силы на долгосрочную перспективу».

Китайская экономика развивается «в разумных пределах», и пока нет оснований бояться «жесткой посадки». Анализ показывает, что по-настоящему серьезными долгосрочными рисками являются три проблемы — народонаселение, нехватка энергоресурсов и загрязнение окружающей среды. Только при условии последовательного их решения, страна обеспечит экономическую стабильность и выполнение поставленных задач — к 2020 г. построение общества «сяокан» (малого благоденствия), а к 2030 г. — общества «фуюй» (всеобщей зажиточности).

© 2017

Е.И. Кранина, старший научный сотрудник ИДВ РАН

Рецензии

Новые тенденции и вызовы китайской внешней политики /

под ред. Джозефа Чэна и Мариты Синка. Гонконг:

Городской университет Гонконга, 2015.

New Trends and Challenges in China's Foreign Policy / Ed. by Joseph Y.S. Cheng, Marita Siika. Hong Kong: City University of Hong Kong, 2015. ISBN: 978-962-442-389-1. 394 p.

Коллективная монография «Новые тенденции и вызовы китайской внешней политики» представляет собой сборник статей и выступлений участников конференции, проходившей в финском городе Турку в мае 2012 г. на базе местного университета. Однако издана книга спустя три года в Гонконге в рамках издательской программы Городского университета Гонконга. Это объясняется тем, что Джозеф Чэн — главный редактор сборника и его основной автор — является профессором Городского университета Гонконга (и главным редактором журналов «Социальные науки Гонконга» и «Сравнительное развитие Азии»), и много лет преподает в Университете Турку (с 1996 г.)

Как указано в аннотации книги, эксперты, статьи которых присутствуют в сборнике, представляют различные школы, традиции и даже поколения специалистов в области международных отношений и внешней политики современного Китая. Среди них — представители КНР (Чжан Цинминь и Ли Миньюй), Гонконга (Джозеф Чэн), Финляндии (Юрки Калло, Матти Нойонен, Майкл Маттлин и др.), Японии (Ёсифуми Накаи), России (Владимир Портяков), Великобритании (Майкл Яхуда) и США (Эндрю Натан и Эндрю Скобелл). В результате в сборнике объединены подходы различных ученых, неодинаково оценивающих внешнюю политику руководства КНР. Кроме того, тематика отдельных докладов и статей свидетельствует о достаточно неординарном подходе авторов к различным аспектам внешней политики сегодняшнего Китая. Все это позволяет утверждать, что рецензируемый сборник вовсе не устарел и является актуальным и полезным для всех, кто интересуется международными отношениями и китайской внешней политикой.

Указанный нестандартный подход налицо в самой первой статье рецензируемого сборника, озаглавленной «Убеждая мир в традиционной приверженности Китая всеобщей гармонии». Ее автор профессор Джозеф Чэн утверждает, что заявления о приверженности Китая пяти принципам мирного сосуществования и необходимости «мирного развития» — не просто попытка убедить другие страны, прежде всего соседние, что развитие Китая не представляет для них угрозы, а является взаимовыгодным. Объясняя положения, касающиеся приверженности Китая миру и гармонии в международных отношениях, китайские эксперты подчеркивают, что подобные построения присущи китайской стратегической традиции. Автор объясняет, каким образом китайские традиции построения стратегий инкорпорировались в нынешнюю внешнюю политику КНР и как традиционное стратегическое мышление влияет на сегодняшнее поведение Китая на международной арене.

Понятно, что некоторые рассуждения и выводы профессора Чэна в значительной степени относятся к внешней политике предыдущего китайского руководства во главе с Ху Цзиньтао. С приходом нового руководства КНР во главе с Си Цзиньпином основные концепты китайской внешней политики изменились или конкретизировались (например, концепция «всеобщей гармонии» трансформировалась в концепцию «общей судьбы»). Однако многие положения статьи, такие как критика китайскими экспертами западного космополитизма и противопоставление ему китайского понятия Поднебесной и китайского традиционного космополитизма, история формирования политики «мирного сосуществования» КНР и ряд других,

являются весьма актуальными и помогают понять нынешнюю внешнюю политику Китая. Например, автор пишет о том, что еще в 1980-е годы китайцы заметили, что в случае с большинством западных стран более 70% международных отношений относятся к сфере экономики. И взяли это на вооружение: сегодняшние отношения Китая с различными странами, особенно со странами третьего мира, во многом базируются на экономическом, технологическом и финансовом сотрудничестве — то, что сегодня в Китае называется «экономической дипломатией» (с. 39).

Совместная статья профессора Школы международных исследований Пекинского университета Чжан Цинмина и аспиранта той же Школы Ли Минюя выдержана в более традиционном ключе. Однако само ее название — «Аналитическое исследование идеологических истоков поведения Китая на международной арене» заставляет отнестись к ней с повышенным вниманием. Тем более что она основана на довольно редко используемом методе количественного контент-анализа. Авторы предприняли попытку проанализировать тексты ведущей партийной газеты КПК «Жэньминь жибао» по трем различным параметрам, имеющим отношение к марксизму, традиционной китайской культуре и идеологическим концептам, описывающим поведение западных стран. Причем за довольно длительный период — с 1949 по 2007 г. Работа получилась крайне трудоемкой, но интересной — и не столько в части самого количественного анализа и его результатов, сколько в части, где авторы описывают процесс поиска критериев анализа и приводят примеры тех или иных высказываний коллег. Так, весьма любопытно замечание, что при выделении индикаторов, имеющих отношение к марксизму, авторы столкнулись с отсутствием сколько-нибудь полного или систематического изложения марксистской теории международных отношений в Китае вообще за исключением ссылок на политику правительства, иными словами, на высказывания Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и действующих китайских политиков. Именно это и выступает в китайских работах как «марксизм». Чжану и Лю пришлось использовать в качестве индикаторов такие выражения, как «классовые интересы», «пролетарский интернационализм» и т.п.

Статья старшего научного сотрудника финского Института международных отношений Юрки Калло, включенная в сборник, но написанная явно позже конференции (и вообще после 2012 г.), называется «На пути к гармо-

ничному миру? Новый взгляд на модель международных отношений Китая» и включает анализ тех изменений, которые произошли в формулировках, относящихся к внешней политике КНР после XVIII съезда партии (ноябрь 2012 г.) и смены руководства КНР. Автор анализирует именно китайские формулировки и пытается разобраться в их нюансах, что, на наш взгляд, крайне важно. Особый раздел статьи посвящен влиянию на китайские внешнеполитические концепции конфуцианских идей, а также необходимости формулирования собственно китайской теории международных отношений.

Стоит также упомянуть другие интересные статьи: «Каким образом Китай может жить в гармонии с миром? Империя, суверенитет и дискурс» (автор — Ёсифуми Накаи, профессор сравнительных исследований китайской политики Университета Гакусюин, Токио), «Китай как глобальная и региональная сила» (автор — Майкл Якуда, освобожденный профессор международных отношений Лондонской школы экономических и политических наук), «Некоторые специфические черты внешней политики Китая в 2009–2011 гг.» (автор — Владимир Портяков, заместитель директора ИДВ РАН), «Военный аспект: возможности и миссия» (авторы — Эндрю Натан, профессор политических наук в Университете Колумбия, и Эндрю Скобелл, старший научный сотрудник корпорации РЭНД), «Любое чужое вмешательство» (в которой авторы, группа финских исследователей, рассматривают изменения в отношении КНР к возможному вмешательству других стран в интересы Китая на международной арене). Отдельная статья посвящена роли климатической политики во внешней политике Китая в целом (автор — Юха Вуори, профессор мировой политики в Университете Хельсинки).

Представляется, что учитывая место проведения конференции, организаторы могли бы уделить большее внимание различным аспектам китайско-европейских отношений. Однако они предпочли сосредоточиться на концептуальных основах китайской внешней политики. Поэтому даже в статье одного из редакторов сборника Мариты Синка (Университет Турку), посвященной присуждению Нобелевской премии китайскому диссиденту Лю Сяобо и последствиям этого для отношений Норвегии и других скандинавских стран с КНР, делается попытка вписать казус Лю Сяобо в общие принципы внешней политики Китая и проанализировать, каким образом реакция руково-

дства КНР сочетается с пятью принципами мирного сосуществования, якобы лежащими в основе внешней политики Китая.

То же касается последней статьи сборника, представленной профессором Чэном

и посвященной китайско-индийским отношениям: они даются как пример балансирования между глобальными и двусторонними интересами в китайской внешней политике и рассматриваются в самом широком контексте.

© 2017

А. О. Виноградов, кандидат исторических наук

Ключевые политические фигуры в Китае: особенности стилей, структур и процессов при Си Цзиньпине / ред. С. Хайльман и М. Степан. Берлин, 2016. China's core executive leadership: styles, structures and processes under Xi Jinping / ed. by Sebastian Heilmann and Matthias Stepan. Berlin, 2016. 98 p.

С приближением каждого очередного съезда правящей в Китайской Народной Республике коммунистической партии возрастает интерес международной общественности к политической системе Китая, расстановке сил в высшем эшелоне руководства страны, оценке степени влияния его ключевых фигур и, особенно, к прогнозам в отношении персональных подвижек во власти. Несомненный интерес в этом плане представляет работа «Ключевые политические фигуры в Китае: особенности стилей, структур и процессов при Си Цзиньпине», подготовленная в Институте китайских исследований «Меркатор» (Берлин, Германия) под патронажем его президента-основателя Себастиана Хайльмана. Себастиан Хайльман — известный немецкий китаевед, автор ряда книг по современному Китаю¹, стал в 2014 г. одним из пятнадцати представителей немецкой стороны в Форуме германо-китайского диалога.

К написанию небольшой по объему, но информационно и концептуально весьма емкой работы организаторы сумели привлечь полтора десятка экспертов, включая таких видных китаеведов, как Родерик МакФаркуар, Тони Сэйч, Барри Наутон, Джозеф Фьюсмит. Хотя предлагаемый вниманию читателей материал в основном известен специалистам, книгу, однако, отличает целенаправленное осмысление тех новаций, которые привнес Си Цзиньпин в управление различными аспектами жизнедеятельности современного Китая. Любопытными выглядят нестандартные оценки ряда политических фигур и событий «КНРовского» периода.

Открывается книга разделом об особенностях стиля современного китайского руководства. Р. МакФаркуар вводит понятие

«главного исполнительного лица» (Chief Executive Officer, CEO) режима. При Мао Цзэдуне в этом качестве неизменно выступал Чжоу Эньлай. Дэн Сяопин поручал эту миссию Ху Яобану, а затем Чжао Цзыяну, но, в конечном счете, сместил обоих за чрезмерный либерализм. Выбор Цзян Цзэминя в качестве следующего «главного исполнительного лица» был сделан по настоянию Чэнь Юня и Ли Сяньняня. Сам Дэн Сяопин предпочитал Ли Жуйхуаня, но настоять на этом в период ослабления своих позиций не смог. Поначалу Цзян выглядел излишне консервативным, и понадобилась поездка Дэн Сяопина на юг (в начале 1992 г.), чтобы выправить общий курс. Став в 1997 г. полноформатным «председателем правления», (т.е. безоговорочным лидером), Цзян Цзэминь получил готового «СЕО» в лице Чжу Жунци. Ху Цзиньтао с помощью Вэнь Цзябао удалось противостоять основным проблемам, с которыми сталкивалась страна, и он передал ее Си Цзиньпину «во вполне рабочем состоянии».

У Си Цзиньпина же, полагает автор, пока своего «главного исполнительного лица» нет. Означает ли это, что он не доверяет никому, кроме себя, в реализации предложенного им политического курса? Возможно, лидерство Си никто не оспаривает, и он может играть обе ведущие роли — и председателя, и главного исполнителя. Но хватит ли на это сил (*буквально* — «часов в сутках») и к каким последствиям это приведет — задается вопросом Р. МакФаркуар (р. 17).

Как полагает Виктор Ши, инициированная Си Цзиньпином антикоррупционная кампания помогла сместить в его пользу баланс сил в ЦК КПК. В то же время число его сторон-

ников в этом органе после 18-го съезда КПК осталось ограниченным, поэтому Си предпочитает действовать через учрежденные им различные временные «руководящие группы», большинство которых он сам возглавляет. Эти институты могут сохраниться и после XX съезда КПК, если Си Цзиньпин сохранит пост генерального секретаря ЦК КПК (р. 21). На наш взгляд, массовое обновление партийного руководства провинциального уровня в 2016–2017 гг. свидетельствует о стремлении Си Цзиньпина максимально пополнить своими сторонниками официальный орган — Центральный комитет партии.

Керри Браун отмечает высокую активность Си Цзиньпина не только в «домашних делах», но и на международной арене. К началу 2016 г. он посетил около 40 стран, включая небольшие по числу жителей Фиджи и Новую Зеландию. Это дало лидеру КНР возможность привлечь повсеместное внимание к инициативам Китая, широко транслировать «китайские истории» о целях и приоритетах страны. По мнению К. Брауна, можно говорить о вычленинии Си Цзиньпином «трех миров» в международном сообществе. В центре «мира по-китайски» находятся США, важнейший партнер в двусторонних отношениях. Второй мир — это зона вдоль маршрутов «пояса и пути». Третий мир представлен Европейским союзом, который автор называет крупнейшим цивилизационным и «интеллектуальным» партнером Китая (р. 27–29). На наш взгляд, данная концепция, призванная вызвать ассоциацию с «тремья мирами» Мао Цзэдуна, страдает чрезмерным европоцентризмом.

Во втором разделе работы рассматриваются политические процессы последних лет, инициированные лидерами Китая, и подвижки в структуре руководства страной.

Особое внимание уделено меняющейся роли местных органов власти в условиях усилившейся централизации, реформам в армии и органах безопасности, использованию информационных технологий для повышения эффективности контроля за страной из центра. Отмечается снижение активности местных кадров, вызванное ужесточением партийной дисциплины, различными проверками и т.п. Делается вывод, что в краткосрочной перспективе усиление власти центра при ослаблении роли периферии может дать некоторый эффект, однако в конечном счете такое перераспределение полномочий может подорвать адаптивные способности китайского государства в целом (р. 34).

По мнению Кристофера Джонсона, Си Цзиньпин продвинул на ключевые позиции в Министерстве общественной безопасности ряд лиц, ранее работавших под его началом в Фуцзяни и Чжэцзяне. Это заместители министра Фу Чжэнхуа и Мэн Цинфэн, а также руководитель полиции Пекина Ван Сяохун (р. 62).

Третий, заключительный раздел работы носит прогнозный характер. Показательно название некоторых глав: «Что если Си Цзиньпин преуспеет в реструктуризации экономики и усилении КПК?», «Что если Си Цзиньпин потерпит неудачу и партийный контроль рухнет?»

В заключительной главе Себастиан Хайльман, Бьорн Конрад и Микко Хуотари, работающие в «Меркаторе», подводят общий итог анализу своих соавторов в виде четырех сценариев дальнейшего политического развития Китая в период правления Си Цзиньпина.

Первый сценарий, названный «система Си Цзиньпина», предполагает формирование дисциплинированной партии и государства, ориентированного на безопасность. В этом случае для экономики будут характерны агрессивная промышленная политика, сочетание нового витка «выхода вовне» с выборочными ограничениями на иностранные инвестиции. «Систему Си» отличают антизападничество и высокая степень идеологического конформизма в СМИ и образовании. Идеологической основой легитимного правления в подобном централизованном конгломерате партии и государства² выступает смесь национализма, выборочного традиционализма и «социализма с китайской спецификой». Глобальное политическое влияние Китая будет расти. Пекин возьмет бескомпромиссный курс на гегемонию в Восточной Азии.

Второй сценарий, охарактеризованный как «система Дэн Сяопина», означает превращение Китая в децентрализованную, институционально хрупкую, но адаптивную и гибкую партию-государство. В этом случае имеет место значительная децентрализация, более активный характер обретают реформы, в том числе на экспериментальной основе, возникают разнообразные региональные модели развития. Доминирующим течением в идеологии становится национализм, играющий роль своего рода контрбаланса внешним влияниям. В руководстве превалирует стремление к сотрудничеству с США и АТР в целом.

Третий сценарий предполагает проведение политики «сильного человека», поддерживаемого органами безопасности и общим националистическим настроением общества. (В соответствии с шаблонами западного политиче-

ского дискурса, авторы назвали данный вариант «системой Путина».) В такой системе преследуются и подавляются малейшие проявления политической оппозиции и развитие гражданского общества. Ухудшается климат для внутренних и международных инвестиций, экономический рост становится «анемичным». Попытки руководства отвлечь внимание от внутренних проблем чреваты растущим вовлечением страны в региональные конфликты, а потенциально — военными авантюрами.

Четвертый сценарий характеризуется «хаотическим плюрализмом» с неформальной олигархией и демократическими институтами в роли фасада. По мнению авторов, этот вариант напоминает первое десятилетие постсоветской России, и потому назван «системой Ельцина». Ситуация характеризуется вакуумом власти в высшем эшелоне руководства, распадом КПК на конкурирующие группы и массовым выходом рядовых членов из партии. В обмен на поддержку слабого центрального правительства регионы получают все более широкие полномочия.

Снижение централизованного контроля за военными ослабляет способности Китая по эффективному проецированию мощи, порождая при этом риски спонтанных во-

енных действий (р. 88–92).

Как полагают авторы, в краткосрочный период (по 2018 г. включительно) наиболее вероятным представляется развитие по первому сценарию («система Си Цзиньпина»). Однако в последующем, примерно до 2025 г., понадобятся существенные уступки местным правительствам в сфере экономической политики, то есть заимствование методов реформы у «системы Дэн Сяопина».

Наиболее деструктивные третий и четвертый сценарии менее вероятны, но, тем не менее, находятся в пределах возможного. Многие здесь будут зависеть от успешности экономической политики и от более-менее благоприятной ситуации в мировой экономике, которая позволила бы избежать серьезных внешних шоков.

Итоговый вывод работы таков. Какой бы сценарий политического развития Китая ни был, в конечном счете, реализован на практике, один из вариантов «убран со стола на обозримое будущее»: это постепенная эволюция Китая в направлении западной модели демократического конституционного государства. При современном политическом руководстве КНР такой курс не имеет шансов на реализацию (р. 93).

© 2017

В.Я. Портяков, доктор экономических наук, профессор

1. См.: China's Foreign Political and Economic Relations: An Unconventional Global Power / co-author Dirk Schmidt). Lanham (Maryland), 2014; China's Political System (ed.). N.Y.; L., 2017.
2. Авторы используют традиционный для западной политологии термин «party-state» — «партия-государство», применявшийся в 1950-е — 1980-е годы к большинству социалистических стран.

Сотникова И.Н. Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика: 1919–1943 гг. / Институт Дальнего Востока РАН. М.: Вост. лит., 2015. 407 с.

В 1960–1980 гг. в СССР публиковалось довольно много работ, где главное внимание уделялось теоретическим подходам к анализу «восточной политики» Коминтерна. Тогда это была одна из наиболее ангажированных в китаеведении тем, которая в настоящее время нуждается в пересмотре, что вызвано введением в научный оборот ранее недоступных для исследователей источников. В те времена советские ученые обращались к сравнительно недавнему прошлому, но время неумолимо отодвигает от нас исторические события: приближается 100-летие революции 1917 г. и не за го-

рами 100-летие со дня образования Коммунистического Интернационала. Открывается перспектива для более объективного исследования: не только «большое», но и детали видятся на расстоянии. Это справедливо в отношении последовательного, логичного изучения деятельности Коминтерна, предпринятого в монографии И.Н. Сотниковой, а именно его организационной структуры, кадровой и финансовой политики на протяжении всего периода деятельности этой международной организации. Следует отметить, что специальных трудов, посвященных обозначенным аспектам, нет ни

в зарубежной, ни в отечественной синологии. Содержание работы предопределило ее структуру: введение, три главы, заключение, библиография, список сокращений, указатель имен.

Автору удалось осуществить задуманное благодаря бесценному опыту, полученному в архивах в процессе подготовки к изданию коллективом сотрудников ИДВ РАН коминтерновских документов, особенно фундаментального труда «ВКП(б), Коминтерн и Китай», состоящего из 5 томов (8 книг). Бережное и внимательное отношение к источникам, их scrupulous и последовательный сравнительный анализ — отличительная черта рецензируемой книги. Автор стремится раздвинуть сложившуюся в советской историографии теоретико-идеологическую завесу и развенчать отдельные мифы о Коминтерне в результате изучения неизвестных сторон его деятельности. Представляется, что книга кандидата исторических наук И.Н. Сотниковой, насыщенная историческими персоналиями и источниками, не только передает атмосферу изучаемого времени, но может быть отнесена к числу серьезных научных трудов. Не вызывает сомнения подлинность приведенных в работе исторических фактов, дат и персоналий, которые подтверждаются ссылками на источники. Благодаря этому аргументация соответствует реальному ходу событий, выводы и научные положения, сформулированные автором, объективны.

Достоверность исследования достигается методом авторского сопоставления роли различных личностей, делавших политику Коминтерна в отношении Китая и осуществлявших ее на практике. В частности, сильное впечатление производят цифры финансирования Коминтерном КПК (гл. 3), причем не только размеры вливаний, но и финансовые утечки. Например, нетранспарентные финансовые отчеты А.Е. Абрамовича (псевдоним Альбрехт) о передаче средств Коминтерна китайским коммунистам свидетельствуют или о неумении вести дела, или о корыстном умысле (с. 253). Однако, приводя эти данные, автор корректно воздерживается от персональных оценок, констатируя, что «в Коминтерне работали разные люди, но по большей части это были безусловно честные и преданные коммунистической идее борцы, горевшие желанием помочь китайским революционерам совершить национальную революцию» (с. 216).

Рассматривая проблему с исторической точки зрения, автор приходит к заключению, что представления о политике китайского сектора Коминтерна не соответствовали подлинному ходу событий и общественной ситуации в Китае (с. 289). Ряд вытекающих из этого выводов автора вполне обоснован. В качестве примера хотелось бы привести следующее высказывание: «Структурные изменения в китайском звене Коминтерна в разные годы свидетельствовали, как правило, о наличии серьезных кризисных ситуаций. Окончательная проверка на прочность каждого нового “китайского” подразделения Коминтерна происходила на месте в русле практических мероприятий с учетом новой расстановки сил. Частое изменение кадрового состава этих подразделений говорит о том, что кадровая политика Коминтерна, ориентированного на достижение грандиозных целей, не прогнозировалась с точки зрения изменения ситуации в Китае. Она работала в режиме экстренного реагирования на возникшие конфликтные и кризисные ситуации, которые стремились погасить любыми средствами, зачастую без попыток понять причины и возможные последствия» (с. 290). Вместе с тем надуманным представляется вывод о том, что «опыт существования Коминтерна как крупного международного объединения актуален и сегодня» (с. 293). На мой взгляд, он имеет, главным образом, актуальное научное значение, а что касается «сегодняшней системы международных отношений», то в силу своей специфичности (использование методов давления, устрашения, репрессий и физического устранения) подобный опыт может быть полезен только для организаций леворадикального толка.

В целом книгу И.Н. Сотниковой, изданную при поддержке Посольства КНР в России, можно считать серьезным достижением автора, успешным результатом многолетней продуманной работы, основанной на безукоризненном источниковедческом анализе. Наиболее сильной ее стороной является то, что на конкретном историческом материале прослежены принципы и механизмы формирования политики Коминтерна на китайском направлении. Особого упоминания заслуживает указатель имен, который, по сути, представляет очень грамотно выполненный, краткий тематический биографический справочник, снабженный иероглификой (с. 318–406).

Contents

POLITICS

E. Safronova. East Asia as a Vector of the BRICS' Interests

Xīng Yuanyuan. On Some Aspects of Japan-China Relations and Their Development Prospect

ECONOMY

A. Vdovin. Funding of the Development Banks in China and Japan: Useful Experience for Russia

I. Danilin, M. Glotova. The Development of the Advanced Manufacturing Technologies in China: Goals, Results, Challenges (on the example of robotics)

A. Fedorovsky. Inflation in the Context of Restructuring the South Korean Economy

T. Mozol. Background and Current Issues of the Samsung Group Transition to the Holding Structure

ENVIRONMENT

E. Kranina. The 13th Five-Year Plan of China: Turning to a "Green Economy"

STATE AND SOCIETY

N. Anisimtsev. Trademark Law in China and the Regulatory Role of the State

MILITARY BUILD-UP

V. Nelidov. Military Policy of Japan at the Present Stage: Motivation, Challenges, Perspectives

THEORY AND METHODOLOGY

M. Petrova. The Theoretical Principles of Moral Realism (The Sum-up of Chapter I from the Monograph "Shift of the World Power" by Yan Xuetong)

V. Petrovsky. Morality and Realism in International Relations: View from China

HISTORY

A. Lomanov. Zhang Weici's Publications about Russian Policy during "New Culture Movement"

N. Mamaeva. The Soviet Union in the Policy of Sun Yat-sen (Some Aspects)

E. Shiryaeva. Japanese Prisoners of War in NKVD Camp No. 48

M. Soloshcheva. On the Role of Panchen Lama Institution in Internal Politics of the Qing Empire

CULTURE

A. Ipatova. Cao Jinghua: Translator, Writer, Educator and Public Figure. To the 120th Anniversary (1897–1987)

E. Senina. The Image of Russia and Russians in the “Travel Notes about New Russia” by Qu Qiubo

SCIENTIFIC EVENTS

N. Demido. Scientific Conference in the Center for Political Studies and Forecasts of the IFES RAS

E. Kranina. Scientific Conference in the Center for China Social and Economic Research of the IFES RAS

BOOK REVIEW

A. Vinogradov. New Trends and Challenges of China’s Foreign Policy

V. Portyakov. China’s Core Executive Leadership: Styles, Structures and Processes under Xi Jinping

S. Gorbunova. I. Sotnikova. The Chinese Sector of the Comintern: Organizational Structure, Personnel and Financial Policies

Contents

Summary

Summary

E. Safronova. East Asia as a Vector of the BRICS' Interests

The article deals with interests of BRICS countries in East Asia individually and collectively. The author analyzes differences in their aspirations as individual subjects of international relations and in the context of the interests of BRICS as a coherent international association.

Keywords: BRICS, China, Russia, East Asia, interests.

Xing Yuanyuan. On Some Aspects of Japan-China Relations and Their Development Prospect

The article analyzes the reasons for deterioration of Sino-Japanese relations in the last decade. According to the author, the main one was the psychological unwillingness of Japan to accommodate with the rapid rise of China that produced stable and negative perception of Beijing as a rival for leadership in Asia. The author proposes to approach bilateral relations "from a strategic perspective" for the sake of their stability, suggests to make mutual concessions and to work in order to establish crisis management mechanisms to prevent the dangerous escalation of conflicts in different spheres.

Keywords: Japan, China, bilateral relations, ways of improvement.

A. Vdovin. Funding of the Development Banks in China and Japan: Useful Experience for Russia

In this article author analyses the structure and instruments of funding used by the Chinese and Japanese development banks. It's shown that development banks of both Asian countries use similar funding models, which have a number of common features. Most important of these features is the usage of the middle-term local currency bonds as a major funding instrument, the role of foreign sources of funding as well as the role of the direct government financing are minor. The analysis of the "Asian" funding model showed that its implication brings a number of advantages both for the development banks and for the State.

Based on the comparison of funding models of the Asian Development Banks and Russian VEB, the author proposes a number of ways to improve the funding of the Russian bank.

Keywords: China, Japan, banks, finance, funding, China Development Bank, Development Bank of Japan, China Export and Import Bank, VEB, bonds.

I. Danilin, M. Glotova. The Development of the Advanced Manufacturing Technologies in China: Goals, Results, Challenges (on the example of robotics)

The slowdown in economic growth has set to China tasks on complex technical and technological modernization of production, including the introduction of automation systems and industrial robots. The article attempts to analyze the prospects and effectiveness of current policy and its long-term consequences, including socio-economic changes based on the breakthrough potential of robotics.

Keywords: advanced manufacturing technologies, science and technology policy of China, innovation development, socio-economic development.

A. Fedorovsky. Inflation in the Context of Restructuring the South Korean Economy

The article analyses the policy of inflation control in the conditions of formation and development of modern market economy in the Republic of Korea. The characteristics of the

experience of inflation targeting, evaluation of the likelihood of deflation in the South Korean economy are given.

Keywords: Republic of Korea, inflation, inflation targeting, deflation, economic growth.

T. Mozol. Background and Current Issues of the Samsung Group Transition to the Holding Structure

The present study aims to describe the actual aspects of Korean chaebol's transformation process into holding companies. That base will enable in future to guarantee a clear and comprehensive set of rules of government regulation and effective control over the Korean holding companies.

Keywords: Korean chaebols, Samsung Group, financial industrial group, transformation into holding company, legislation of the Republic of Korea, financial mega-regulator, financial holding company.

E. Kranina. The 13th Five-Year Plan of China: Turning to a "Green Economy"

China has embarked on fundamental solution to environmental problems with an emphasis on ensuring a balance between economic development and environmental protection, on the reform of legal system in the field of ecology, introduction of "green" technologies in a massive transfer of industry from eastern to western areas of the country, combined with concern about the environment of the host areas.

Keywords: ecology, environment, crisis situation, the "green reform"; the 13th Five-Year Plan, the New Silk road.

N. Anisimtsev. Trademark Law in China and the Regulatory Role of the State

The article presents main historical stages of trademark laws development in China, as one of the most important areas of intellectual property protection. The author comes to the conclusion that the actual implementation of exclusive rights of trademarks inevitably needs a significant state interference and regulatory role in economic field.

Keywords: trademark laws, intellectual property rights, modernization of the PRC, trademark law of the PRC, World Intellectual Property Organization.

V. Nelidov. Military Policy of Japan at the Present Stage: Motivation, Challenges, Perspectives

The article analyzes the motivation and goals of Japan's present military policy, as well as practical measures taken by the country's leadership to achieve these goals. It is emphasized that at the regional level the military policy of Japan aims at responding to the challenges emanating from the DPRK and China. The author suggests that Japan will continue the gradual shift from post-war pacifism, building the capacity of Self-Defense Forces with the support from the United States.

Keywords: Japan, military policy, defense, national security, Self-Defense Forces of Japan, DPRK, China.

A. Lomanov. Zhang Weici's Publications about Russian Policy during "New Culture Movement"

Upon the example of views of Chinese politologist Zhang Weici (1890–1976) the evolution of attitude to Russia among the representatives of pro-Western group in the New Culture Movement is analyzed. Zhang Weici's interpretation of Soviet legislation in 1919 is studied on the basis of original sources. His support to political experimenting for the sake of achieving social justice is revealed. Scholar's position during the 1925 discussion about Russia that was based on interpreting the New Economic Policy as the evidence of failure of communist experiment is brought to light. Zhang Weici's greater attention to the role of middle class as the source of social stability is underlined.

Keywords: China, socialist ideology, Soviet legislation, discussion on "hostility to Russia and friendship with Russia", New Economic Policy, middle class.

N. Mamaeva. The Soviet Union in the Policy of Sun Yat-sen (Some Aspects)

The article presents a historical analysis of the first stage of Russian-Chinese rapprochement during the rise of the national-democratic movement in the 1920th and the Soviet influence on the political process in China. It shows the friendly stance to the Soviet Union of Sun Yat-sen, leader of Kuomintang, a revolutionary Democrat and a political figure. This stance remained a stable factor in his political views.

Keywords: Sun Yat-sen, Lenin, the Russian Communist Party (b), the KMT, the Communist Party of China, cooperation.

E. Shiryaeva. Japanese Prisoners of War in NKVD Camp No. 48

The article is devoted to the prisoners of war from Japanese Kwantung army in Soviet captivity. Based on eyewitness testimony it presents the everyday life of Japanese POW in camp No. 48, describes the camp complex, its history and modern look. The author tells about the fate of some Japanese POW and repatriation to their homeland.

Keywords: the Kwantung army, unit No. 731, Yamada Otozo, Japanese prisoners of war, camp No. 48, repatriation.

M. Soloshcheva. On the Role of Panchen Lama Institution in Internal Politics of the Qing Empire

The article examines the role of the Panchen Lama institution in the internal policy of the Qing Empire (1644–1912). Manchu rulers expressed equal respect to the authority of both Dalai Lama and Panchen Lama throughout the period of their reign. The reason for that was considerable religious and even political influence of the Lamas on the vast territories, where Tibetan Buddhism was spread. Stable affirmative relationship with Buddhist hierarchs allowed the Qing court to rely on them when conducting its policies in this significant geocultural area.

Keywords: Panchen Lama, Qing Empire, Tibet, Dalai Lama, Gelug, Tibetan Buddhism.

A. Ipatova. Cao Jinghua: Translator, Writer, Educator and Public Figure. To the 120th Anniversary (1897–1987)

"A teacher of the whole generation" — such is the high assessment given in the PRC to the contribution, made by Cao Jinghua — one of the first translators and promoters of the Russian classical and Soviet literature — to the idea-based upbringing education of the Chinese youth in the years of revolutions, wars and construction of the new China. Our country acknowledged Cao Jinghua's activities by the high government award — International Friendship decoration and the title of the Honorary Doctor of the Leningrad State University. The article is based on the archive documents of the All-Union Association of Cultural Ties with Abroad and the author's personal memories.

Keywords: Cao Jinghua, Gao Mang, Lu Xin, A.S. Panyushkin, S. L. Tikhvinskiy, Cao Suling, Zhou Enlai, Peking University, Chongqing.

E. Senina. The Image of Russia and Russians in the "Travel Notes about New Russia" by Qu Qiubo

The article analyzes the image of Russia and Russians in one of the first new works of Chinese literature about Russia. Great attention is paid to the consideration of Chinese socio-cultural stereotypes and attitudes towards Russians and their basic national psychological characteristics.

Keywords: images of Russia and Russians, Chinese literature, Harbin, ethno-cultural stereotypes.

Дмитрий Николаевич Воскресенский
09.09.1926 – 26.07.2017

Д.Н. Воскресенский — выдающийся российский востоковед, китаист, доцент кафедры китайской филологии ИСАА МГУ, профессор Литературного института им. М. Горького, заслуженный работник высшего профессионального образования, член Союза писателей России. Дмитрий Николаевич посвятил себя исследованию проблем средневековой и современной китайской литературы. Он был признанным мастером художественного перевода китайской прозы. За свою плодотворную и активную научную жизнь Д.Н. Воскресенский выпустил более 120 работ, среди которых переводы крупнейших памятников, в том числе «Неофициальная история конфуцианства» У Цзинцзы, произведения Ли Юя, Лао Шэ, Ван Мэна и др.

Его путь в синологию начался в 1945 г. с поступления на китайское отделение Военного института иностранных языков. Среди учителей Д.Н. Воскресенского были соавтор Большого китайско-русского словаря И.М. Ошанин, академик В.М. Алексеев, известный переводчик китайской поэзии Л.З. Эйдлин; профессор В.С. Колоколов и др.

На кафедре китайской филологии ИСАА Д.Н. Воскресенский вел научно-исследовательские семинары по спецфилологии — истории создания и устройства китайских словарей и специфике официального, эпистолярного, бытового стилей в китайском языке; создал целый ряд авторских филологических программ «Китайская литература вне континентального Китая: Тайвань, Сингапур и Малайзия», «История китайской литературы со средневековья до современности IV—XX вв.», «Жанры и стили в китайской литературе» и др.

Дмитрий Николаевич глубоко понимал и любил Китай. 10 декабря 2015 г. он получил премию Посольства КНР в РФ за выдающийся вклад в изучение китайской литературы в России, за активную исследовательскую, переводческую и преподавательскую деятельность и огромный вклад в углубление российско-китайских отношений. В сентябре 2016 г. ректор МГУ В.А. Садовничий вручил ему премию за многолетнюю и плодотворную работу, а в октябре Д.Н. Воскресенский как хранитель академических традиций отечественного востоковедения был награжден медалью «60 лет ИСАА».

Дмитрий Николаевич преподавал на кафедре китайской филологии всю жизнь и воспитал не одно поколение китаистов, многие из которых занимаются исследовательской, преподавательской и переводческой деятельностью в России и за рубежом, продолжая дело своего Учителя. Светлая память о нем навсегда сохранится в сердцах его учеников, всех, кто знал и уважал этого замечательного педагога и ученого.

*Руководство и коллектив ИДВ РАН, редколлегия и редакция
журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
<http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с требованиями Министерства образования и науки РФ все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Журнал выпускается ФГУП «Издательство «Наука» (<http://www.naukaran.com>)

В соответствии с издательскими требованиями авторы должны вместе с текстом статьи присылать в редакцию заполненный «Договор на передачу исключительного права на научную статью» (для журналов, издающихся на русском и английском языках). Бланк договора можно скачать на сайте ФГУП «Издательство «Наука» в разделе «Типовые авторские договоры».

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

Подписано к печати 31.07.2017 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 5,9 тыс. Уч.-изд. л. 14,6. Бум. л. 6,0.
Тираж 375 экз. Зак. 1261. Цена свободная.

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2017 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука») 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Общие требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи: статьи, переводы, документальные источники, обзоры, рецензии и др.

Материалы должны соответствовать тематике журнала (вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики Китая, Японии, государств Корейского полуострова, других стран АТР, а также российского Дальнего Востока); отражать собственный вклад автора в разработку научной проблемы; обладать актуальностью и научной новизной; соответствовать принятым в журнале техническим требованиям по оформлению рукописей.

Требования к оформлению материалов

1. Рукописи принимаются в электронном виде в формате doc (Word 1997–2003).
2. Объем статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).
3. Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языках с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
4. Статья должна иметь список ключевых слов (не более восьми) на русском и английском языках.
5. К статье должны быть приложены сведения об авторе с указанием ФИО, ученой степени, месте работы, должности и контактных данных, включая номер телефона и/или адрес электронной почты.
6. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
7. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
8. Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.
9. Сноски даются в конце статьи.

Оформление сносок

Книги:

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги: [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи:

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернета
Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.